

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

6
2012
Том II

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 6 (41) / 2012

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Ответственный редактор: Шульга Олеся Анатольевна

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»

127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Любчак В.П.**
Исследование менталитета: двухуровневая структура 211
- Сарумов А.А.**
Философский взгляд на «теоретико-множественную» математику 215

ФИЛОЛОГИЯ

- Александров И.Н.**
М.М. Пришвин и В.В. Розанов: диалог о православии 221
- Ахмедли Н.А.**
«Мы слишком увлеклись западом, неумолимо отдаляемся от востока...» 224
- Ашырнепесов В.А.**
Дипломатические термины, использованные в истории туркмен 227
- Бабушкина Е.С.**
К проблеме изменения звуковых характеристик слов китайского языка в потоке речи 229
- Бекбалаева Ч.А.**
Кинемы-жесты в английском и кыргызском языковых обществах 232
- Богомолова Н.В.**
Степень освоенности иностранной лексики в произведениях В.И. Даля 235
- Бондаренко Н.Г.**
Видоизмененная пословица как текстообразующее средство анекдота 237
- Василевская Н.А.**
«Кочующие мотивы» в героической повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» и поэме «Мертвые души» 239

- Гаврилов Г.А.**
Информационная война и паблик рилейшнз .. 243
- Денисенко М.В.**
Сопоставительный анализ перевода на английский язык прилагательного «серый» в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя 245
- Жеребцова А.А.**
Использование эвфемизмов на уровне Евросоюза (на примере договоров ЕС) 248
- Зумбулидзе И.Г.**
Творчество Людмилы Петрушевской в контексте русского постмодернизма 250
- Иманжусупова С.У.**
Дискурс как основа социального взаимодействия 252
- Климентова Е.В.**
Вербальная суггестия и эмоция интереса 255
- Куликова Е.В.**
Герой в «каркасе» социума: урбанистическое пространство В. Маканина 258
- Мартьянов Е.Ю.**
Механизмы ввода героя-маски А.А. Блока в художественное произведение. Прямая и косвенная номинация 260
- Ноева С.Е.**
Архетип Мирового дерева в поэтике романов якутского писателя И.М. Гоголева 264
- Погорелова С.Д., Яковлева А.С.**
Аргументация как способ выражения основания оценки в структуре публичной политической речи (на примере политической речи П.А.Столыпина «Речь о крестьянской семейной собственности, произнесённая в Государственном совете 26 марта 1910 года») 266

Салимьянова И.В. Оценка пожилого человека в речевом жанре «одобрение»	269
Сизова Ю.О. Проблема номинации фразеологических концептов и их особенности (на материале произведений Р.Л. Стивенсона)	270
Сильченко А.И. Остатки гетероклитического склонения в древнегерманских названиях «солнца»	273
Тайебианпур Ф., Валипур А. Внутренняя и внешняя возможность как два класса модальности возможности	275
Федюнина Л. Омонимия и полисемия английских существительных на основе железнодорожной лексики	277
Халилова Г.А. Сравнительно-типологический анализ словообразовательных гнезд юридической терминологии в английском и узбекском языках.....	280
Хусейни С. Влияние русских поэтов на творчество Фарзоны Худжанди	281
Черниченко С.В. К вопросу о переводе прецедентных феноменов в публицистическом тексте.....	284
О.И. Shaykina. Information Technology in English Language Teaching. Podcasting in Higher Education	287
Шакирова Т.В. Определение понятий «естественное» и «искусственное» в качестве сопутствующих характеристик процесса номинации	289
Щербакова Н.В. К вопросу о переводе языковой игры в заголовках СМИ	292

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Аманмухаммедова Д.Т. Вопросы квалификации преступлений связанных с хулиганством	294
Артемьева Ю.А. Особенности апелляционного урегулирования налоговых споров	297
Иванов И.Н. Некоторые вопросы поступления на государственную службу в таможенных органах.....	301

Лебедева М.А. Правовое регулирование административного процесса по привлечению лиц к ответственности за нарушения таможенных правил.....	304
Летуа Т.В. Роль гражданского права в обеспечении инновационного развития России	306
Наруцкая Н.В. Историко-правовой анализ несемейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей	310
Первухин А.С. Система информационного обеспечения территориальных органов министерства внутренних дел России: основы формирования и развития	315
Тресков А.П. Законодательная политика государства в сфере формирования гражданского общества в России	320

ПОЛИТОЛОГИЯ

Короткова М.Н. Популистские альтернативы «Конца истории» Ф. Фукуямы: идеология будущего	324
Раджабов Д.Х. Политические процессы в пограничном пространстве Республики Таджикистан	326
Ревякина М.А. Влияние политического фактора на пограничную политику России в регионах Сибири и Дальнего Востока.....	328
Уманец О.Н. Проблемы реформирования политической системы КНР: прогнозы и перспективы	332

ИСТОРИЯ

Агаев Ф.А. Взаимоотношения молукан-«прыгунов» с царской администрацией в Северном Азербайджане во второй половине XIX века ..	335
Семендяев Ф.И. Учреждение на Руси праздника перенесения мощей Николая Чудотворца в трудах представителей зарубежной историографии	338
Татарникова М.Р. Подготовка кадров для сельского хозяйства в период освоения целинных и залежных земель в Иркутской области в 1950–1970-х гг.	341

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Алексеева Е.П.

Социально-экономическое содержание категории
«капитал»..... 344

Рабовалюк Л.Н.

Методика исследования мотивов сохранения
беременности (МИМСБ)..... 350

Хлебодарова О.Б.

Общая характеристика ценностей человека, их
роль и место в структуре личности 357

ФИЛОСОФИЯ

Исследование менталитета: двухуровневая структура

Любчак Вера Петровна, кандидат философских наук, доцент
Новосибирский государственный аграрный университет

Конец прошлого века и начало нынешнего характеризуется многосторонней трансформацией мировой системы. Эта трансформация затронула все традиционные сферы. На рубеже веков мы стали свидетелями реструктуризации мира. Пришло осознание общности проблем, взаимозависимости и взаимосвязанности народов, стран, структур, институтов, каждого человека. Мир стал восприниматься как единый. Глобальность нашла отражение во всех сферах общественной жизни: социально-экономической, политической, военно-политической, морально-этической.

Современный глобальный мир — это, прежде всего, мир трансформаций. Но это мир трансформаций в ландшафте привычных форм, казавшихся простыми и естественными, но которые как раз в столкновении с надвигающимися изменениями обнаруживают неожиданную сложность, непредвиденную упорность, недоступную ранее свыкшемуся с ними взгляду яркость и рельефность.

Именно менталитет оказывается стабилизирующим фактором культурной идентичности, находя продолжение в таких относительно устойчивых факторах развития культуры, как язык, национальный характер, укоренившиеся традиции. Но одновременно менталитет оказывается и фактором оригинального развития культур — лежит в основе их уникальных ценностей. Природа менталитета — это важная и сложная проблема современной философии культуры, сами подходы к рассмотрению которой носят дискуссионный характер [3, с. 26–43].

Неоднозначность и дискуссионность природы менталитета во многом связаны с тем, что в нем взаимодействует множество факторов различного уровня.

Целью данной статьи является рассмотрение менталитета в новом ракурсе, используя методологический прием двухуровневой структуризации менталитета.

Под менталитетом, в данном исследовании, будем понимать сложное сочетание разных факторов, одни из которых представляются более устойчивыми, их можно отождествлять с подсознательно закрепленными привычками мыслить и действовать определенным образом, а другие более изменчивые, отождествляемые с осознанными

идеями и принципами культуры [Подробнее, 4]. В первую группу факторов вписан первоначальный опыт осмысления культуры, который сейчас проявляется в нерелексивной форме, действует автоматически. Эти факторы обозначены как фундаментальное основание менталитета. В рамках культуры оно (фундаментальное основание) обладает большой исторической длительностью и устойчивостью относительно изменений общественно-политической и культурной жизни. Вторая группа факторов менталитета включает в себя опыт культуры в модусе его активного осознания, его переоценку при столкновении с определенной ситуацией социальной действительности и осознание этого опыта как значимого, ценности и стереотипы обращения к здравому смыслу, своего рода ситуативную поведенческую рациональность. Данный тип факторов обозначен как социоситуативный. Он более изменчив под воздействием культурно-исторических фактов.

Фундаментальное основание представляет ту часть сознания, которая наиболее устойчива к изменениям. Это связано с тем, что его основы формируются на ранних этапах развития современных наций. Решающими факторами здесь представлены географические, климатические, религиозные, культурно-исторические и т.п. Следовательно, динамика социальной, политической и экономической жизни будет вторичным фактором, и по-разному отражаться в поведении тех или иных народов. Однако непосредственное наблюдение в реальной жизни компонентов этого основания связано со значительными трудностями. Все они — преимущественно подсознательные категории, и их вербализация зачастую затруднена.

Для выявления фундаментального основания менталитета в рамках культуры определенного общества необходимо обратиться ко времени его формирования, когда закладывались те основы культурного опыта, которые позже стали подсознательными, действующими автоматически [7]. Уже с этого момента наблюдаются различия в придании определенного смысла объектам физической и социокультурной реальности. На данном этапе происходит определение ключевых ценностей и идей, которые легли в основу той или иной культуры. Различный склад

формирования смысла определил набор ценностей, что можно считать фундаментом всякой культуры.

Со временем это привело к формированию качественно различных культурных типов, что определило доминанты того или иного типа ментальности. Подобный качественный анализ культурных типов на основании определяющих ценностей можно найти в типологии культурных систем П. Сорокина [8], который подкрепляет свои выводы огромными массивами исторических данных о динамике философских и научных доктрин, изобретений, о характере произведений искусства и т.д. в различные исторические эпохи.

Социоситуативный уровень включает в себя опыт культуры в модусе его активного осознания, его переоценку при столкновении с определенной ситуацией социальной действительности и осознание этого опыта как значимого, а также ценности и стереотипы обращения к здравому смыслу, своего рода ситуативную поведенческую рациональность. Несмотря на устойчивость ментальных структур во времени, кардинальные перемены в жизни общества накладывают отпечаток на мировосприятие. Это происходит в период исторических переломов, когда гражданин оказывается перед лицом новых, резко изменившихся условий, меняются привычные стереотипы поведения, складывается новый стиль жизни, изменяются жизненные установки людей, их ценности. Таким образом, определенные события находят отклик в сознании и становятся частью ментальной матрицы, накладываясь на существующий фундамент. Это также находит отражение в таких явлениях как мода, общественное мнение, и, в дальнейшем, влияет на поведение граждан.

В зависимости от культурно-исторического развития различных обществ более определяющим в поведении людей оказывается тот или иной уровень. Сравнительный анализ менталитетов граждан России и США [3, с. 67–100] показывает разное соотношение фундаментальных и социоситуативных факторов в структуре менталитета этих двух государств, что находит свое проявление в разном стиле поведения и в разном отношении людей к жизненно важным общественным ситуациям.

Специфика российского менталитета определяется его фундаментальным основанием [5].

В фундаментальных свойствах российского менталитета отражены особенности идеационального типа культуры [8, с. 430], на первый план выходит принцип абсолютных, неизменных духовных ценностей, идейный комплекс, определяющий основной жизненный смысл в высшем начале, в Боге и, как следствие, в другом человеке.

Большинство населения стремится и считает необходимым ориентироваться на традиционно российские ценности, образ жизни, нежели на западные или советские [6]. При этом, в качестве наиболее устойчивых и типичных ценностных доминант, которые составляют ядро российской национально-культурной ментальности, представляются такие как: «низкая значимость факторов ма-

териального благополучия и устремленность в идеальную, духовную сферу, неуверенность в настоящем и обращенность в прошлое или будущее, доминирование социальных ориентаций над индивидуально-личностными, этатированность сознания, недифференцированное, духовно-целостное отношение к жизни, миру» [6, с. 34].

Подобные ценностные доминанты определяют следующие ментальные характеристики [Подробно об этом см 3, с. 72–84].

– Русский человек не живет сегодняшним днем, он ориентируется на лучшее в своем культурно-историческом опыте. «Русский человек в массе своей ориентирован на прошлое, изредка на будущее и почти никогда — на настоящее... мотив смыслообразующей другодоминантности, нацеленности на включенность во всеобщее («глобальное»), превышающее по своему значению фокусировку сознания на частностях и сиюминутностях повседневности; ... аспект традиционализма — нерушимости образца (при чем мыслимого не только и, добавим, не столько как прошлое, но и как будущее — идеальное грядущее, могущее появиться чудесно-мистически» [2, с. 51]. Акцент в настоящем делается на том, что позволяет связать его с прошлым. Прошлое тем самым как бы продлевается в настоящее, а последнее ощущается как единое «прошлое-настоящее». Так отчасти замедляется, приостанавливается бег времени. В относительно спокойные периоды русской жизни разные «прошлые-настоящие» как бы наслаиваются друг на друга.

– Пренебрежение временем, обращение с ним в силу упорядочивающего действительность характера мифа («отложим на завтра»), что лежит в основе принципа такого типа восприятия: «Хочешь жить — не лезь на рожон». Это ведет к существенному снижению значимости роли индивида в определении своего будущего («плыть по течению», «что будет, то будет»), веры в собственные силы, в способность влиять на социум. Принцип: «Будет хорошо всем — будет хорошо и нам» воплощается в главном смысле жизни — не личное, а общественное благо, индивидуалистическая мотивация выступает как низшая по сравнению с общественной, как высшей. Эта характеристика соответствует логике смыслообразования другодоминантного культурно-смыслового типа, «при котором собственно рациональное сознание не отвергается, но отодвигается в качестве ценности низшего порядка, уступая место мистическому призванию и эстетическому чуду» [2, с. 62].

– «Погружение» в группу, восприятие времени как «замедленного» (осознание долгосрочной перспективы событий: «так было и будет всегда») формирует представление: «еще успею». Деятельность носит спонтанный характер, в основном полагаясь на везение, которое не зависит от самого человека, а от мистически представляемой фигурой Судьбы и характеризуется принципом: «Инициатива наказуема». Такое отношение коррелирует с всеобщей пассивностью — русские ожидают, что все сделают за них власти.

— Расширенное восприятие пространства в культурно-историческом опыте способствовало формированию такой особенности российского менталитета, как, так называемая, незавершенность русской души, ее устремленность в бесконечность. Под этой характеристикой понимается готовность русского человека не стоять на месте, а осваивать все новые и новые горизонты, новые территории, расширять границы своего взаимодействия с дружественными народами. Это нашло отражение в такой специфической русской черте, как «широта» русской души, которая своей помощью и заботой готова охватить очень многих, что характерно для подобного культурно-смыслового типа с духовной доминантой. На первый план выходит ориентация не на «я», а на «мы», что включает в себя служение высшему началу, которое легче усмотреть в благе другого человека и, особенно, в благе всех, а не в своей выгоде. Подобное расширенное понимание «мы» также включает в себя — принятие и культивирование особой «мессианской роли России», как последнего христианского царства (идея «Москва — третий Рим»), которое призвано распространить глубокую духовность христианского народа, сохранившуюся в рамках российской культуры, на сопредельные народы и государства. Различные стороны этой идеи находят отражение в исследованиях русского национального характера в работах Н. Бердяева, В. Соловьева, Н. Лосского, Г. Флоровского, С. Франка и многих других [3, с. 68—84]. Учитывая большое значение идеи справедливости, отмечается, что расширенное понимание «мы» всегда происходило в контексте этой идеи, и часто подразумевало защиту не только своих интересов, но и интересов всех несправедливо обделенных, обиженных [3, с. 81].

В менталитете граждан США, сущность которого отражает специфику культуры чувственного типа с рациональной доминантой [2, с. 430], прослеживается другое сочетание фундаментального и социоситуативного факторов. Здесь социоситуативное основание проявляется более ярко. В подтверждение данному положению обратимся к фундаментальному исследованию истоков американского общества А. Токвиля [9]. Оно помогает увидеть совершенно другое, чем в России отношение к традициям, как к полезному уроку, что демонстрируется фактом разрыва американских традиций с традициями европейского континента. В первую очередь это было связано с попыткой религиозной революции представителей пуританского движения, основные идеи которых не получили широкой поддержки на европейском континенте. Поэтому, переселившись на американский континент, сторонники пуританского движения основательно закрепили принцип, касающийся значимости личных, индивидуальных взаимоотношений с Богом, минуя посредников, что было характерно для католицизма в Европе. Успех личного труда в ту эпоху служил единственным доказательством богоугодного поведения человека. В описании А. Токвилем принципа независимости первых американских общин становится достаточно очевидным, что человек подчиня-

ется обществу лишь потому, что видит в этом пользу для себя. Пуританская этика заложила основы американских традиций индивидуализма, стремления к увеличению материального достатка, культа права и закона, делая значительный акцент на строгое соблюдение личных прав человека.

Подтверждение подобному содержанию американских черт характера, которые отражены в пуританской этике, находим в работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [1]. В ходе движения истории под воздействием различных социокультурных факторов принципы пуританской этики потеряли свой изначальный смысл. Внутренний ориентир на честность в делах, совесть — сменился внешним ориентиром на успех, общественное мнение, моду. Эти качества получили развитие и закрепление в таких принципах американского менталитета как: индивидуализм, уважение личности, свобода самореализации, стремление к личной выгоде, расчетливость, прагматизм, предоставление полноценной возможности реализации и беспристрастной защиты человеком своих прав и свобод. Данные особенности ментальности служат характерным отражением рационалистического, индивидуалистического культурно-смыслового типа. «Это именно рациональный — правовой, политический, прагматический индивидуализм, индивидуализм знания и техники, который открывает субъективному «я» смысловой код доминирования над окружающим другим. Его доминирует над всем другим как смысловой центр доминирует над смысловой периферией, превращая ее в серию своих значений, в свой предмет. Вся основная нацеленность культурного преобразования цивилизации Запада — это нацеленность на рациональное упорядочение природного, витального и социального многообразия, на смысловое подчинение мира самоидентичному ego. Право — право человека-индивида — довлеет здесь над солидарностью, состраданием, любовью и подчинением как принципом верховенства целого — другого — над частичным — *моим*. Возможно лишь подчинение закону — безличному рациональному принципу, позволяющему координировать взаимодействие «малых», эгоцентрических смысловых миров» [2, с. 31]. Это нашло отражение и в отношении американцев ко времени. Использование принципов американской деловой этики помогает конкретизировать особенности этого отношения. Для американской ментальности характерно «ускорение времени»: одержимая озабоченность течением времени, прохождением событий, недостатком времени, что отражается формулой «время — деньги». Это ярко проявляется в принципе «Хочешь жить — умей вертеться» («нужно успеть сделать как можно больше»), что повышает значимость роли индивида в определении собственной судьбы, его веру в собственные силы. Восприятие времени и событий как быстротечных определяют тот факт, что значением «важности» наделяется лишь ближайшее время вплоть до сиюминутности. Привыкание к неопределенности будущего, «созданию последнего собственными руками» ведет к пра-

гматическому взгляду на мир, признанию необходимым качеством индивида активность.

Итак, выявляя диалектику взаимодействия структурных уровней и роль социоситуативных факторов на примере американского менталитета, приходим к следующим выводам. В данном случае в современной американской ментальности очень сложно обнаружить проявления фундаментального основания менталитета, сформированного в архаическую эпоху в Великобритании. На основу современной ментальной матрицы существенное влияние оказывает социоситуативный компонент, существовавший формированию вторичного уровня традиций, имеющих значительный разрыв с исходными, первоначальными установками. В основании американской ментальности явно прослеживаются религиозные корни, и в то же время — свобода от политических традиций, предрассудков. Однако, и эти вторичные традиции, с течением времени, сохраняя внешние формы, претерпели существенные изменения своего содержания, ориентируясь на изменения, происходящие в американском обществе.

Таким образом, анализ структурно-функционального взаимодействия компонентов российского и американского менталитета, показал следующее. В российском

менталитете, в котором прослеживается специфика культуры идеационального типа, существенную роль играют факторы фундаментального уровня. Поэтому, для понимания отношения российских граждан к тому или иному общественно значимому событию, очень важно обратиться к основам формирования данной ментальной матрицы.

Менталитет граждан США показывает другое структурно-функциональное соотношение фундаментального и социоситуативного компонентов в нем, а именно значительную роль ситуативно-поведенческой рациональности.

Применение двухуровневой структуры менталитета на двух примерах является показателем действенности данного методологического приема.

Таким образом, рассмотренный в данной статье методологический прием углубленного рассмотрения менталитета через его двухуровневую структуру, может быть достаточно эффективно использован при исследовании ментальностей различных типов. Рассмотрение менталитета через двухуровневую структуру может способствовать углубленному пониманию разного отношения к общественно значимым событиям и явлениям носителей того или иного типа ментальности.

Литература:

1. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Росспэн, 2006. 648 с.
2. Ланкин В.Г. Смысловый космос России: Координаты устойчивости и перспективы развития культуры. Томск, 2010. 145 с.
3. Любчак В.П. Война и мир в российском менталитете. Saarbrucken, Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. 2011. 142 с.
4. Любчак В.П. К вопросу о структуре менталитета, значимой для понимания отношения к вопросам войны и мира // Исследования мира и миротворческий дискурс в системе образования: материалы III международной конференции. Томск, 23–25 сентября 2008 г. — Томск Дельтаплан, 2008. — С. 129–133.
5. Любчак В.П. Фундаментальное основание российского менталитета: отношение к войне и миру // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — Вып. 5 (95), сентябрь. — С. 22–26.
6. Рывкина Р.В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социс. 2001. № 4. С. 32–39.
7. Сорокин П.А. Моя философия — интегрализм // СОЦИС, 1992, №10, с. 134–139.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество.: пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 544 с.
9. Токвиль А. Демократия в Америке / А. Токвиль. М. Прогресс. 1994. 560 с.

Философский взгляд на «теоретико-множественную» математику

Сарумов Алексей Андреевич, преподаватель, аспирант
Дальневосточный федеральный университет (филиал в г. Уссурийск)

Теоретико-множественное видение мира начало набирать обороты с развитием теории множеств и с попытками охватить ей не только математику ради внутренних проблем самой математики, но и другие сферы науки в целом. Это казалось вполне возможным, ведь, как говорится, плоха та наука, которая не использует методы математики. Значит, поскольку математика имеет место в естествознании и в жизни общества в целом, мы можем в этой статье попытаться окинуть философским взглядом некоторые области современной науки с позиции теоретико-множественных оснований математики.

Ключевые слова: Математика, философия, естествознание, теория массового обслуживания, теория надежности, философия теоретико-множественного подхода в науке.

Philosophical look at «theoretic-sets mathematics»

Sarumov Alexey Andreevich, postgraduate student
Pedagogic school, Far East Federal University

The Theoretic-plural vision of the world beginning started to grow with development theory of sets and with attempt to cover by means of this theory not only mathematics for the sake of internal problems of mathematics, but also other areas of a science as a whole. It seemed possible; after all, as it is spoken, «if the science doesn't use methods of mathematics, this science is bad». Thus as the mathematics takes place in natural sciences and in society life as a whole, we can in this article to try to look from the philosophical point of view of some areas of a modern science from a position of the theoretic-plural bases of mathematics.

Keywords: Mathematics, philosophy, natural sciences, the theory of mass service, reliability theory, philosophy of a theoretic-plural approach in a science.

После долгих блужданий, казалось бы, удалось привести всю математику в порядок. То, что раньше просто принимали на веру, благодаря положительным опытным результатам, теперь стало строго доказано с помощью законов логики; то, что раньше было неявным, стало обосновано конкретными понятиями, терминами. Но, как сказал Фреге, едва достроили здание, как фундамент рухнул. С развитием науки, с техническим прогрессом, в научном мире всё больше и больше стали ходить разговоры об утрате лидирующего положения математики, использующейся как инструмент естествознания. Однако мы понимаем, что другого инструмента у нас нет. Этот факт порождал многочисленные споры ученых, пытающихся защитить и опровергнуть математику ещё на её основаниях.

Предлагаю всем задуматься о том, что мы имеем на сегодняшний день. Континуум гипотеза, которая ещё недавно находилась в подвешенном состоянии, ведь как сказали Гедель и Коэн, средствами аксиоматической теории её невозможно ни доказать ни опровергнуть, была доказана. Не уходя далеко — теорема Ферма, считавшаяся великой. Ферма доказал её, как считалось. Писал на полях книги, будучи угнетенным тем фактом, что слишком мало места. Но откуда нам знать, много кто, и много где вводит людей в заблуждение. Теорема была доказана, возможно компьютером, но это уже не имеет значение, особенно после того как доказательство теорем математики ме-

тодами искусственного интеллекта стало популярным. Какую мысль я хотел передать? Предположите, что всё недоказанное на сегодняшний день, все парадоксы и ошибки это не что иное, как наша вина. Есть старый философский взгляд на такие вещи — «всё, что бессмысленно — невозможно». Что мы можем понимать под «бессмысленным»? Может то, что ещё не сумели доказать? Ведь ещё совсем недавно люди бессмысленным и, следовательно, невозможным считали интернет и мобильные телефоны. На сегодняшний день мы привыкли к этому, не придаем этому значение. Никто не поспорит с тем, что с появлением новых ответов на вопросы природы появляется намного больше новых вопросов, на которые у нас нет ответа, а они требуются. Что касается теоретико-множественных оснований, я предлагаю с множественной точки зрения рассмотреть сферу применения математики как внутри неё, так и в некоторых сферах науки использующих методы математики.

Элементарная, так называемая синтетическая, геометрия, или, как некоторые математики, например Гильберт и Кон-Фоссен, называли её наглядная геометрия, является одной из красивейших областей математики. Некоторые вопросы математики уже сами собой относятся к наглядной геометрии, например теория многогранников. Сюда же можно отнести всю геометрическую кристаллографию. При изучении других вопросов казалось, что геометрия при их решении не играет никакой роли. Тако-

выми, в частности, были некоторые важнейшие вопросы элементарной и алгебраической теории чисел, например, теория автоморфизмов квадратичных форм и теория приведения, теория алгебраических единиц и многое другое. Но еще в первой половине прошлого века Гаусс и Дирихле отмечали, что некоторые из этих вопросов, по существу, являются геометрическими. На рубеже XIX и XX веков Минковский и Вороной создали новую большую область — геометрию чисел, в которой многие трудные вопросы теории чисел решаются методами геометрии. Укажем следующий пример: долгое время теорема Дирихле об алгебраических единицах считалась одной из самых трудных теорем всей математики. А сейчас в геометрическом изложении она становится совсем наглядной. [4, с. 3]

Не смогли решить проблему алгеброй — решили геометрией, использующей точки, прямые и плоскости. Эти элементы имеют множественные снования, далее вступили в бой законы логики.

Когда человек, побуждаемый к самому непосредственному наблюдению природы, вступает в борьбу с ней, то сначала он испытывает чрезвычайно сильное желание подчинить себе предметы. Однако это продолжается недолго; предметы так властно теснят его, что он ясно начинает чувствовать, как много у него оснований признать их мощь и чтить их воздействие. Едва он убедится в этом взаимном влиянии, как замечает двоякую бесконечность: в предметах — многообразии бытия и становления и живо перекрещивающихся отношений, а в самом себе — возможность бесконечного совершенствования, выражающегося в том, что свою восприимчивость и свое суждение он постоянно приспособливает к новым формам восприятия и противодействия. Эти состояния доставляют высокое наслаждение и могли бы составить счастье всей жизни, если бы внутренние и внешние затруднения не создавали препятствий этому прекрасному движению к совершенству. Годы, ранее дарившие, начинают отнимать; приходится в меру своих возможностей удовлетворяться приобретенным, наслаждаться им в тиши, тем более, что искреннее, чистое, оживляющее участие извне встречается так редко. Сколь немногие способны воодушевляться тем, что, в сущности, доступно только духу! Ощущения, чувства, настроение владеют нами в гораздо большей мере, и это правильно: мы рождены для жизни, а не для созерцания. К сожалению, однако, и у тех, кто посвятил себя познанию, науке, редко можно встретить желаемое участие. Рассудочному человеку, подмечающему частности, точно наблюдающему, анализирующему образование и преобразование органических существ до известной степени в тягость то, что вытекает из идеи и ведет к ней обратно. В своем лабиринте он на свой лад чувствует себя как дома, без заботы о нити, которая скорее вывела бы из него; и такому человеку предназначенный для монеты металл, не могущий быть сосчитанным, кажется обременительным имуществом; напротив, тот, кто находится на более возвышенной точке зрения, легко прене-

брегает единичным, и все то, что живет лишь обособленно, он насильственно стаскивает вместе в мертвящую всеобщность. В этом конфликте мы находимся уже с давних пор. Немало за это время было создано, немало — разрушено [1, с. 9–10].

Когда мы рассматриваем предметы природы, особенно живые, таким образом, чтобы уразуметь взаимосвязь их сущности и деятельности, то нам кажется, что мы лучше всего достигнем такого познания путем разъединения частей; и действительно, этот путь может вести нас очень далеко. Что внесли химия и анатомия для понимания и обозрения природы — об этом друзьям науки достаточно напомнить лишь немногими словами. Однако эти разделяющие усилия, продолжаемые все дальше и дальше, имеют и свои недостатки. Живое, правда, разложено на элементы, но вновь составить его из таковых и оживить оказывается невозможным. Это относится даже ко многим неорганическим телам, не говоря уже об органических телах. Вот почему у людей науки во все времена обнаруживалось влечение познавать живые образования как таковые, схватывать внешние видимые, осязаемые части в их взаимосвязи, воспринимать их как проявления внутренней природы и таким образом путем созерцания овладевать целым. В какой мере эта научная потребность находится в близкой связи с художественным и подражательным влечением, нет, конечно, надобности излагать здесь подробно. В процессе развития искусства, знания и науки можно найти много попыток основать и разработать учение, которое мы склонны назвать морфологией. В сколь различных формах такие попытки проявляются, об этом будет речь в исторической части. Однако если мы будем рассматривать все формы, особенно органические, то найдем, что нигде нет ничего устойчивого, ничего покоящегося, законченного; что все, напротив, скорее зыблется в постоянном движении. Поэтому наш язык достаточно обоснованно употребляет слово «образование» как в отношении к чему-либо возникшему, так и в отношении к чему-то возникающему. Таким образом, если мы хотим дать введение в морфологию, то мы, собственно, не можем говорить о форме; а употребляя это слово, во всяком случае, должны иметь при этом в виду только идею, понятие или нечто, лишь на мгновение, схваченное в опыте. Все образовавшееся сейчас же снова преобразуется, и мы сами, если хотим достигнуть, хоть сколько-нибудь, живого созерцания природы, должны, следуя ее примеру, сохранять такую же подвижность и пластичность. Когда мы анатомическим путем разлагаем тело на части, а эти части снова разлагаем на части, то, в конце концов, мы приходим к таким началам, которые названы подобными частями. Не о них здесь речь; напротив, мы обращаем внимание на более высокий принцип организма, который выражаем следующим образом. Всякое живое существо не есть нечто единичное, а является известной множественностью. Даже в той мере, в какой оно нам кажется индивидуумом, оно все же остается собранием живых самостоятельных существ, которые по идее,

по существу одинаковы. В явлении же, однако, могут оказаться одинаковыми или похожими, неодинаковыми или непохожими, части существа частично являются уже первоначально соединенными, частично же они находят друг друга и соединяются. Они расходятся и снова ищут друг друга, осуществляя, таким образом, бесконечное созидание на все лады и во всех направлениях. Чем менее совершенно существо, тем более эти части одинаковы или похожи друг на друга, и тем более подобны целому. Чем совершеннее становится существо, тем менее похожими друг на друга становятся его части. В первом случае целое более или менее подобно частям, во втором целое не похоже на части. Чем больше части похожи друг на друга, тем меньше подчинены они друг другу. Соподчинение частей свидетельствует о более совершенном существе. Во всех общих высказываниях, как бы хорошо они ни были продуманы, всегда остается что-то непонятное для того, кто не может их применить, не может привести для них необходимые примеры [1, с. 11–13].

Условно такую ситуацию можно назвать «непорядком» или «беспорядком». Об этом на сегодняшний день известно много. Опять же, кто-то при столкновении с беспорядком останавливается, отвергая всё то, что привело его к нему, кто-то считает факт наличия беспорядка нормой и продолжает размышлять дальше. Ведь если в квартире беспорядок мы в силах исправить ситуацию, почему же нельзя предположить, что аналогичный порядок нельзя навести в математике? Может и нельзя, но может это возможно, мы не знаем, по крайней мере, не везде. Вернусь к идее о том, что невозможное на сегодняшний день можно считать «невозможным пока». Некоторые в беспорядке пытаются увидеть порядок, или даже увидеть красоту беспорядка. Также пытаются на беспорядок посмотреть с другой точки зрения и видят полный порядок. Подобная картина может наблюдаться много где.

К примеру, работа Бродбента и Хаммерсли, породившая теорию протекания, даёт понять, что данная теория необходима для понимания широчайшего круга явлений, в большей мере относящихся к физике и к химии. Наиболее разработанной областью применения теории протеканий в настоящее время являются электрические свойства неупорядоченных систем, таких, как аморфные полупроводники, кристаллические полупроводники с примесями или материала, представляющие собой смесь металла и диэлектрика. Явления, описанные теорией протекания, относятся к так называемым «критическим явлениям». Эти явления характеризуются «критической точкой», в которой определенные свойства системы резко меняются. Физика всех критических явлений своеобразна, но имеет общие черты, самая важная из которых состоит в том, что вблизи критической точки система как бы распадается на блоки с отличающимися свойствами, причем размер отдельных блоков неограниченно растет при приближении к критической точке. В некоторых явлениях вся конфигурация хаотически меняется со временем, в других меняется лишь при переходе от образца к образцу. Блоки

расположены беспорядочно, увидеть закономерность практически невозможно. Однако эта «геометрия беспорядка» обладает вполне определенными свойствами. Физические свойства всегда неразрывно связаны с геометрией, которая прослеживается в теории протеканий. [5, с. 2–3]

В геометрии должно быть всё так, как происходит в природе — это утверждение правильное, напротив, в природе должно быть так, как в геометрии — небрежное высказывание. В момент вступления геометрии в физику в геометрию вступают множественные основания математики, без этого тоже не обойтись.

Теоретико-множественные основания прослеживаются и в современных теориях, описывая что-либо, мы зачастую описываем множество, с целью отыскать что-то универсальное, способное не просто описать, а даже создать теорию. Создание конкретного алгоритма не представляет интереса, если его невозможно в дальнейшем обобщить, по меньшей мере, на похожие ситуации. Так же в самой математике, для того, чтобы что-либо доказать нужно доказать для всех случаев, а для опровержения достаточно лишь одного примера. В этом, собственно суть многих парадоксов, наличие противоречия, неразрешимого вопроса. И что-то одно, возможно даже незначительное, ставит под сомнение всю теорию.

Очередной пример, современная теория массового обслуживания, берущая начало в 19 веке, при решении задаче о телефонной линии. Математика этой теории обширна, используются методы теории вероятностей и статистики. На сегодняшний день эта теория ещё не совершенна, но может этого пока и не должно случиться. Если раньше в какой-то степени потребности человека порождали возможности, то сегодня, зачастую, происходит наоборот. К сожалению, мы стали рабами вещей, теперь при появлении чего-либо нового нам сразу становится это нужно. Я хочу передать мысль, связанную непосредственно с теорией массового обслуживания. Здесь технический прогресс, порождает новые задачи, которые, разумеется, требуют решения, но не всегда его находят, оставляя теорию в том самом несовершенстве.

Для конкретизации приведу пример задачи из теории массового обслуживания. На телефонную станцию в случайном порядке поступают вызовы. Если в момент поступления вызова на станции имеются свободные линии, то происходит подключение абонента и начинается разговор, в противном случае есть два варианта решения проблемы: система с ожиданием и система с потерями. В первом случае происходит ожидание, во втором — вызов просто отклоняется. [3, с. 6]

Это старая и, вероятно, одна из простых задач. Рассмотреть я здесь хотел факт потерь. Это проблема, которая требует решения, проблема, которая не позволяет теории быть совершенной. Абоненты — это множество, как и телефонные линии, связь осуществляются техническими средствами, здесь неизбежна математика. Следовательно, в какой-то мере имеет место теоретико-множественный

взгляд на теорию массового обслуживания, ведь мы не решаем проблему одного абонента, мы стремимся решить проблему в целом. Как — вопрос математики и экономики, зачем — вопрос философии и социологии.

Другой пример — современная теория надежности. Интерес к теории надежности, который сейчас проявляют инженеры, экономисты, математики, а также организаторы производства, привел к появлению значительного числа книг, посвященных общим и специальным ее вопросам. Проблемы теории надежности весьма многогранны. В них затрагиваются технологические, экономические, конструктивные, физико-химические и организационные аспекты и выявляется необходимость разработки развитого математического аппарата, приспособленного к специфике выдвигаемых вопросов. В связи с развитием современной техники особую важность приобрели многочисленные вопросы повышения эффективности различного рода устройств. Комплексная автоматизация производственных процессов ставит перед управляющими устройствами исключительно ответственные задачи, которые должны выполняться безупречно на протяжении всего периода работы автоматической линии, автоматизированного цеха или предприятия. Перерыв в работе управляющего устройства может привести не только к ухудшению качества производимой продукции или к полному прекращению производственного процесса, но и к весьма серьезным авариям, выходящим за локальные рамки предприятия. Требования к безотказности механизмов и разного рода приборов приходится, конечно, предъявлять не только к тем из них, которым поручено управление теми или иными процессами. К любому техническому устройству и изделию мы вынуждены предъявлять эти условия. Какой смысл в самолете, который не может безотказно совершать перелеты? Какой смысл в таком тракторе, который не в состоянии выполнять поручаемые ему работы, или в автомобиле, который не в состоянии перевозить грузы или пассажиров? Современная медицина широко использует разного рода технические средства как для диагностических и исследовательских целей, так и для выполнения ответственных функций во время и после операции. К их работе приходится предъявлять особо высокие требования, так как перебои в работе, скажем, искусственного сердца во время операции на сердце могут привести к летальному исходу. С многочисленными примерами, в которых качество продукции играет основную роль, каждый из нас встречается в повседневной жизни. Общая научная дисциплина, изучающая общие методы и приемы, которых следует придерживаться при проектировании, изготовлении, приемке, транспортировке и эксплуатации изделий для обеспечения максимальной их эффективности в процессе использования, а также разрабатывающая общие методы расчета качества устройств по известным качествам составляющих их частей» получила название теории надежности. Теория надежности устанавливает закономерности возникновения отказов устройств и методы их прогнози-

рования; изыскивает способы повышения надежности изделий при конструировании и последующем изготовлении, а также приемы поддержания надежности во время их хранения и эксплуатации; разрабатывает методы проверки надежности изделий и способы контроля надежности при приемке больших партий продукции. Теория надежности вводит в рассмотрение количественные показатели качества продукции. Несомненно, что теория надежности является наукой комплексной, относящейся в первую очередь к компетенции инженера, физика, химика и экономиста. Однако большое число вопросов теории надежности по своему существу носит математический характер и требует для своего разрешения как уже известных математических средств, так и разработки новых. Более того, если желать науку о надежности сделать способной к точным заключениям и выводам, если стремиться вывести ее из состояния чисто качественных, а порой и сугубо субъективных заключений, мы обязательно должны обратиться к языку математики. Утверждения типа: «я уверен, что такая конструкция будет надежнее, чем иная», «мы убеждены, что наша продукция лучше, чем изготавливаемая соседним предприятием», которые не имеют иных подтверждений, кроме личной уверенности, не могут служить основой для надежных выводов. Для исследования и решения значительной части вопросов, возникающих в теории надежности, оказываются необходимыми методы теории вероятностей и математической статистики. Это вызвано существом дела, а не специфическими интересами тех, кто работает теперь в теории надежности. Как бы мы ни стремились к сохранению условий постоянства в процессе производства, однородности исходных материалов и неизменности технологии изготовления, неизбежные колебания всех этих компонент приводят к существенному разбросу свойств готовых изделий. Молекулярные свойства веществ, играющие исключительную роль при изготовлении полупроводниковых и электронных приборов, не теряют своего значения и для механических устройств. Процессы износа и упрочнения материалов неизбежно приводят к необходимости изучения их молекулярной структуры. Вместе с молекулярной структурой вещества в теорию надежности вносятся и математические методы, свойственные этой части физики, — методы теории вероятностей и математической статистики. Далее, в процессе эксплуатации изделия попадают в разные условия: автомобилю придется передвигаться как по совершенным дорогам, так и по проселку. В результате он подвергается не только переменным, но и случайным воздействиям. В процессе изложения мы будем неоднократно встречаться с реальными примерами, которые проиллюстрируют это общее положение. Предположим, мы изготовили, в определенных условиях, из одной и той же партии сырья большое число определенного типа изделий. Затем, собрали статистические данные о длительности их бесперебойной работы. Теперь выясняется весьма специфическая картина: длительность безотказной работы изделия имеет значи-

тельный разброс, и в отношении каждого определенного изделия нет возможности точно предсказать длительность его службы. В то же время относительно больших партий этих изделий можно делать достаточно определенные предсказания о доле их, способной проработать то или иное время, о причинах поломок изделий и пр. В результате мы оказываемся в типичной обстановке, с которой имеет дело математическая статистика. Обратим внимание на то, что перед теорией надежности зачастую возникают взаимно противоречивые задачи. В связи с усложнением функций, которые поручаются различного типа устройствам, эти устройства включают в себя все большее число элементов. Увеличение числа элементов приводит к уменьшению надежности их совокупного действия. Но ответственность выполняемых устройствами заданий требует от них все большей надежности. Разрешение возникающего противоречия требует самого тщательного и всестороннего исследования проблем повышения надежности элементов и устройств: возможность и целесообразность повышения надежности отдельных элементов, выбор режимов работы, отыскание целесообразных схем и конструктивных решений, расчет резервирования и оптимальных режимов профилактики и пр. Следует подчеркнуть такую, казалось бы, самоочевидную истину, что повышение надежности не дается даром и ее получение требует как определенных материальных затрат, так и систематических научных поисков. Отметим, что одной из весьма заманчивых задач теории надежности должна явиться разработка таких принципов конструирования сложной аппаратуры, которые позволяли бы получать устройства, способные сохранять рабочее состояние даже при выходе из рабочего состояния некоторой части составляющих их элементов. Биологические системы в высокой степени обладают этим ценнейшим свойством. Изучение биологических систем с точки зрения принципов их устройства и обеспечения надежности может дать в руки техники исключительно богатый набор средств и приемов, полезных для технического осуществления. Мы убеждены, что природа шла не только по линии расточительного резервирования, но в первую очередь по пути выбора оптимальных схемных решений, тщательного отбора элементов, способных сохранять исключительную устойчивость в работе. Несомненно, что изучение особенностей биологических систем с позиций теории надежности позволит открыть и новые принципы, которые не приходят в голову, когда к техническим задачам подходят исключительно с позиций традиционной техники. О повышении надежности изделий сейчас говорят не только инженеры и ученые, но и государственные деятели. Нередко повышение надежности изделий называют проблемой номер один. И это не дань моде, а настоятельное требование времени и эпохи. Во вводной главе недавно вышедшей книги двух американских авторов, Дэвида Ллойда и Мирона Липова, сказано несколько фраз, которые мы хотели бы здесь воспроизвести. «Ненадежность сказывается на стоимости, на временных затратах, психологи-

чески — как неудобства, а в определенных случаях грозит также безопасности людей и нации. Обычно потери за счет ненадежности представляют собой не только стоимость выходящего из строя агрегата, но также и стоимость связанного с ним оборудования, которое портится или разрушается в результате отказа. Классическим примером психологического эффекта ненадежности являются печальной памяти спутники «Авангард». Соединенные Штаты, остро переживая успехи России, запустившей Спутник-1, попытались вступить в соревнование, используя для этого почти не испытанную ракету, которой пришлось работать почти на пределе своих возможностей. Неудачи и последовавшие за этим уныние и потеря престижа были очень серьезны». В соответствии с описанными задачами теории надежности, естественно возникает несколько групп вопросов, относящихся к обеспечению надежности. На первой стадии создания изделия, когда появилась только лишь мысль о нем, уже необходимо думать об его надежности. Какие материалы наилучшим образом способны выдерживать те нагрузки, которые предстоят во время работы изделию; какие схемы особенно благоприятны для того, чтобы сохранять устойчивость к внешним воздействиям; какие режимы следует выбирать для работы изделия; как обеспечить сохранность работоспособности при перегрузках и прочее. Когда конструирование изделия завершено, перед запуском в серию оно должно быть испытано. Испытания на этой стадии создания обязательно должны предусматривать и проверку надежности изделия. Здесь очень важно отметить, что испытания должны быть достаточно представительными, чтобы по ним можно было судить не только об этих изделиях, изготовленных в тепличных условиях, но и об изделиях, которые будут изготавливаться серийно. На этой стадии следует также разработать систему правил, которых следует придерживаться при изготовлении изделий на заводе, приемке, транспортировке и эксплуатации для наилучшего сохранения надежности в работе. Третья стадия обеспечения надежности наступает после сдачи принятого к производству изделия на предприятие. После тщательной проверки схемы необходимо убедиться в качестве исходных материалов, производственного оборудования, точности обработки, соответствия технологического процесса техническому заданию. Никакие временные отступления от задания не допустимы ни на одной операции. Проверка качества исполнения может осуществляться многими путями. Для массового и крупносерийного производства, в частности, — методами текущего статистического контроля. Изготовлена партия, для проверки надежности изделий должны быть разработаны методы испытаний, а также планы проверки качества, включающие в себя количество испытываемых изделий, длительность и характер проверки. Для периода эксплуатации необходимо разработать меры обеспечения надежности, включающие в себя периодичность профилактических осмотров, замену элементов, правила поиска неисправностей и пр. Расчет надежности, естественно,

должен производиться на стадии проектирования. Подавляющая часть отмеченных здесь требований носит не математический, а чисто инженерный характер. Физико-химические процессы, приводящие к отказам элементов и изделий, очень сложны. Их природа исследована до сих пор в очень малой степени. Как правило, число параметров, которые необходимо учитывать при построении математических моделей явлений старения, постепенного изменения свойств изделий и др., очень велико. Уже одно это обстоятельство должно приводить к необходимости разработки новых математических методов исследования. Мы убеждены, что в самые ближайшие годы теория надежности явится источником многих новых математических задач, а также новых математических теорий. Уже сейчас ясно, что методы математической статистики, теории вероятностей, демографии, теории эксперимента нуждаются в серьезном развитии, чтобы они могли в достаточной мере способствовать развитию теории надежности. [2, с. 9–13]

В данном случае общность рассматриваемых задач с множественной точки зрения можно показать на множестве потребителей, множестве технических возможностей

реализации конкретной задачи или группы задач одного характера и на других примерах. Не к чему углубляться в методы математики, достаточно знать, что любые расчеты связаны с числами, что вновь показывает множественный характер задач.

Приведенные примеры, показывают несовершенство математики, но цель статьи заключалась не в этом. Я хотел показать, что вопрос о том, изжил ли себя теоретико-множественный взгляд в науке, не разрешен. Не стоит останавливаться в поиске ответов на вопросы, гораздо лучше верить, что ответы будут найдены позже. К тому же, с философской точки зрения, ничего не делать нельзя, наука должна развиваться. В античности применяли теорему Пифагора задолго до того как она стала носить имя этого выдающегося ученого, то есть задолго до того как он её доказал, людям не нужно было строгое доказательство по законам логики, ведь утверждение теоремы подтверждалось опытным путем и пример этот не единственный. Может нам и сейчас не стоит опускать руки. Я считаю, что теоретико-множественный подход в науке ещё не изжил себя, не изжила себя и философия теоретико-множественного подхода.

Литература:

1. Гёте И.В. Избранные сочинения по естествознанию. Пер. И.И. Канаева, СПб.: Изд. Акад. Наук СССР, 1957, 579 с.
2. Гнеденко Б.В., Беляев Ю.К. Соловьев А.Д. Математические методы в теории надежности. М.: Изд. Наука, 1965, 524 с.
3. Гнеденко Б.В., Коваленко И.Н. Введение в теорию массового обслуживания. М.: Изд. Наука, 1966, 434 с.
4. Делоне Б.Н. Проблемы современной математики. Сборник. Пер. с англ. М.: Знание, 1975, 64 с.
5. Эфрос А.Л. Физика и геометрия беспорядка. М.: Изд. Наука, 1982, 260 с.

ФИЛОЛОГИЯ

М.М. Пришвин и В.В. Розанов: диалог о православии

Александров Иван Николаевич, учитель русского языка и литературы
ГБОУ СОШ №262 (г. Москва)

Судьбы знаменитых русских писателей В.В. Розанова (1856–1919) и М.М. Пришвина (1873–1954) пересеклись в Ельце (в Елецкой мужской классической гимназии), а затем в Петербурге (в Религиозно-философском обществе). Известно, что в 1883 году Михаил Пришвин поступает первый класс классической гимназии. «Ни одного предмета <...> я не любил, не понимал, и если в чем-нибудь успевал, то брал это только насильем, зубрил». Учителей Пришвин недолюбливал, он считал их врагами. В автобиографическом романе «Кашеева цепь» автор показал свое отношение к В.В. Розанову, преподававшему историю и географию.

Известный преподаватель историко-филологического факультета Московского университета В.В. Розанов, автор философского сочинения «О понимании» (1886 г.) переезжает в провинциальный Елец из Брянска летом 1887 года, в нём же [Ельце] и обретает свою «духовную родину». В этот период появляются в печати статьи В.В. Розанова, одна из которых «Место христианства в истории» (1888 г.). «Эта статья одна и сразу дала мне имя и положение...» — отмечал автор.

Какой же конфликт произошел между гимназистом Пришвиным и философом Розановым? Известно, что в 1889 году шестнадцатилетний М. Пришвин оскорбил своего учителя истории и географии. «Честь имею доложить Вашему Превосходительству о следующем факте, случившемся на 5 уроке 18-го марта в IV классе вверенной Вам гимназии: ученик сего класса Пришвин Михаил, ответив урок по географии и получив за него неудовлетворительный балл, занял свое место за ученическим столом и обратился ко мне с угрожающими словами, смысл которых был тот, что если из-за географии он не перейдет в следующий класс, то продолжать учение он не станет и выйдя из гимназии расквитается со мною, «меня не будет, и Вас не будет <...>. Преподаватель В. Розанов 20 марта 1889 года» [2], — пишет В.В. Розанов в докладной записке директору гимназии.

М.М. Пришвин решением педагогического совета был исключен из елецкой гимназии «с волчьим билетом», без права поступления в другое учебное заведение. Осенью

1891 года В.В. Розанов покидает Елец (связано с тайным венчанием с В.Д. Рудневой), переезжает в г. Белый на Смоленщине, а затем оказывается в Петербурге.

28 ноября в Петербурге состоялась последняя встреча двух писателей В.В. Розанова и М.М. Пришвина. «Встретились два господина, одному 54 года, другому 36, два писателя, один в славе, сходящий, другой робко начинающий. 20 лет тому назад один сидел в коже учителя географии, другой стоял возле доски и не хотел отвечать урока...» [1,226].

В Петербурге М. Пришвин сближается с Религиозно-философским обществом, посещает его собрания. «Религиозно-философское общество, — писал Пришвин, — это мастерская, где выделывались крылья поэтов» [1]. Здесь появляются А. Блок, С. Городецкий, В. Розанов, П. Флоренский, Д. Мережковский и З. Гиппиус и другие известные философы, писатели того времени.

На одном из собраний В.В. Розанов рассказывает Пришвину о необходимости его исключения из гимназии, так как стоял выбор между учеником и учителем. «Вас убрали в 24 часа. Это был единственный случай» [1,226]. Философу жилось плохо в гимназии: «место покупалось у попечителя» [1,226]. Из рассказа самого Розанова узнаем о его эгоистичном мировоззрении, в результате «его не любили ни ученики, ни учителя...» [1,226]. Один из учеников [М.М. Пришвин] всю жизнь носил в душе «уязвленное самолюбие» [1,197]. Он торжествует над Розановым «свою победу», вручая ему книгу с «ядовитейшей» надписью: «Незабываемому учителю и почитаемому писателю» [1,197]. Победа над известным философом важна для Пришвина. Розанов осыпает бывшего ученика комплиментами. «Какое чудесное слово, и об охотнике хорошо, и о грехе хорошо, и о детях птицы хорошо... вы интересный человек, а когда я там смотрел в собрании, вы казались мне каким-то статуеобразным.../ — Вы меня считали за тупого человека? — спросил я. / — Нет... плотный вы ... а в книге охотник... живой» [1,197].

Пришвин чувствует в Розанове близкого по духу человека. В нём зреют идеи о «стране обетованной», которая полностью, по мысли автора, воплощена в идеях учи-

теля. Мысли о стране, где слышны голоса птиц, нетронутые просторы — беспокоят и волнуют автора, спасают и уничтожают одновременно. Учитель (Розанов) и ученик (Пришвин) идут совершенно разными путями, но их идеи от разных мирозерцаний сходятся. Творческая близость в противовес идеям религиозно-философского общества находит отражение в рассказах, дневниках, очерках писателей.

Идеи Розанова воплощены в разных произведениях М. Пришвина. С учением Розанова связаны его православные искания. В рассказе Пришвина «Отец Спиридон» (1917 г.) изображен обыкновенный служитель, новгородский священник, жилец одного из деревянных церковных домиков Великого Новгорода. Он «женат, имеет детей» [3,321]. Автор застаёт священника за строительством храма святой Троицы для всех людей, в нём (храме) бы весь мир «сходился во имя Отца и Сына и Святого Духа» [3,322]. Сам батюшка молится и вынимает «частицы с проскомидии» [3,322] за «Льва Толстого», «папу римского», «за Лютера, за князя Кропоткина», во время войны «за Вильгельма» [3,322], виновника войны, олицетворение «дьявола». Этот обряд в православии именуется оглашением (проскомидией), который подразумевает принятие христианства с учением того, чьи идеи поддерживаешь. Молитвы за этих людей рассматривались как принятие отдельных идей учения, за которые священник просил Бога о ниспослании блага и отвращении зла. Какое же зло усматривала русская церковь в идеях Л. Толстого, М. Лютера, князя Кропоткина и других «иноверцев»?

На этот и многие другие вопросы в 1912 году отвечает В.В.Розанов в статье «Л.Н. Толстой и русская церковь». Известно, что Л.Н.Толстой дерзко восстал на Господа и на Христа Его. В своих сочинениях и письмах он отвергает личного Живого Бога, отрицает Господа Иисуса Христа — Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира. Граф Лев Николаевич Толстой перестаёт быть членом Православной Церкви. «...То, что я отрекся от Церкви называющей себя Православной, это совершенно справедливо... И я убедился, что учение Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же — собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающего совершенно весь смысл христианского учения» [4]. Розанов указывает, что отлучение Толстого от церкви связано с его неповиновением ей и, прежде всего, оскорблением в её адрес. Духовенство, по мнению Розанова, увидело в его произведениях оторванность от христианского быта и заинтересованность изображения быта светского, мирского. «Он изображал балы, скачки, увеселения, охоту, сражения, — «до духовных предметов не относящиеся» [5, 9]. Толстой не боялся говорить о корыстолюбии и темноте духовенства. Он пропагандировал «непротивление злу насилием» — идею не христианскую. Лев Толстой, призывая к этой идее, не требовал быть безучастным к злу. Он и сам всегда и везде обличал зло, призывал людей к самосовершенствованию, считал, что зло можно победить

любовь. Между тем, справедливость исключает насилие и подразумевает воздаяние. Розанов же доказывал, что христиане — «люди лунного света». Л.Толстой дал перевёрнутое представление о христианстве.

Михаил Пришвин в 1912 году пишет очерк «Отклики на смерть Толстого», в котором заступается за него, считая, что «память Толстого будет действительно почтенна», «Толстой всегда стоял лицом к солнцу» [8,559,560]

В 1913 году Пришвиным был написан очерк «В законе отчет», анализируемый впервые из сборника неизвестных произведений «Цвет и крест» (1906—1924). Главным героем произведения является отец Спиридон, от имени которого Пришвин высказывает мысли о «семейном христианстве». Прототип о. Спиридона — А.П.Устьинский (1854—1922) (протоиерей). Он известен по сочинениям В.В. Розанова «Брак и христианство. Из переписки с православным священником», «В мире неясного и нерешенного». Они [Розанов и Устьинский] касались разных вопросов, но в 1899—1901 гг. преимущественно брака в христианстве — темы, которую разрабатывал В.В. Розанов в контексте «нового религиозного сознания».

В очерке «В законе отчет» действие происходит в Великом Новгороде, на фоне «деревянных церквей и Ярославовы башни» [3,448]. Автор встречает старого генерала, убежденного в необходимости избавиться от христианского зодчества, «срыть эти бессмысленные здания, черные и страшные» [3,448]. Единомышленник генерала художник Герцен, считает, что здания пережили, изжили смысл и не выполняют былой функции, а желание его есть лишь «не мечтать, а говеть и молиться в современных условиях» [3,448]. Встречаются среди прочих и «эстетические невежества», предпочитающие избавиться от старых форм высадки вокруг церкви тополей. «Эта икона была почитаема <...>, а вот теперь лежит в этом археологическом склепе под стеклом» [3,449]. Связана такая неблагодарность к прошлому с «различными сомнениями в религии» [3,449]. Одно из сомнений высказал В.В. Розанов.

В 1909 году В.В. Розанов в статье «Русская церковь» неоднозначно, также как и М.Пришвин, высказывается о церковных служебных атрибутах: «русские церковные напевы и русская церковная живопись — всё это бесплотное, безженное (*прим. не имеющий жены, безбрачный*), «духовно» в строгом соответствии с общим строем церкви» [6]. Розанов приводит в пример икону с изображением Богоматери. Он задаёт вопрос о несоответствии возраста на иконе Матери Божьей и в жизни. «Дева-Мария родила Иисуса ещё юною, никак не старше 17 лет, однако с Младенцем Иисусом на коленях <...> всегда изображается как старая или уже стареющая женщина, лет около 40» [6]. Почему же храмы старому генералу в очерке Пришвина кажутся «бессмысленными, чёрными, страшными», почему иконы в забвении и не почитаемы? Находим ответ в статье у В.В. Розанова. Всё это происходит «из одной тенденции: истребить из религии все человеческие черты, всё обыкновенное, житейское,

земное, и оставить в ней только одно небесное, божественное, сверхъестественное» [6].

Среди портретов в очерке Пришвина появляется священник отец Николай, в планах которого отделка церкви живописными иконами, но в них он вкладывает «молодые лики», «лики младенцев и вообще живых» [3,450], что напоминает автору о идеях по этому поводу В.В. Розанова. Пришвин выводит вопрос из знаменитой розановской «позиции» о молодожёнах, которые после совершения обряда должны остаться в церкви «без людей для брачного сочетания» [3,450]. И задает сельскому священнику Николаю вопрос о причине такого поведения священнослужителей. Вопрос является, прежде всего, «пальбой в монахов», некой издёвкой над ними. Отец Николай считает, что это и есть настоящее православие, а только «монахи его испортили» [3,450].

Автор задает вопрос, связанный с «ужасным сомнением» в Христе. Отец Николай «во всем соглашается с Розановым... и настаивает, что это не Христос, в ком Розанов сомневается» [3,450]. Писатель видит «обмирщение» духовенства, раскол и непонимание между белым и чёрным духовенством, а Розанова священники считают настоящим христианином, т.к. он ведет борьбу не с самим Христом, а его «маской», «темным ликом». Ещё Н. Бердяев в статье «Христос и мир» писал о Розанове как не о враге «исторического» христианства, а прежде всего самого Христа». Из речи отца Николая мы слышим позицию Пришвина: дело не в Христе, против которого выступает Розанов, а в духовенстве.

В очерке развита тема «бессеменного зачатия». Настоящее грехопадение и кризис, к которому, по мнению Розанова, вплотную подошло «европейское человечество», находится в прямой зависимости от христианских мотивов аскетизма и безбрачия. Самым роковым для развития человечества Розанов считал «бессеменное зачатие» Христа. С религиозно-философской позиции ее обосновывает отец Спиридон, который оставляет право за божественной силой и считает, что размножение рода человеческого «вышло из круга христианского спасения» [3,452]. Отец Спиридон рассуждает об отображениях Святой Троицы: Отца и Сына. Христа он называет «девственником». Бог-отец сотворил мир и породил собственного сына. «Почему же сын не порождает?» [3,452]. И о. Спиридон находит ответ, считая по божественной природе Христа — только Сына, по человеческой — девственника и «эта девственность не есть какая-нибудь особая заслуга, а просто он таким должен быть, иначе Он и не мог бы быть» [3,452]. Если рождается индивидуум и избирает «девство», то он пополняет «стадо Христово», божественное творчество вкладывается Творцом в продолжателей дел небесных на земле — «стадо Отца» [3,452]. Лики, по мысли отца, также являются равными. Он не понимает, почему отдают предпочтение то Новому, то Ветхому, если продолжатели — отцы, являясь воплощением Ветхого Завета, выполняют «свое дело», сыны-девственники — герои Нового Завета, несут миссию ветхоза-

ветных книг. Поэтому, необходимо «признать равенство» древних рукописей.

Из очерка Пришвина мы видим, что христианство, по словам о. Спиридона, (позиция Розанова) ошибочная религия, потому что оно основывается на принципах Нового Завета и совершенно забыло заповеди, содержащиеся в Ветхом Завете. Последний благословлял пол и плоть, он выдвинул заповедь «плодитесь и размножайтесь», а Новый Завет совершенно забыл об этом. Он сместил фокус христианства с принципа размножения на идею аскезы и ограничения чувственности. Тем самым христианство пришло к неразрешимым противоречиям.

По суждениям о.Спиридона выводится мысль о принадлежности церкви к апостолу Павлу, но не Господу Иисусу Христу. Объясняется это искажением учений сына Божьего. Христос не являлся обличителем семьи (связано с деторождением). Монахи, рассуждает о.Спиридон, делают все возможное, чтобы мир остался за оградой христианского спасения. Не придумали обитатели монастыря руководство и по спасению внутри семьи, в самом обществе. «Молчаливо признается церковью единственное средство спасения: оставить мир и уйти в монастырь / Мир погран монахами» [3,454].

В.В. Розанова, по словам о. Спиридона, многие церковные деятели считают «язычником, кощунственным проповедником разврата» [3,455]. Считает, что известный философ близок к белому духовенству и говорит «их словами», поэтому его и понимают. В.В. Розанов выступал за отчество и материнство, он «христианин» и верует в Господа Бога, Отца, защищая не Ветхий Завет, а христианство. Он ратует за заповедь: «Раститесь и множитесь и наследите землю» [3,455]. Христианская мысль спасения основана на размножении и множестве человеческих индивидов, тем самым подвергается абсурду бессемянное зачатие. И возникает святая семья. Идея отчества основа на приверженности только Творцу, она же идея Отца. Многие секты, рассуждает о. Спиридон, учили, что Сын меньше Отца, но ни одна из них не делала опровержения. Поэтому, В.В. Розанов и защищает идеи «униженной, погранной и, в конце концов, воюет не с Христом, а с маской Христовой» [3,455].

О.Спиридон уверен, что Ветхий и Новый завет, их синтез — это и есть настоящее христианство. В Риме преобладал Господь Бог, в Византии — Христос, в протестантстве — святой Дух. На Руси произошел синтез протестантства, православия и католичества и, следовательно, возникло «Триединое Государство» [3,456]. В русском зодчестве строительство храмов посвящали Св. Софии, т.е. поклонение только Сыну, в последствии — Св. Троице.

В.В. Розанов являлся одним из видных представителей богоискательства. Христианство выражало, по его мнению, ощущение безнадежности и смерти. В произведениях М.М. Пришвина В.В. Розанов представлен как критик христианства ради другой религии, т.к. «нет народа без храма и Бога». Свою философию он строит на

обожествлении эротического пола, семьи, рода, что не приветствовалось духовенством. Отсюда интерес к фаллическим культам, как признакам плодородия природы. Следовательно, возникает образ В.В. Розанова как «про-

поведника разврата». В «Мимолетном» В.В.Розанов писал «...Мы не «спасаем»... спасёт — Бог / Всякий человек живет правдой своей. И всякий человек умирает от неправды своей» [7,297].

Литература:

1. Пришвин М.М. Ранний дневник 1905—1913 / Подготовка текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Коммент. Я.З. Гришиной; Указат. Имен Т.Н. Бедняковой. — СПб.: ООО «Изд-во «Росток». 2007.
2. ГАЛО, ф.119, оп.1, д.225, 21об.
3. Пришвин М.М. Цвет и крест / Сост., вступ.статья, подготовка текста и коммент. В.А. Фатеева. — СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2004. — 608 с.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч., т. 34, с. 245—253, Москва, 1952.
5. Розанов В.В. Л.Н. Толстой и Русская Церковь. Спб.:1912.
6. Розанов В.В. Русская Церковь. Спб.:1909.
7. Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1886.
8. Пришвин М.М. Мирская чаша. Сост., подг. текстов Л.Я. Рязановой, Я.З. Гришиной. Предисл.В.В.Рябова — М.: Жизнь и мысль, 2001. — 640 с.

«Мы слишком увлеклись западом, неумолимо отдаляемся от востока...»

Ахмедли Насир Аббас оглу, доктор филологических наук, профессор
Бакинский государственный университет (Азербайджан)

В 19-м столетии Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом была разработана теория научного социализма. Ее основным положением являлось то, что победа социализма в отдельной стране невозможна. Логика этих слов видна даже невооруженным глазом: речь шла не о победе революции как таковой, а об утверждении социализма как общественного строя, о его жизнеспособности. Правда, после изложения К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» основных идей научного социализма, в России начал пробуждаться пролетариат, большая часть земли перешла в общинное владение крестьян. Меняющуюся ситуацию быстро заметили и авторы «Манифеста...». В предисловии к русскому изданию 1882 года этого произведения они сформулировали условие, при котором в случае победы социалистической революции в России новый общественный строй мог бы успешно развиваться: «Может ли русская община непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пережить тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем: если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так, что обе они пополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [10, с. 3—4].

В начале XX века В.И. Ленин, поверхностно проанализировав прошедший после смерти К. Маркса отрезок времени и опираясь на неравномерное, скачкообразное экономическое и политическое развитие капитализма за этот период, пришел к ошибочному выводу не только о возможности, но даже о неизбежности смены капиталистического уклада новой социально-экономической системой (социализмом) путем вооруженной революции в одной стране. При этом он упустил из виду фактор неготовности Запада последовать примеру России. Эта была первая ошибка, на которую среагировали в то время Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, выступившие против курса партии на вооруженное восстание. Но революция де-факто состоялась, и оставался единственный шанс — ускорить свершение мировой революции силой примера. Поэтому, сразу же после Октябрьской революции был взят курс на широкую пропаганду «достижений» российского пролетариата, т.е. место «пропаганды общими истинами» заняла «пропаганда работой», как выразился об этом руководитель большевиков, который этим путем хотел наверстать упущенное, показать «и остальным странам, что коммунистический строй, уклад может быть создан пролетариатом» [5, с. 24], «показать практически, на примере, значение коммунизма» [8, с. 75]. Так как не все люди из-за рубежа имели реальные шансы посетить Россию и воочию в преимуществах «действующего будущего» (так называл советскую Россию американский публицист Линкольн Стеффенс в своей «Автобиографии»). Основная ставка в то время де-

лалась на приглашение в Россию зарубежных делегаций с расчетом на то, что свидетельства их членов будут способствовать созданию у общественности зарубежных стран определенного представления о первых шагах Советской власти. Это хорошо видно из ответа В.И. Ленина корреспонденту газеты «Дейли ньюс» г. Сегрю 8 сентября 1920 года. «Давайте заключим договор, — говорил глава Советского правительства, — вы от имени антибольшевистской буржуазии всех стран, я — от имени Советской республики России. Пусть по этому договору к нам в Россию посылаются из всех стран делегации из рабочих и мелких крестьян, т.е. из трудящихся, из тех, кто своим трудом создает прибыль на капитал, с тем, чтобы каждая делегация прожила в России месяца по два. Если отчеты таких делегаций полезны для дела антибольшевистской пропаганды, то все расходы по их посылке должна взять на себя международная буржуазия. Однако, принимая во внимание, что эта буржуазия во всех странах мира крайне слаба и бедна, мы же в России богаты и сильны, я соглашаюсь исхлопотать от Советского правительства такую льготу, чтобы $\frac{3}{4}$ расходов оно взяло на себя и только $\frac{1}{4}$ легла на миллионеров всех стран...» [6, с. 278].

Конечно, простой журналист не имел права на заключение такого договора, тем более от имени буржуазии всех стран. Дипломатические же отношения СССР установил с рядом капиталистических держав лишь в 1924 году. И действительно, гости проявляли большой интерес к происходящим в Советском Союзе преобразованиям. Однако те, кому удавалось собственными глазами увидеть жизнь советских людей, составляли мизерную часть населения своих стран. Правда, была и другая возможность: члены зарубежных делегаций по возвращении на родину могли поделиться своими впечатлениями, используя для этого коммунистическую печать. Но, во-первых, таковая имелась не во всех странах, а во-вторых, коммунистическая пресса капиталистических стран с трудом боролась против подавляющего тиража влиятельной буржуазной печати. Для очевидности обратим внимание на следующие цифры. Даже в 1932 году, когда в большинстве капиталистических стран действовали коммунистические партии и их печатные органы, соотношение буржуазной и коммунистической периодики было таково: в США издавалось 1942 ежедневные газеты тиражом 40 млн. экземпляров и 521 воскресная газета (тираж — 27 млн. экз.), а американская компартия имела всего одну газету и несколько журналов. В Англии выходило 225 ежедневных газет (28 млн. экз.) и только одна из них была коммунистическая. В Германии 3353 буржуазным газетам стремились противостоять 37 коммунистических газет и журналов. Во Франции функционировали всего 2 коммунистические газеты [4, с. 117]. Кроме того, как отмечал в те годы французский журналист-коммунист Поль Вайян-Кутюрье, «тонущие в массе документов и впечатлений путешественники» были «не в состоянии справиться с имеющимися у них фактами» и не придавали «достаточного значения человеческому материалу» [2].

По указанным причинам, распространение правды о «родине социалистической революции», полной информации о тех делах, которые совершались в тогдашних условиях, было проблемой номер один, стоящей перед идеологическим активом партии и правительства. Основная трудность заключалась именно в этом: Россия не располагала необходимыми средствами пропаганды, особенно для ведения этой работы в зарубежных странах. К тому же, она не могла использовать имеющиеся в своем распоряжении органы печати в качестве средств внешнеполитической пропаганды (ВПП) в силу ряда обстоятельств:

- сразу же после победы революции прекратился ввоз российских газет в Европу;
- военные цензоры ведущих капиталистических стран «внимательно следили за тем, чтобы сообщения из Петрограда не публиковались в печати» [12, с. 13];
- специальных изданий для зарубежной аудитории на иностранных языках в то время не было, а советские газеты, если бы они даже попадали за границу, были бы непонятны широкой общественности из-за языкового барьера и т.д.

В такой сложной обстановке придавалось особое значение использованию уникальных возможностей радио — газеты без бумаги и без расстояний — в целях популяризации преобразований в России. Но в то время радио делало только первые шаги, оно не умело даже «говорить», т.е. основным пробелом этих первых шагов было то, что радиоинформация, передаваемая за границу азбукой Морзе, не становилась достоянием широкой общественности. Только ничтожная ее часть публиковалась в зарубежной печати. Учитывая это обстоятельство, в Нижегородской радиолaborатории велись напряженные поиски вокруг проблемы передачи в эфир «живого» человеческого голоса. Наконец 27 февраля 1919 года эта цель была достигнута. А осенью 1920 года состоялась первая радиотелефонная передача между Москвой и Берлином [3, с. 153].

По мнению Ленина, радио представляло большую ценность для ведения коммунистической пропаганды на зарубежные страны, и поэтому шла напряженная работа по превращению его в кратчайший срок в вездесущее, дальнотойное средство массовой информации. От передачи живой человеческой речи в эфир до регулярного широковещания потребовалось целых 5 лет: в 1924 году в СССР начались массовые передачи, и в течение относительно небольшого времени была создана сеть мощных радиостанций.

В те годы советские радиопередачи можно было слушать и в некоторых зарубежных странах. С идеологической точки зрения особый интерес вызывали передачи, готовившиеся профсоюзными для иностранных специалистов, работавших в СССР, на их родных языках. Слушатели из-за границы также присылали письма в Москву с просьбой рассказать о жизни советских людей. Они хотели узнать, как организована в советской стране трудовая дисциплина, как работают ударные бригады, каков

заработок рабочих, чем они питаются, как они спят, «каким образом советский крестьянин смог превратить индивидуализм единоличника в организованный коллективизм», «оставляется ли колхознику дом, может ли он сохранить кур, дадут ли ему возможность собрать урожай с его огорода, насколько выгоднее его труд по сравнению с прошлым» [2].

Для удовлетворения этого естественного любопытства зарубежных трудящихся и пропаганды «преимуществ» социализма в западных странах потребовалось еще несколько лет, и лишь в конце 1929 года «Московское радио» начало регулярные передачи на немецком, французском и английском языках. Это уже было поздно — со времени победы революции проходило 12 лет. За эти годы западные державы успели приготовить ряд надежных «противоядий» от коммунистической идеологии. Этому в решающей степени благоприятствовал период частичной стабилизации капитализма 1924–1929 годов, которому удалось «справиться с послевоенным экономическим кризисом, подавить выступления рабочих метрополий и трудящихся масс колоний и полуколоний» [13, с. 180].

Итак, первой ошибкой было пренебрежительное отношение Ленина к идее Маркса о невозможности строительства социализма в отдельно взятой стране (тем более в такой отсталой, как Россия). А другим недочетом было то, что основные идеологические усилия направлялись не на Восток, как следовало поступать, а на Запад. Советские руководители исходили из того, что якобы социализм наступал по всему фронту, а по ту сторону начинался мировой экономический кризис. Протекая почти параллельно, считали они, эти два противоположных процесса давали прекрасный материал для сравнения двух образов жизни, для демонстрации среди общественности капиталистических стран преимуществ социалистического хозяйствования, жизнеспособности положений ленинизма, показывающих путь к мировой революции. В действительности же настоящий кризис, более опасный, чем тот, с которым сталкивались капиталистические державы. Трудовой народ СССР жил в нищете. Тогдашнее положение очень хорошо описано в Заключительном слове Н.И. Бухарина на 4-м Совещании рабселькоров 30 ноября 1928 года. Отвечая на полученные им после доклада многочисленные записки участников совещания, он го-

ворил: «Есть такой вопрос: когда же это кончится? Речь идет здесь о товарном голоде, о хвостах, об очередях, о мануфактуре, о недостаточном снабжении хлебом, о недостатке крупы и т.д. Один из товарищей спрашивает: «Когда же, в конце концов, это кончится? Надоело!» Какой бы человек осмелился выйти и произнести речь на тему о том, что очень приятно, когда имеется налицо недостаточное снабжение хлебом, или что страшно весело, когда трудно купить себе штаны» [1, с. 395].

Первые радиопередачи надо было направлять именно на страны Востока по той хотя бы причине, что они, как и Россия, были аграрными. Империалистическая война и Октябрьская революция оказали на них большее, чем на Запад, влияние. У них было больше потенциальных возможностей массового революционного движения в борьбе против колонизаторов, в этих странах ускоренными темпами развивался пролетариат. Не случайно, что одна из первых антиимпериалистических и антифеодальных революций совершилась именно в восточной стране — Китае, которая по сей день, продолжая идти по социалистическому пути, показывает пример идеального экономического развития.

Упорное отклонение большевиков во главе с Лениным от открытия радиопередач на восточных языках было не случайным упущением с их стороны, а чисто тенденциозным отношением к Востоку. Правда, В.И. Ленин неоднократно подчеркивал **исключительную** (выделено им) важность радио для пропаганды особенно на Востоке. Промедление и халатность в этом деле он приравнивал к преступлению [7, с. 161] и считал, что «от вовлечения трудящихся масс Востока зависит в громадной степени судьба всей западной цивилизации» [9, с. 282]. Формированию этого мнения у Ленина в значительной степени содействовал Нариман Нариманов, который в своих докладах в ЦК РКБ (б) и письмах предупреждал, что большевики, слишком увлекшись Западом, неумолимо отдаляются от Востока. В 1919 году он писал Сталину: «Чичерин хочет посредством радио вызвать социальную революцию на Западе, однако сейчас этого не случится, ибо после разрушительной войны мы дали возможность капиталистам «договориться» со своими рабочими. В силу этого социальная революция в Европе будет носить длительный характер» [11, с. 12].

Литература:

1. Бухарин Н.И. Текущий момент и задачи печати: Доклад и Заключительное слово на 4-м Совещании рабселькоров // Избр. произв., Новосибирск, Наука, 1990, с. 367–408.
2. Вайян-Кутюрье Поль. Наша задача — показать строителей социализма. Газ. «Бакинский рабочий», 1931, 19 мая.
3. Казаков Г. Ленинские идеи о радио. М.: Политиздат, 1968, 288 с.
4. Касьяненко В.И. Правда и ложь о стране Советов: из истории борьбы против антисоветизма. М.: Мысль, 1987, 336 с.
5. Ленин В.И. Московская губернская конференция РКП (б) 20–22 ноября 1920 года. — ПСС, т. 42, с. 17–40.
6. Ленин В.И. Ответ корреспонденту газеты «Дейли ньюс» г. Сегрю. — ПСС, т. 41, с. 277–278.
7. Ленин В.И. Письмо В.С. Довгалевскому и поручение секретарю. — ПСС, т. 53, с. 160–161.

8. Ленин В.И. Собрание актива Московской организации РКП (б) 6 декабря 1920 года. — ПСС, т. 42, с. 35–83.
9. Ленин В.И. Третий Всероссийский съезд Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 (23–31) января 1918 г. — ПСС, т. 35, с. 259–290.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» 1882 года. — Избранные произведения в двух томах, т. 1. М.: Политиздат, 1952, с. 2–4.
11. Нариманов Н.Н. К истории нашей революции в окраинах: Письмо И.В.Сталину. Баку: Азернешр, 1990, 80 с.
12. Панфилов А.Ф. Теория и практика радиожурналистики: международное радиовещание. М.: изд-во МГУ, 1981, 76 с.
13. Розалиев Ю.Н. Новая и новейшая история стран Азии и Африки. М.: Высшая школа, 1987, 352 с.

Дипломатические термины, использованные в истории туркмен

Ашырнепесов Везир Ашырнепесович, соискатель, преподаватель
Института языка и литературы имени Махтумкули Академии наук Туркменистана,
Институт международных отношений Министерства иностранных дел Туркменистана (г. Ашхабат)

Исторические источники сообщают, что история туркмен включает в себя несколько веков. За свою историю туркменский народ создал несколько государств, по свидетельствам источников, в правлении которых главную роль играл народ. Естественно, что у народа, создавшего большие государства, были и дипломатические отношения. Из этого следует, что при изучении истории, встречаются, использованные в те времена, дипломатические термины. Многие дипломатические термины прошлого используются в настоящее время, многие ушли в небытие. Некоторые термины пережили фонетические изменения, на многие коренным образом повлияли международные дипломатические термины. Сейчас из них какие-то используются в обыденной речи, а некоторые приняты в официальной речи международной арены. Например, термин «tarhan» в истории использовался в международных, межгосударственных, межкраевых дипломатических отношениях, как льготное письмо, т.е. это письмо дипломатам давало право неприкосновенности. Такое письмо выдавалось не только дипломатам, но и правителям государств, аскаалам, религиозным деятелям, полководцам и уважаемым старейшинам. Писатель А. Алланазаров в произведении «Оjak» написал, что правитель государства Овган вручил Жунейт хану «tarhan haty», т.е. письмо неприкосновенности, также таким же письмом был удостоен и полководец Тачгок [1]. Это письмо можно было получить как внутри, так и вне своего государства, а именно такое письмо мог вручить правитель своему гостю — представителю постороннего государства. В современном мире в соответствии с международными законами статус неприкосновенности выдается доверенному лицу какого-либо государства, т.е. дипломату, правительством страны куда он прибыл, на основании международных канонов. Выданный на основании международных канонов такой документ называется «иммунитет». В настоящее время в дипломатических отношениях используется этот термин, а термины «tarhan», «tarhanhaty»

встречаются в народном творчестве, художественных произведениях.

Термины «tarhan», «tarhanhaty», а также «иммунитет» по морфологическому строению, значению и возможностям, возникающих в дипломатических отношениях, имеют некоторые сходства и различия.

В статье «Tarhanlar» газеты «Türkmen dünýäsi» от 22-ого сентября 2011 года, пишется, что «предоставленные возможности им (тарханам) были очень большие» [2]. Исторические источники наглядно демонстрируют некоторые сходства и различия предоставленных льгот историческим тарханам и современным дипломатам. Конечно, современные дипломатические льготы, т.е. иммунитет, описаны в основном источнике «Венская Конвенция о дипломатических отношениях» (Вена, 18 апреля 1961 года). Во вступительной части данной Конвенции говорится, что работа дипломатических агентов берет начало с древности. В данном документе с 22-ой до 31-ой части идет рассказ об использовании статуса неприкосновенности. Например, 22-ая часть озаглавлена как «Дом представителей других государств (т.е. посольства) неприкосновенен», в 23-ей части «налоги, сборы и платежи не относятся представителям других стран» [3]. Такие примеры можно встретить во всех других частях. На основании этих документов в соответствии с международными правилами и ведется работа международных отношений.

В вышеуказанной статье газеты «Türkmen dünýäsi» от 22-ого сентября 2011 года, также ссылаясь на исторические источники, пишется о сходствах прошлого и настоящего в работе дипломатов. Здесь явно выслеживается сходство предоставленных дипломатам льгот. По источникам различие состоит в том, что льготы предоставлялись не только дипломатам, но и авторитетным старейшинам. В старину люди, отбывшие в другие страны, назывались как торговцы, полководцы, религиозные деятели, ученые, в настоящее время это атташе по торговым делам, атташе по культуре, военный атташе. Говоря о

льготах, надо отметить, что по отношению ко времени произошли некоторые изменения в их предоставлении. Например, в истории местожительство, т.е. дом, каждого посла, уезжавшего в другую страну кратковременно или на определенный долгий срок, не являлся официальным домом (посольством). В настоящее время дипломатическая работа ведется в определенно выделенных официальных домах, т.е. посольствах. Такие примеры встречаются в других источниках, дипломатическая работа в настоящее время развивается в большом темпе.

Термины *льготы* и *неприкосновенность* в данное время имеют разное значение. Термин *льготы* имеет многостороннее значение, и включает в себя значение неприкосновенности, но все же эти термины имеют семантическое различие. Например, в «Венской Конвенции о дипломатических отношениях» эти термины используются в различных значениях. Это указывает на то, что у каждого термина есть свой смысл, свое значение. В примерах четко вырисовывается, что у каждого термина есть различные направления, но использованный в истории термин «*tarhan haty*» обобщает всех. Использование дипломатических терминов в истории показывает, что с ранних времен государства вели международные (дипломатические) отношения. В этой статье был взят из истории только один термин и показано его различное использование в настоящее время. Если учесть, что у народа, построившего большие ханства, великие государства, были широкие дипломатические отношения, то можно сказать, что язык этого народа очень богат на дипломатические термины. С помощью этих терминов возникает возможность шире изучать историю народа.

Термин «*tarhan*» — сейчас имеет смысл *своевольный, свободный*, он возник намного раньше Исламства Кашкар, в языке туркмен-аргу означает *бег, большой властелин*. В алтайской эре тюркских языков это слово было очень распространено, в древнетюркском и монгольских языках оно использовалось в значении *полководец*, а также как *токарь* (в тувинской и монгольской речи). В древности мастера-токари пользовались большим авторитетом, в источниках описывается, что всем токарям присвоили звание «*tarhan*», в связи с победой древних *гоктуркменов* в местности Эргенекоп (Будагов, Егоров). После этого в тюркских, монгольских, а также аварских и болгарских ханствах вводится степень *tarhanlyk*. Источники рассказывают, что эти люди могли свободно передвигаться во владениях Абулгазы-властелина. Людям, освобожденных от разных налогов и тяжелых воинских обязанностей *хан* выдавал «*tarhanhaty*», им прощались девять прегрешений и другие ошибки, эти привилегии распространялись до девятого поколения [4].

Еще один термин, использованный в истории туркмен как дипломатический является слово «*towella*» (*посредник*). Одной из национальных особенностей туркменского народа является его добрососедское отношение к окружающим государствам, стараться жить с соседними государствами в согласии и дружбе. Также

туркменский народ всегда был способен найти компромисс в разногласии, помирить противоборствующие стороны, а значить найти путь к мирному сосуществованию. *Towellaçylyk*, т.е. посредничество, является одним из главных черт характера туркмен, начиная с семьи, общин, а также распространяясь к другим народам и государствам.

Дипломатические отношения начинались между городами, потом перешли к народам и государствам. В «Словаре туркменской классической литературы» дается толкование слов «*towella, towellaçylyk*» как *надеяться, просить, дружить*. В «Словаре туркменского языка» эти слова даны как *давать совет кому-либо*. В народной речи слова «*towella, towellaçylyk*» объясняются, как *быть посредником между спорящими сторонами, помирить, согласовать их*. Здесь слово *towellaçylyk* синоним со словом *araçy* — *Towellaçylyk* — это предупредить ссору, скандал и т.д., разрешить спорное дело мирным путем. *Towella* — слово как дипломатический термин, в источниках этому есть множество примеров. В истории есть примеры, что *Towella* происходило в различных видах. Например, вместе с уважаемыми людьми, т.е. с *тарханами*, шли к спорящей стороне для заключения какого-либо соглашения, или это происходило письменно (писали письмо), также с *тарханами* шли в семью для попытки установить родственные связи (сватовство). Например, во времена нашествия Кир ики в государство Массает, местный падишах предложил обвенчаться с Тумар (во избежание войны) [5]. В книге «Ковуснама» перед нападением во владения местностей Ыспыхан и Кухистан Солтан Махмыт ибн Собуктегин отправил посла вместе с письмом, т.е. *towella*. Как видно из примеров, туркменский народ при приближении угрозы войны, в первую очередь не полагался на саблю, а всегда искал пути *towella*, т.е. компромисс. *Towellaçylyk, towella* — эти термины в истории туркмен использовались для нахождения дипломатических отношений, в настоящее время эти термины используются в просторечии, художественных произведениях. В настоящее время в дипломатических отношениях эти термины заменены словами *дипломатическое предупреждение*. Например, 10 декабря 2007 года в Ашгабаде открылся Центр дипломатического предупреждения для стран Центральной Азии при поддержке ООН.

Выше на примерах было изложено пути использования двух терминов в истории и особенности использования их в настоящее время. Если показать на примерах использование этих двух терминов в английском языке, была бы возможность изучения сходства и различия между двумя языками.

По истории мы знаем, что английский народ был во власти многих стран, являлся владельцем широких просторов. Естественно, у страны с такой богатой историей дипломатические отношения начинаются очень рано. Слово *тархан*, как было изложено, в настоящее время используется как слово *иммунитет*. Отмечая, что это слово произошло с английского языка, можно произ-

вести некоторый научный лингвистический анализ. В английском языке слово пишется и произносится *immunity*, полное толкование его дается в «Словаре 12 Lingvo» — в научной медицине это обозначает противостояние заболеванию. Но как дипломатический термин слово *иммунитет* не дается самостоятельно, а употребляется в словосочетании *diplomatic immunity*. Этот дипломатический термин в данном словаре истолковывается так — дипломат, отправленный в какую-либо страну, освобожден от налогов, от уголовной ответственности, а также от других наказаний, т.е. имеет право неприкосновенности. Например, в работе *Венской Конвенции о дипломатических отношениях* также отмечается о *diplomatic immunity*.

Литература:

1. Алланазаров А., «Ojak», Ашгабат 2008.
2. «Türkmen dünýäsi», 22,09,2011.
3. Венская Конвенция о дипломатических отношениях, 1991.
4. Ataniýazow S., «Türkmen Diliniň Sözköki (Etimologik) Sözlügi», Aşgabat, 2004.
5. Журнал «Каракум», 2011, №6.

Термины *töwella*, *töwellaçylyk* в английском языке также употребляются как словосочетание *preventive diplomacy*, в настоящее время в туркменском языке также переводится и употребляется как *öňüni alyş diplomatiýasy*. Можно привести еще много примеров, но задача нашей небольшой научной работы была в том, чтобы показать, что эти термины в истории широко употреблялись в дипломатических отношениях, в настоящее время они утратили свое первичное значение, вместо них употребляются международные термины.

Вообще, при построении схемы дипломатических терминов нельзя не оглядываться на исторические источники. В заключении становится ясно, что свою историю мы должны изучать всесторонне.

К проблеме изменения звуковых характеристик слов китайского языка в потоке речи

Бабушкина Евгения Сергеевна, старший преподаватель
Томский политехнический университет

Общезвестно, что для того, чтобы добиться правильного произношения при изучении любого иностранного языка, необходимо, прежде всего, понять и тщательно проработать его звуковую сторону. При первом знакомстве с китайским языком, нельзя не отметить большое количество мягких, шипящих звуков, особую мелодику речи. Структурной особенностью китайского языка является то, что его минимальной неделимой частью является не отдельный звук, а именно слог. В классическом понимании, слог китайского языка состоит из двух или трех частей — инициали и финали (baŋ→b|aŋ) или инициали, медиали и финали (biɑŋ→b|i-|aŋ), в редких случаях слог состоит из одного конечного элемента — финали (ɑŋ, oɑ, ai, a и т.д.). Поскольку китайский язык является тональным, очевидно, что финаль со слогаобразующим и тонообразующим гласным играет очень важную роль. Финали могут быть *простыми* — выраженными одним гласным звуком, *сложными* — дифтонгами или трифтонгами — выраженными сочетанием медиали (-i-, -u- или -ü-) с простой финалью или *нососовыми* — выраженными сочетанием простого гласного с конечным переднеязычным п (-eŋ, -ɑŋ) или заднеязычным ng (-ɑŋg, -eŋg).

Хотя в отличие от русского языка, где согласные звуки играют активную роль, инициали китайского языка, выраженные одним согласным звуком, общепризнанно достаточно пассивны, именно они, благодаря своему своеобразию создают незабываемый звуковой образ языка. В китайском языке 21 инициаль, 6 из которых образуют пары по наличию отсутствию придыхательности (b-p, g-k, d-t), 10 из которых являются шипящими и свистящими.

Сочетания инициалей и финалей китайского языка строго фиксированы, в китайском языке их насчитывается около 400. Казалось бы, такое относительно небольшое количество основных звуковых единиц позволяет при упорных тренировках достичь безусловного успеха, но идеальное произношение отдельных слогов и слов китайского языка не оберегает нас от «акцента», потому что, помимо правил произношения отдельных звуков, отдельных слов, надо знать еще, как произносятся группы слов.

Таким образом, говоря об изменениях звуковых характеристик слогов китайского языка в группе слов необходимо затронуть такие явления, как ассимиляция, редукция, стяжение слогов, назализация и прибавление звука.

В потоке речи слова, так или иначе, взаимодействуют друг с другом, изменяя свою звуковую оболочку, прежде

всего, в сторону удобства, упрощения артикуляции, конкретные примеры чего мы и попытаемся рассмотреть далее.

Часто при разговоре с носителями китайского языка возникает ощущение, что в знакомом слове четко слышится *m* вместо *n*, *ng* вместо *n*, трудно распознается на слух финаль слога и т.д., попытаемся объяснить все эти явления с помощью ассимиляции, редукции, стяжения, назализации и добавления звука.

Под *ассимиляцией* в фонетике понимается уподобление звуков в потоке речи. Если звук речи уподобляется предшествующему звуку, ассимиляция называется прогрессивной; если последующем — регрессивной. В зависимости от того, по какому признаку идет уподобление, различают ассимиляцию по способу образования и ассимиляцию по месту образования, каждая из которых может быть полной или частичной. Ассимиляция может в равной степени затрагивать и гласные, и согласные звуки.

Рассматривая ассимиляцию согласных звуков на границах слогов в китайском языке, стоит говорить только о регрессивной ассимиляции, так как, по словам Н.А. Спешнева, прогрессивная ассимиляция вообще достаточно редкое явление, а в китайском языке она почти не встречается. Регрессивная же ассимиляция в китайском языке — явление довольно частое. В основном это полная или частичная ассимиляция по месту образования, которая связана с изменением положения органов речи. Так, переднеязычные согласные перед губно-губными и заднеязычными согласными сами становятся соответственно губно-губными и заднеязычными. При полной ассимиляции переднеязычный носовой *p* встречаясь с губно-губным носовым *m*, уподобляется ему:

什么 *shénme* → *shémme* «что», 羡慕 *xiànmù* → *xiàmmù* «завидовать», 关门 *guānmén* → *guāmmén* «закрывать дверь» и т.д. При частичной ассимиляции также переднеязычные согласные перед губно-губными и заднеязычными согласными становятся соответственно губно-губными, например, 电报 *diànbào* → *diàmbào* «телеграмма», 面包 *miànbāo* → *miàmbāo* «хлеб» либо заднеязычными 很好 *hěn hǎo* → *hěng hǎo* «очень хорошо», 电话 *diànhuà* → *diànghuà* «телефон», 暖和 *nuǎnhuo* → *nuǎnghuo* «тепло», но не уподобляются последующему согласному.

Еще одним характерным для китайского языка типом ассимиляции является ассимиляция по способу образования, например, полное озвончение слабых глухих (полувзвонких) согласных в положении между двумя гласными (интервокальное положение): 来吧 *lái ba* «иди (сюда)»; 我的 «мой»; 好比 *hǎobǐ* «например».

Зачастую причиной качественных и количественных изменений звуков в потоке речи помимо комбинаторики, являются и другие факторы, такие как ударение и темп речи. Очевидно, что звук, находящийся под ударением, имеет более энергичную и более четкую артикуляцию, чем звук, находящийся в безударном положении. То же можно сказать и о темпе речи. Соответственно, на-

более подверженными *редукции* — изменению звуковых характеристик речевых элементов, вызванного их безударным положением по отношению к другим, ударным элементам, — являются гласные и согласные, расположенные в безударных либо с нулевым тоном слогах.

В гласных при редукции наблюдается превращение их в неопределенные гласные, произносимые с нейтральным положением языка. Открытые гласные становятся более закрытыми, в отдельных случаях происходит их делабиализация, уменьшается общая напряженность органов речи. Так, в потоке речи финаль — *ai* может видоизмениться до нейтрального *e* [*ai* → *ei* → *e*]: 回来 *huílái* → *huíle* «возвращаться», 脑袋 *nǎodai* → *nǎode* «голова», 明白 *míngbái* → *míngbe* «понимать»; финаль второго слога *ai* произносится как *ou* [*ai* → *ou*]: 眉毛 *méimáo* → *méimou* «бровь», 葡萄 *pútáo* → *pútou* «виноград»; [*an* → *en*]: 打扮 *dǎbàn* → *dǎben* «наряжаться, приводить себя в порядок»; 麻烦 *máfan* → *máfēn* «беспокоить»; [*ja* → *je*]: 专家 *zhuānjiā* → *zhuānje* «специалист»; 人家 *rénjiā* → *rénje* «люди»; [*ua* → *uo*]: 棉花 *miánhuā* → *miánhuo* «вата, холопок»; 笑话 *xiàohuà* → *xiàohuo* «анекдот»; 西瓜 *xīguā* → *xīguo* «арбуз»; [*ü* → *i*]: 下去 *xiàqù* → *xiàqi* «спуститься» и т.д.

В некоторых случаях, по словам А.Н. Спешнева, происходит полная редукция гласного [*u* → *a* → *∅*]: 大夫 *dàifū* → *dàifū* «врач», 衣服 *yīfú* → *yīfū* «одежда».

Аналогичное ослабление артикуляции наблюдается и у согласных, оказавшихся в безударном слоге. При частичной редукции у смычных согласных происходит ослабление взрыва, и согласный приобретает некую аффрицированность или вообще может стать щелевым. Кроме того, у согласных при редукции сокращается воздушность, что для китайского языка означает потерю придыхательности. Сильная редукция звука часто приводит к полному его исчезновению: 你们 *nǐmen* → *nǐm* «вы», и как следует из примера, полностью редуцируется финаль в слоге, оказавшаяся в безударной позиции.

Зачастую при разговорном типе произнесения, редукция может затрагивать не только слабоударные, но и даже сильноударные слоги. Причем характерным в данном случае является исчезновение (сокращение) конечного сонанта: 栅栏 *zhàlán* — *zhàlá* «палисадник»; 半拉 *banlā* — *balā* «половина, пополам»; 当郎 *dāng láng* — *dālā* «лязг (звукоподражание)».

Мы не случайно столь подробно остановились на вопросе редукции, ибо все вышеперечисленные явления встречаются в разговорной речи среднего темпа. Знание общих правил редукции будет способствовать правильному произношению и беглости речи.

В китайском языке имеется ряд слов, которые образовались в результате *стяжения* нескольких слогов в один. В конечном итоге от исходных слогов остается инициаль первого слога и видоизмененная финаль либо первого, либо второго слогов. Как и редукция, стяжение характерно для разговорной речи. Рассмотрим несколько примеров:

不要 bù yào → 别 bié «нельзя, не надо»; 不用 bù yòng → 甬 béng «не надо, не следует»;

三个 sān gè → 仨 sā «трое»; 两个 liǎng gè → 俩 liǎ «двое»; 那一 nà yī → 那 nà «тот, то»;

这一 zhè yī → 这 zhè «этот, это». Некоторые появившиеся в результате стяжения слова получили новую иероглифическую запись.

Еще одним достаточно любопытным явлением представляется *назализация*. В китайском языке она наиболее характерна для гласных, оказавшихся перед сонантом. Артикуляционно назализация гласного возникает при опускании маленького язычка, в результате чего воздух проходит через полость носа. В быстром темпе речи конечные сонанты (как заднеязычный *ng*, так и переднеязычный *n*) нередко редуцируются, а предшествующий им гласный назализуется. Таким образом, назализованные гласные в словах 蓝 lán [la] «синий» и 狼 láng [la] «волк» являются их единственными различительными признаками. В первом случае гласный передний, во втором — задний, и в потоке речи для различения подобных назализованных гласных необходимо иметь определенный навык. Явление назализации слогаобразующего гласного более характерно для финалей с конечным [n], например, 很 hěn «очень» в слове 很好 hěn hǎo → hé hǎo «очень хорошо».

Еще одним явление, происходящим на стыке слогов, является *прибавление звука*, при этом первый из двух слогов оканчивается сонантом, а второй начинается непосредственно со слогаобразующего гласного финали, появляется дополнительный звук происходит удвоение конечного сонанта первого слога. Удвоенный звук становится инициальной второго слога: 方案 fāng'àn — fāng'ngàn «проект»; 很爱 hěn ài — hěn nài «очень любить» и т.д.

Типичным примером подобного явления дополнительного звука на стыке слогов могут служить сочетания слогов различного состава с распространенным в китайском языке междометием 啊 [a]. В этом случае возникают следующие закономерности. Если предшествующий слог завершается носовым сонантом, то складывается ситуация, аналогичная той, которая описана выше: 真好看啊 zhēn hǎokàn a — zhēn hǎokàn na «как красиво!»; 别忙啊 bié máng a — bié máng nga «не торопись!» и т.д.

Литература:

1. Алексахин А.Н. Теоретическая фонетика китайского языка. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. — 204 с.
2. Задоев Т.П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Вводный курс. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. — 271 с.
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
4. Румянцев М.К. Фонетика и фонология современного китайского языка. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 302 с.
5. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. — Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1980. — 141 с.

Если слог оканчивается финалями /a/, /e/, /u/ (с учетом модификаций в восходящих дифтонгах), /i/, /ü/ или /ai/, то перед междометием возникает дополнительный звук [i], нередко произносимый близко к русскому *й*: 我真渴啊 wǒ zhēn kě a — wǒ zhēn kě ya «мне очень хочется пить», 你说啊 nǐ shuō a — nǐ shuō ya «говори же!», 真美丽啊 zhēn měili a — zhēn měili ya «как красиво!», 有趣啊 yǒuqù a — yǒuqù ya «как интересно!», 来啊 lái a — lái ya «иди же сюда» и т.д.

Несколько иначе дело обстоит со слогами zhi, chi, shi, gi, после которых междометие [a] либо вовсе не изменяется либо перед ним появляется звук, напоминающий согласный [г]. После слогов zi, ci, si дополнительный звук отсутствует:

吃啊 chī a — chī ga «кушайте, ешьте!», 是啊 shì a — shì ga «ну конечно же!»

Слог, непосредственно предшествующий междометию, всегда ударный. Безударное междометие имеет восходящую мелодику и несколько большую длительность, чем обычный четвертый тон. В конечном же итоге все зависит от темпа речи, поэтому скорее следует говорить об относительной длительности междометия (в сопоставлении с предшествующими слогами).

Таким образом, подводя итоги вышесказанного, стоит не только отметить, прежде всего, важность постановки правильного произношения гласных и согласных звуков, отдельных слогов, но и учесть возможные варианты их видоизменений в потоке речи. Устная речь носителя любого иностранного языка всегда будет фонетически отличаться от самой точной транскрипции, составленной на бумаге. Даже звуковые характеристики фразы, четко произнесенной для студентов на уроке и тут же сказанной в потоке свободной речи, могут заметно расходиться. Поэтому при общении с носителями китайского языка, при отработке собственного произношения, необходимо помнить, что в потоке речи некоторые звуки могут изменяться до неузнаваемости и быть готовыми к этому. Особое внимание следует уделять слогам, находящимся в безударном положении либо с нулевым тоном, поскольку их финали наиболее подвержены редукции, носовым финалям, расположенным перед губно-губными и заднеязычными согласными, слогам, начинающимся на гласный и т.д.

Кинемы-жесты в английском и кыргызском языковых обществах

Бекбалаева Чолпон Амангелдыевна, кандидат филологических наук, и.о. доцента
Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (г. Бишкек)

Кинемы-жесты, или просто жесты, ассоциируются всегда с жестикуляцией рук. Такое общепринятое понимание зиждется на филологическом толковании значения данного слова: «Жест... движение рукой, обычно сопровождающее речь для придания ей выразительности: решительный жест, выразительный жест, энергичный жест...» [1, с. 187].

Однако лингвистическое, а точнее, паралингвистическое понимание жеста несколько отличается от общепринятого филологического понимания. В акте речевой и внеречевой коммуникации в качестве паралингвистической кинемы выступает не только движения рук, но и движения головы, например, при констатации согласия или несогласия, движения плеч, например, кинема «пожимать плечами» при затруднении ответить на вопрос, или движения ног.

Представим себе нижеследующую ситуацию. Некто благодарит вас за оказанную услугу. «Отсутствие реакции на благодарность... считается невежливым. Ответ на благодарность сводится к заверению, что соответствующая услуга, любезность совершены с удовольствием. Жест — кивнуть головой» [2, с. 178] [подчеркнуто нами, Ч.Б.].

Или на вопрос матери, занятой на кухне неотложными кухонными делами, что делает дитя в гостинной, присматривающий за девочкой отец, показывает телодвижениями, что «она сняла свой бант, завязала кукольному жирафу и ходит с ним (изображает первое, второе и третье действие; в третьем изображено, что ребенок держит игрушку под мышкой...)» [3, с. 473].

Таким образом, лингвистическое понимание жеста является несколько широким по сравнению с общепринятым филологическим пониманием. Первое включает в себя не только движения рук, но также и движения всех прочих частей тела: головы, плеч и ног.

Проследим на материале английских и кыргызских паралингвистических кинем наличие или отсутствие паралингвистических признаков: рациональности — эмоциональности, собственно модальности — модальной оценочности и позитивной — негативной оценочности (паразыковых жестов-кинем).

1) «I feel completely washed up after a day at the office», Mr. Hudson said and waved his hand inexplicitly [4].

«Я чувствую себя совершенно разбитым в конце рабочего дня», — сказал мистер Хадсон и махнул неопределенно рукой [перевод наш, Ч.Б.].

В английском примере употреблен жест waved his hand inexplicitly (махнул неопределенно рукой), который эксплицируется рукой. По ситуации и по произносимой фразе I feel completely washed up after a day at the office

(Я чувствую себя совершенно разбитым в конце рабочего дня) мистера Хадсона можно констатировать наличие семантико-стилистических нюансов модальности, а именно, модальности, выражающей отношение самого говорящего к своему высказыванию. В данном предложении-высказывании наблюдается «субъективная квалификация сообщаемого, ... когда субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания» [6, с. 303].

Однако данная субъективная модальность, как мы полагаем, не присуща жесту означенного мистера Хадсона waved his hand (махнул рукой), поскольку на нейтральность жеста и, в сущности на его рациональность, т.е. на отсутствие каких-либо добавочных коннотативных стилистических нюансов, указывает употребленное определение *inexplicitly* (неопределенно).

2) Then this wolf comes up to me and starts holding my hand [5].

А затем этот донжуан подходит ко мне и начинает тискать мне руку [перевод наш, Ч.Б.].

Аналогичное, как и в примере 1), наблюдается и в примере 2). Здесь мы имеем переносное значение английского слова *wolf* (волк). Лексема *wolf* употреблена в нашем переводе «донжуан». Данное русское слово «донжуан» избрано нами в качестве переводного соответствия английского *wolf* исходя из общей семантики всего контекста, в котором речь идет о человеке-сердцеде и воздыхателе и большом ценителе женщин. И именно данное слово *wolf* в переносном значении «сердцеде-донжуан» привносит в смысл всего предложения добавочную коннотацию модальности, а именно, некоторую оценочность субъекта речи, но с позиций автора. С позиций же экспликатора жеста *wolf*-донжуана уже никак нельзя утверждать о наличии какой-либо модальности в кинеме *starts holding my hand* (начинает тискать мне руку). То есть паралингвистический жест из примера 2) является кинемой рационально-нейтральной и лишенной каких-либо дополнительных стилистических коннотативных нюансов.

3) Абылкасым жабылган эшикти көрсөтүп, күтө тур деди [7].

Абылкасым указал ему рукой на закрытую дверь и просил обождать [перевод наш, Ч.Б.].

В кыргызском примере 3) паралингвистическая кинема «эшикти көрсөтүп» переведена нами на русский язык «указал рукой на дверь», но дословно в кыргызском предложении не содержится орган экспликации кинемы-жеста «рука». Дело в том, что в кыргызском языке понятие «рука» входит в семантическую структуру глагольной лексемы «көрсөтүп» (указал); если бы подра-

зумевалось нечто иное, например, «указал головой», то это было бы реализовано эксплицитно. Кыргызский жест «эшикти көрсөтүп» (указал рукой на дверь) является кинемой рациональной, только исполняющей номинативно-указательную функцию и не содержащей никаких коннотативных компонентов.

4) Капитан башын ийкеп, Апсаматты стулга отурганы чакырды [7].

Капитан кивком головы пригласил Апсамата сесть на стул [перевод наш, Ч.Б.].

В данном кыргызском примере употреблена кыргызская паралингвистическая жестовая кинема «башын ийкеп...стулга отурганы чакырды» (кивком головы...пригласил сесть на стул). Указательный жест «башын ийкеп» (кивком головы) конкретизирует орган экспликации жеста — «голову». Если убрать из данного предложения словосочетание «башын ийкеп», то остальная часть предложения «Капитан Апсаматты стулга отурганы чакырды» (Капитан пригласил Апсамата сесть на стул) будет имплицитно подразумевать, что приглашение сесть на стул было сделано рукой [ср. Анализируемый нами пример 3]. В данном примере 4) кыргызский жест «башын ийкеп» является указательно-дейктическим и никоим образом не несет в себе каких-либо дополнительных коннотативно-стилистических компонентов.

И потому английские кинемы-жесты из примеров 1) и 2) и кыргызские кинемы-жесты из примеров 3) и 4) могут быть идентифицированы как равнозначные, поскольку они обладают только прямым номинативным признаком содержания и не имеют никаких дополнительных семантико-смысловых коннотативных компонентов:

1) waved his hand (махнул рукой) =	3) эшикти көрсөтүп (указал на дверь)
2) starts holding my hand (начинает тискать руку)	4) башын ийкеп отурганы чакырды (кивком головы пригласил сесть)

Перейдем теперь к рассмотрению паралингвистических кинем-жестов с эмоционально ориентированной семантикой.

5) He hung out in a two-by-four office with a desk and a chair, and drummed his fingers on the table of boredom [4].

Он сидел в крошечной конторе, где кроме стола и стула ничего не было, и от скуки постукивал пальцем по столу [перевод наш, Ч.Б.].

В данном примере употреблено описание жеста *drummed his fingers on the table of boredom* (от скуки постукивал пальцем по столу), который мы считаем кинемой эмоциональной, а именно с собственно-модальным компонентом, на последний указывает обстоятельство причины *of boredom* (от скуки). В означенной кинеме нет никаких семантических, коннотативных нюансов, указывающих на ту или иную субъективную оценку как содержания высказывания, так и предмета речи. Жест *drummed his fingers on the table of boredom* не только

не содержит никаких оценочно-стилистических нюансов «как одной из основных частей стилистической коннотации» [8, с. 305], но и вообще не имеет никаких компонентов, указывающих на оценочность. Оценочность обычно выявляется не только из узуально-закрепленной информации в денотативно-сигнификативном значении слова, но и из поведения самого обозначаемого субъекта речи. А обозначаемый субъект речи в английском примере 5) — *he* (он) — не выказывает никакой оценочности жеста. Обстоятельство причины *of boredom*, конечно же, придает эмоциональность всему жесту, но никак не оценочность.

6) Албетте, Гулшан Апсаматка сөз айтам деп, аны чакырды келип, колун да өйдө көтөрдү [7].

Гульшан, конечно же, хотела сказать пару слов Апсамату и даже подняла вверх руку, желая окликнуть его [перевод наш, Ч.Б.].

В данном примере употреблен жест «чакырды келип, колун да өйдө көтөрдү» (даже подняла вверх руку, желая окликнуть его), который мы также считаем эмоциональным и собственно модальным, но лишенным какой бы ни было оценочности. Эмоциональность и модальность выражается через словосочетание — обстоятельство причины «аны чакырды келип» (желая окликнуть его), которое однако является безучастным к категории оценочности. Основа данного словосочетания глагол «чакыр» не содержит в своей семантической структуре никаких позитивных или негативных семантико-стилистических коннотативных компонентов. В данном примере реализуется лишь одно конкретное значение многозначного слова «чакыр»: *Үн салуу, кыйкыруу* [9, 10, с. 637]. Или: «чакыр — звать, вызывать, приглашать, созывать» [11, с. 338]. И потому означенная выше кинема «колун да өйдө көтөрдү» (и даже подняла вверх руку) может быть отнесена к кинемам эмоциональным, но с собственно модальным компонентом, без никакой оценочности.

Перейдем теперь к сопоставительному рассмотрению паралингвистических кинем, которые были нами ранее обозначены как жесты эмоциональные, но с модально-оценочным компонентом. Модально-оценочный компонент предполагает, в основном, субъективную оценочность, был подразделен нами на два подвида: позитивная оценка и негативная оценка.

7) Mr. Smith personifies the average fairly well-heeled middle-aged American male. He always has friendly, but firm handshake. [Lardner R. Some Like Them Cold].

Мистер Смит олицетворяет обычного, довольно зажиточного американца среднего возраста, у него всегда доброжелательное, но крепкое рукопожатие [перевод наш, Ч.Б.]

В англоязычном примере 7) мы имеем паралингвистическую кинему-жест *has friendly, but firm handshake* (доброжелательное, но крепкое рукопожатие). Данная кинема, конечно же, является жестом эмоциональным, и при этом эксплицитно указывающим позитивную оценочность, по-

зитивное отношение субъекта речи, употребляющего данную кинему-жест. Рукопожатие является необходимой составляющей ситуации приветствия во многих языковых обществах и лингвокультурах, в которых оно воспринимается не только как нейтрально-рациональное явление, но и как позитивно-модальное, т.е. с положительной эмоциональностью.

Более того, известны факты негативной эмоциональности при рукопожатии во многих языковых обществах и лингвокультурах. Например, в кыргызской лингвокультуре существует рукопожатие с эксплицитно-выраженной отрицательной семантикой «колунун учун берүү» (здороваться кончиками пальцев), которое имеет семантику: «Учурашкысы келбөө, жагтырбоо» (не желать здороваться, считать неприятным) [12, 1126.]

8) Мусакун жылмайып, аны далыга чапкылады [13].

Мусакун приветливо похлопал его по плечу [перевод наш, Ч.Б.].

В кыргызском примере 8) употреблен жест «аны далыга чапкылады» (похлопал его по плечу) с обстоятельством наречием «жылмайып» (приветливо). И данное обстоятельство образа действия сразу придает кинеме позитивно-модальную эмоциональность. В данном предложении эмоциональная модальная позитивная оценочность проявляется в первую очередь через структуру ситуации и семантику высказывания. Здесь мы имеем именно тот случай, когда позитивная модальность заложена в смысле самого предложения-высказывания и не требуется никаких фоновых, контекстных знаний.

Перейдем теперь к сопоставительному рассмотрению английских и кыргызских жестов, эксплицирующих эмоциональную модально-негативную оценочность.

9) He had a real whiten knuckle session with the boss this morning. He was shaking his fist at him, promising discharge [4].

Литература:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — около 57000 слов. — изд. 14-е, стереотип./ Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1983. — 816 с.
2. Городникова М.Д., Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь речевого общения. — более 15000 речевых клише. — М.: Русский язык, 1998.
3. Русская разговорная речь. / Отв. ред. Е.А. Земская. — М.: Наука, 1973.
4. Lardner R. Some Like Them Cold. — London.: Arnold, 1986.
5. Hailey A., Castle J. Flight into Danger. — London: Longman, 1992.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. / Глав. ред. В.Н.Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
7. Повесттер: Жаштар үчүн / Түз. К. Асаналиев. — Фрунзе: Мектеп, 1984.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966.
9. Кыргыз тилинин сөздүгү // түз.: А. Акматалиев, А. Кадырмамбетова, М.Касымбелдиева ж.б. — Бишкек: «AVRASIA JAYINCILIK», 2010.
10. Юдахин К.К. Русско-кыргызский словарь 51000 слов. — М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.
11. Юдахин К.К. Кыргызско-русский словарь. Около 40000 слов. кн II. Л-Я. — И.: Советская энциклопедия, 1985.
12. Конкобаев К., Ботобекова А. Кыргыз ымдоо-жаңсоолорунун сөздүгү. — Бишкек: Bilge басмасы, 2007.
13. Мураталиев М. Көктөм. Повесть жана ангемелер. — Фрунзе: Мектеп, 1977.

Они с шефом побелели от ярости, когда выясняли отношения сегодня утром, шеф все грозил ему кулаком, обещая уволить [перевод наш, Ч.Б.].

Жест «грозить кулаком» является грубо-эмоциональным и выражает конкретное «...отношение говорящего (модус) к содержанию сообщения (диктум). Эмоциональный жест «читается» в соответствии с мимикой лица и интонацией речи» [3, с. 466].

Отметим в этой связи, что и в кыргызском языке означенный жест «муштум көрсөтүү» (пригрозить, припугнуть) является кинемой с грубо-эмоциональной семантикой и с негативно-модальной коннотацией.

10) Айдаркул артка кылчайып карады, баланы көпкөчөйүн тиктеп, андан соң сөөмөйү менен чекесин каккылады: жарым эссиң дегенсип [7].

Айдаркул оглянулся назад, долго смотрел на мальчика, потом несколько раз постучал себя по лбу: мол, дурак ты [перевод наш, Ч.Б.].

В примере употреблена кинема-жест «сөөмөйү менен чекесин каккылады: жарым эссиң дегенсип» (постучал себя по лбу: мол, дурак ты). Жест этот в данном предложении уже семантически пояснен: «жарым эссиң дегенсип» (мол, дурак ты). Но если бы даже не было бы в наличии такого пояснения эмоционально-оценочной и негативной семантики данного жеста, то все равно он придавал бы ситуации эмоционально-оценочную негативность.

Думается, что ввиду совпадения как плана выражения, так и плана содержания эмоциональных модально-оценочных кинем с негативной оценочностью в обоих сопоставляемых нами языках, можно поставить знак равенства между английской кинемой в примере 9) и кыргызским жестом в примере 10).

Сопоставление кинем-жестов английского и кыргызского параязыка показывает, что они в обеих паралингвистических системах являются большей частью сходными.

Степень освоенности иностранной лексики в произведениях В.И. Даля

Богомолова Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, ст. преподаватель
Государственный университет управления (г. Москва)

Отношение русских писателей к иноязычной лексике всегда было неоднозначным. По мнению одних, заимствования обогащают словарный запас русского языка. Однако большинство писателей скептически относились к использованию в русской речи иностранных слов. Среди них и известный лексикограф, писатель, исследователь народных говоров В.И. Даль. Свои теоретические взгляды на указанную проблему ученый изложил в статьях «Напутное слово», «О русском словаре», «Ответ на приговор», «Полтора слова о русском языке», «Искажение русского языка» и др. Лексикограф считал, что русский язык богат и самодостаточен, а потому нет надобности засорять его заимствованиями. Писатель пытался разрешить эту проблему и практически в своем «Толковом словаре живого великорусского языка»: в словарной статье к иностранным словам он помещал ряд русских полных синонимов, надеясь ввести их таким образом в употребление (например, *актер* — артист, сценический художник, лицедей, личник, скоморох). В.И. Даль считал лишь те заимствования приемлемыми для русской речи, которые прочно вошли в обиход и обозначали понятия других культур.

Представляется интересной попытка проанализировать, насколько последовательно В.И. Даль отражает свои теоретические взгляды в литературном творчестве, как часто он использует иноязычную лексику, заменяет ли иностранное слово синонимом, указанным им самим в Словаре, и т.д. Нами были проанализированы несколько повестей и очерков писателя — «Бедовик», «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту», «Вах Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей», «Хмель, сон и явь», «Петербургский дворник», «Денщик», «Павел Алексеевич Игривый» и др.

Примерно на 320 печатных страниц нам встретилось чуть более 200 слов иноязычного происхождения. Их можно разделить на те же лексические группы, что и иноязычную лексику в целом в его Словаре: 1) одежда, обувь, головные уборы: *халат, шинель, шляпа, кафтан, фрак, корсет* и др., 2) предметы быта: *стакан, салфетка, фонарь, чемодан, вакса* и др., 3) жилище, предметы мебели: *чулан, карниз, ширма* и др., 4) профессия, род деятельности: *конторщик, секретарь, журналист, кондуктор* и др., 5) военные чины, звания, подразделения, части военного обмундирования, военные наказания, места расположения: *полковник, солдат, корнет, гофмаршал, адъютант, гарнизон, батальон, шпоры, эполеты, галуны, конвой, гауптвахта, казарма* и др., 6) понятия культуры: *концерт, оркестр, театр* и др., 7) понятия литературы, искусства: *анекдотиче-*

ский, иронически, гениальный, виртуоз и др., 8) музыкальные понятия: *оперные арии, марш, аккорд, тенор, бас, контрабас, фагот, барабан, флейты, кларнет, виолончель* и др., 9) понятия политические, юридические: *департамент, прокурор, инспектор, канцелярия, регистратор* и др., 10) понятия экономические и юридические, документы: *финансы, штат, паспорт, цензура, статистический, циркулярно, ассигнация, аудиор* и др., 11) понятия учебной сферы: *академия, университет, класс, экзамен* и др., 12) отвлеченные, научные понятия: *эпоха, тактика, климат, атмосфера* и др., 13) медицина: *лазарет, рецепт, ланцет* и др., 14) торговые понятия: *ярмарка, магазин, базар* и др., 15) виды транспорта, способы передвижения: *экипаж, рессор, кучер, катер, дилижанс* и др., 16) игры: *лотерея, луза, бильярдная, ломберный* и др.

Почему же писатель, ратуя за необходимость ограничения количества иноязычных слов в русском языке, как видим, достаточно активно использует их сам в литературных произведениях? Рассматривая этот вопрос, необходимо помнить, что Даль признавал неизбежность существования в русском языке тех иностранных слов, которые обозначали предметы и понятия, пришедшие к нам из других стран. Это касается также понятий, обозначающих предметы из области культуры, искусства, медицины, юриспруденции, поскольку они являются общими для многих языков. Сохраняет Даль и заимствованные названия чинов, не приводя им русских аналогов в своем Словаре.

В «Напутном» В.И. Даль писал, что не уделяет большого внимания языку-источнику иностранного слова. Сравнив указания на происхождение слов, которые Даль использует в вышеуказанных литературных произведениях, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и в «Этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой мы пришли к выводу, что часто эти лингвисты расходятся между собой во мнении о языке-источнике того или иного слова:

Иностранное слово	Язык-источник в Словаре В.И. Даля	Язык-источник в словаре Н.М.Шанского, Т.А.Бобровой
фрак	франц.	немец.
контора	франц.	немец.
армия	франц.	немец.
галантерея	франц.	немец.
камердинер	лат.	немец.
университет	лат.	немец.
фундамент	лат.	польск.
инстанция	лат.	польск.

аптека	греч.	польск.
фамилия	франц.	польск.
станция	лат./франц.	польск.
почтмейстер	нем.	польск.
ярмарка	нем.	польск.
альбом	лат.	франц.
инспектор	лат.	франц.
архивариус	греч.	лат.
статистика	греч.	лат.
контрабас	франц.	итал.
оркестр	итал.	франц.
пистолет	от чеш. «пищаль»	франц.
институт	франц.	лат.
трагедия	греч.	лат.
ярлык	тат.	тюрк.
халат	тат.	тюрк.

В чем причина такого несовпадения? Следует опять вспомнить слова самого В.И. Даля. Он сам признавался, что «указания на отечество чужих слов» у него вообще «неполны и поверхностны». Он не занимался этим вопросом глубоко, а потому указывал только ближайший источник слова. Тем не менее, в указаниях Даля на источник некоторых слов можно проследить четкую логику, которой следовал лингвист. Так, источником слов — музыкальных терминов Даль называет итальянский язык; источником слов, относящихся к учебной сфере, источником отвлеченных слов ученый называет латинский язык; источником слов, относящихся к сфере искусства, — греческий язык.

Но помимо таких несовпадений нами отмечены случаи, когда В.И. Даль совсем не указывает язык-источник для иностранных слов, которые он использует в своих произведениях. Так, в Словаре нет пометок об иностранном происхождении следующих слов: магазин; карта, герб, класс, бланк, банк, каникулы, концерт; кабинет, комната, карниз, чулан, квартира, палата; вакса, табак, чемодан, стакан; шапка, шляпа, капот, шелк, шинель; карета, катер; лотерея, ломбер; музыка, марш, барабан, гитара, тенор; финансы, графа, канцелярия; артель, казарма, эскадрон, кавалер, рота, фланг, шпоры, караул. Вероятно, это связано с тем, что данные слова так прочно вошли в область бытовой и официальной лексики русского языка, употребляются так активно, что большинством носителей языка уже не воспринимаются как иноязычные. Это предположение доказывает и тот факт, что ни к одному из этих слов В.И. Даль не приводит ряд русских синонимов, как обычно он делает для иноязычных слов.

Часто иноязычным словам В.И. Даль в Словаре приводит ряд синонимов. Однако не всегда в литературном произведении он использует русский синоним вместо иноязычного слова. Так, приводя в Словаре ряд синонимов к нижеперечисленным словам, Даль, однако, в произведении употребляет иностранное слово: *Рессора* — пружина, пруга; *карета* — рыдван, колымага; *салфетка* — ширинка, утиральник, столечник; *рецепт* — предписание, ярлык врача; *эпоха* — рубеж, раздел; *астролябия* —

угломер; *календарь* — месяцеслов; *экзамен* — испытание; *паспорт* — свидетельство, вид; *циркуляр* — послание, окружное письмо, предписание, сообщение, повестка; *штат* — устав, роспись, положение; *сан* — почет; *статут* — устав, уложение; *рапорт* — донесение; *марш* — поход, переход; *аккорд* — созвучие, согласие звуков; *клавиша* — косточка; *гениальный* — самобытный, самодарный; *иронический* — глумный, насмешливый; *анекдот* — байка, баутка; *поэт* — стихотворец; *караул* — стража, пост, притин; *кунсткамера* — сохраник; *шпоры* — бодец, пристегнутые к сапогам торчки, шпеньки; *эполет* — наплечник, наплечье; *галуны* — позумент, газ; *фланг* — бок, сторона, крыло; *солдат* — рядович, служивый; *корнет* — хорунжий; *трактир* — гостиница, харчевня; *лакэй* — прислужник, человек; *актер* — артист, сценический художник, лицедей, личник, скоморох; *ширма* — щит, застава, за-слон; *комната* — покой, горница; *чемодан* — дорожный баул, сундук, укладка; *сарай* — каретник, завозня, мякинница, амбар; *инструмент* — прибор, сручье, струмент; *бульвар* — городское гульбище, просадь и др. «Митя насилие докричался отца, который, как и *кучер* (*возница, проводник, погоняла* — такие синонимы приводит В.И. Даль в Словаре) не слышал крику его за стуком экипажа», «он думал спросонья, что пришел на *лотерею* (*разыгорка*)», «*кий* (*толкач*)», «Григорий дышал свободно, пресыщаясь питательною густотою доморощенной *атмосферы* (*мироколица, колоземица*)», «сидел на телеге и распевал оперные *арии* (*одиночка, одноголоска*)», «*аристократия* (*вельможедержавие, боярщина*)», «мы слушаем публично *виртуозов* (*музыкант-дока*)», «Иосифа ни с того ни с сего взяли было на *гауптвахту* (*караульня*)», «*гарнизон* (*охрана, засада, домосидное войско*)», «всякий городит свои избы, палаты, *чердаки* (*подволока, верёх, подкровелье*)», «Иван Яковлевич вдруг опрометью побежал из залы в свой *кабинет* (*рабочая, тайник, казенка*)», «*аптека* (*зельница, снадобница*)», «*секретарь* (*письмовод*)», «*башмаки* (*выступки, обутки, черевки, калиги, галижки, босовики*)», «*шляпа* (*мужская головная покрывка*)» и др.

Таким образом, мы убедились, что, помещая в Словаре синонимы к иноязычным словам с целью растолковать значение слова и дать иностранному слову полноправные русские синонимы, которые теоретически являются, по мнению лингвиста, более предпочтительными, на практике В.И. Даль тем не менее редко использует какой-либо из этих синонимов в повестях и рассказах. Потому так важно отметить те редкие случаи, замеченные нами в анализируемых произведениях, когда Даль либо использует русский синоним к иностранному слову (этот синоним он указывает в Словаре), либо помещает русский синоним в одном ряду с иностранным словом, растолковывая таким образом его. В анализируемых текстах мы заметили 4 подобных случая. 1) «Лирову указали было место... рядом с *воспитательницей*, или так называемой

гувернанткой». См. в Словаре: гувернантка — воспитательница. («Бедовик»). 2) «Нет, это был не фокус (хозяин приготовил еще много *штука* на сегодняшний вечер)». См. в Словаре: фокус — фиглярство, *штука*, морока, отвод глаз. («Вах Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей»). 3) «Они видели и слышали с этого знаменитого *рынка, базара*, все, что делалось в то же самое время в Клине». См. в Словаре: базар — торжище, торг, *рынок*. («Бедовик»). 4) «Один дворник метет *плитняк*». См. в Словаре: *тротуар* — настилка, мостовая для пешеходов, *плитняк*, пешая, ходовая, обочина. («Петербургский дворник»). Как видим, подобные случаи очень редки, но именно в них согласуются теоретические взгляды В.И. Даля с практической их реализацией; они показательны в том смысле, что отражают суть взглядов В.И. Даля на иноязычные слова в русском языке.

Литература:

1. Даль В.И. Повести. Рассказы. Очерки. Сказки / Вступит. ст. Л.П. Козловой. — М.-Ленинград: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961. — 464 с.
2. Даль В.И. Полное собрание в десяти томах. — СПб, 1897—1898.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1—4. — М.: Рус. яз., 1989.
4. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прозерпина, 1994. — 398 с

Видоизмененная пословица как текстообразующее средство анекдота

Бондаренко Наталья Григорьевна, ассистент кафедры «Менеджмент»
Тульский институт управления и бизнеса им. Н.Д. Демидова

Анекдот, представляя собой короткий рассказ, занимает почетное место среди русского юмора. На сегодняшний день практически в любой газете или журнале можно найти страницу позитива. Юмор всегда выражал глубинные мысли, затаенные в душе народа. Через анекдоты порой можно узнать о жизни значительно больше, чем из СМИ или книг. Анекдот выступает в роли перевертыша, с легкостью рассуждает даже на запретные в обществе темы, он стоит на службе морали, высмеивая негативные поступки и пороки человека. Прочитав новые анекдоты, всегда можно понять, что в данный момент занимает или беспокоит русского человека.

Не случайно, что анекдот в последнее время все чаще становится предметом специального лингвистического изучения [Гольдин, Сиротинина 1993; Карасик 1997; Седов 1998; Шмелева, Шмелев 1999]. Объясняется это тем, что анекдот может выступать в качестве текста-источника прецедентных элементов.

К прецедентным можно отнести регулярно воспроизводимые в актах коммуникации феномены, хорошо известные всем представителям культурно-языкового коллектива [5, с. 52].

Таким образом, можем сделать вывод, что, ратуя за изъятие из состава русского языка иноязычных слов, В.И. Даль, однако, в вышеперечисленных произведениях не отражает последовательно свои теоретические взгляды: использует достаточно большое количество заимствований, чаще употребляет иноязычный эквивалент, нежели русский синоним слова, помещает в тексте произведений иностранные слова, которых нет в его словаре. Вероятно, это связано с тем, что анализируемые нами повести и рассказы написаны им большей частью в 40-е годы XIX века, а его лингвистические взгляды складываются в стройную систему, приобретают вид некоей строгой языковой теории позже, в 50-е, 60-е годы. Тем не менее, уже на раннем этапе творчества В.И. Даль редко, но показательно использует русский синоним или помещает его рядом с иноязычным словом (см. 4 примера). Уже в них мы находим наметки его будущих взглядов на иноязычные заимствования.

Анекдот характеризуется устойчивой формой, принадлежит к числу устных видов словесности и строится по законам жанра фольклорных текстов [4, с. 145]. Этот речевой жанр можно встретить в любой из внутринациональных речевых культур [2, с. 15].

В.И. Карасик, анализируя жанр анекдота, среди критериев для классификации указывает на соотношение с различными типами текста. В результате применения этого критерия он выделяет несколько формальных типов анекдотов: анекдот-повествование, анекдот-загадку, анекдот-афоризм и анекдот-пародию [4, с. 151].

Анекдот-пародия строится по аналогии с каким-либо стандартным текстом, или с устойчивым выражением, которое используется в качестве ключевого компонента анекдота. В связи с тем, что ни одна единица языка не является созданной раз и навсегда, не являются исключениями в этом плане и пословицы.

В рамках данной статьи рассмотрим особенности создания анекдота-пародии на пословицу.

Пародия является подражанием известного всем текста. Создается она именно на базе всем известного оригинала за счет механизмов дублирования и тран-

сформации [3, с. 30.] Поскольку пословица представляет собой минимальный заверенный текст, который возможно пародировать, то трансформированную пословицу (антипословицу) можно считать минипародией.

Одна из причин возникновения антипословиц заключается в реализации языкового закона экспрессивности. Стремление уйти от монотонности повседневного бытия вызывает потребность с помощью шутки, юмора и смеха разнообразить его.

Смех — это активная форма отношения к жизненным ситуациям. Таким образом, антипословица, наряду с другими комическими жанрами, становится одним из инструментов создания комических эффектов, создавая возможность посмеяться.

К другой, не менее важной причине, можно отнести стремление человека к творческой игре, в данном случае — языковой.

Основной целью исследования является выявление закономерностей образования языкового комизма в пословицах — пародиях в контексте анекдота.

Прежде всего, необходимо различать такие понятия как «комическое» и «комизм». Комизм сосредотачивается на смешном в его внешних проявлениях, на том, что вызывает смех мгновенно своей откровенной нелепостью и несообразностью. Комическое же, проникая вглубь явления, открывает в нем противоречие, несоответствие каким-либо нормам или представлениям.

В результате проведенного анализа, можно выделить следующие средства создания языкового комизма в пословицах — пародиях в контексте анекдота:

— Игра слов, в основе которой лежит омонимия.

Что посеешь — то и будешь искать . (ТЯ №19, 2012) Ср. Что посеешь, то и пожнешь.

Комический эффект достигается благодаря тому, что глагол посеять употребляется в переносном значении (лишиться по небрежности, потерять что-либо)

— Игра слов, в основе которой лежит паронимия.

Тупой платит дважды! (Зят, №15, 2012) Ср. Скупой платит дважды

Комический эффект достигается благодаря частичному звуковому сходству слов при их полном семантическом различии.

— Игра слов, в основе которой лежит замена одного или нескольких слов.

Стоит отметить, что это один из наиболее распространенных способов создания языкового комизма.

Гусинский Зюганову не товарищ. (Зят, №16, 2012) Ср. Гусь свинье не товарищ.

Хорошо смеется тот, кто стреляет последним. (Зят, №20, 2012) Ср. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Каков стол, таков и стул. (Зят, №21, 2012) Ср. Каков поп, таков и приход.

Не так страшен стоматолог, как его прейскурант. (Зят, №19, 2012) Ср. Не так страшен черт, как его малюют

Кто рано встает — тот далеко от работы живёт. (Зят, №21, 2012) Ср. Кто рано встает, тому бог подает.

Что русскому хорошо, то утром плохо. (ТЯ №17, 2012) Ср. Что русскому хорошо, то немцу смерть.

Комический эффект достигается благодаря замене слова-компонента в результате чего выражение становится конкретным, образным, экспрессивным.

— Игра слов, в основе которой лежит экспликация (расширение компонентного состава)

Любопытство не порок, а способ образования . (Зят, №20, 2012) Ср. Бедность не порок

Не так страшен русский танк, как его пьяный экипаж. (Зят, №16, 2012) Ср. Не так страшен черт, как его малюют.

Слово — не воробей! Вы когда-нибудь трехэтажного воробья видели?! (Зят, №20, 2012) Ср. Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь.

Комический эффект достигается благодаря включению новых лексических единиц при сохранении синтаксических конструкций. Высказывание как бы «подгоняется» под определенную ситуацию.

— Игра слов, где комизм достигается благодаря комбинации, то есть использованию нескольких трансформационных приемов одновременно:

Рождественский гусь новогоднему поросенку товарищ по несчастью. (ТЯ №20, 2012) Ср. Гусь свинье не товарищ.

Сколько человека не воспитывай на благородных началах, все равно он хочет жить хорошо. (Зят, №15, 2012) Ср. Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит.

В гостях хорошо, да никто не приглашает. Ср. В гостях хорошо, а дома лучше.

Комический эффект достигается благодаря тому, что формируется собственное прямое или переносное значение трансформации, не обнаруживающее связи с семантикой исходного текста, или же имеет место конкретизация значения исходной единицы вплоть до употребления трансформации в единичной ситуации.

— Игра слов, в основе которой лежит продолжение текста.

Аппетит приходит во время еды. Зверский аппетит — во время диеты. (Зят, №15, 2012) Ср. Аппетит приходит во время еды.

Комический эффект достигается благодаря расширению границ значения существующей пословицы. К исходному варианту добавляется трансформированная пословица, построенная по аналогии, с учетом замены компонентов.

Стоит отметить, что наряду с трансформами в контексте анекдота, можно встретить и классический вариант пословицы, который, используется для реализации эмоциональной (экспрессивной) функции языка:

Око за око. Зуб за зуб. На сайте «Одноклассники» Вовочка поставил двойки своей классной руководи-

тельнице Марье Ивановне за все фотографии. (www.trisemerkki.ru) или буквализации значения:

Знаете ли Вы, что если зимой поцеловать бампер с украинскими номерами — то язык до Киева доведет! (ТЯ №20, 2012)

В большинстве своих случаев экспрессия и языковая игра обуславливают возникновение трансформированных пословиц в анекдотическом тексте. Стоит отметить, что эти процессы сопровождаются приемом пародирования. С помощью пародии и свойственной ей языковой игры

осуществляется перестройка восприятия не только созданной человечеством «копилки» мудрости, но и в какой-то мере самой действительности.

Видоизмененная пословица в контексте анекдота — это чисто смеховой эффект или разрушение норм. Она воспринимается не только как языковая единица, эквивалентная слову, но и в силу своей расчлененности в процессе речетворчества может использоваться как речевая единица, которая всякий раз создается заново по определенной воспроизводимой модели.

Литература:

1. Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. — СПб., 2002. — с. 17–31 <http://philology.ru/>
2. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. С. 9–19.
3. Иванова Е.В. Пословичный фонд языка как когнитивная структура. Материалы Российской международной научной конференции, посвященной 50-летию кафедры английской филологии. С.-Петербург, 1998, с. 30–31.
4. Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 144–153.
5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
6. Седов К.Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М., 1998.
7. Шмелева Е.А., Шмелев А.Д. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // Жанры речи — 2. Саратов, 1999. С. 133–145.

Условные сокращения:

Зят. — сканворд «Зятек»

ТЯ — сканворд «Тещин язык!»

«Кочующие мотивы» в героической повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» и поэме «Мертвые души»

Василевская Надежда Александровна, учитель русского языка и литературы
ГБОУ Лицей №1571 (г. Москва)

Любой портрет в той или иной степени несет в себе определенный объем знаний о мире как составной части авторской картины мира. В творчестве Гоголя портрет имеет свои особенности, которые заставляют нас видеть в самых неожиданных деталях элементы целостного описания персонажа. Это свойство в произведениях писателя выполняет функцию охвата жизни во всех разнообразных её проявлениях, а описываемый персонаж изображен объемно, с разных сторон.

Одним из самых сложных и противоречивых моментов аспекта информативности портрета в гоголевском творчестве являются так называемые «кочующие мотивы». Это те элементы, которые неуловимо переходят из произведения в произведение, создавая таким образом целостную концепцию взглядов писателя на мир.

Элементы, которые будут рассмотрены ниже, составляют так называемую лирическую сторону произведений Н.В. Гоголя, так как являются либо раздумьями автора, навеянными нередко портретными характеристиками, либо переходящими мотивами также связанными с описаниями персонажей в той или иной степени.

Статья построена на различных видах анализа: пересекающемся, то есть выдержки и цитаты из текстов помещены рядом для выявления общности или противоположности их содержания; и параллельном, когда произведения рассматриваются одно за другим. Следует оговорить, что все далее разбираемые мотивы, в частности, антибогатырства, будут рассмотрены нами в рамках понятия «портрет», так как соответствующий настрой, как правило, навеян автору именно таким образом. Мотивы, возника-

ющие и развиваемые автором не на базе описаний внешности, детально представлены не будут.

Одним из наиболее часто повторяющихся мотивов является выражение чувства грусти писателя по поводу ушедших славных времен, когда жили на Руси богатыри. Богатыри не мифические и не былинные, а просто люди, готовые на подвиг ради своей страны, которые своим повседневным трудом приносят пользу другим и живут ради других, которые внутренне свободны и независимы от того, что скажет кто-то другой, которые руководствуются в своих поступках принципами нравственности и морали. Готовя «Мертвые души» к первому изданию, Гоголь нарисовал обложку для своей будущей книги. Слово «поэма» выделено крупными буквами и окаймлено головами двух богатырей. Это был подзаголовок, имевший своей целью помочь читателю правильно понять истинный смысл произведения. Весь рисунок этой обложки — бричка Чичикова, бутылки, бокалы, танцующая пара и вьющиеся вокруг причудливые завитки со зловещими черепами — весь рисунок сделан черным по светло — желтому и лишь слово «поэма» нарисовано светлым по черному.

Этот факт иллюстрирует подход писателя к основному содержанию своего произведения. Во-первых, понятие «поэма» раздвигает границы сюжета о подлеце — приобретателе Чичикове и его аферах, придает повествованию широкую историческую перспективу, освобождая произведение от ассоциаций с плутовским романом; во-вторых, «Мертвые души» не только сатира на Россию Чичиковых, Собакевичей, но и лирическая поэма о России — родине великого народа, как было и должно быть всегда. Стоит также обратить внимание на обложку, придуманную автором с точки зрения информативности: головы богатырей соседствуют с бутылками, бокалами, танцующей парой. Явно ощущается мотив обмельчания, омертвления жизни, антибогатырства в «Мертвых душах».

В «Тарасе Бульбе» данный мотив является источником гордости автора за свою родину, а в «Мертвых душах» — основой глубокого комизма, за которым скрыта необъятная, как сама Россия, грусть автора. При чтении произведений создается двойное впечатление: с одной стороны, огромная Русь, по которой сам Бог велел ходить исполинам-богатырям, которые и ходили когда-то, и современная Россия, носящая «коптителей» земли и никчемных людей, заботящихся о собственном благе, забывших о своем человеческом предназначении и могущественной истории своей Родины.

Мотив этот проходит через всю поэму, и главным связующим звеном его отдельных элементов является Чичиков. По первоначальному замыслу автора, во втором и третьем томе поэмы, он должен исправиться и путем искупления и тяжелых страданий прийти к осознанию того, кто есть человек в этом мире. Здесь как бы изначально заложена возможность его положительной динамики. Конечно, говорить о Чичикове, как о богатыре невозможно, и пока мотив богатырства в рамках этого образа представляет собой источник сатирического отношения автора. Так,

прибыв к Коробочке, промокнувши под дождем, Чичиков снимает с себя мокрые доспехи и сбрую. Вообще, некоторые исследователи находят аналогии Чичикова с Дон Кихотом — странствующим рыцарем. Само обращение к роману Сервантеса и вечному образу Дон Кихота отсылает нас к карикатурному изображению явления, которое давно себя исчерпало, оставив после себя отжившие формы. Гоголь так писал в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «... остаток ли это нашего сказочного богатырства, который в виде какого-то темного пророчества, носится до сих пор над нашею землею, прообразуя что-то высшее», подтверждая мысль об остаточности такого явления как богатырство и рыцарство. В рамках реализации мотива антибогатырства автором, таким образом, двойко подчеркивается природа и сущность Чичикова: параллелями со странствующим рыцарем Дон Кихотом и описанием деталей внешности персонажа.

Кроме того, в глазах дам и светских людей Чичиков также видится настоящим богатырем: и в обхождении он настоящий рыцарь; и в умении одеваться нет равных ему в этом искусстве; и в том, что он «миллионщик» — а это уж несомненное достоинство в обществе; и сами его намерения, с которыми он прибыл в город, самые грандиозные. И здесь читатель понимает ту бездну, которая отделяет героя от богатыря, и всю нелепость сложившегося о нем мнения.

В таком же ключе представлены и другие персонажи поэмы, практически в каждом из которых хоть намёком или незначительным, на первый взгляд, сравнением или авторским добавлением обозначена стихия авторской иронии или выражено негодование по поводу измелчания былых богатырей. Так изображен зять Ноздрёва Мижуев, который «знал, что такое дым, если не пороховой, то табачный». Всего одна комическая деталь проводит в произведении мысль автора о том, что времена рыцарей и богатырей исчезли, а остаточные явления комичны и уродливы.

Собакевича вообще можно рассматривать как настоящего богатыря по физическим качествам: носит сапоги такого исполинского размера, « которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особенно в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри». Описание Собакевича строится на сравнении с медведем: по размерам, по тому, что ступал вкривь и вкось, наступая на ноги другим, даже по самому имени — Михайло — то есть подчеркиваются огромные размеры персонажа и то, что исключительно по физическим данным его можно назвать богатырем.

Мы можем сделать вывод еще и о том, что внешность героя не всегда является показательной в отношении его моральных качеств, то есть, имея внешность богатыря, Собакевич совсем не является таковым. Здесь мысль о таких прозаичных предметах, как сапог и размер ноги, вызывает серьезные комментарии автора. И вновь: незначительная деталь отсылает читателя к грустному размышлению, которое достигает апогея в лирическом

отступлении автора об огромных размерах Руси и богатырях, которые должны её заселять.

Внешне молодцом изображен и Ноздрев. Автор постоянно подчеркивает его физическое здоровье, здесь вспоминаются Тарас Бульба и его сыновья: «...недурно сложенный молодец, с полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардам. Свеж он был как кровь с молоком, здоровье, казалось, так и прыскало с лица его...». И тут же подмечает, что в тридцать пять лет, он был таким же, каким был в восемнадцать и в двадцать — охотник погулять. Чуть автор немного подводит читателя внешностью персонажа к теме богатырей, как вновь обращает наше внимание на противоположные этому явления в герое. Ноздрев изображен поручиком, ведущим военные действия, в сцене, когда он заставляет Чичикова признать проигрыш в домино, при этом он ведет себя как храбрый герой, готовый ради воплощения ранее продуманного плана практически на всё. Впечатление битвы и поля брани усиливается в связи с тем, что упоминается славное имя Суворова, и с тем, что кажущаяся неприступной крепость, то есть Чичиков, «чувствовал такой страх, что душа её спряталась в самые пятки». Все эти детали и приёмы создают и у читателя грустное воспоминание о былом величии родины, основанное на комизме несоответствия с тем, что есть в реальности.

Кстати, таким образом в тексте поддерживается историко-военная тема, которая теснейшим образом связана с темой измеления души, даже более того, И.Золотусский считал, что вся поэма есть некая гигантская пародия на исторические события: «...сама история в форме её чрезвычайных и героических проявлений является объектом пародии Гоголя, ибо в его «истории» все обыкновенно: и герой, и местность, и масштаб, и предмет раздора».

Историко-военная тема «въезжает» вместе с Чичиковым в город N и следует за ним по пятам вместе с читателем. Так, в трактире, где остановился герой, выглядят с исторических полотен исторические лица. В доме Коробочки висит картина Кутузова, напоминающая о славных делах отечества, на которые совсем не похожи неблагоприятные поступки персонажей поэмы. У Собакевича на стенах всё греческие полководцы. На балу у губернатора сам Чичиков будет произведен в «Марсы», а Марс, напомним, греческий бог войны. Так вот эта близость войны, исторических событий еще больше усиливает одновременно пародийность и грусть происходящего. Там настоящие Багратионы и Кутузовы, подвиги и истинный героизм, сохраняющийся веками, и здесь мелочность, жажда приобретения, поклонение золоту, желание повыгоднее устроиться за счет других или иными способами, например, как можно изворотливее обойти законы Родины. В финале первого тома эта тема всплывает в «Повести о капитане Копейкине», и тут читатель услышит, с какой силой зазвучит в ней тоска по героическому и жажда его.

Еще одним немаловажным моментом, поддерживающим эту тему, является описание детей Манилова: они носят греческие имена Фемистоклос и Алкид, и читателю

представляются величественные потомки Александра Македонского, продолжатели могущественных начинаний своих предков; способные и развитые не по годам дети, в свободное от занятий время гарцующие на ретивых конях, готовящие себя для службы родине. Но изображены два деградирующих ребенка, у одного из которых чуть не капнула из носа в суп посторонняя капля, проворно подхваченная лакеем, которые точно собираются служить по дипломатической части только потому, что их прочит отец.

Военная тема поддерживается автором не только на примере отдельных персонажей, но и в обобщенном образе — народе. Позже мы будем более подробно говорить о коллективном портрете народа, но в данном случае необходимо сказать следующее: Гоголь не был склонен к идеализации мужика, но он видел то, что условия действительности порождали в этой среде забитых, темных, нечестных людей, и вот военные параллели проводятся и в народной сфере. Когда столкнулись брички Чичикова и губернаторши, то «...скоро около экипажа накопилась их (мужиков) бездна, и в деревне остались только малые ребятишки, да бабы...» — очень уж напоминает это добавление автора о начавшейся войне, когда мужчины уходят воевать, а женщины и дети остаются дома.

Говорится также о народе и в ином ключе: «Пошли его хоть в Камчатку да дай только рукавицы, он, похлопает руками, топор в руки, и пошел рубить новую избу». Народ, совершающий подвиг своей почти исполинской силой и невероятным терпением.

Итак, следует сказать, что мотив богатырства / антибогатырства тесно связан с военно-исторической темой и воплощается в тексте посредством описания обстановки, внешности, или поведения персонажей. Нагнетание деталей или авторских комментариев способствует тому, что постепенно у читателя складывается образ огромного размера земли русской и ничтожных обывателей, заселивших её. То есть, портреты здесь являются не столько традиционными показателями внутреннего мира персонажа, сколько выразителями авторского замысла, оценки писателем своих героев с точки зрения моральных качеств.

Полной противоположностью поэме «Мертвые души» является воплощение мотива богатырства в героической эпопее «Тарас Бульба». Как уже упоминалось в предыдущей главе, здесь персонажи описываются и оцениваются с точки зрения нравственных качеств, готовности даже на смерть ради своего долга перед Родиной и людьми. В этом произведении персонажи описаны настоящими богатырями, ими они и являются; автором не выражен комизм по отношению к героям с тех позиций, с каких он изображает персонажей поэмы «Мертвые души». Тарас с сыновьями воспринимаются не двояко, как Чичиков и Манилов, какими они, уверенные в себе, в истинности своей жизни, кажутся самим себе, и другими, соотношенными с идеалами писателя, являются на самом деле, а так, какими их видит автор: могучими и сильными.

Пафос освободительной борьбы рождает сильных и смелых героев, могучие характеры, любовь к родине для

которых выше мелких эгоистических желаний и побуждений, им чужды рабская привязанность к богатству, корыстолюбие. Так, в отличие от поэмы «Мертвые души» здесь нет грусти автора, которая передавалась бы читателю, о жажде подвига и горечи современности, нет комизма применительно к героям, но они описаны с большой любовью, писатель словно любит их, и что бы ни произошло, уверен в них.

В лирических отступлениях автора поэмы «Мертвые души» складывается также образ русского человека вообще, назвать портретом который довольно трудно, но и обойти его нельзя, так как эти раздумья возникают опять же не на пустом месте: они являются следствием изображения внешности или поведения человека, причем это может быть любой персонаж, независимо от его социального положения и нравственных качеств — Чичиков, Селифан, Петрушка. В результате таких разрозненных характеристик и добавлений складывается облик русского народа. Нет ничего такого, чего бы ни затронул автор: и почесывание в затылке, и крепкую ругань, и то, что русский человек не любит сознаваться в своих оплошностях, и не любит умирать своей смертью, и многое другое.

Вообще, в поэме встречаем двоякое отношение к народу: с одной стороны, поэтическое, с другой, ироническое, но автор видит, в какие условия поставлен народ, поэтому ирония эта снисходительно — шутовская. Гоголя не раз упрекали в том, что он посмеялся над народом наряду с помещиками и чиновниками, но это не так: крепостные изображены такими, какими являются они перед своими хозяевами, а собственная жизнь их остается за рамками поэмы. Конечно, автор видит бестолковых дядю Митяя и дядю Миняя, видит косноязычных мужиков, толковавших, что Заманиловки тут нет, или мужиков, которые обсуждают колесо брички Чичикова — доедет оно до Москвы или нет. Но эта усмешка та же, с какой сам народ в сказках подмечает свои смешные стороны, величает своих дураков и умников. Так врывается в повествование стихия народного юмора. Например, по дороге к Плюшкину один из мужиков произносит рожденное народом меткое прозвище — и Гоголь тут же приоткрывает читателю этот мир народного слова о «...живом и бойком русском уме, что не лезет за словом в карман, не высжиивает его, как насадка цыплят, а вклеивает сразу, как паспорт на вечную носку...».

Не только положительные или веселые замечания делает автор применительно к русскому народу, даёт он и совсем нелюбимые детали в своих обобщениях. Начиная рисовать портрет Селифана, писатель останавливается, замечая, что: «...таков уж русский человек: страсть сильная знаться с тем, который хотя одним чином был его повыше, и шапочное знакомство с графом или князем для него лучше всяких тесных дружеских отношений...». Возможно, здесь присутствуют намеки на самого Чичикова, который позволяет с собой фамильярное отношение, если только лицо это выше его хоть на чин. Русские люди, с горечью раздумывает автор, «...если не угнались еще кое в

чем за иностранцами, то далеко перегнали их в умении общаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. У нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить иначе, нежели с тем, у которого их триста...». Здесь вновь намек и на чичиковское поведение, когда он смотрит и разговаривает по-разному с крестьянином и генералом.

Говоря о Ноздрёве, писатель удивляется, что только на одной Руси бывает так, что человек, которого побили за дело, «...через несколько времени уже встречается с теми приятелями, которые его тузили, и встречается, как ни в чем ни бывало, и он, как говорится, ничего, и они ничего...». Одним словом, создается коллективный портрет русского народа с его лучшими качествами и недостатками, кроме этого, детали, относящиеся к теме народа, либо сами предваряют события, либо являются следствием портретной характеристики. Говоря о функциях таких изображений, следует отметить, что перед глазами читателя происходит расширение художественного мира поэмы, что позволяет говорить о всеобщем и всеобъемлющем описании действительности. Важным для нашей темы является то, что возможность для этих обобщений предоставляют аспекты понятия «портрет» в рамках творчества Гоголя.

Еще одним мотивом, кочующим из произведения в произведение, является негодование автора по поводу пренебрежения к национальной культуре и преклонение перед тем, что шло из-за границы, и, которое составляло характерную черту современного Гоголю помещного, городского и столичного дворянства. Эту особенность портрета также можно отнести и к информативной стороне, но его повторяемость в других произведениях заставляет нас рассматривать его здесь (ср. «Ревизор») Достаточно вспомнить голландские рубашки и душистое зарубежное мыло, которое придавало особенную белизну и гладкость щекам, Чичикова, или даму, одетую по последней парижской моде, ожидающую свою подругу, чтобы поговорить о политическом перевороте во Франции.

Портрет может нести в себе также черты, присущие высшему свету. Такие описания носят довольно обобщенный характер, но также несут печать тягостных размышлений автора. Самым запоминающимся, на наш взгляд, является изображение общества города N на балу. Черные мелькающие фраки, блеск свечей, ламп — всё это похоже на рафинад, по которому носятся мухи, колоритное уподобление, не правда ли? Важность того, что происходит, приготовления, чаяния перед балом — всё это не более чем животный инстинкт, причем инстинкт, привитый не природой, а изуродованным социумом и доведенный до полного абсурда. Все эти действия бесполезны, как суeta мух на сахарной куче. Итак, высший свет, сливки общества — не более чем безмозглые насекомые, руководствующие теми соображениями, которые приняты в данном обществе. Эти замечания можно рассматривать, как предварение описания столичной и городской знати.

Интересными и довольно познавательными можно назвать очерченные Гоголем человеческие типы. Писатель подчеркивает, что изображаемые им действующие лица представляют собой не какие-то исключения или уникалы, а обыденные, широко распространенные характеры. Оттеняя типичность своих героев, писатель нередко сопоставляет отдельных действующих лиц поэмы с обширной группой людей, встречающихся в жизни.

Так, лицо Ноздрева «верно уже сколько-нибудь знакомо читателю. Таких людей приходилось всякому встречать немало». Перед нами тип «разбитного малого».

Манилов — «есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то, ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы». И вот другой тип, не раз встречающийся в жизни.

Коробочка? «Одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожай, убытки и держат

голову несколько набок, а между тем набивают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов...».

Собакевич: «...известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила... такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича...».

Делением на роды людей в «Мертвых душах» можно считать и знаменитые строки о тоненьких и толстых, здесь даже даны автором объяснения по поводу жизнеспособности тех и других: тонкие увиваются вокруг дам, следят за своей внешностью и обращением; толстые — наоборот сторонятся дам, но играют в карты, на лице имеют бородавки или вовсе рябы, волосы на голове не носят, зато лучше тонких умеют обделывать свои дела и являются, как правило, чиновниками и важными лицами в городе.

Информационная война и паблик рилейшнз

Гаврилов Григорий Анатольевич, аспирант
Орловский государственный университет

Исследователь в области информационной войны А.В. Манойло отмечает, что современные войны все более становятся психологическими, напоминают масштабную PR-кампанию [1, с. 73–80], при этом собственно военные операции постепенно оттесняются на второй план и играют четко определенную и ограниченную роль, отведенную им в общем сценарии военной кампании. Т.е. собственно крупным силовым операциям современности предшествуют масштабные информационные кампании, представляющие собой «мягкий» вариант войны и призванные выполнить определенные функции. В войнах такого типа широко используется набор технологий связей с общественностью, поскольку объектом данных акций является в первую очередь влияние на общественное сознание с целью его изменения в нужном направлении. В информационном обществе PR становится синонимом и точкой роста важнейших форм общественно-политической активности. Сергей Марков отмечает, что пиар-специалисты встают в один ряд с генералами во время любой современной войны. Сначала «в бой идут пиарщики, создавая правильный образ: кто прав, а кто — враг человечества»; затем действуют политики, отдавая приказы генералам; а те в свою очередь решают военные задачи в соответствии с теми целями, гуманность которых пиарщики уже доказали общественному мнению [2, с. 26–27]. PR и СМИ играют решающую роль в общей победе, поскольку победа — это достижение политической цели, а военная сила — только одно из средств, используемых для достижения данной цели. И последние военные конфликты с участием ве-

дущих стран подтвердили это: война в Заливе против Ирака в 1991 году, война НАТО в Косово против Сербии, войны США в Афганистане против талибов и в Ираке против режима Саддама Хусейна и др.

Как пишет Почепцов, информационная война может опираться на методы планирования кампании, разработанные в рамках паблик рилейшнз, поскольку для паблик рилейшнз характерно не просто внимание к аудитории (можно даже сказать, что если в пропаганде определяющей является прямая связь между говорящим и слушающим, то для паблик рилейшнз базовой становится обратная связь), но и внимание к косвенным методам воздействия. Существенная разница, по мнению Почепцова, заключается в том, что, если паблик рилейшнз направлены на «лечение» возникшей проблемы, то, к примеру, психологические операции, наоборот, занимаются этой проблемой для того, чтобы совершить изменения в поведении масс [3, с. 176].

На использование технологий связей с общественностью в ходе информационных войн указывает В.П. Изотов: «информационные войны представляют собой феномен современной коммуникативистики, возникший вследствие процесса монополизации медиа. В процессе информационных войн активно используется арсенал пропаганды и PR» [4, с. 13].

Информационная война (или информационно-психологическая, как ее еще называют) может представлять собой масштабную PR-кампанию, так как строится по той же схеме. К примеру, обратимся к модели PR Ф. Джефкинса, которая включает:

1. Оценку ситуации.
2. Определение целей.
3. Определение публички.
4. Отбор каналов массовой коммуникации, техники воздействия.
5. Планирование бюджета.
6. Оценку результатов.

Соответствующие этапы характерны и для планирования и дальнейшего проведения мероприятий информационной войны. Отличие состоит в масштабности и значимости планируемых целей.

По мнению Почепцова, есть значительное сходство в инструментарии и методах психологических операций (являющихся составной частью информационной войны) и паблик рилейшнз. Есть даже совпадающие задачи: так, например, в рамках психологических операций (ПО), проводимых армией США, стоит и такая задача, как «создание благоприятного имиджа действий Америки». В принципе, фундаментальная близость объясняется тем, что американское руководство по ПО, рассматриваемое Почепцовым, (*Psychological operations, techniques and procedures. — U.S. Governmental Printing Office. — 1994*) опирается на методы, исходно разработанные в коммерческой рекламе [3 с. 182]. Оттуда же черпает множество методов для себя и ПР. Общность методов отлично только в одном аспекте — более серьезной технологической подготовке кампании, более существенной исследовательской базе по изучению целевой аудитории, на которую направлено действие ПО.

Цикл ПО состоит из трех компонентов, также характерных для ПР: оценка ситуации, планирование и исполнение. При этом тестирование сообщений, проверка результатов также включаются в ПО. Более подробно ПО можно представить в следующем виде:

- Сбор разведывательной информации.
- Анализ целевой аудитории.
- Разработка продукта.
- Отбор каналов распространения.
- Производство медиа.
- Распространение.

Первый компонент входит в оценку, три последующие — в планирование, оставшиеся два — в исполнение. Конечной целью работы признаются поведенческие изменения у целевой аудитории.

Обратимся к системе RACE, в соответствии с которой осуществляется планирование и оценка PR-проектов. Система RACE включает:

- R — Research (исследование: анализ и постановка задачи),
- A — Action (действие: разработка программы и сметы),
- C — Communication (общение: осуществление программы информационно-коммуникативными средствами),
- E — Evaluation (оценка: определение результатов и внесение коррективов в программу) [5, с. 44].

Имеется в виду, что основная задача исследовательского этапа ПР-кампании — определение целевых ауди-

торий, их отношения к конкретной личности, организации, товару или услуге, а также характера и источников информации, через которые можно было бы достичь желаемого отношения и впоследствии поступка.

На этапе «действие» (планирование действия) готовится концепция ПР-кампании, определяются типология и перечень ключевых акций, принципы осуществления медиа-политики, разрабатывается поэтапный рабочий план реализаций некоего проекта.

На коммуникативном этапе происходит осуществление намеченных действий в направлении влияния на определённые ранее целевые группы общественности.

Данная работа сопровождается регулярным мониторингом ситуации и своевременным реагированием на её изменение. По итогам каждого из этапов осуществляется оценка проделанной работы на предмет её соответствия желаемым изменениям, проводится коррекция ПР-стратегии, а по завершении всей кампании готовится аналитическая справка о её эффективности и разрабатываются рекомендации на перспективу.

Как мы видим, этапы ПО соответствуют этапам проведения ПР-кампании.

Говоря о целях ПР-кампании, мы имеем в виду изменение отношения целевой аудитории к организации (заказчику кампании), его продукту, а также изменение поведения целевой аудитории, которое принесёт определённую выгоду данной организации. Как уже было сказано выше, целью ПО является изменение общественного мнения, мнения конкретных групп людей относительно какого-либо явления или события путём управляющего информационного воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание, чувства и волю. Эффективность работы столь же значима в ПО, как и в ПР. В ПР, как мы помним, это одна из болезненных проблем, еще требующих решения. Поэтому опыт ПО в этой сфере вдвойне интересен. В ПО эффективность определяется такими факторами, как:

- тип и размещение целевой аудитории;
- число и разнообразие коммуникативных каналов, доступных аудитории;
- степень насыщения программы, степень соответствия сообщения стандартам аудитории.

Результативность ПО, по мнению Почепцова, определяется, благодаря индикаторам: прямым и косвенным.

Прямые — предполагают ответные действия со стороны противника (при этом следует помнить, что они могут быть вызваны и другими факторами). Косвенные индикаторы относятся к событиям на данной территории, которые нельзя напрямую связать с проведенными операциями. Кроме того, на наш взгляд, важнейшим индикатором результативности проведенных ПО являются изменения во взглядах и поведении целевой аудитории, которые (изменения) возможно отследить с помощью методов социальных исследований. В паблик рилейшнз изменение действий целевой аудитории и ее отношения к объекту также может рассматриваться в качестве кри-

теряя оценки результата ПР-кампании. Таким образом, и в информационной войне, в частности, в ходе психологических операций, и в ПР-кампаниях совпадают цели, этапы, методы проведения и способы оценки.

Литература:

1. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. — Киев: Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность». — 2005, №8, с. 73–80.
2. Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом: Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики. / Предисл. С.А. Маркова. — М.: Ладомир, 2004. — 623 с.
3. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. — 576 с.
4. Изотов В.П., Изотова И.В. Связи с общественностью: Основные понятия и определения. — Орел, 2006. — 40 с.
5. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика. Учеб. пособие (2 изд.). — М.: Дело, 2004. — 496 с.

Сопоставительный анализ перевода на английский язык прилагательного «серый» в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя

Денисенко Марина Валерьевна, соискатель, доцент
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

История человечества развивается по спирали. Все, что волновало людей древнего мира, не оставляет равнодушным и современного человека. То же самое можно сказать и о науке. Ученые и исследователи периодически рассматривают одни и те же проблемы, но с разных точек зрения. Это, в частности, касается проблемы адекватности перевода литературных шедевров на другой язык, передачи языковых, этнографических и культурологических реалий.

Богатым на исследование с этой точки зрения является Николай Васильевич Гоголь и его творчество. Художественный язык произведений Н.В. Гоголя — один из самых сложных при переводе на другой, иностранный язык. Национальный колорит и самобытность его произведений представляют особую трудность для переводчиков. Однако, произведения Гоголя переводились и будут переводиться на многие иностранные языки.

Раз есть переводы, их следует анализировать. В настоящее время изучению переводов Гоголя отводится особое место. Появляются новые переводы, переиздаются старые переводы, выходят монографии и сборники критических статей о творчестве писателя. В научных (и не только) журналах появляются всё новые публикации, в которых рассматриваются проблемы качества перевода, передачи языковых реалий в тексте перевода, проблемы сохранения национального колорита и самобытности, роли самого переводчика как интерпретатора стилистических особенностей и контекстуального значения языковых единиц оригинала.

Очень точно говорит о трудностях, подстерегающих переводчика, Владимир Набоков. По его мнению, су-

ществует три вида грехов: «Первое и самое невинное зло — очевидные ошибки, допущенные по незнанию или непониманию. ... Следующий шаг в ад делает переводчик, сознательно пропускающий те слова и абзацы, в смысл которых он не потрудился вникнуть или же те, что, по его мнению, могут показаться непонятными или неприличными смутно воображаемому читателю. ... Третье — и самое большое — зло в цепи грехопадений настигает переводчика, когда он принимается полировать и приглаживать шедевр, гнусно приукрашивая его, подлаживаясь к вкусам и предрассудкам читателей» [5].

В этой же статье Набоков говорит о тех качествах, которыми должен обладать переводчик, «чтобы воссоздать идеальный текст шедевра иностранной литературы»: «Прежде всего он должен быть столь же талантлив, что и выбранный им автор, либо таланты их должны быть одной природы. ... Во-вторых, переводчик должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии. Здесь мы подходим к третьему важному свойству: наряду с одаренностью и образованностью он должен обладать способностью к мимикрии, действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизводя его манеру речи и поведения, нравы и мышление с максимальным правдоподобием» [5].

Несмотря на то, что имеется сотня диссертаций о переводе Гоголя на английский язык [7], интерес исследователей и переводчиков к творчеству Н.В. Гоголя не ослабевает. Хочется внести и свой небольшой вклад, тем более,

что он касается только одной лексической единицы — цветообозначения «серый» — встречающейся в произведениях Н.В. Гоголя.

Для анализа перевода прилагательного «серый» на английский язык берется его бессмертная поэма «Мёртвые души», часть первая [2]. В качестве анализируемого источника рассматривается перевод Дж. Хогарда [1]. Нам интересно выяснить, какие значения передаются при переводе прилагательного цветообозначения с русского на английский язык, и какие из них наиболее часты.

В словаре Мюллера даётся 5 значений прилагательного **grey** 1) *серый*; 2) *седой*; 3) *бледный, болёзненный*; 4) *пасмурный, сумрачный*; 5) *мрачный, невесёлый*. Также **grey** используется для передачи масти лошади [4, с. 316].

В словаре, составленном А.И. Смирницким, прилагательное **серый** при переводе на английский язык используется в значении собственно *цвета* (в том числе масти лошади), а также в переносных значениях: *бесцветный, неинтересный, необразованный, пасмурный, мрачный*. В 19 веке **серый** употреблялся в значении *дикий* [6, с. 576].

В самом тексте произведения Гоголя встречается 15 упоминаний прилагательного **серый** и 2 раза **седой**. В переводе Дж. Хогарда прилагательное **grey** встречается 15 раз, но не всегда происходит точный перевод «серого» как «grey». В двух случаях в русском варианте нет слова «серый», а в английском дается перевод «grey», или же наоборот, в русском присутствует «серый», а в английском дается перевод другими словами.

В основном прилагательное **серый** / **grey** и в русском, и в английском языках передает его основное значение, значение цвета — «смещение чёрного и белого»:

... сильно была в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных.	... the staring yellow of stone edifices did not greet his eye he found himself confronted with the more modest grey of wooden ones.
Попадались вытянутые пошнурку деревни, ..., покрытые серыми крышами...	... there came into view also strings of country villas which, with their carved supports and grey roofs...
...стены были выкрашены какой-то голубенькой краской вроде серенькой , ...	The walls were painted a sort of blueish- grey colour, ...
На крыльцо вышел лакей в серой куртке ...	... there came out on to the entrance steps a lacquey clad in a grey jacket ...
Коляска остановилась перед деревянным же одноэтажным домом темно- серого цвета, ...	... the koliaaska stopped before a one-storied wooden mansion, dark grey in colour, ...
... серые деревни ...	... grey villages; ...

Несколько примеров относится к масти лошади:

... где видели двух кобыл, одну серую в яблоках, другую каурюю, ...	... where the party saw two mares (the one a grey , and the other a roan) ...
«За кобылу и за серого коня, ...»	«... both the mare and the grey horse ...»
Чичиков ... напрямик отказался и от серого коня, и от каурой кобылы.	Chichikov ..., but continued to decline either the grey horse or the roan mare.

Довольно странным в данном случае перевод масти **гнедой** как **grey**. Гнедая масть — это коричневая во всех оттенках окраска головы и туловища. Грива, хвост и ноги ниже запястья и скакательного сустава — черные [3]. Для этой масти существует самостоятельное слово — **bay** (horse).

«Неизвестно какой, из Рязани, гнедые лошади.»	«Yes. He came from Riazan, driving three grey horses.»
--	---

Grey при описании погоды в значении «пасмурный» вполне обычен:

... день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло- серого цвета, ...	... the day was neither clear nor dull, but of the grey tint ...
---	---

В следующем примере дано переносное значение — «неинтересный», которое подчеркивается однородным синонимичным прилагательным в обоих языках:

... сначала все серо и однообразно: ...	... at first everything looks grey and monotonous, ...
--	---

Довольно редкий пример (характерный, кстати, для 19 века), когда **серый** передавал значение «дикий»:

... виднелся деревянный дом с мезонином, красной крышей и темными или, лучше, дикими стенами, ...	The wooden edifice itself had dark- grey walls and a red-gabled roof, ...
--	--

Не удивительно, что **седой** даётся в переводе как «grey hairs». Это одно из основных значений английского прилагательного **grey**.

«Вот и седой человек, а до сих пор не набрался ума.»	«Although a man of grey hairs, I have not yet learned wisdom.»
... несмотря на то что волосом был сед .	... in spite of grey hairs, ...

Очень интересны коннотации, которые увидел автор перевода в следующих двух примерах. Действительно, избы, которые «темнели вдоль и поперек», скорее всего очень старые, покрытые плесенью, что и передаётся прилагательным **mouldy** (*заплесневелый*). А «дрянь из **серого** сукна» наверняка *потрёпанная* и *обветшалая*, раз она хранится где-то под сидением кучера, что вполне уместно переводится на английский язык прилагательным **old**.

У подошвы этого возвышения, ..., темнели вдоль и поперек серенькие бревенчатые избы...	... from the foot of the declivity there stretched a line of mouldy , log-built huts...
Селифан, ..., вытащил тут же из-под козел какую-то дрянь из серого сукна, ...	Upon that the coachman, ... wherefore, extracting from under the box-seat a piece of old blanket, ...

В двух отрывках, где есть **серый**, совсем никак не переводятся целые абзацы из поэмы «Мёртвые души». Это характерно для переводов Дж. Хогарта. Он часто сокращает авторский материал, опуская целые предложения (здесь они выделены курсивом). Вероятно, это есть «второй грех» по Набокову, где Хогард сознательно пропустил эти предложения, посчитав их или слишком сложными для понимания (как в описании канцелярских комнат), или не необходимыми (при перечислении всевозможных мастей и кличек собак):

1. «Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и гу-stopсовых, и чистопсовых, всех возможных цветов и мастей: *муругих, черных с подпалинами, полво-пегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих...* Тут были все клички, все повелительные наклонения: *стреляй, обругай, порхай, пожар, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попецительница*. Ноздрев был среди их совершенно как отец среди семейства.»

«Entering this run, the visitors beheld a number of dogs of all sorts and sizes and colours. .... In their midst Nozdrev looked like a father lording it over his family circle.»

2. «Следовало бы описать канцелярские комнаты, которыми проходили наши герои, но автор питает сильную робость ко всем присутственным местам. *Если и случалось ему проходить их даже в блистательном и облагоустроенном виде, с лакированными полами и столами, он старался пробежать как можно скорее, смиренно опустив и потупив глаза в землю, а потому совершенно не знает, как там все благоденствует и процветает. Герои наши видели много бумаги, и черновой и белой, наклонившиеся головы, широкие затылки, фракы, сертуки губернского покроя и даже просто какую-то светло-серую куртку, отде-*

лившуюся весьма резко, которая, своротив голову набок и положив ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протокол об оттягивании земли или описке имения, захваченного каким-нибудь мирным помещиком, покойно доживающим век свой под судом, нажившим себе и детей и внуков под его покровом, да слышались урывками короткие выражения, произносимые хриплым голосом: «Одолжите, Федосей Федосеевич, дельце за №368!»

— «*Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку с казенной чернильницы!*» Иногда голос более величавый, без сомнения одного из начальников, раздавался повелительно: «*На, перепиши! а не то снимут сапоги и просидишь ты у меня шесть суток не евши*». Шум от перьев был большой и походил на то, как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями.

Чичиков и Манилов подошли к первому столу, где сидели два чиновника еще юных лет, и спросили:

— Позвольте узнать, где здесь дела по крепостям?»

«The author would also give a description of the various offices through which our hero passed, were it not that he (the author) stands in awe of such legal haunts. .... Approaching the first desk which he happened to encounter, Chichikov inquired of the two young officials who were seated at it whether they would kindly tell him where business relating to serf-indenture was transacted.»

Такой всесторонний сопоставительный анализ дал нам возможность получить информацию о значениях интересующей нас лексической единицы при переводе её с одного языка на другой. Нам удалось выяснить, что наиболее часто встречается основное значение — «*серый как цвет, получаемый из смешения черного и белого*», в том числе при описании масти лошади. Кроме того, используются переносные значения прилагательного **серый** — «*пасмурный, неинтересный, дикий*». Также выявились его коннотативные значения — «*заплесневелый, потрёпанный, обветшалый*». Если не принимать во внимание отсутствие некоторых отрывков поэмы на английском языке, можно сказать, что при переводе русского прилагательного **серый** Дж. Хогард максимально точно сохранил особенности бессмертного оригинала великого писателя.

Литература:

1. Gogol, Dead Souls // <http://ebooks.adelaide.edu.au/g/gogol/nikolai/g61d/index.html>
2. Гоголь Н.В. Мертвые души. Том первый. // Николай Васильевич Гоголь. — Публичная электронная библиотека // public-library.narod.ru/Gogol.Nikolai/
3. Мир Лошадей, Гордых и Таинственных // Масти лошадей | Мир Лошадей, Гордых и Таинственных... // мирлошадей.рф/masti-loshadei
4. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. 53 000 слов. — 23 изд., стер. — М.: Рус.яз., 1992. — 844 с.
5. Набоков В. Искусство перевода. // ИСКУССТВО ПЕРЕВОДА zagumyopnov.nm.ru/nabok.htm
6. Русско-английский словарь: Ок. 55 000 слов. С приложением кратких сведений по английской грамматике и орфоэпии, сост. А.И. Смирницким / Сост. О.С. Ахманова, З.С. Выгодская, Т.П. Горбунова и др.; Под общ. рук. А.И. Смирницкого. — 15-е изд., стереотип., под ред. О.С. Ахмановой. — М.: Рус.яз., 1989. — 768 с.

7. Хотинская Г. Некоторые заметки и информационная справка о переводах на иностранные языки произведений Николая Васильевича Гоголя // Переводы Гоголя www.chgk.eu/MUOR/Festivali/Perevody_Gogolja.htm

Использование эвфемизмов на уровне Евросоюза (на примере договоров ЕС)

Жеребцова Анастасия Андреевна, магистрант

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита)

Одним из наиболее эффективных средств для создания политически корректной лексики является эвфемия.

По определению И.Р. Гальперина, политические эвфемизмы — это «преуменьшение значения слов с целью ввести в заблуждения общественное мнение и выразить неприятное более тонко» [Гальперин, 1981, с. 57].

Принято выделять семь основных мотивов, которыми руководствуются создатели политических эвфемизмов [Шейгал, 2000, с. 239]:

- необходимость сокрытия пробелов в социальной сфере, чтобы избежать конфликта;
- использование эвфемизмов как способа «сохранения лица у субъекта политики». Подобные меры необходимы при стремлении скрыть какие-либо нелицеприятные ситуации, конфузы и т.д.;
- стремление завуалировать действия, нарушающие права человека, разного рода аморальные поступки с целью избежать осуждения общественности;
- желание избежать оскорбления субъекта с более низким социальным статусом или другой расовой принадлежности;
- отрицание ответственности вследствие перераспределения вины;
- необходимость соблюдения дипломатического этикета;
- один из способов завоевания поддержки политических сил.

Прослеживается определенная закономерность, что при проведении различного рода непопулярных мер, политики стремятся использовать слова или словосочетания, заимствованные исключительно из иностранного языка: либерализация цен (вместо рост цен). Это один из эффективных способов манипулирования сознанием реципиента, поскольку маскируется любое негативное явление.

Считается, что по своей природе, эвфемизмы являются определенного рода лозунгами или политическими аффективами [Булыгина, Шмелев, 1997]. Это один из эффективных способов манипулирования сознанием реципиента, поскольку маскируется любое негативное явление.

Все существующие эвфемистические преобразования, с точки зрения Е.И. Шейгал, сводятся к трем типам:

1. Развертывание: слово — словосочетание.
2. Свертывание: словосочетание — слово.

3. Эквивалентная замена: количество составляющих не меняется.

Итак, эвфемизмы, как мы выяснили, представляют собой, по мнению Э. Лайнфельнер, «частичную ложь» («partielle Lügen»), так как часто создаются и применяются для того, чтобы скрыть негативные аспекты определенного общественно значимого явления [Leinfellner 1971, S. 42].

Анализ функций этих идеологически обусловленных «ложных номинаций» показал, что их основная функция в политической коммуникации выражена широко представленным идеографическим полем «утаивать, скрывать, маскировать, вуалировать, затушевывать» (verbergen, verdecken, verhüllen, verheimlichen, verdrängen, verschweigen, verschleiern, vertuschen, verstecken, vermeiden), языковая реализация которого имеет свою специфику. Языковой маскировке, как мы выяснили, служат различные средства: обобщение, генерализация содержания слова, неопределенность, расплывчатость значения (Gerät, System вместо Waffen), многозначность слов и интенсивное использование специальной лексики, терминов (unterrepräsentanten Geschlechts вместо erniedrigend), слов иностранного происхождения с диффузной семантикой (Aktion, Intervention), употребление аббревиатур, часто затемняющих истинный смысл слова (ABC-Waffen, GAU). Так, эвфемизм Intervention звучит намного безобиднее, чем militärische Einmischung, а ABC-Waffen не вызывает таких опасений, как atomare, biologische und chemische Waffen. В связи с этим, эвфемизмы, как элементы создания иллюзий и средство языкового приукрашивания, приводят к эффекту «частично ложного взгляда на мир, ограничения восприятия и помех мышления» [Burkhardt 1992a, 836].

Лексико-семантический анализ политических эвфемизмов показал, что для их создания с языковой точки зрения могут привлекаться как обычные, существующие общепотребительные слова, так и специально создаваемые новообразования, которые со временем могут быть приняты языковым сообществом, и войти в лексико-семантическую систему языка.

В ходе анализа таких документов как Лиссабонский договор, договор об образовании ЕС и договор об образовании Европейского Сообщества мы выделили абстрагирующие эвфемизмы и позитивирующие эвфемизмы.

Абстрагирующие эвфемизмы (11 примеров), как мы

выяснили, представляют собой планомерную замену названий явлений, содержащих негативную оценку, более общими, семантически расплывчатыми, абстрактными понятиями, исключаящими из семантической структуры негативно оценочный компонент (Gerät, System вместо Waffe, Gerät, System вместо Waffe, Liquidation вместо Zerstörung, Korruption вместо kriminelle Bestechung, Diskriminierung вместо Beschränkung, Rückvergütung вместо Ersatz и др.). При этом вновь создаваемые на основе метонимического переноса «абстрагирующие эвфемизмы» часто представляют собой широкие родовые понятия, соотношенные менее значительными, безобидными, признаками или второстепенными аспектами денотата, вуалирующими его истинную суть.

Другую группу лексических эвфемизмов составляют «позитивирующие эвфемизмы» (9 примеров), новые слова, специально создаваемые в целях «ложного приукрашивания». При их создании исчезают негативные признаки денотата, возможные отрицательные ассоциации адресата заменяются положительными, описываемые явления выступают, таким образом, в более приятном, по-

зитивном свете: Umstrukturierung, Sanierung вместо Änderung, Verstärkte Zusammenarbeit вместо Erweiterung, Harmonisierung вместо Beseitigung von Unterschiedlichkeiten, Preisregelung вместо Verletzungsanalyse, Sonderregelung für Ausländer вместо Einschränkungen и другие. Эти эвфемизмы представляют собой специально образованные или заимствованные новые слова, которые в отличие от «абстрагирующих эвфемизмов», чаще всего метафоричны, созданы в результате аналогий, сознательно преуменьшающих серьезность и опасность определенных явлений общественно-политической. Таким образом, применение «позитивирующих эвфемизмов» ведет к полной или частичной замене отрицательных ассоциаций адресата положительными. Так, например, довольно позитивная номинация Ewigkeitsgarantie, состоящая из немецкого слова Ewigkeit и из французского слова Garantie, ассоциирующегося с постоянной работой, приносящей прибыль, полностью маскирует и исключает даже отдаленные намеки на возможность недолговременного действия. Все выявленные примеры мы можем увидеть в таблице:

Название эвфемизма	Примеры	Количество
Абстрагирующие эвфемизмы	Gerät, System вместо Waffe, Liquidation вместо Zerstörung, Korruption вместо kriminelle Bestechung, Diskriminierung вместо Beschränkung, Rückvergütung вместо Ersatz, unterrepräsentierten Geschlechts вместо homosexuell, Rationalisierung вместо falsche Erklärung, Kriminalprävention вместо Mahnung, Denominierung вместо Abnahme der Geldmenge, Standartisierung вместо erforderliche Normen, Kollisionsnormen вместо widersprüchliche Regeln,	11
Позитивирующие эвфемизмы	Umstrukturierung, Sanierung вместо Änderung, Verstärkte Zusammenarbeit вместо Erweiterung, Harmonisierung вместо Beseitigung von Unterschiedlichkeiten, Preisregelung вместо Verletzungsanalyse, Sonderregelung für Ausländer вместо Einschränkungen, Ewigkeitsgarantie вместо lange dienen, Sonderbericht вместо wichtiger Bricht	9

Еще более завуалированным является эвфемизм, камуфлирующий истинный смысл опасного явления в атомной энергетике, выраженной аббревиатурой GAU («größter anzunehmender Unfall»), которая дефинируется в словаре как schwerster Störfall, der in einem Kernkraftwerk auftreten kann. Например, в абстрагирующем эвфемизме Aktion вместо Angriff скрывается заложенная в этом слове опасность «нападения» и возникновения негативных ассоциаций, которые оно могло бы вызвать, посредством замены его на абстрактное и безобидное слово «акция», переводя его из ряда отрицательных в нейтральное, тем самым, приукрашивая его негативное действие. Таким образом, абстрагирующие и позитивирующие политические эвфемизмы взаимосвязаны и взаимообусловлены, как и их функция сокрытия и приукрашивания.

Номинации типа Rekonstruktion, Umstrukturieren, Rationalisierung являются политически «выгодными» словами, «абстрагирующими эвфемизмами», лексико-семантической основой которых является высокая степень обобщенности содержания и диффузности его значения.

Из-за использования большого количество эвфемизмов растет использование смысловой неопределенности. Для этого в лексике языка ЕС, как мы уже указывали, активно используются:

1. Синтаксический эллипс: Die in Unterabsatz 1 genannten Zölle dürfen nicht höher sein als diejenigen, die für die Einfuhr von Waren aus dem Mitgliedstaat gelten <...> (welche?) [Vertrag von Lissabon, 2007, S. 133];

2. Семантический эллипс: <...> der Grundsatz der Gleichbehandlung der Beibehaltung oder der Einführung spezifischer Vergünstigungen zur Erleichterung der Berufstätigkeit des unterrepräsentierten Geschlechts oder zur Verhinderung oder zum Ausgleich von Benachteiligungen in der beruflichen Laufbahn nicht entgegensteht (unterrepräsentierten Geschlechts – игнорирование семьи «униженный»)[Vertrag von Lissabon, 2007, S. 373];

3. Генерализация: Gemeinsame Aktionen betreffen spezifische Situationen, in denen die operative Aktion der Union für notwendig erachtet wird (Aktion вместо Angriff) [Vertrag über die EU, 2006, S. 16].

Необходимо подчеркнуть, что не только объективная

реальность, но и жизнь социума (принятые в нем нормы, существующие и развивающиеся формы отношений между людьми) влияют на появление в лексическом составе языка неопределенных номинаций. Одним из следствий борьбы за равные права женщин в сфере профессиональной деятельности явилось так называемое обезличивание:

Bei allen Tätigkeiten wirkt die Union darauf hin, Ungleichheiten zu beseitigen und die Gleichstellung von Männern und Frauen zu fördern [Vertrag von Lissabon, 2007, S. 55].

Следует отметить, что приведенные эвфемистические образования употребляются неоднократно, на протяжении всех немецкоязычных текстов ЕС.

Как видно из приведенных примеров, в своем стремлении скорее завуалировать суть негативного явления,

которое может вызвать нежелательный общественный эффект, чем его скрыть, являются частью создаваемого ложного взгляда на мир, искаженного восприятия и мышления и приводит к ложной интерпретации действительности.

В заключение следует отметить, что сегодня имеет место и противоположная тенденция: в институтах ЕС начали разрабатывать правовые акты настолько детализировано и точно, что невозможно их произвольно толковать в интересах той или другой стороны. Благодаря этому будет устранена правовая неуверенность отдельных субъектов Евросоюза, вызванная, в том числе, языковыми факторами, затрудняющими интерпретацию заложенного в документах смысла.

Литература:

1. Гальперин, И.П. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 140 с.
2. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. Монография. — Волгоград: Перемена, 2000. — 368 с.
3. Burkhardt, A. Können Wörter lügen? // Universitas. Zeitschrift für interdisziplinäre Wissenschaft 47, 1992a. — S. 831–840.
4. Kunzmann, B. Vertrag von Lissabon. — Berlin, 2010. — 471 с.
5. Leinfellner, E. Der Euphemismus in der politischen Sprache. — Berlin: Duncker, Humblot, 1971. — 177 S.
6. Vertrag über die Europäische Union (Maastrichtvertrag). EGKS-EWG-EAG. Brüssel Luxemburg, 2006.
7. Vertrag zur Gründung der Europäischen Gemeinschaft vom 25.3.1957, geändert 1995//Europa-Recht. — Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. S. 4–132.

Творчество Людмилы Петрушевской в контексте русского постмодернизма

Зумбулидзе Ия Гурамовна, доктор филологических наук, ассистент-профессор
Государственный университет им. А.Церетели (г. Кутаиси, Грузия)

Эстетическая сущность постмодернизма, его влияние на современный литературный процесс, принадлежность тех или иных писателей к этому направлению — одни из самых сложных вопросов современного литературоведения. Нет единого мнения относительно того, что считать постмодернизмом: художественный метод, стиль, или вообще эпоху. Еще больше спорных вопросов остается в отношении понятия «русский постмодернизм» Вопрос о русском постмодернизме сегодня остается сложным и нерешенным, несмотря на многочисленные научные работы, посвященные этой проблеме. Характерные для постмодернизма общие черты — интертекстуальность, игра и диалогизм обнаруживают в русских текстах свою специфику.

Критик М. Голубков отмечает, что в литературе прошедшего века «пробивались ростки постмодернистской поэтики, формировались парадигмы принципиально нового художественного сознания, когда новообретенная художественная система «превратила художественное творчество в игру, а литературу — в изящную словесность». Отрицать наличие этой тенденции бессмысленно. Другое дело, что у многих писателей и критиков литера-

тура постмодернизма вызывает отторжение. Они склонны отделять постмодернизм от национального литературного процесса. М.М. Голубков, в частности, считает, что развитие постмодернистской тенденции пока привело к кризису литературы («культурному вакууму») [2, с. 19].

Иначе воспринимают постмодернизм Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий. В работе этих ученых «Современная русская литература» творчество Вен. Ерофеева, Л. Улицкой, Саши Соколова, А. Битова, Л. Петрушевской, В. Сорокина, В. Пелевина и большой группы поэтов рассматривается как закономерное явление, объединяющее русскую литературу с современным мировым литературным процессом [4, с.43]

Национальную специфику и самобытность постмодернизма в России определили особенности русского менталитета. Это проявилось в стремлении писателей обращаться в своем творчестве к темам, которые раньше были под запретом, (политические репрессии, лагерная тема и пр.), появлении произведений новых жанровых форм (стереопоэма, комедийно-абсурдистский бриколаж, паратрагедия и пр.), в издании «возвращенной» литературы

(произведения Б. Пастернака, А. Платонова, А. Солженицына, М. Булгакова и др.). Как отмечает Т.Скокова, «в этот период писателями начали активно использоваться приемы постмодернизма (абсурдизация действительности, шизофренический дискурс, восприятие мира как хаоса, изображение жизни людей социального «низа» — никчемных, жалких, бессмысленно и бездумно прожигающих свою жизнь)» [7, с. 83].

Особую популярность у российских постмодернистов получило также обращение к текстам классиков, особенно к произведениям А. Чехова. Несмотря на преобладание в постмодернистских текстах формы над содержанием, игнорирование «вечных» вопросов о смысле бытия и месте в нем человека, отказ от нравoucений, ироничное представление действительности и лояльное отношение к массовой литературе, постмодернизм находится в постоянном диалоге с классикой.

Творчество Людмилы Петрушевской — прозаика и драматурга — одно из ярких явлений рубежа XX—XXI веков. Оно вызвало оживленные споры среди читателей и литературоведов, как только вышла из печати её первая книга прозы. С этого времени и до наших дней ее творчество остается объектом активного обсуждения и широкого анализа в статьях, на научных конференциях, в Интернете. Исследователи затрудняются в определении самой его направленности, относя его то к «особому типу реализма», «наивному», «магическому реализму», то называя «соционатурализмом», «прозой шоковой терапии», «чернухой», «примитивом», причисляя то к «другой», «альтернативной» прозе, то к «новой натуральной школе», то к «женской прозе», хотя сама писательница вообще отрицает существование женской литературы.

Большинство ученых связывает имя Людмилы Петрушевской с явлением постмодернизма. Так, И. Скоропанова, причисляет писателя к восточной модификации постмодернизма, с ее излишней политизированностью, деконструкцией языка соцреализма, а также юродством как специфическим компонентом русской парадигмы постмодернизма [8, с.456]. Н.Иванова относит творчество Петрушевской к «натуральному» течению постмодернизма [3, с.197]. О.Богданова считает возможным причислить писателя к концептуалистам, отмечая особую конструктивную выстроенность и технологическую выделанность ее прозы [1, с.513].

Творчество Петрушевской может рассматриваться как сложное, синтетичное явление. Автор в своем творчестве ориентируется на доступность восприятия ее текстов и одновременно на их глубинный гуманно-философский смысл. В текстах Петрушевской развиваются традиции А. Пушкина, Ф. Достоевского, А. Чехова и других классиков русской литературы и одновременно используются приемы, характерные для современного постмодернистского стиля. Так, по мнению И. Сушилиной, «типологические сходства с чеховским творчеством у Петрушевской можно проследить на уровне тематики (обыденная жизнь среднего интеллигента), жанра (преимущественный ин-

терес к форме небольшого рассказа) и речевой стихии (разговорной речи), авторской точки зрения (отсутствие очевидно выраженного отношения автора к герою и тем более отказ от приговора ему), да и на глубинном уровне понимания смысла и назначения искусства, свободы и достоинства человека, веры» [9, с. 37].

Дискуссии вокруг творчества Петрушевской возникли и продолжают возникать постоянно. О писателе говорили даже и в те времена, когда ее произведения не публиковали, а спектакли по ее пьесам не пропускала цензура. Сейчас опубликованы многочисленные интерпретации ее творчества: рецензии на книги, научные и публицистические статьи. Современная литературная критика связывает Петрушевскую с «другой литературой», осваивающей прежде «табуированные» для советской литературы жизненные реалии — тюрьму, «дно» общества и т.п., что характерно для новой «натуральной школы»

На данном этапе место писателя в современном литературном процессе определено целым рядом черт: оригинальный стиль, художественный язык, проблематика произведений, выбираемые автором темы и жанры.

М. Липовецкий считает, что секрет прозы Л. Петрушевской заключается в том, что «дробная, бессвязная, принципиально не романная и даже антироманная картина жизни в ее рассказах последовательно романизирована». «Романность» рассказов, по наблюдению исследователя, проступает в особом тоне повествования, необычности зачина, концовки, где «совмещаются житейские дребезги с истинно романной болью за жизнь как целое», а также в необычности соотношения реальности, ограниченной рамками рассказа, с затекстовой реальностью [5, с.230].

В своей основе постмодернизм предполагает жанровую диффузию, переплетение, сращение разных жанров. Обращаясь к различным жанрам, Л. Петрушевская решает основную творческую задачу: писательница прослеживает, как происходит деформация личности под влиянием среды, пытается раскрыть внутренний мир современного человека, показав его в исключительно сложных жизненных обстоятельствах; она видит его в самом разном обличье — от привычного до невероятного.

Как отмечает Т. Прохорова, «сегодня творчество Петрушевской напоминает своеобразную лабораторию, где проходят испытание «новые» и «старые» жанры, где осуществляются эксперименты с разными стилями, где реализм скрещивается с постмодернизмом, натурализм — с сентиментализмом и т.п. Здесь все пронизано токами диалогичности, причем в игровой диалог вовлекаются самые разные пласты отечественной и мировой культуры: фольклорная традиция, мифология, классическая литература» [6, с.156].

Устойчивый интерес к произведениям Л. Петрушевской как русских, так и зарубежных исследователей свидетельствует о том, что ее творчество не частное, локальное явление, а выражение характерных тенденций развития русской прозы конца XX века. Имя Л. Петру-

шевской ставится в один ряд с именами таких признанных мастеров как А. Платонов, Ю. Трифонов, А. Вампилов; с другой стороны, оно звучит среди имен тех современных

авторов, которые ведут творческие поиски в русле самых различных литературных течений (В. Маканин, Ф. Горенштейн и др.).

Литература:

1. Богданова О.В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI века) / О.В.Богданова. – СПб., 2004. – 716 с.
2. Голубков М.М. XX век как литературная эпоха // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения. Сборник научных трудов. – М., 2002. – с. 19–20.
3. Иванова Н.Б. Преодолевшие постмодернизм // Знамя. – 1998. №4. – с. 193–204.
4. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. Книга 3. В конце века (1986–1990-е годы). / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – М., 2001. – с. 42–45.
5. Липовецкий М.Н. Трагедия и мало ли что ещё // Новый мир. – 1994. №10. – с. 229–232.
6. Прохорова Т.М. Расширение возможностей как авторская стратегия. Людмила Петрушевская // Вопросы литературы – М., – 2009. №3. – С. 149–164.
7. Скокова Т.А. Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма Дис. К.н. Москва. – 168 с.
8. Скоропанова И.С. Третья волна постмодернизма // И.С.Скоропанова Русская постмодернистская Литература:
9. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 1999. – С. 357–533.
10. Сушилина И.К. Современный литературный процесс в России: Учебное пособие – М.: МГУП, – 2007. С. 39–40.

Дискурс как основа социального взаимодействия

Иманжусупова Светлана Улановна, магистрант

Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай Хана

Полноценное функционирование человеческого общества невозможно представить без осуществления коммуникационных отношений. Понятия «общество» и «коммуникация» неразрывны, поскольку необходимым условием существования одного является другое. День ото дня стремительно растут и усложняются виды массовых коммуникационных средств. Прогресс в области высоких технологий, расширяющийся круг общения и осуществление социальных взаимодействий как внутри одного государства, так и между отдельными государствами, предъявляют определенные требования к уровню коммуникативной компетенции в условиях развития современного общества. Все эти факторы предопределяют важность изучения феномена массовой коммуникации и создание особых теорий для определения сущности социальных отношений и их роли во всех сферах общественной жизни.

Любой вид взаимодействия как между индивидами, так и социальными группами предполагает осуществление коммуникативных актов, которые являются предметом изучения в качестве лингвистических объектов для выявления природы явлений, которые эти коммуникативные акты способны производить и воспроизводить. Впервые термин «**социальное действие**» был введен Максом Вебером, который определил его как «действие человека, которое по смыслу соотносится с действием других или

ориентируется на них» [М. Вебер, 1990]. Но любое социальное действие почти никогда не встречается в изолированном или обособленном виде. Поскольку мы живем в обществе, любое действие субъекта (или субъектов), совершаемые по отношению к другому индивидууму (или группе), вызывают ответную реакцию (неважно какую: положительную или отрицательную) последнего (или последних). Совершая любое социальное действие, человек, так или иначе, оказывает воздействие на поведение другого (или других), от которого (или которых), в свою очередь получает ответное действие, или так называемое «**воздействие**». Таким образом, предпринимая любое действие, мы обязательным образом испытываем на себе действия других. Так происходит социальное взаимодействие, являющееся цепью для повторяющихся звеньев – социальных действий. Упорядоченный и устойчивый характер взаимодействий является почвой для возникновения социальных отношений в обществе [М. Вебер, 1990], которые представляют собой осуществление акта коммуникации, основным средством которой является информационно-речевое взаимодействие в рамках государственной системы. Объектом нашего интереса является изучение особенностей речевого воздействия в **дискурсе**, поскольку в этой области эти речевые воздействия предстают в совершенно новом динамичном виде и значении.

Определяя всякое коммуникативное явление как проявление дискурса, в данной статье мы попытаемся раскрыть сущность феномена дискурса в качестве орудия социального взаимодействия, который выступает носителем и пере- носителем смыслов, идей, ценностей в обществе.

В последние годы, так называемая, дискурсивная организация языка стала объектом активного междисциплинарного изучения, в котором каждая из научных дисциплин, интересующихся объектом дискурса, подходит с разных точек зрения, по- своему трактуя этот уникальный, не раскрытый до конца уникум, находя в нем все новые и неизученные пласты свойств и характеристик.

Поскольку употребление термина дискурс, связанное с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса, подразумевает «особый, идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п.» [Ю. Хабермас, 2000], то, понимание дискурса, как «речи, вписанной в коммуникативную ситуацию», в определении американского лингвиста З. Харриса [Z.S. Harris, 1969], представляется нам наиболее приемлемым вариантом для рассмотрения дискурса в качестве основы для социального взаимодействия в обществе.

Новый электронный французско-русский словарь трактует термин «дискурс» как: «речь; выступление; слова» [Новый французско-русский словарь].

Дискурс: (фр. discours; англ. discourse =< лат. «discursus» — бегание взад-вперед; движение, круговорот// фр., англ., — беседа, разговор, речь, рассуждение, выступление, система понятий, манера мыслить, анализ, трактат).

В английском языке «course» — навигация, путь, направление, плыть, образование. Несмотря на некоторую разницу в значении термина в двух разных языках, все слова перевода, по большому счету, подразумевают движение в прогрессе, стремление вперед, развитие, динамику... .

Но если значение исходного слова во французском языке вполне положительное, то в английском варианте оно приобретает (имеет) некий отрицательный оттенок, поскольку «dis» в английском языке придает:

- прямо противоположное значение;
- признак лишения качества, признака, характеристики;
- распределение, разделение на части (а стало быть — уменьшение, умаление качеств);
- усиливает отрицательность, наделяет противоположным смыслом.

Итак, «discourse» — мешать плывущему?.. сбивать с пути?.. с курса?... сбивать с мысли?.. предлагая свою?.. / — кому? ...предполагаемому оппоненту?..

По Тойн А. ван Дейку: «Дискурс — это коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, про-

странственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие».

Любое коммуникативное событие, так или иначе, происходит именно в социальном пространстве, которое в свою очередь складывается из двух достаточно самостоятельных сфер:

- **публичной** (общей); и
- **индивидуально-личной** (частной, приватной) [А.В. Полонский, 2011]. В пределах этих двух сфер происходит обмен информационными посылками того или иного рода.

Публичная сфера является ареной для широкого социального диалога с участием всех заинтересованных в нем общественных институтов, таких как государственные органы, научные институты, образовательные учреждения, политические партии, религиозные группировки, медийные организации и т.п.

Дискурс социального института направлен на стандартизацию, контроль и регулирование общественного сознания, почти всегда через навязывание социально-коммуникативных моделей поведения и кодирование на установку своих субъектов. Естественно, что в публичном дискурсе используются такие стратегии, как: убеждение, аргументирование, объяснение, просвещение, переформулирование и т.п.

[Бакулев, 2005; Хазагерев, 2006]. Таков характер **институционального** дискурса.

Его совершенной противоположностью является дискурс «лично-ориентированного» характера [Карасик, 2004], объективирующий проявления самобытного, личностного сознания, специфика которого заключается, в частности, «в пристрастности», «в избирательности внимания, в эмоциональной окрашенности представлений, в зависимости познавательных процессов от потребностей и влечений» [Леонтьев, 1975]. В качестве корневого концепта лично-ориентированного дискурса выступает концепт «я» (внутренний мир личности, средоточие ума и сердца), реализующийся, в частности, в разговорной и поэтической речи [Красных, 2003; Карасик, 2004, 289—291; Чумак-Жунь, 2009].

Лично-ориентированный дискурс — это проявление «текста в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [В.З. Демьянков, 2005]. По ходу такой интерпретации воссоздается — «реконструируется» — мысленный мир, в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс, и в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т.п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и т.п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки.

Разумеется, области публичного и индивидуально-личного находятся в состоянии постоянного диалога, каждая, тем не менее, формируя свой собственный арсенал устой-

чивых коммуникативно-речевых практик, как результат выражения идей, мотивов и целей.

Часто дискурс выступает в качестве не межперсонального диалога, а социального диалога, происходящего посредством и через общественные институты между индивидами, группами и организациями, а также между самими общественными институтами, задействованными в этом диалоге. [Дука А.В., 1998].

Так, например, «основу политического дискурса составляет непрекращающийся диалог-поединок между партией власти и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление» [Эпштейн О.В., 2008]. Здесь предназначение дискурса — налаживание социального партнерства всех участников с учетом интересов каждого из них.

Дискурсивная реализация и осуществление интенций показывают адекватное восприятие окружающей реальности коммуникантами. Основная функция дискурса — выдвинуть свою позицию, оказать давление на оппонента любыми способами в целях осуществления своих целевых установок, но сделать это мастерски, применив все уникальные способности, которыми наделено человеческое существо.

В истории человечества одной из самых больших загадок является неоспоримый факт нашей особенности, разительного отличия от остального живого мира. Уже давно было замечено, что, в отличие от всех прочих представителей фауны, у человека нет естественных инструментов нападения или защиты — ни чрезвычайно мощных мускулов, ни огромных клыков, ни особенно быстрых ног или природного камуфляжа, и т.п. Но зато есть знание и со-знание, которыми можно выгодно воспользоваться в своих интересах в тех или иных дискурсивных проявлениях.

Являясь продуктом социального сознания, несомненно, дискурс создает свою картину окружающего мира, которая включает в себя упорядоченную совокупность знаний о мире, способах его восприятия и взаимодействия с ним в рамках социума. Каждый такой дискурс имеет характерный для своих воззрений набор формул, фразем, речевых оборотов, клише и кодировок, т.е. обладает собственным подъязыком [Шейгал Е.И., 2000] (масс-медиа: эфирное время, трансляция, целевая аудитория, телевидение; религиозный: грех, истина, покаяние, прощение; политический: полемика, электорат,

дебаты, политкорректность и т.п.).

Сам дискурс является уникальной формой социального поведения человека для выражения его представлений об окружающем мире.

По мнению Юрия Шрейдера, в социальном мире действуют категории, которых нет в природе, — категории добра и зла, уродства и красоты, истины и лжи [Шрейдер, 1989, 245]. Ведь только человеческое существо, будучи существом обреченным, в прекрасном смысле этого слова, выживать исключительно в рамках социума, разделило весь окружающий его мир на категории положительного и отрицательного; «своего» и «чужого»; «хорошего» и «плохого»; «истинного» и не-«истинного». Только «*homo sapiens*» имеет свое мировоззрение — систему устойчивых взглядов на мир и на свое место в нем, что выражается в присутствии активного знания, целостности и всеобщности в ценностных ориентиров.

Процесс формирования определенных типов дискурсов является результатом мыслительной деятельности субъекта в социуме и вместе с тем, отражения его реакции на явления объективного мира. Любой живущий и действующий в мире индивид не находится в изоляции. Его окружает материальный мир, социальная среда, к которой он сопричастен через групповое взаимодействие. Культурная среда, в которой он живет, навязывает ему и культивирует в нем свои общественные нормы и ценности.

Дискурс — это отложившийся и закрепившийся в знаковой системе способ видения и переживания мира, способ упорядочения социальной действительности, реализуемой в разнообразных социальных практиках [А.В. Полонский, 2001].

Воплощая реализацию своего «я», собственных идей и представлений об идеальной организации общества и общественных отношений в государстве, проявляя свои, как личные, так и социальные намерения для осуществления определенных целей, дискурс является действенным инструментом для решения конкретных задач и намерений коммуникантов.

Таким образом, дискурс, реализуясь в качестве социально упорядоченных, регламентированных коммуникативных актов (процессов и результатов) в рамках государства, и выражаясь в текстах определенного типа и в особых способах их применений, является уникальным орудием для осуществления и развития социального взаимодействия в обществе.

Литература:

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: Пер. с нем./ Под ред. Складнева Д.В., СПб.: Наука, 2000. — 379 с.
2. Harris Z.S. Analyse du discours // Languages, 1969. — № 13. — P. 8–45
3. Новый французско-русский словарь/электронный ресурс, www.classes.ru/all-french/dictionary-French-Russian-universal-term-22504.htm
4. Dijk T.A. van. Studies in the pragmatics of discourse. — The Hague-Paris: Mouton, 1981. — P. 331
5. Полонский А.В. Дискурс-социально-когнитивная морфология коммуникации. Global Media Journal. Рос. Издание. Том II, Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2011.

6. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: западные теории. — М., 2005—176 с.
7. Хазагеров Г.Г. Партия, власть и риторика. — М., 2006. — 48 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. — 392 с.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
10. Красных В.В. Концепт «я» в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст./ Отв. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М., МАКС Пресс, 2003. — Вып. 23. — с. 4—14.
11. Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII — начала XXI веков. — Белгород: БелГУ, 2009. — 244 с.
12. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст. Сб.ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН: Отв. Ред. В.Н. Топоров. — М.: Языки славянских — культур, 2005. С. 34—55.
13. Эпштейн О.В. Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. №2 (2). С. 150—156. [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.net>articles/issn_1997-2911_2008_2_55/pdf
14. Шрейдер Ю. Сознание и его имитация // Новый мир. — 1989. — № 11. — С. 244—255
15. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000. С. 368.
17. Дука А.В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 1. С. 94—95 [Электронный ресурс]. URL: <http://hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a9.html>.
18. Зайцев А.В. К вопросу об институционализации диалога государства и гражданского общества в социально-политическом дискурсе современной России. Ст., Кострома, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://dom-hors.ru/issue/pep/2011-3/zaitse...>
19. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. Ред. Володина М.Н., М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. С. 116—133.

Вербальная суггестия и эмоция интереса

Климентова Елена Вадимовна, кандидат филологических наук, докторант
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Прагматические аспекты языкового воздействия через текст в различных дискурсах активно исследуются на современном этапе развития лингвистики (Е. Верещагин, В. Демьянков, О. Иссерс, Л. Компанцева, Е. Кубрякова, Ю. Левин, Е. Падучева, Ю. Пирогова, Н. Слухай, И. Стернин и др.). Особый интерес представляют механизмы вербально-суггестивного воздействия на реципиента в процессе религиозной коммуникации (В. Манакин, Н. Мечковская, В. Слезин, Н. Слухай, Д. Спивак, И. Черепанова и др.) и, в частности, эмотивная корреляция, реализованная текстовыми средствами.

Изучение эмотивной релевантности православной молитвы как фактора вербальной суггестии представляется важной исследовательской задачей. Это определяет актуальность данной статьи.

В статье рассматривается специфика вербализации эмоции интереса в религиозном вербальном дискурсе. Предметом анализа выступает трансформационный потенциал корреляции с эмоцией интереса.

Объектом анализа выступают вербализаторы эмотивной корреляции с интересом.

Новизна исследования состоит в изучении прагматического потенциала текстовой корреляции с эмоцией интереса в религиозном вербальном дискурсе.

Эмотивная корреляция играет важную роль в процессе вербально-суггестивного воздействия. Сращивание текстового материала с определенной эмоцией, которая практически всегда маркируется плюсом или минусом, по сути, программирует модальность восприятия. Положительное или отрицательное отношение к содержанию сообщения фактически предопределяет совокупность форм реагирования на это сообщение и, в частности, поведенческих.

Интерес обычно расценивается как позитивное переживание. Это эмоция, которая мотивирует гносеологическую активность, мощно воздействует на внимание, процесс восприятия, создаёт увлеченность объектом интереса. Именно эта эмоция выступает основой избирательности восприятия и направленности внимания.

Кроме того, она поддерживает тонус познавательной и исследовательской активности, упорядочивает её. В соответствии с теорией дифференциальных эмоций, интерес —

это доминирующее мотивационное состояние в ежедневной деятельности каждого нормального человека [2, с. 44]. Поэтому присутствие в коммуникации с сакральным текстом эмотивной корреляции с интересом позволяет существенно усилить воздействующую интенцию текста и трансформировать определенные аспекты языковой картины мира реципиента.

В целом интерес — это наживка, которая срабатывает в любой коммуникативной ситуации. Для суггестора — это тест на выявление контактной аудитории. Именно поэтому члены многочисленных религиозных обществ через пробуждение интереса регулярно пытаются привлечь людей в лоно своей конфессии или секты. В их арсенале — навязчивые интервью или опросы, открытки, проспекты, которые побуждают к диалогу об апокалиптической проблематике или претендуют на владение истиной и знание единственно правильного ответа на сложные жизненные вопросы, предложения помощи, советы и т.д. Эти приемы стары как мир и, конечно, требуют от людей осторожности.

Эмотивная корреляция с интересом в вербальных манипуляциях используется для изменения сформированной всем предыдущим жизненным опытом модальности определенных сегментов картины мира на противоположную. Достаточно часто при манипулятивной коммуникации здоровый интерес срачивается со страхом перед жизнью в целом или какими-то ее проблемными аспектами или наоборот — мощно подкрепляется позитивом, который блокирует критичность восприятия.

Заманивая перспективой получить простые и понятные ответы на так называемые вечные вопросы (о смысле жизни, смерти, социальной несправедливости, болезнях, разрушительных зависимостях и т.д.), раздавая обещания удовлетворить разнообразные потребности (в самосохранении, любви, уважении и т.д.), манипуляторы опираются на уже сформировавшуюся у большинства реципиентов негативную ассоциативность ключевых для их картин мира вербальных стимулов. В качестве альтернативы предлагаются позитивно ассоциированные варианты.

Важно подчеркнуть, что интерес, равно как и другие эмоции, может образовывать иерархические структуры. В частности, исследователи указывают на триаду *интерес — страх — ужас*, в которой первый компонент позиционируется как умеренный стимул, а последний — как стимул наибольшей силы [2, 44].

Могут иметь место и другие варианты: *интерес — удивление — страх* и т.д. Приведенные в качестве примера триады коннотативно указывают на динамику изменения позитивной модальности на негативную. Альтернативу таким трансформациям может составить вариант: *интерес — удивление — радость* или какой-то другой. Указанные триады базируются на сходстве нейрофизиологических механизмов эмоций-участников, поэтому диффузный характер их протекания не создает проблемности.

В религиозной коммуникации имеют место как диффузные процессы *интерес — удивление — радость*, так и *интерес — страх — ужас*. Однако последний компонент цепочки обязательно ограничивается через своего антагониста, что в целом играет позитивную роль и обеспечивает психоэкологичность процесса.

Первый вариант чаще предлагается ортодоксальными подходами в православии. Апелляция к чуду и радость присоединения к источнику вечной благодати часто фигурируют в ритуальных актах. При этом страх служит напоминанием о том, что пребывание в благодати возможно лишь при условии страха перед Богом.

Второй вариант имеет место в деятельности сектантов, когда интерес к новому знанию может отягощаться крайне нежелательными последствиями. Тогда ужас смягчается, например, надеждой на лучшую жизнь после смерти.

С другой стороны, накоплен положительный опыт возвращения жертв культов к нормальной жизни через активацию эмоции интереса. В таком варианте субъективно позитивная модальность солидарного с группой мироощущения изменяется на негативно коннотированную.

Цель такой трансформационной акции — разрыв с группой, в котором важную роль играет эмотивный фон комментирования. Сектанта буквально атакуют информацией во всех случаях двойных стандартов, которые практикуются в секте. Невольно большой объем негативно окрашенной информации давит на реципиента и часть ее все-таки воспринимается ним. Его также информируют о похожих манипулятивных практиках и стратегиях в других сектантских группах [1]. Это способствует возвращению способности сравнивать и анализировать информацию.

Цель таких информационных атак — сломать жесткий мировоззренческий каркас, в котором нет места для сомнений, здоровой критичности, эмоциональной спонтанности. Если удастся выйти хотя бы на первый этап трансформационной цепочки *интерес — удивление*, такую реабилитационную деятельность можно признать успешной.

Триады, в которых фигурирует интерес, имеют место и в очень специфических феноменах религиозного вербального дискурса. Например, легко возникающий интерес к эффектам регулярной практики Иисусовой молитвы требует осторожности и духовного водительства, чтобы не навредить душевному здоровью практикующего [3]. В свою очередь удивление, которое нередко спаяно с интересом как «эмоция очищения каналов», по удачному высказыванию Томкинса [2, с. 194–195], может использоваться при вербальном обеспечении процессов погружения в состояния измененного сознания (например, когда практикуются глоссолалии) [4: 94–97]. Итак, эмотивная корреляция с интересом в целом является важным фактором вербального религиозного дискурса, на котором строятся многие процессы.

Информационно-содержательная функция любого вербального сообщения может эффективно использоваться и при суггестии. Принципы отбора информации, ее

интерпретация, комментирование, логические акценты и т.д. позволяют влиять на восприятие реципиента, манипулируя его интересами.

Относительно этого параметра сакральные тексты не являются исключением. Благодаря активному использованию в религиозном дискурсе приёмов латентного ввода новой информации, коммуникация с сакральными текстами позволяет достаточно быстро устранить когнитивный диссонанс (*Фестингер*) и встроить новое (конфессиональное) знание в имеющуюся у реципиента модель мира. В частности, в молитвенных текстах используются различные приёмы когнитивной редукции, направленной на трансформацию языковой картины мира реципиента. Это позволяет сложные ситуации представлять как простые за счёт построения двухполюсного текстового пространства как своеобразной модели социального устройства; аргументации через навязанные причинно-следственные отношения; постановки новых целей; апелляции к авторитету Библии; вербализации статусно-ролевой диспозиции *хозяин — раб*; метафорической коннотации, оценочных суждений и т.д. Эти приёмы позволяют быстро мотивировать реципиента на собственную активность в процессе поиска новой информации в плоскости ценностей конфессии.

Поскольку уровень новизны предлагаемой реципиенту информации довольно высокий, поддержание интереса к ней становится одним из приоритетов коммуникации.

Сакральный текст обладает своим потенциалом обеспечения указанной функции. Буквенные графемы, наполненные символическим содержанием, слова под титлами, непонятные наименования, специфическое словообразование, концептуальные понятия, фантастические образы, экспрессивные метафоры, inferнальные контексты, символика чисел, вера в чудесную силу сакральных текстов и символов — все это порождает множество вопросов и обеспечивает стойкий интерес к текстовому материалу, мифологизируя его и справедливо наделяя очень высоким авторитетом. Кроме того, жанровое разнообразие сакральных текстов предлагает целый арсенал средств поддержания собственной актуальности и интереса к себе.

Кроме эксплицитных текстовых активаторов интереса, например, в молитвах есть и имплицитные. Так, многие молитвы содержат дидактическую часть, которая апеллирует к Библии и обеспечивает их развивающую роль. При этом даже апелляция к одним и тем же фрагментам Библии различно реализуется в авторских молитвах, опирается на разные коммуникативные стратегии, по-разному подпитывает интерес к тем или иным постулатам учения. Подобная эмотивная корреляция с интересом обычно вербализуется латентно. Её маркерами могут выступать единицы различных уровней текстовой организации. Наибольшую загрузку несёт лексический уровень, на котором эмотивная корреляция кодируется ключевыми словами. Их семантика, естественно, регламентируется конфессией, но одновременно они удерживают связь и с личностными контекстами автора молитвы.

Так, в молитвах, объединённых общей темой — святого причастия, но созданных разными авторами, необходимость соблюдать ритуал мотивируется по-разному. В молитве св. Василия Великого развивается идея приближения к Божественности через единение со Святым Духом в акте причастия. Ключевыми выступают слова, которые семантически коррелируют со значением *соединиться*.

Совсем другие акценты проставил Иоанн Дамаскин. Он использует развивающую антитезу, опираясь на идею греховности самой природы человека, которую можно приуменьшить через ритуал. Пространство молитвы поделено на два полюса, которые символически отражают социальную модель, требующую делать постоянные выборы. Сфера влияния человека вербализуется словами, которые коррелируют с концептом *грех*.

Сфера божественности маркируется ассоциатами понятия *чистота*. При этом ключевые слова имплицитно указывают на идею борьбы.

В молитве Иоанна Златоуста акцентируется идея слабости человека, когда он выбирает между дарами Господа и «лукавого». Библейская метафора спасения имеет очень высокий уровень абстракции, характеризуется глубоким символизмом. Она сориентирована на групповой характер осмысления и оценки. Ключевыми являются слова: *исцеление, очищение*.

Неоднородность плана содержания языковых знаков, денотативно размытая семантика соединяются с четкой конфессиональной регламентацией, которая состоит в жестком разделении на «своих» и «чужих», по сути навязывании коннотационной оппозиционности. Она, в свою очередь, требует пояснения и углубления, которые обычно имеют место в процессах устного комментирования.

В сакральной коммуникации с религиозным текстом старые знания реципиента отодвигаются на периферию сознания и постепенно вытесняются из актуальной памяти. Благодаря этому его модель мира удается трансформировать, а впоследствии и закрепить в новом состоянии. Как показывают примеры, акцентированные ключевые слова в молитвах семантически мотивируются ценностями конфессии и авторским личностным контекстом. Информационно они не отягощены, потому что являются клишированными формами. В этом смысле можно говорить об их семантической неопределённости. С другой стороны, ключевые слова непосредственно связаны с важными проблемами морально-этического характера, способы разрешения которых всегда интересовали людей и удерживали их когнитивный интерес. То есть, они эмотивно и ассоциативно активны, что важно при вербальной суггестии.

Ключевые слова, которые участвуют в процессах вербализации эмотивной корреляции с интересом, удерживают связь с базовым текстом — Библией, который выполняет роль своеобразной информационной платформы. При этом функция обратной связи реализуется с любой

мотивационной позиции, от абсолютного согласия до полного несогласия относительно идеологического контекста. Такой тип двусторонней связи обеспечивает прецедентную валидность базового текста и обслуживает режим его постоянного репродуцирования в релевантных к нему текстах даже в информационно антагонистической среде. Кроме того, ключевые слова в той или иной мере удерживают связь с оценкой, поэтому латентно воздействуют на процесс восприятия и обеспечивают доминирование эмоционального над рациональным. Все это создает предпосылки для взаимодействия с бытовой, ежедневной активностью реципиентов и мотивирует их к определённым видам эмоционального и поведенческого реагирования,

которые по сути мягко осуществляют функцию конфессиональной экспансии.

Вывод. Эмотивная корреляция с интересом в религиозном вербальном дискурсе сориентирована на массового адресата. Она непосредственно определяет конфессиональную коммуникацию, задействована в процессах формирования как ежедневных бытовых решений, так и судьбоносных жизненных выборов. Латентно мотивируя реципиентов, воздействуя на симпатии и антипатии участников религиозной коммуникации, она влияет на функционирование языкового сознания и делает в значительной степени прогнозируемыми поведенческие реакции реципиентов.

Литература:

1. Волков Е.Н. Основные модели контроля сознания (реформирования мышления) / Евгений Новомирович Волков // Журнал практического психолога. — 1996. — № 5. — с. 86–95.
2. Изард К.Э. Психология эмоций / Кэррол Э.Изард; [пер. с англ. А.Татлыбаева]. Изд. 2 доп. — СПб.: Издательство «Питер», 1999. — 440 с.
3. Калліст (Уер), митрополит. Православна Церква / Митрополит Діоклійський Калліст (Уер); [пер. з англ. Н.Рогачевської]. — К.: Дух і літера, 2009. — 384 с.
4. Чернышев В.М. Сектоведение. Часть вторая / Владимир Михайлович Чернышев. — К.: Общество любителей православной литературы. Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2008. — 584 с.

Герой в «каркасе» социума: урбанистическое пространство В. Маканина

Куликова Екатерина Владимировна, аспирант
Мичуринский государственный педагогический институт

Городской тематике в творчестве Маканина, несомненно, отведено значительное место. Часто прозаика включают в число так называемых городских писателей, хотя, на наш взгляд, подобная конкретизация несколько нивелирует широкий спектр затрагиваемых в произведениях Маканина проблем. Что же касается темы города, то писателя всегда волновало влияние цивилизации на сознание и мировидение человека. Город — это, в известном смысле, «материальное» воплощение социума, им порожаемое и его порождающее, это «аккумулятор человеческой мысли, эмоций, чувств, действий человека» [5, с. 8]. Специфика этой «среды обитания» оценивается писателем с явным негативизмом. В творчестве Маканина это пространство угнетающее, ограничивающее, лишаящее индивидуальности, ослабляющее личность, «усредняющее».

Можно сказать, что при воссоздании реалий урбанистической культуры прозаик подчеркивал их особую роль в формировании единого образа города как символа одного из главных объектов его внимания — «усреднённой» действительности. В ранних произведениях суётность и однообразие городской жизни приобретают вид «жесткого каркаса» [2, с. 262] или «безвоздушного простран-

ства» [2, с. 207]. В более позднем творчестве, где отчетливо прослеживаются постмодернистские мотивы, образ города приобретает гиперболизированно враждебные черты, трансформируется в дикое и асоциальное живое существо, вселяющее в жителей ужас и панику.

Как представляется, в раннем маканинском городе доминируют отчуждение, холодность, одиночество «в толпе». Созданию такой угнетающей обстановки способствуют некоторые детали урбанистической культуры, которые Маканин художественно «обыгрывает», актуализируя деструктивный характер всей городской среды. Показательна в этом плане повесть «На первом дыхании» (1979). В Москве конца 70-х, изображённой в этом произведении, знаковой деталью предстаёт «текстильный НИИ» — место, к которому стремился главный герой Олег Чагин и откуда впоследствии стремительно убегает. НИИ в повести Маканина выступает своеобразной микромоделью, символом целой эпохи, когда подобные организации получили поистине массовое распространение. Оксюморонность сочетания «текстильный НИИ» усиливается ироническими описаниями рода деятельности его работников: «Кое-какой наукой они, конечно, занимались, но, в общем, существовали благодаря побочным изде-

лиям. Плетёные галстучки. Авоськи. Расшитые пояса для морских офицеров. И тому подобное. Что-то вроде подпольной фабрики вблизи Мцхеты. Но только всё законно. На хозрасчёте» [2, с. 166]. Маканин явно подчёркивает абсурдность образа жизни людей, посвятивших себя бессмысленному и однообразному труду в «авосечной лаборатории». Еще более трагично, по Маканину, то, что этот труд гордо именуется работниками во главе с «начлабом» высоким словом «наука», а «авоськи» — «промышленными нуждами» [2, с. 167].

Потеря смысла жизни, обесценивание понятий, утрата ориентиров — вот главные симптомы нарастающей социокультурной кризисности, метафорой которой, по-видимому, и является «текстильный НИИ», процветающий в столице. Интересно здесь обратиться к планировке одного из подразделений НИИ — лаборатории: «Лаборатория представляла собой длинную комнату. Полуцех. С совершенно белой торцовой стеной, как в кинотеатре. Там не было ни окна, ни крючка, ни гвоздя — нечто абсолютное в своей белизне. Даже глаза резало» [2, с. 167]. Белая стена — значимая деталь, которая впоследствии будет также фигурировать и в маканинской повести 90-х «Последний лагерь», — в повести «На первом дыхании» играет роль горького символа безысходности. Здесь важно отметить еще одну деталь интерьера лаборатории — стол, неизменно именующийся «гробом» [2, с. 168]. С. Махлина отмечает, что вещь как таковая неизменно «вплетаена в сложную систему разнообразных символических связей» [4, с. 63]. Стол для Маканина, очевидно, является именно такой псевдосакральной вещью. В повести «На первом дыхании» «стол-гроб» символично вносят с приходом нового сотрудника и выносят — после его увольнения. Интересно, что сам процесс транспортировки стола ассоциируется с ритуалом похоронной процессии. Здесь, видимо, речь идёт уже о «погребении» живого человека среди цехов, станков и кабинетов — неизменных составляющих развивающейся индустрии. Стерильность, минимализм, безжизненность, «вакуумность», с точки зрения Маканина, характерны не только для лаборатории, но и для всего городского пространства и для всей эпохи в целом.

Можно предположить, что смысловое содержание художественного пространства (и, в частности, городского) в повести «На первом дыхании» метонимично закодировано: мелкая деталь служит аналогией, аллегорическим изображением детали более масштабной, что создаёт эффект нагнетания, способствует возникновению градационных отношений. Так, можно выстроить целую цепь: «стол-гроб» — «стена» — «лаборатория» — «текстильный НИИ» — Москва — и, наконец, социум. В совокупности все эти компоненты, образуют сложный образ, обладающий в маканинском восприятии единым негативным функционально-семантическим наполнением.

Стоит особо отметить особый антропоморфизм, характерный для образа города в маканинском творчестве. В повести «На первом дыхании» в образе Москвы доминирует «белокаменная» непреклонность. Главного

героя она «встретила, как родного — бабым летом» [2, с. 162], а «всесильному» начальнику Громышеву снисходительно «выделила» маленькую комнатку: «И, надо сказать, даже эту крохотную келью он вымолил у Москвы с трудом» [2, с. 176]. Пространство города модернизировалось, что привело к трансформации связанных с ним мифологем: Москва «златоглавая» и «белокаменная» превратилась в Москву «из пластика, металла и стекла», так же, как и Москва гостеприимная видоизменилась в Москву, которая «слезам не верит». Тотальный урбанизм, повлекший за собой исчезновение самобытности в архитектуре и обусловивший следование единым стандартам и шаблонам, — параллельно спровоцировал усреднение городских жителей, ставших частью могучего механизма индустриализации. Здесь уместно вспомнить мысль Н. Бердяева, сравнивавшего цивилизацию с «магическим царством машинности и механичности, подменяющей подлинное бытие» [1, с. 172].

Топос города в раннем творчестве Маканина наполнен экзистенциальными чертами, рисующими картину серого, холодного, угнетающего пространства, в котором герой постоянно ощущает незащищенность, одиночество, потерянность. Все элементы урбанистической культуры здесь пронизаны специфическим настроением тревожности и нестабильности.

В поздних произведениях Маканина характерологические доминанты образа города, предельно гипертрофируются, что приводит к рождению новых для писателя жанровых форм, и в частности, антиутопии. Усредненный социум города в позднем творчестве Маканина трансформируется уже в «многотысячную толпу», а отсутствие индивидуальности приводит к утрате духовности и кардинальной смене жизненных ориентиров.

В повести «Лаз» (1991) художественное пространство представляет собой двойственную структуру, в которой мир надземный — царство толпы и беззакония — противопоставлен миру подземному — обители духа и высокого Слова. Образ города воссоздается уже как патологически двухмерное «измерение».

Маканин точно описывает обстановку и атмосферу города «верхнего» и города «нижнего», в результате чего наиболее ярко прослеживается оппозиция сферы хаоса и сферы духа.

Оплотом постмодернистской хаотичности является надземный город, в эстетике урбанистической культуры которого это всячески подчёркивается. Писателем создается фантазмагорический конгломерат, буквально пронизанный враждебностью, агрессией, сумбуром. Приемы цивилизации символизируют здесь уже не только отчуждение и безысходность, но и деструкцию, панический страх. Это и «расплющенная телефонная трубка», давшая «вечный отбой», и запертые магазины с разбитыми витринами, и «извилистый, искривлённый маршрут автобуса», и заборы, «мощные и глухие», и шторы в качестве запоров, и скрип открытых настежь дверей как сигнал о помощи, и включенный телевизор с ложными сообщениями

о нормализации обстановки. Прослеживаются здесь и мотивы обречённости, безжизненности, акцентированные «общей статичностью»: вымерший город, брошенные машины, «глянцево» опустевшие улицы [3, с. 5].

При воссоздании мрачного пространства надземного мира, Маканин, вероятно, подчёркивает закономерность зарождения и гармоничность существования здесь нового, поистине infernalного героя. Таким героем является толпа в своей совокупности и «тип хладнокровный» как её действующая единица. Толпа представляет собой бесчувственный, беспощадный «монолит», несущий разрушение и нацеленный на хаотизацию пространства. Главный герой повести — интеллигент Ключарёв — предстаёт в качестве антагониста всей сумрачной реальности в целом. Эта оппозиция становится ещё более очевидной за счёт тяги Ключарёва к альтернативной действительности — светлой, духовно богатой — и, как явствует из повести, единственно возможной для существования. Труднодоступность и даже недостижимость такой жизни акцентируется тем, что происходит она под землёй. Лаз становится своеобразным порталом, сквозь который главному герою периодически удается попасть в заветный светлый мир подземелья.

Подземный город в повести «Лаз» — идеологически полярное пространство по отношению к городу надземному. Духовность, царствующая в этом параллельном мире, воплощена и материально: обилием света и иллюминации, благоустроенностью и многолюдностью улиц. Тусклый и сумеречный «верхний» город противопоставлен яркому и красочному городу «нижнему». Апокалиптический мотив ухода духовности «под землю» усиливается

её нежизнеспособностью в пространстве, где кислорода слишком мало. «Безвоздушной» оказывается как атмосфера верхнего города (в метафизическом смысле), так и атмосфера нижнего города (в виду своей противоестественности). Следовательно, в повести Маканина «Лаз» соответствующее новой эпохе урбанистическое пространство становится уже a priori не пригодным для жизни оставшегося прежним героя, ставшего лишним среди сформировавшихся в этой среде и адаптировавшихся в ней типов, в которых доминируют либо естественно взращенная аморальность, либо искусственно выведенная нравственность. Здесь чётко прослеживается кризис индивидуальности, который в «Лазе» уже в большей степени созвучен дезантропологической модели бытия.

В актуализированных Маканиным деталях урбанистического пространства проявляются типичные для позднесоветской эпохи явления: индустриализация, дефицит, нестабильность. В связи с этим характерно эмоциональное состояние индивида в городе — озлобленность или страх. Городское пространство у Маканина — это своего рода плацдарм, на котором разворачивается битва за духовность и индивидуальность, превращающаяся со временем в битву за выживание. Такое восприятие урбанизации представляется закономерным в рамках маканинского художественного мировидения, где герой, закованный в «каркас» социума, изначально осмысливается либо как жертва усреднённости, либо как боец за индивидуальность. Образ жизни, именуемый Н. Бердяевым как «машинный и механический», по Маканину, является одним из главных факторов утраты духовности и искажения ценностных ориентиров.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990. — 175 с.
2. Маканин В.С. Собрание сочинений. В 4-х тт. — Т.1. — М.: Материк, 2002. — 352 с.
3. Маканин В.С. Собрание сочинений. В 4-х тт. — Т.4. — М.: Материк, 2003. — 376 с.
4. Махлина С.Т. Семиотика культуры повседневности. — СПб.: Алетейя, 2009. — 232 с.
5. Радионова Л.А. Город как социальная система. Курс лекций. — Харьков: ХНАГХ, 2008. — 99 с.

Механизмы ввода героя-маски А.А. Блока в художественное произведение.

Прямая и косвенная номинация

Мартьянов Евгений Юрьевич, студент

Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого

В научной мысли вопрос о механизмах ввода героя маски и героя ролевой лирики социального типа остается открытым. «Вопрос о механизме ввода героя-маски в художественное произведение остается открытым: «... стандарт (лингвистический трюизм) и новаторство в репрезентации ситуаций (введение новых масок) конкури-

руют друг с другом» [1]. В стилистическом отношении каждое из произведений «ролевой» лирики более или менее однородно, тогда как в лирике, где выступают собственно автор, повествователь и лирический герой, могут сочетаться и широко использоваться в пределах одного стихотворения и традиционный фольклорный оборот, и

просторечное выражение, и высокая книжная лексика. Проблема заключается не только в стилистической однородности лирического монолога, но и в функции составляющих его элементов. В произведениях «ролевой» лирики стилистический окрашенный слово несет однозначно характеристическую функцию: оно помогает соотнести образ «я» с определенной социально-бытовой и культурно-исторической средой. В лирических же стихотворениях, где выступают автор-повествователь, собственно автор или лирический герой, сочетание и смена различных стилистических элементов передают сложное движение авторской мысли и чувства [2, с. 46–48].

Перспектива исследований механизмов ввода героя ролевой лирики в художественное произведение — систематизация, накопление и объективация исследований, апробация теоретических положений на материале творчества разных авторов. В нашей работе представлена попытка создания типологии, способов ввода героев ролевой лирики в структуру художественного произведения, доказательство и апробация результатов исследований на материале творчества А.А. Блока.

Исследование способов ввода героя-маски в художественное произведение следует начинать с номинации его автором. Прямо или косвенно автор называет маску или социальный тип, перенося на него своё сознание. В нашей концепции мы выделяем следующие виды номинации: прямая, косвенная, подразумевающая номинация. Останемся подробно на первых двух видах.

Прямая номинация реализуется в структуре художественного произведения в том случае, когда автор прямо называет маску или социальный тип, переносит своё сознание на него и ассоциирует себя с ним. «Я, отрок, зажигаю свечи...»; «Я — чёрный раб проклятой крови...»; «Я их хранил в приделе Иоанна/ Недвижный страж — хранил огонь лампад, Я — Гамлет...». Для данных стихотворений А.А. Блока характерна прямая номинация, поскольку автор прямо указывает на отождествление себя и маски. Данный способ номинации ограничен рамками одного предложения, которое в большинстве случаев имеет одинаковую синтаксическую структуру. Номинация реализуется через личное местоимение 1 лица, которое, являясь в предложении подлежащим, переносит авторское сознание на маску — сказуемое, номинируемое существительным. Данная синтаксическая структура: Я — (название маски) позволяет репрезентанту сразу же определить ситуацию, в которой будет функционировать герой-маска стихотворения. Прямая номинация в творчестве А. Блока выступает наиболее частотным способом ввода героя-маски в структуру художественного произведения. Данный способ ввода маски встречается во всех лирических циклах А. Блока и обнаруживает определённые особенности структуры лирического стихотворения, анализ которых позволит нам определить конкретные языковые средства воплощения лирического героя в творчестве А. Блока.

В большинстве стихотворений такого типа прямая номинация строится на базе оппозиции «Я — Она», выраженную личными местоимениями. Оппозиция может подчёркиваться также и косвенно: *...она без мысли и без речи/ На том смеётся берегу*. В данном стихотворении недостижимость отроком своей возлюбленной определяется и тем, что они находятся на разных берегах. Оппозиция личных местоимений у Блока может иметь формы: «Я — Она»; «Ты — Я». Существует и обратный вариант прямой номинации, когда автор называет маску и лишь потом отождествляет себя с ней. Это стихотворения типа: «Безмолвный призрак в терему...»; «Я их хранил в приделе Иоанна»; «Тебя скрывали туманы...». В данных стихотворениях мы можем наблюдать разрушение стандартной схемы прямой номинации «Я — номинация маски». В первом случае сначала называется маска и лишь затем автор переносит её на себя. Оппозиция здесь имеет несколько уровней: формальная оппозиция прямой номинации, реализуемая через противопоставление личных местоимений «Я — Она», и смысловая оппозиция, реализуемая средствами адъективов «незримый», «недостижимой». Многоплановая структура оппозиции подчёркивает невозможность встречи призрака и «Недостижимой». Она принадлежит миру живых, в то время как «незримый» призрак — миру мёртвых. С оппозицией двух миров, когда маска или лирический герой находится в мире живых или мёртвых, а его избранница — наоборот, мы будем часто встречаться в ходе анализа корпуса стихов А. Блока. Данная оппозиция подчёркивает невозможность встречи героя со своей возлюбленной, обречённость на одиночество, вечное служение. Таким образом, семантический потенциал данной оппозиции делает её частым гостем в сюжетах ситуаций лирических произведений А. Блока.

В стихотворении «Я их хранил в приделе Иоанна» стандартная схема «Я — номинация маски» видоизменяется. Значительная часть семантической нагрузки переносится на повторяющиеся предикаты, которые выступают наравне с номинативным ядром — существительным. «Я их хранил в приделе Иоанна,/ Незримый страж хранил огонь лампад...»; «...Я здесь один хранил и теплил свечи...». Перед нами прямая номинация, поскольку отношения личного местоимения и существительным сохраняются, однако в данном стихотворении происходит дробление семантической целостности номинации, часть её уходит к предикатам, которые разделяют две части прямой номинации. Главная задача стража — охранять что-либо. [4] Оппозиция в данном стихотворении также имеет неоднородную структуру. Формальный уровень — это уже знакомое нам противопоставление личных местоимений «Я — Она», смысловой уровень оппозиции реализуется через предикаты: «*скрыл, пребывал в Служеньи, дрожал*». Намеренное принижение Блоком стража и, напротив, обожествление его госпожи определяет характер их отношений, подчёркивая как принадлежность стража миру человеческому, так и принадлежность его избранницы миру неземному.

Необходимо отметить, что дробление семантического смысла номинации, перенос части семантической нагрузки на повторяющиеся предикаты и адъективы можно часто встретить в лирике А. Блока. Схема «Личное местоимение 1 лица — предикат номинации, номинативное ядро (существительное) — повторение предиката номинации» характерна и для стихотворения *«Тебя скрывали туманы...»*.

«Я помню эти обманы, / Я помню, покорный раб...» сравним с *«Я их хранил в пределе Иоанна, / Недвижный страж, — хранил огонь лампад...»*. Часть семантической нагрузки переносится на адъектив, который выступает единым целым с номинативным ядром — существительным. Недвижный страж — надёжный страж, который не отойдет от предмета своего хранения, покорный раб — раб, который не будет бунтовать и не обратиться против своего господина.

Таким образом, мы можем следующие выводы о прямой номинации героя-маски:

1. Стандартная схема прямой номинации — «Личное местоимение 1 лица — номинативное ядро (существительное, называющее маску).

2. Оппозиция прямой номинации создаётся путём противопоставления местоименных форм «Я — Она», «Ты — Я».

3. В основе прямой номинации лежит оппозиция, желание автора противопоставить маску окружающим персонажам.

4. В случае изменения или разрушения стандартной схемы прямой номинации основная семантическая нагрузка ложится на предикаты и адвербиалы. Схема — «Личное местоимение 1 лица — предикат номинации, номинативное ядро (существительное) — повторение предиката номинации».

Как уже было сказано выше, автор, внося маску в структуру сюжета художественного произведения, может использовать прямую, косвенную и подразумевающую номинацию. При анализе прямой номинации внутри сюжета, мы обозначили основные моменты, которые необходимо учитывать при анализе языковых репрезентаций внутри лирических стихотворений Блока. Для составления полных и объективных выводов о характере и особенностях языковых репрезентаций масок Блока, обратимся к двум оставшимся видам номинации.

Косвенная номинация — способ ввода в сюжет героя ролевой лирики, при котором отсутствует прямое отождествление автора и маски, однако номинирование маски авторским сознанием происходит через название или косвенное отождествление в рамках сюжета, через ядро номинации прямо не соотношенное с сознанием автора, через номинацию другой субъектной формой сознания (автор-собеседник, собственно-автор и т.д.).

Вопрос о косвенной номинации как способе ввода маски в сюжет художественного произведения остается открытым. Необходимость выделения данной номинации мы обосновываем наличием в корпусе стихов А. Блока ряда стихотворений с субъектными формами авторского

сознания, структура которых выделяется из ряда масок прямой номинации. Прямая номинация героя ролевой лирики в творчестве А. Блока имеет четкую семантическую и синтаксическую структуру: Сознание автора — личное местоимение 1 лица, выступающее как подлежащее, маска — существительное, номинирующее авторское сознание как маску, выступающее как часть составного именного сказуемого. В том случае, когда эта схема нарушается невозможно говорить о прямой номинации и требуется выделить новый термин, более полно репрезентирующий способы ввода маски в сюжет и языковые средства, благодаря которым маска может функционировать внутри сюжета.

Косвенная номинация осуществляется в том случае, когда автор использует иные языковые средства репрезентации маски. К таким средствам можно отнести заглавие стихотворения. Например заглавие стихотворения *«Servus Reginae»* — *«Слуга царице»* сообщает читателю ряд важных смыслов, которые мы объединили в логическую структуру: 1. Стихотворение представляет собой монолог; 2. Монолог направлен к царице, на семантическом уровне противопоставленной субъекту стихотворения. Таким образом, уже из заглавия читатель узнает, что стихотворение представляет собой монолог некоего стандартизированного персонажа (социального типа), обращающегося к своей госпоже внутри среды отношений социокультурной ситуации. Важную роль в языковой структуре стихотворения выполняют предикаты. *«Приду, склонюсь, буду слушать, ждать, желать»* — данный ряд предикатов наиболее полно репрезентирует характер оппозиции. Отношения между слугой и царицей не равны, это разные социальные типы. В стихотворении в очередной раз создается оппозиция, главной особенностью которой является недостижимость маски возлюбленной, невозможность быть в близких отношениях с ней, но возможность лишь служить ей. Как и в стихотворении: *«Тебя скрывали туманы...»* на преданности раба, на его добровольном служении так же поставлен акцент. Роль такого акцента выполняет наречие — «вечно», обладающий ёмкой семантикой, подчеркивающий, с одной стороны, недостижимость царицы, с другой — вечное служение ей. Адвербиалы выполняют и функцию семантического усиления предиката: *«Робко ждать»*; *«Склонюсь молчаливо»*. В языковой структуре стихотворения они усиливают роль предикатов, подчеркивая преданность, беззаветное служение госпоже. Маску раба Блок называет лишь в самом конце стихотворения. На перенос сознания автора на социальный тип указывают морфологические свойства предикатов: *«приду, склонюсь»* — 1 лицо, единственное число. Такие свойства предполагают наличие личного местоимения, первого лица — «Я», которое в данном случае опущено автором. Отсутствие таких местоимений не позволяет нам говорить о прямой номинации маски в структуре сюжета данного стихотворения, однако ряд языковых средств, которыми оперирует А. Блок, позволяет нам сделать вывод о наличии косвенной номинации в данном стихотворении.

Анализируя механизмы косвенной номинации, нельзя не отметить роль автора в способах ввода маски. В лирике А. Блока принято разделять понятия «автор» и «лирический герой». Автор как субъектная форма авторского сознания может делиться на несколько вариантов, таких как автор-собеседник, собственно автор, автор-повествователь и прочее [3]. В стихотворении «*Дома растут, как желанья...*» автор-повествователь представляет нам именную маску Орфея, вводя ее в структуру сюжета стихотворения.

Экстралингвистический контекст данного стихотворения — миф об Орфее и Эвридике. В данном стихотворении Блок выстраивает ситуацию стандартизации, репрезентируя авторское сознание формой героя-маски «Орфей». Стихотворение отмечено ярко выраженной эмоциональностью, оформленностью художественной мысли в виде образа-переживания, воспроизведением субъективного личного чувства и настроения автора. Данное стихотворение, входящее в состав «Стихов о Прекрасной Даме», относится к любовной лирике А. Блока. Одна из ведущих проблем любовной лирики А. Блока — единство возлюбленных, которую автор изображает в лирическом стихотворении, представляя переживания лирического героя через ситуацию стандартизации (миф), в котором функционирует именная маска «Орфей». В данном стихотворении номинация маски происходит через обращение автора-собеседника к лирическому я, осуществляя тем самым перенос субъектной формы авторского сознания: «...**Ты, Орфей, потерял невесту, — / Кто шепнул тебе — «Оглянись...»?...**». Перед нами разворачивается диалог автора-собеседника и лирического я автора, представляемого маской. Через указательные местоимения «ты»; «тебе» происходит и номинация маски. Автор-собеседник обращается к маске, тем самым называя её. Следующая строфа «...**Я закрою голову белым...**» завершает номинацию — авторское сознание уже отождествляется с маской «Орфей». Обратимся к языковым средствам, репрезентирующим косвенную номинацию в сюжете данного стихотворения. Ситуация стандартизации, формирующая образ героя ролевой лирики, реализуется через символическую оппозицию белого и черного цветов (жизни и смерти), в ситуации стандартизации — это выход Орфея с Эвридикой из царства мертвых Аида, когда перед ними лежит живой мир, но за их спинами ворота в царство смерти. Данная оппозиция в художественном тексте представлена антитезой адъективов с семантикой цвета: **Белые здания, черный смрад** (в момент, когда Орфей оборачивается, жизнь сменяется смертью), данные адъективы также выполняют роль эпитетов, что еще больше усиливает оппозицию, похожую функцию выполняют и риторические

вопросы, цветопись (о — белый цвет, **пОтОк, цветОк, благОвОнный**; ы — чёрный, **чернЫй**). В данном стихотворении А. Блок, используя маску Орфея, подчеркивает неразрушимую связь между лирическим героем и Прекрасной Дамой, вечность и неразделенность их любви.

Стихотворение «Песня Офелии» представляет собой яркий пример, когда косвенная номинация маски в структуре сюжета реализуется через название. Название сообщает читателю имя персонажа, который является частью ситуации стандартизации. В данной ситуации Офелия неразрывно связана с Гамлетом, таким образом, уже в названии вырисовывается часть знакомой нам оппозиции единства возлюбленных, которых разлучает судьба или обстоятельства. Оппозиция внутри сюжета представлена местоимениями «Я — Он». В данном стихотворении мы сталкиваемся с феноменом, который часто встречается в лирическом творчестве А. Блока — перенос сознания автора на женский персонаж. Чаще всего такой перенос переходит в рамках сюжета о Гамлете, что еще раз подчеркивает популярность данной ситуации стандартизации в творчестве А. Блока. Частотность использования в творчестве автора одной ситуации, перенос авторского сознания на персонажей данной ситуации, отождествление авторского «Я» с персонажами говорит о наличии устойчивой структуры внутри стандартизации. Реализации оппозиции происходит и на сюжетном уровне. Гамлет находится на дороге в мир мертвых, Офелия же в мире живых. «*Он ушел печальной, дорогой...*», «*...он ушел по той же тропинке...*», «*я одна приютилась в поле*». Как и во многих стихотворениях на уровне сюжета оппозиция реализуется предикатами с семантикой действия, подчеркивающих разлуку влюбленных. Особенную роль играет и цветопись, подчеркивая отношение Офелии к Гамлету («*...печальнОй, дОрОгОй...дОрОгОе лицо*»). Момент, когда возлюбленные были вместе, находится в прошлом, в настоящем времени. Гамлет «*...ушел по той же тропинке, куда уходило вчерашнее...*». Мир, где находится Гамлет — мир мёртвых, мир прошлого. Удел же Офелии — одиночество в мире живых.

Подведем общие итоги анализа косвенной номинации:

1. Косвенная номинация обнаруживается в сюжете, когда стандартные схемы прямой номинации нарушаются.
2. Косвенная номинация маски может реализовываться в сюжете стихотворения через название, через ядро номинации прямо не соотношенное с сознанием автора, через номинацию другой субъектной формой сознания (автор-собеседник, собственно-автор и т.д.).
3. Косвенная номинация, как и прямая номинация, называют персонажа, на которого автор переносит своё сознание.

Литература:

1. Романов Д.А. Ситуация: стандартизация языковой репрезентации, трюизмы и новаторство (на материале героя-маски). // Мир в гуманитарной перспективе: СБ. Науч. тр., посвященный 65-летию со дня рождения Т.В. Бондаренко. — Тула: Изд-во Тул. Гос. Пед. Ун-та им. Л.Н. Толстого, 2006.

2. Корман Б.О. Лирика Некрасова. — 2-е изд. — Ижевск, 1978. — С. 46–48.
3. Ильенков А.И. Лирическая трилогия Александра Блока: формы авторского сознания: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.И. Ильенков; Науч. рук. Л.П. Быков; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Филол. фак., Каф. рус. лит. XX в. — Екатеринбург: Б.и., 2002. — 215 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1–4. — М., 1978 (репринт изд. 1880–1884).
5. Мартыанов Е.Ю. Герой-маска как тип репрезентации авторского сознания [Текст] / Е.Ю. Мартыанов // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. — Чита: Издательство Молодой ученый, 2011.

Архетип Мирового дерева в поэтике романов якутского писателя И.М. Гоголева

Ноева Саргылана Еремеевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)

Романное пространство И.М. Гоголева представляет собой сложную систему, одним из компонентов которой является архетипический фонд — основополагающая матрица в структуре произведений. Анализ функционирования архетипов в поэтике романов позволяет выявить особенности моделирования художественного мира, раскрыть авторскую концепцию, установить логическую связь между элементами художественного произведения.

Архетипическое пространство романов представляет собой сложную многоуровневую структуру и смоделировано из различных архетипических матриц, в том числе восходящих к ним фольклорно-мифологических элементов. Наличествуют образы и понятия в трансформированном, индивидуализированном виде.

Художественный мир И. Гоголева существенно отличается символичностью персонажей, ситуаций, деталей и главное — их подчиненностью единой художественной мысли, раскрытию которой он и служит. Архетипика писателя возникла под влиянием, с одной стороны, фольклорно-мифологических, с другой — религиозных, христианских источников, своеобразно и неповторимо трансформируясь через индивидуальное авторское сознание.

Интерпретация пространственных символов в романах «Черный стерх» (1977, 1982, 1987), «Богиня милосердия» (1993), «Третий глаз» (1999), «Манчаары» (2001) Ивана Гоголева способствует более глубокому проникновению в особенности хронотопа произведений писателя. При расшифровке знаковой системы романов происходит восприятие знакового аспекта (архетипики, образов) структуры произведений через отношение к хронотопу.

Пронизанность структуры романов пластами символов и архетипов создает многоуровневую систему. По определению В.Н. Топорова, «пространственно-временной континуум неразрывно связан с вещественным наполнением». Сюда исследователь относит первотворца, богов, людей, животных, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованных и мифологизиро-

ванных объектов из сферы культуры и т.п., то есть все то, что участвует в организации пространства, «собирает его, сплачивает, укореняет в едином центре» [6, с. 234].

Пространственная перспектива произведений Ивана Гоголева строится на основе таких архетипов, составляющих основу мировых координат, как мировое дерево (вертикаль), мировая гора (ось мироздания), река (мировая горизонталь), центр Вселенной — солнце и центр мироздания — человек.

Данные архетипы основываются в сакральном времени и пространстве, отображая некую сакральную модель и являясь при этом воплощением центра мира. Солнце, гора, дерево — архетипы с вертикально направленной диалектикой, река, обозначающая горизонтальное движение, выражают идею развития, спасения, возрождения. Архетипы горы, реки, как мировых координат, составляют космогоническую модель мира. В.Н. Топоров определяет степень усиления сакральности пространства по мере движения к центру, внутрь: с одной стороны, в горизонтальной плоскости Космоса развитие сакральности усматривается «через ряд как бы вложенных друг в друга «подпространств» или объектов (типовая схема: своя страна — город — его центр — храм — алтарь — жертва)», с другой — в вертикальном разрезе Вселенной небесный конец «мировой оси», т.е. абсолютный верх, является наиболее сакрально отмеченной точкой [6, с. 256–257].

Способ вхождения архетипов сквозь сферу хронотопа в целостный организм произведений И.М. Гоголева расшифровывается через своеобразный авторский замысел.

Стоит уяснить, что главный сюжет в произведениях И.М. Гоголева — это путь самопознания человека, вечное стремление человеческого духа к совершенству. Именно во Времени и через Время раскрывается становление и развитие характера героя.

Ю.М. Лотман заметил, что сюжет о перемещении в географическом пространстве воспринимался как аллегория нравственного возрождения. Следовательно, степень духовного развития человека сопоставима с его путем, с преодолением пространства.

В хронотопической организации художественного мира романов можно выделить две системы — внешнюю пространственную и временную. Пространственная, в свою очередь, подразделяется на горизонтальную и вертикальную, а временная — на историческую и мифологическую. Горизонтальная модель мира строится на противостоянии бинарных оппозиций, таких, как внутренний/внешний, город/природа, центр/периферия и др., делящих пространство на несколько реальностей. Четко выстраиваются лексико-семантические ряды оппозиционных понятий «свой-чужой», которые эксплицируют отношения мета-пространств внутри произведений. А основу вертикальной системы составляют архетипы солнца (центра вселенной), Чочур Мыраана (оси мироздания) и дерева Аал-Луук-мас (вертикали), центральных символов в космогонической картине якута.

Во многих культурах «центр» как сгусток сакральной энергии получает воплощение в образах Мировой горы или Мирового дерева, — точек пересечения Неба и Земли; Мировой оси как места соединения Неба, Земли и потустороннего мира; «Центра» как храма, дворца, священного города.

Сакральное пространство в романах Гоголева выстраивается в вертикаль: гора — дерево — чаша — человек. В творчестве писателя отчетливо прослеживается, преобладает движение вверх по вертикали. Вертикаль мира, как максимально космологизированная точка в романном пространстве, становится для автора местом, где открывается Истина, Слово, Высокая идея. Киис Бэргэн («Серебряное стремя»), Кулусун («Богиня милосердия»), Хобороос («Черный стерх»), Кыраса («Третий глаз»), Манчаары («Манчаары») находят откровение у дерева лиственницы, сосны, на Ленских столбах, Чочур Мыраане, Эбэ Хайа.

Как отмечает В.Н. Топоров, центр сакрального пространства всегда отмечается алтарем, храмом, крестом, древом мировым, мировой осью (axis mundi), пупом земли, камнем, мировой горой, высшей персонифицированной сакральной ценностью [5, с. 341].

Аналогом пути на Небо — Лестницы, Креста является Мировое дерево (Мировой столп, Древо Жизни, Аал-Луук-мас). Мировое дерево как центральный образ появилось в творчестве Гоголева давно. В поэме «Монолог священного Древа Аал-Луук» автором воссоздается образ Аал-Луук-мас как олицетворение человеческой души.

Дерево как ось мироздания выражает внутреннюю динамику героев, является символом устремлений, развития человеческого духа. По представлениям якутов, посредством священного дерева осуществляется связь человека с космосом. «В древних воззрениях якутов как могучий символ, объединяющий три мира космического пространства, фигурирует мировое дерево — Аал-Луук Мас. Через него якутское сознание чувствует органическую связь и единство структурных элементов мирового космоса» [7, с. 20].

Дерево Аал-Луук объединяет в единую систему три мира, воплощая идею организованного пространства:

«Вселенная держится мировым деревом, верхушка которого служит коновязью для богов айыы. Мировое дерево определяет трихотомическое деление вселенной на небо (местообитание богов айыы), подземный демонический мир, где живет большая часть абаасы, и средний мир, обитаемый людьми» [4, с. 19].

Центром мира мальчика Кысалга в романе «Черный стерх» является лиственница огромных размеров, раскинувшая свои могучие ветви на окраине аласа. «... произрастающая на моем излюбленном холме семиствольная величавая лиственница, где гнездится мой шаманский зверь (пер. наш — С.Н.)» — так определяет лиственницу шаман Кысалга [3, с. 280].

В религии народа саха шаманское дерево также ассоциируется с сакральной связью шамана с ино-миром. «... где-то далеко-далеко, в стране мрака и стужи, растет колдовское дерево с чешуйчатой, как у змеи, корой. При сумрачном свете ущербной луны оно кажется грозным, таинственным (пер. — А.Ленская)» — так описывается священное дерево, в ветвях которого растут, дожидаются своего назначенного времени души шаманов.

Вертикаль по отношению к образу шамана Кысалга является индикатором духовного роста героя. Кысалга после долгих скитаний, поисков находит это дерево у озера Мастаах. «На крутом выступе высокого холма завиднелась могучая лиственница. (...) Скрюченные ветки — как руки, сильные, цепкие. Ждут не дождутся, кого бы схватить, а самая мощная тянется к земле: вот коснулась ее и воспрянула, полная земных материнских сил, — к небу устремилась. Словно просит одарить и небесными чарами. У основания этой ветки чернеется дупло. Подобно всевидящему оку самого Улуу Суоруна смотрит оно прямо в душу» (пер. — А.Ленская) — описание дерева осуществляется красочно, подробно, автор передает особенное образное восприятие героем этого могучего дерева [2, с. 277].

Первоначальное состояние мира Манчаары можно охарактеризовать как локальное: пространственно-временные отношения разворачиваются лишь в аласе Арылаах. Однако локальность не стоит отождествлять с понятием отчужденности, ограниченности, так как в центре данного маленького мира фигурирует высоко направленная вертикаль — сосна, через образ которого проецируется весь окружающий мир для маленького Манчаары, впоследствии ставшего легендарным героем народа саха.

Обратим внимание на озеро Мастаах, ставший последним пристанищем таких культурных героев, как шаман Кысалга, олонхосут Чоргулла-Сымасыт, христианский проповедник Ньыыкан. Озеро Мастаах (букв. «озеро со многими деревьями»), как место скопления вертикалей, усматривается нами в качестве сакрального топологического пространства. Данный пространственный архетип представлен автором с целью усиления статуса пространства, в котором находится герой.

Трансформированный вид Аал Луук мас — коновязь (санньыар санаа сэргэтэ), размещенная поэтом на высоком берегу реки Лены, символизирует мировую скорбь,

мировую совесть. Установленная вертикаль представляет собой центр нравственных, религиозных, идеологических воззрений человека.

Надо отметить, что установка вертикали в романах Гоголева всегда примыкает к сюжету героев, утверждающих жизнь, добро, выражающих устремленность духа и сознания. Сэргэ устанавливает олонхосут Кытылалар: «У него есть одна удивительная традиция. Он имеет обыкновение ставить посередине самых ровных, чистых полян родного наслега узорчатые коновязи-сэргэ (пер. наш — С.Н.)», в Сюрэх хонуу-поле деревья сажает Кулусун. Уничтожение деревьев, которые выступают символами жизненных ценностей героя, схоже с их уничтожением [1, с. 143].

Вертикаль (Аал-Луук-мас, сэргэ-коновязь, дерево) в произведениях писателя выступает олицетворением внутренней жизни человека, его устремленности, является

символом диалектики гоголевского героя.

В контексте хронотопического анализа гоголевских текстов особую значимость имеет такое понятие как «дабайы» (вознесение). «Дабайы» в отношении гоголевских героев — это олицетворение особой связи человека с пространственно-временным миром. Вознесение адекватно и прямо пропорционально качественному росту, обновлению внутреннего мира героя, усиливает статус романного героя.

Исследование национально-художественного своеобразия поэтики романов И.М. Гоголева, где базовым ориентиром послужил архетипический пласт произведений, привело нас к выводам, связанным с созданием особой картины мира: архетипические структуры составляют единство художественного пространства романов, которые активно участвуют в моделировании национального мира.

Литература:

1. Гоголев И.М. Иэйэхсити кэлэтии. — Якутск: Кн. Изд-во, 1993. — 272 с.
2. Гоголев И.М. Последнее камлание: Роман. Пер. с якутск. — М.: Советский писатель, 1992. — 416 с.
3. Гоголев И.М. Хара кыталык. — Якутск: Кн. изд-во, 1982. — Кн.2. — 288 с.
4. Мелетинский Е.М. Миф и эпос у народов Северной Азии // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: Сб. стат. — Якутск: Изд-во Якут. филиала СО АН СССР, 1978. — с. 15–19.
5. Мифы народов мира. В 2-х т., т. II. — М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1982. — Т.2. — 718 с.
6. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. — М.: Наука, 1983. — С. 227–284.
7. Уткин К.Д. Архитектурное воплощение мировоззрения якутов. — Якутск: Ситим, 1994. — 32 с.

Аргументация как способ выражения основания оценки в структуре публичной политической речи (на примере политической речи П.А.Столыпина «Речь о крестьянской семейной собственности, произнесённая в Государственном совете 26 марта 1910 года»)

Погорелова Светлана Давидовна, кандидат филологических наук, доцент;
Яковлева Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

В процессе коммуникации человек выражает своё отношение к другим людям и предметам действительности. Возникает определенная оценочная ситуация, которая может интерпретироваться как «субъект оценки, считает, что объект оценки хороший/плохой» [3, с. 18].

А.А. Ивин в своей работе, посвященной проблеме оценки, отмечает, что ситуация оценки возникает тогда, «когда имеет место высказывание о ценностях» [5, с. 25].

В логике оценок под «ценностью» понимаем предмет любого интереса, желания, стремления [5, с. 20].

Возникающая в коммуникации оценочная ситуация включает ряд обязательных и факультативных элементов, в отношении которых у лингвистов на сегодняшний день нет единого мнения, поскольку не всегда легко опреде-

лить, кто является субъектом, объектом оценки и выявить на каком основании дана такая оценка.

В совокупности выделяют девять компонентов ситуации оценки: субъект оценки, объект оценки, основания оценки, содержание оценки, предмет оценки, инструмент оценки, шкала оценок, оценочный стереотип и слушающий.

Важным, с нашей точки зрения, является выделение в структуре оценочной ситуации такого компонента, как **основание оценки** («точка отсчёта» по А.А. Ивину; «критерий оценки» — М.В. Ляпон, Е.М. Вольф), то есть то, с точки зрения чего производится оценивание. Основание оценки определяется представлением субъекта оценки о предмете или о действии, или об «усреднённом» поло-

жении вещей, принятом в данном сообществе людей [3, с. 30].

Диапазон понятия «критерий, основание» субъект оценки вправе варьировать в соответствии со спецификой поставленных задач. «В зависимости от того, каким ограничениям мы подвергаем понятие «критерий», определяется семантический объём понятия оценка» [9, с. 26]. Лингвистическое содержание параметра «основание, критерий» оценки должно обладать достаточной смысловой ёмкостью, чтобы отразить реально представленные в языке средства, с помощью которых осуществляется квалификация в разных аспектах, под разным углом зрения, на разных основаниях.

Усреднённая ситуация имплицитно создаёт психологическую основу оценочной ситуации, то есть оценку можно давать только при наличии какого-то стандарта, нормы, закреплённого в сознании данного социума или существующего в сознании отдельного человека. В.Н. Телия называет стандарты «фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир» [13, с. 39].

Основание оценки существует в двух возможных вариантах. Оно может быть обобщённым фундаментом для оценки. Например, в паре лексем благоприятный \ неблагоприятный таким фундаментом является утилитарное основание, в паре прекрасный \ безобразный — эстетическое основание. И наоборот, основание оценки может иметь вид специфики. В этом случае основание понимается как «та позиция или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами» [5, с. 23].

Анализ публичных политических выступлений П.А. Столыпина показал, что основание оценки представлено в структуре политической речи композиционно-речевой формой **аргументацией**, её типами и способами.

Аргументацию можно определить как «технику речи, направленную на убеждение собеседника, аудитории» [10, с. 231], «искусство подбора веских подтверждений сказанному, а также искусство ведения дискуссии» [7, с. 62], «речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-либо мнения, обращённое в первую очередь к разуму человека, который способен, рассудив, принять или опровергнуть это мнение» [6, с. 7], а также как «социальную вербальную деятельность, служащую оправданию или опровержению точки зрения, представленную системой утверждений, направленных на достижение одобрения у определённой аудитории [1, с. 28].

На наш взгляд, аргументация представляет собой совокупность доводов (аргументов), а также способ их приведения для обоснования некоторого высказывания или положения дел с целью убедить адресата в их приемлемости или достаточности в конкретной ситуации. Адресат должен убедиться в правоте адресанта и принять его точку зрения.

Важную роль в процессе аргументации играет убеждение. Одной из дисциплин, занимающихся изучением убеждения, является теория аргументации. Теория ар-

гументации изучает следующие вопросы: способы обоснования и опровержения убеждений; зависимость этих способов от аудитории и обсуждаемой проблемы; своеобразие обоснования в разных областях мышления и деятельности.

На сегодняшний день существует ряд классификаций видов аргументаций. В книге «Основы теории аргументации» известного философа А.А. Ивина аргументы делятся на универсальные, применимые во всякой аудитории, и контекстуальные, применимые лишь в некоторых аудиториях. Универсальная аргументация подразделяется на эмпирическую, включающую, так или иначе ссылку на то, что дано в опыте, и теоретическую, опирающуюся главным образом на рассуждение [4, с. 56]. Все многообразные способы обоснования, обеспечивающие достаточные основания для принятия утверждения, он делит на абсолютные и сравнительные. Абсолютное обоснование предполагает приведение убедительных или достаточных оснований, в силу которых должно быть принято обосновываемое положение. Сравнительное обоснование — система убедительных доводов в поддержку того, что лучше принять обосновываемое положение, чем иное, противопоставляемое ему положение [4, с. 10].

Способы обоснования оценок, А.А. Ивин называет квазиэмпирическими. К квазиэмпирическим способам обоснования оценок относятся различные индуктивные рассуждения, среди посылок которых имеются оценки, и заключение которых также является оценкой. Это неполная индукция, аналогия, ссылка на образцы, целевое подтверждение, истолкование акта понимания как индуктивного свидетельства в пользу его посылок и др. [4, с. 172].

Способы теоретической аргументации в поддержку оценок включают дедуктивное обоснование, системную аргументацию, демонстрацию совместимости обосновываемой оценки с другими принятыми оценками и соответствие её определённым общим оценочным принципам, методологическое обоснование и др. [4, с. 189].

Так, А.Н. Баранов выделяет такие виды аргументов, как: аргументация дефинициями, которые не тождественны словарным дефинициям; аргументация путём объяснения, основанная на каузальной связи; аргументация путём иллюстрации, которая основывается на аналогии и предполагает сравнение, без которого никакая аналогия невозможна; псевдоаргументация. Хотя в диалоге довольно много элементов, присущих аргументации, диалог нельзя сравнивать с аргументацией в прямом смысле этого слова, так как он неинформативен. Это просто обмен фразами, цитирование предыдущих реплик собеседника [2, с. 18].

Также выделяют аргументацию от конкретного к абстрактному, от абстрактного к конкретному, аргументация к существу дела и к человеку [8, с. 102–104], аргументы «за» (за свой тезис) и аргументы «против» (против чужого тезиса), типовые аргументы, которые считаются сильными в любой аудитории: научные аксиомы, поло-

жения законов и официальных документов, законы природы, выводы, подтверждённые экспериментально, заключения экспертов, ссылки на признанные авторитеты, цитаты из авторитетных источников, показания очевидцев, статистические данные [12, с. 133] доказательство (прямое и косвенное). Прямое доказательство — это обоснование тезиса аргументами без помощи каких-либо дополнительных построений. Косвенное доказательство — это обоснование истинности тезиса с помощью антитезиса — суждения, противоречащего тезису [11, с. 143].

Рассмотрев различные типы и способы аргументации, выделенные рядом авторов, мы, вслед за Т.П. Третьяковой и И.А. Стерниным, в ходе анализа политических речей П.А. Столыпина, выделили наиболее часто встречающиеся способы, которые, на наш взгляд, являются немаловажным фактором для лингвистической интерпретации: ссылка (ссылка на очевидный факт, ссылка на авторитет, положение законов, СМИ), пример (вычисления, цифры), а также такой тип аргументации, как убеждение. [14, с. 299–320].

Проанализируем одну из публичных политических речей, произнесённую П.А. Столыпиным в Государственном совете 26 марта 1910 года. Политическое выступление посвящено законопроекту от 9 ноября 1906 года, предусматривающего проведение мероприятий по укреплению личной собственности крестьян и их освобождению от несвободы. Однако высшим классам общества этот проект казался вредным явлением, которое, с их точки зрения, следовало бы видоизменить, выправить и обезвредить. С этой целью «противники закона» представили в Государственный совет поправки для его «обезвреживания». П.А. Столыпин попытался изложить взгляд правительства по этому вопросу и убедить членов совета принять закон без каких-либо изменений.

На протяжении всего своего политического выступления говорящий возвращает слушателей к главной теме, законопроекту от 9 ноября 1906 года и поправкам к нему, к своей оценке данного проекта, а в качестве оснований приводит, в одном случае, ссылку на очевидный факт, то, что подтвердила уже сама жизненная практика:

«Закон этот не только проверен теоретическими рассуждениями специалистов, он четвёртый год проверяется самой жизнью, и правительству не приходится пробивать ему дорогу в законодательных учреждениях. Закон сам завоевал себе право на существование, сам прокладывает себе пути и шагает так быстро, что через несколько времени... убеждение правительства, что закон построен правильно», а в другом случае, ссылку на авторитет: «предложить вам взгляд правительства по этому во-

просу...».

Оценивая вторичный выкуп земли от сельского общества домохозяевами, говорящий делает ссылку на авторитет, а именно, на правительство:

«Переходя ко второй поправке, ... правительство считает укрепление излишков неприемлемым. Правительство предвидит, что при таком порядке возникнет целый ряд судебных споров, очень продолжительная судебная волокита, а вместе с тем и затруднение в процессе выхода домохозяев из общины. Укрепление этих излишков по действительной стоимости, то есть вторичный выкуп от сельского общества уже раз выкупленной земли, едва ли было бы справедливо и, во всяком случае, было бы для хозяев обременительным. Поэтому правительство настаивает на своей редакции, принятой и Особой комиссией Государственного совета...».

В процессе политического выступления говорящий оценивает работу по проведению законопроекта в жизнь. В качестве основания оценки приводит такой способ аргументации, как пример (приведение цифр):

«Ведь за три года..., заявило желание укрепить свои участки в личную собственность более 1700 000 домохозяев, ... около 17% всех общинников домохозяев; окончательно укрепили участки в личную собственность 1 175 000 домохозяев, то есть более 11% с 8 780 160 десятинами земли, и это кроме целых сельских обществ, в которых к подворному владению перешли ещё 193 447 домохозяев, владеющих 1 885 814 десятинами. Таким образом, при такой же успешной работе, ...».

В заключение своей публичной политической речи П.А. Столыпин оценивает реакцию населения на представленный законопроект и приводит в качестве основания оценки пример: *«...одно поразительное явление...: горячий отклик населения на закон 9 ноября 1906 года.... Господа, более 10 миллионов десятин общинной земли, перешедшей в личную собственность, более 500 тысяч заявлений о желании устроиться на единоличном хозяйстве, более 1 400 000 десятин, уже отведённых к одним местам. Вот то живое доказательство...».*

Таким образом, анализ способов выражения основания оценки в публичной политической речи П.А. Столыпина показал, что оно представлено композиционно-речевой формой, а именно, аргументацией. Оценивая тот или иной объект, П.А. Столыпин приводит весомые доказательства своей точки зрения: ссылка на очевидный факт, ссылка на авторитет, законопроект, статью закона, примеры (вычисления, цифры).

Литература:

1. Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. М.: Изд-во МГУ, 1991. — 150 с.
2. Баранов А.Н. Речевое воздействие и аргументация // Семиотика и лингвистика. — М.: Наука, 2000. — 63 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 228 с.

4. Ивин А.А. Логика. — М.: Знание, 1997. — 240 с.
5. Ивин А.А. Основание логики оценок. — М.: Наука, 1970. — С. 230.
6. Ивин А.А. Основы теории аргументации. — М.: Гардарики, 2000. — 416 с.
7. Ключев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). — М.: «Высшая школа», 1999. — 272 с.
8. Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи. М.: Изд-во МГУ, 1992. — С. 102–104.
9. Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и языковая личность. — М.: Высшая школа, 1989. — С. 24–33.
10. Рождественский Ю.В. Теория риторики. 2-е изд., испр. М.: Добросвет, 1999. — 488 с.
11. Рузавин Г.И. Логика и аргументация / Г.И. Рузавин. — М.: ЮНИТИ, 1997. — 351 с.
12. Стернин И.А. Риторика. — Воронеж: Издательство «Кварта», 2002. — 224 с.
13. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Наука, 1986. — 384 с.
14. Третьякова Т.П. Опыт лингвистического анализа аргументации в политическом диалоге // Коммуникация и образование. Сборник статей. — Под ред. С.И. Дудника. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. — С. 299–320.
15. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... : Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. — М.: Мол. Гвардия, 1991. — 411 с.

Оценка пожилого человека в речевом жанре «одобрение»

Салимьянова Ирина Викторовна, ассистент
Омский государственный педагогический университет

Одобрение — речевой жанр, в основе которого лежит коммуникативное намерение автора (говорящего) выразить положительную оценку действия, поступка, поведения адресата или лица, не участвующего в общении [1, с. 11], [2, с. 170–171].

Для одобрения проявлений пожилого человека говорящие прибегают к наименованиям, которые приложимы к характеристикам человека в любой возрастной и не-возрастной ипостаси. Например: *Молодец, Петрович, такой дом отгрохал!*; *Уж дед-то у нас толк в саженцах знает!*; *Бабуль, ты прелесть. Тортик классный!* (из разг.).

Одобрения пожилого человека зачастую запрограммированы ситуацией общения. Так, стариков часто хвалят «по случаю»: в дни юбилеев, в преддверии и во время празднования Дня Победы, в телепередачах, посвященных их жизни, и т.д. Например, в телепроекте «Бабье лето» пожилые актрисы постоянно удостаиваются похвал-комплиментов со стороны ведущего: *Вы изумительно выглядите!*; *Как тонко подмечено!*; *Вот это поступок!* и т.д. «Даты» часто становятся причиной творческой активности говорящих, которая выливается не только в одобрительные реплики, но и в избыточные восторгами рассказы о пожилых людях. Например: *Я часто навещаю участника войны ветерана Василия Семеновича. Ему уже 89 лет. Мы с ним когда-то вместе работали. Он меня всегда усадит за стол, накормит, чаем напоит. Суп у него отменный! А как интересно он рассказывает о своей жизни! Я ухожу от него с неизменным светлым чувством радости.*

А Василий Иванович Кудрявцев (еще один мой знакомый ветеран) скоро отметит свой 80-летний юбилей. Он до сих пор пишет статьи о патриотизме, о героях войны. Ему все интересно! И от встреч с ним у меня остаются лишь хорошие впечатления! Поднимается настроение, хочется жить, творить, узнавать новое. Я вообще считаю, что если человеку 80 лет, то он в основном живет не столько за счет своих сил, сколько за счет того, что желает людям добра! («Пенсионерская правда», 2009).

Типичным способом выражения одобрения действий, поступков, поведения пожилого человека являются высказывания с семантикой противопоставления и следствия.

Для высказываний-одобрений характерны следующие случаи противопоставлений:

А. Пожилой возраст противопоставляется внешним данным: *Замечательно выглядишь! В наши-то годы так выглядеть! Законсервировалась, наверно?* (из разг.); *В марафоне участвовали наши заслуженные ветераны. Даже не верится, что этим по-спортивному подтянутым людям уже за семьдесят* («Ваш Ореол», 2010); *Смотри, как стильно одевается. И каблук всегда. А ей ведь уже к восьмидесяти* (из разг.). Говорящие положительно оценивают внешность пожилого человека, отмечая ее нестандартность на фоне возраста.

Б. Пожилой возраст противопоставляется конкретным поступкам или действиям: *Ты молодец! Есть еще порох в пороховницах! Этим молодым оболтусам еще*

расти и расти; Казалось бы, старая, еле ноги носит, а дома все вылизет до блеска: чистота, порядочек; Уж если дед взялся за дело, все будет как надо. Даром что старик (из разг.). Положительная оценка разнообразных проявлений пожилого человека контрастирует с указаниями на возраст, который в картине мира часто ассоциируется с иными проявлениями.

В отмеченных выше случаях (семантико-синтаксических конструкциях типа «*хотя ..., но (а) ...*» и их вариантах) пожилой возраст объекта оценки приобретает слабо выраженную отрицательно-оценочную коннотацию: то, что человек пребывает в пожилом возрасте, не является предметом положительной оценки говорящего (старость сама по себе отнюдь не вызывает восхищения, а скорее порождает нелучшие мысли и чувства); на фоне этой условно отрицательной оценки старого возраста происходит интенсификация положительной оценки не собственных старости проявлений.

Литература:

1. Дьячкова, И.Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: автореферат дис. ... к. филол. н. / И.Г. Дьячкова. — Омск, 2000. — 22 с.
2. Никитина, Л.Б. Антропоцентрическая семантика: образ *homo sapiens* по данным русского языка. — Омск: ОмГПУ, 2007. — 256 с.

Проблема номинации фразеологических концептов и их особенности (на материале произведений Р.Л. Стивенсона)

Сизова Юлия Олеговна, магистрант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В процессе анализа художественных концептов, содержание которых передается фразеологическими единицами, возможно столкновение исследователя с проблемой их номинации (здесь и далее под термином «номинация» понимается «называние» концепта, т.е. наделение его именным обозначением). Эта проблема становится более очевидной в том случае, когда сначала обнаруживаются фразеологизмы и лишь затем обозначаются объективируемые ими концепты. Любопытно, что при всей нынешней популярности концепта как объекта исследования вопрос его именования практически не интересует представителей когнитивной лингвистики.

Отметим, что в данной статье не предлагается однозначного решения указанной проблемы; наша задача состоит, скорее, в ее кратком освещении.

Проблема номинации фразеологически репрезентируемых концептов возникает, как нам кажется, в силу известных свойств и функций фразеологизмов. Действительно, исходя из убеждения в необходимости хотя бы частичного соответствия названия концепта его содер-

Семантика следствия характерна в первую очередь для одобрений интеллектуальных проявлений пожилого человека, сопровождающихся указаниями на его жизненный опыт: *Еще бы ты не понял! До седых волос уж дожил — как не понять; Она почти пятьдесят лет в этом отделе сидит, ветеран. В чертежах прекрасно разбирается; Вы-то уж жизнь прожили — знаете что почем* (из разг.). Кроме того, причинно-следственная связь устанавливается между возрастом старости и такими нравственными качествами человека, как доброта, заботливость (например, бабушка традиционно ассоциируется с заботой о внуках, с домашним теплом и уютом; соответственно первопричиной такого положения дел, как и похвал в ее адрес, является почтенный возраст).

Таким образом, типичными для речевого жанра «одобрение», в котором представлена оценка пожилого человека, являются отношения противопоставления и следствия.

В противном случае именование концептов приходится признать чистой формальностью, альтернативой которой может быть их нумерация), следует зафиксировать в этом названии целый ряд особенностей средств, передающих это содержание. В отношении фразеологически репрезентируемых концептов сделать это весьма непросто: в их названии должны быть выражены оценка, образность, смысловая неразложимость и прочие свойства фразеологизмов.

В нашем представлении единственный возможный при таких обстоятельствах способ адекватной концептуальной номинации заключается в использовании для этих целей самого фразеологизма, однако, рациональность этого подхода сомнительна по причине возможной запутанности в том, что именно — фразеологизм и его значение или концепт и его содержание — подвергается рассмотрению.

Другим основным фактором, обусловившим существование проблемы концептуальной номинации, служит наличие нескольких потенциальных вариантов названия

концепта (например, можно сказать, что фразеологизм «*to beat smb. within an inch of life*» [3] вербализует концепт «Физическое насилие» / «Причинение физического вреда») или же абсолютное отсутствие каких-либо вариантов (к примеру, не совсем ясно, как можно назвать концепт, репрезентируемый фразеологической единицей «*to be the very pink of smth.*» [4]). Если первое ненадолго повергает исследователя в растерянность, то второе подчас приводит его в тупик.

Во избежание неопределенности, сопровождающей отсутствие у концепта названия, и с целью устранить проблему номинации можно, конечно, дать тому или иному фразеологически репрезентируемому концепту вполне конкретное название, ориентируясь на уже устоявшуюся тенденцию выбора характерных для человеческой культуры понятий и синонимизации их обозначений с именами концептов. Иначе говоря, теоретически можно утверждать, что устойчивое выражение «*to hazard a guess*» [1] репрезентирует концепт «Предположение» / «Догадка». На первый взгляд, проблема номинации концепта с фразеологической репрезентацией решена; ее, как может показаться, вообще не существует, ведь нужный концепт обозначен, хотя сделано это при условии игнорирования фразеологической составляющей его репрезентации, с учетом лишь лексической ее составляющей, не такой образной, оценочной или неделимой в смысловом плане, как фразеологическая. Однако здесь напрашивается следующее замечание: поскольку фразеологизмы и лексические единицы существенно отличаются друг от друга, вербализуемые ими концепты тоже должны разграничиваться исследователем как концепты с разным содержанием.

Поясним последнее высказывание. В приведенном ранее примере персонаж не просто «предполагает», он именно «рискует предположить», и хотя ни о каком существенном риске, равно как о репрезентации данной идиомой концепта «Риск», здесь не может быть речи, предположение или догадка персонажа не случайно выражены этой идиомой: сказываются склонность писателя к изысканным выражениям, составляющая одну из особенностей его стиля, и предрасположенность к риску ведущего преступный образ жизни Маркхейма, в уста которого вложены эти слова. Ни то, ни другое не закреплено в названиях «Предположение» и «Догадка». Таким образом, эти названия являются подходящими, скорее, для концептов с лексической, а не фразеологической репрезентацией.

Принимая во внимание все вышесказанное, мы вынуждены констатировать тот факт, что предлагаемые нами в дальнейшем названия концептов являются условными и субъективными. На сегодняшний день в науке нет и, пожалуй, не может быть единого решения по поводу правил обозначения концептов, в связи с чем ученые зачастую анализируют либо один и тот же концепт, закрепив за ним разные (синонимичные) названия, либо, наоборот, разные концепты (фразеологический и лексический), объединяя их под общим названием, свойственным, как пра-

вило, лексическому концепту. В последнем случае целесообразно помечать название каким-либо специальным знаком, указывающим на условность единой номинации двух неэквивалентных, на наш взгляд, концептов.

Далее приводятся некоторые наблюдения, сделанные при сопоставлении фразеологических концептов с той частью авторской концептосферы, которая репрезентируется лексическими средствами языка, и при обобщающей характеристике этих концептов.

Поскольку в числе используемых Р.Л. Стивенсоном языковых средств встречается множество фразеологизмов, фразеологические концепты по своему количеству отнюдь не уступают лексическим, если сравнивать их в контексте одного и того же произведения. Кроме того, содержание рассматриваемых концептов представляется нам выраженным значительно «ярче» (в силу смысловой неразложимости, образности, оценочности и прочих особенностей средств их репрезентации), и, в то же время, менее развернутым, чем содержание концептов, объективируемых лексическими единицами.

Проанализировав ряд произведений писателя, мы обнаруживаем, что содержание фразеологических художественных концептов раскрывается, в основном, через реплики персонажей, так как именно в них, а не в словах автора, чаще всего присутствуют фразеологические единицы. В результате обогащения ими речи героев последние выгодным образом выделяются на фоне повествования, а роль автора становится второстепенной, что делает его произведения интереснее, побуждая читателей следить не столько за авторской мыслью, сколько за развитием личности персонажа и его взаимоотношений с другими персонажами.

Очевидно, что в отличие от художественных концептов с лексической репрезентацией содержание концептов, вербализуемых фразеологизмами, связано с усилением выраженности авторской оценки жизни и людей, вкладываемой в уста героев произведений. Здесь уместно сказать об отсутствии однозначного распределения стивенсонских персонажей на положительных и отрицательных. Как ни противопоставляет их писатель, сколь ни резок контраст между ними, они все в чем-то похожи друг на друга. Таким образом, в качестве узловых компонентов структуры концепта «Человек», заложенного в авторском сознании, можно одновременно выделить «порочность и склонность к ошибкам» («*to trip up one's heels*» [3], «*to be at the beck of temptation*» [1]) и «способность творить добро» («*to be open-handed*» [5], «*a man of honour*» [2]), где первый компонент является преобладающим, но и второй не отходит в сравнении с ним на задний план.

Некоторые фразеологические концепты оказываются лейтмотивными, т.е. неоднократно репрезентируются в одном или нескольких художественных произведениях Р.Л. Стивенсона. К таковым относятся, например, концепты «Эмоции» («*a clouded brow*», «*to be low*» [4]), «Поведение» («*a shower of curses*» [3], «*to make no bones about smth.*» [5]), «Проблема» («*to stick in one's throat*» [2],

«*at a cliff's edge*» [1]), и ряд других. Любопытно, что одноименные лексические концепты при этом далеко не всегда обнаруживают частотность репрезентации, например, по сравнению с уже указанным фразеологическим концептом «Проблема» концепт с аналогичным названием, вербализуемый словами и словосочетаниями, «дает знать о себе» гораздо реже.

В то же время, при активной репрезентации лексических концептов вовсе не обязательна аналогичная репрезентация фразеологических концептов с одноименным названием. Так, можно заметить, что фразеологический концепт «Любовь» («*lost love*» [3], «*a love match*» [1]) характеризуется минимальной репрезентацией во всех рассматриваемых произведениях, хотя тема любви присутствует в большинстве из них.

Еще одной особенностью анализируемых фразеологических концептов служит то, что каждый из них репрезентируется с большей или меньшей интенсивностью (здесь имеется в виду «степень лейтмотивности» концептов) в зависимости от объема художественного произведения. Это объясняется различием количества фразеологических единиц в рассказе, повести и романе. Более того, фразеологических концептов в концептосфере рассказа гораздо меньше, чем в концептосфере повести или романа, а значит, для проведения исследования фразеологических концептов как солидной части авторской концептосферы следует выбирать, по меньшей мере, одно произведение крупного жанра.

Неодинаковая репрезентированность разных фразеологических концептов (иначе говоря, наличие лейтмотивных и контекстуальных концептов) обуславливается, как нам кажется, не только авторскими интенциями, но и количественной ограниченностью каждой группы фразеологических единиц, способной передавать содержание «своего» концепта. Иначе говоря, контекстуальным может оказаться любой фразеологический концепт, для репрезентации которого существует малое количество фразеологических единиц, и наоборот, лейтмотивным, вероятнее всего, станет тот концепт, который может быть вербализован большим количеством фразеологизмов.

Литература:

1. Stevenson R.L. Markheim [Электронный ресурс] / R.L. Stevenson. — Режим доступа: <http://www.eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/Mark.shtml>.
2. Stevenson R.L. The Black Arrow [Электронный ресурс] / R.L. Stevenson. — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/848/848-h/848-h.htm>.
3. Stevenson R.L. The Master of Ballantrae [Электронный ресурс] / R.L. Stevenson. — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext97/blntr10.txt>.
4. Stevenson R.L. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde [Электронный ресурс] / R.L. Stevenson. — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/43/43-h/43-h.htm>.
5. Stevenson R.L. Treasure Island [Электронный ресурс] / R.L. Stevenson. — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/120/120-h/120-h.htm>.

При этом нельзя утверждать, что именно авторская интенция или, наоборот, количественная ограниченность оказывает решающее влияние на формирование лейтмотивности / контекстуальности концепта.

Присутствие фразеологических концептов в концептосфере произведений позволяет исследователю судить о стиле повествования и месте образности в мышлении автора. Тем самым мы хотим сказать, что чем большее количество художественных концептов репрезентируется в произведениях фразеологическими единицами, тем более образным является авторское мышление, которое, в свою очередь, накладывает определенный отпечаток на авторский стиль. В этом отношении фразеологические художественные концепты можно сравнить с концептами, репрезентируемыми изобразительно-выразительными средствами языка.

Содержание фразеологического концепта «Время» передается не так часто, как содержание лексического концепта с таким же названием, однако главное здесь не это. Дело в том, что время, в котором происходит действие произведений Р.Л. Стивенсона, то измеряется одним лишь мгновением («*before one could wink*», «*in a twinkling of an eye*» [5]), то проходит медленно, постепенно залечивая обиды прошлого («*time cures smth.*» [5]), то служит серьезной помехой на пути героя («*time flies*», «*time was on the wing*» [1]). Иными словами, время у писателя не просто служит для отсчета часов, дней, месяцев и лет; оно является полноценным, хотя и безликим, персонажем. Интересно, что фразеологическая репрезентация концепта помогает автору в полной мере передать эту идею, а исследователю уловить ее.

Проанализировав фразеологические концепты как часть концептосферы произведений Р.Л. Стивенсона, мы убеждаемся в том, что этот вид концептов заслуживает отдельного изучения по причине уникальности его свойств и функций, а также потому, что анализ фразеологических художественных концептов позволяет косвенным образом раскрыть некоторые интенции автора, способствуя, в определенной степени, интерпретации его произведений.

Остатки гетероклитического склонения в древнегерманских названиях «солнца»

Сильченко Анна Ивановна, старший преподаватель
Научно-исследовательский Томский политехнический университет

Одним из древнейших индоевропейских типов склонения является гетероклитическое. Его отголоски обнаруживаются в отдельных ветвях и.-е. языков, например, в готском или в древнегреческом. В гетероклитическом склонении в однокоренных словах наблюдается чередование в одной парадигме в разных падежах согласных суффиксов, таких как г-/п-, л-/п-, и-/п-, еп-/п- и других [1, с. 267; 2, с. 27].

Ф. Шпехт считает, что слова гетероклитического склонения, образующие часть самого древнего слоя и.-е. словаря, появились в результате одушевления, персонификации. По его мнению первоначальной функцией гетероклизии было различение прямого (им.-вин. п.) и косвенного падежей [3, с. 23, 27].

Осипова О.А. считает, что большинство слов, относящихся когда-то к гетероклитическому склонению, можно трактовать в качестве слов с одушевленной (активной) семантикой. К одушевленным они относятся не в современном понимании, а в восприятии древними мира, что и маркировалось соответствующими показателями одушевленности (активности), которые в свою очередь использовались в качестве показателя первичного активного падежа, т.е. падежа деятеля. Это явление как остаточное сохранилось в некоторых косвенных падежах, которые способны передавать функцию агенса [4, с. 236].

Для общеиндоевропейского восстанавливается название «солнца» в форме *s(a)uHel-/п- со следами гетероклитического склонения с чередованием суффиксов -л-/п-. Это название восходит к и.-е. глаголу *sāu-, *sū- «светить» [2, с. 35; 5, с. 684; 6, с. 330; 7, с. 881]. Значение этого слова можно понять из др.-инд. вед. suvar (им.-вин. п., ед. ч.), sūrah (род. п., ед. ч.) «солнце, свет, небо, блеск, сияние». По-видимому, первоначально и.-е. *s(a)uHel-/п- «солнце» характеризовалось неразделенной семантикой, так как человек в древности воспринимал солнце, небо и свет как нечто единое, противоположность ночи и тьме. В дальнейшем в отдельных индоевропейских языках обобщена или форма с суффиксальным элементом -л- (*sāuel-, первоначально им.-вин. п. ед. ч.), например, греч. ἥλιος «солнце», лат. sōl «солнце», кимр. haul, др.-корн. heuul «солнце», алб. yll «звезда, светило», гот. sauil, др.-исл. sol, др.-англ. sol, или форма с суффиксальным элементом -п- (*sūen-/*sun-, первоначально форма косвенных падежей), например, гот. sunno, др.-исл. sunna, др.-англ., др.-фризск. sunne, др.-сакс. sunna ж.р., sunno м.р., др.-в.-нем. sunna ж.р., sunno м.р. «солнце» [7, с. 881; 5, с. 684; 6, с. 328–330; 2, с. 35, 93].

В германских языках сохранились реликты гетероклитического склонения в названии «солнца», что проявляется в наличии двух форм для обозначения «солнца» от

и.-е. глагола *sāu-, *sū- «светить». В готском представлены два существительных со значением «солнце»: sunno (ж. р., ὀп-основа) и sauil (ср. р., а-основа). В древнеисландском также имеется два образования с этим значением — sol (ж. р., ὀ-основа) и sunna (ж. р., ὀп-основа). Последнее встречается только в поэтических памятниках, ср., например, весьма характерное указание в «Речах Альвисса» «Поэтической Эдды»: Sol heitir með tǫnnum enn sunna með godum «Среди людей солнце называется sol, среди богов — sunna» [8, с. 938]. В древнеанглийском обычное обозначение для солнца sunna (м. р., ап-основа) и sunne (ж. р., ὀп-основа), но один раз засвидетельствовано sol: Ne ðe sunne on dæze sol ne zebærne «днем солнце тебя не спалит» [8, с. 894].

Остановимся подробнее на анализе готских существительных для обозначения «солнца». В готском языке представлено два существительных от и.-е. корня *sāu-, *sū- «светить» с разными основообразующими суффиксами: sunno — существительное женского рода ὀп-основ и sauil — существительное среднего рода а-основ.

Соболевская О.В. объясняет существование двух форм для обозначения «солнца» в готском языке следующим образом. Поскольку в древности человек воспринимал солнце, небо и свет как нечто единое, поэтому, когда из парадигмы гетероклитического склонения выделилась форма косвенного падежа -п, она стала обозначать одушевленный, активный в понимании древних предмет, тогда как форма именительного падежа закрепила за собой значение света, чего-то более абстрактного, неактивного, и стала оформляться, соответственно, гласной основой [9, с. 67].

Для подтверждения выдвинутого предположения были рассмотрены примеры из Библии на готском языке и проанализировано функционирование рассматриваемых слов в контексте. В первом примере tīþrapei þan sagq sunno (Lk. 4, 40) «тогда, когда заходило солнце» форма претерита глагола siqqan «опускаться, падать, оседать, тонуть» показывает активный процесс. Тот же активный глагол употребляется в предложении: sunno ni dissigqai ana þwairhein izwara (Eph. 4, 26 A) «солнце да не зайдет во гневе вашем».

В примерах at sunnin þan urrinnandin (Mk. 4, 6) «при солнце восходящем»; at urrinnandin sunnin (Mk. 16, 2) «при восходящем солнце»; und þatei urrinnai sunno (Neh. 7, 3) «до тех пор пока не выйдет (взойдет) солнце» используется глагол ginpan «бегать, быстро бежать, мчаться», что указывает на активность, одушевленность референта, обозначаемого существительным sunno. Употребление причастия I от этого глагола подтверждает семантику активности.

Готское существительное sauil «солнце» в значении «солнечный свет», как абстрактное понятие, употребля-

ется в примере **sauil riqizeip** jah mena ni gibip liuhap sein (Mk. 13, 24) «солнце померкнет, и луна не даст света своего». Более того, глагол **riqizjan** «становиться темным, мрачным» обозначает состояние, а не активное действие. В примере þan **gasaggq sauil** (Mk. 1, 32) «когда заходило солнце» использование префикса **ga-**, выражающего перфектное значение, показывает состояние, а не процесс [9, с. 67–68].

Таким образом, готское существительное **sunno** маркировано согласным основообразующим формантом **-ōn** и используется в тексте с глаголами активного действия, что свидетельствует о том, что оно относилось к одушевленному классу. Готское существительное **sauil** принадлежит к склонению на гласные основы и сочетается с глаголами состояния, соответственно, явление, им называемое, было неодушевленным.

В древнеанглийском для обозначения «солнца» употребляются формы **sunna** (м. р., -an) и **sunne** (ж. р., -ōn). Существительное женского рода **sunne** является наиболее употребительным в древнеанглийском языке, форма мужского рода **sunna** встречается очень редко. Проведем анализ функционирования рассматриваемого существительного в контексте.

Во-первых, исследуемое существительное используется в сочетании с активными глаголами и в метафорах, где «солнце» уподобляется живому, активно действующему существу, например, солнце «ушло», «скользило», «зашло», «поднялось»:

– **Sunne setlgonges fūs** (Exon. Th. 174, 33; Guthl. 1187) «солнце, готовое зайти»;

– **Sunne gewat to sete glidan** (An. 1306) «солнце ушло, скользя на свое место»;

– **Sunne up on morgentid glad ofer grundas ... sio æpele gesceaft sah to settle** (Chr. 937; Erl. 112, 13–17) «солнце утром высоко скользило над землей ... это создание благородное сошло на место»;

– **Seo sunne gæp** be Godes dihte betweox heofenan and eorðan ... (Lchdm. iii. 234, 18–22) «это солнце ходит, управляемое Богом, между небом и землей»;

– **Sona eode sunna up** (Gen. T. 32, 31) «вскоре солнце ушло вверх»;

– **Æfter sunnan setlgange** (Cd. Th. 184, 19; Exod. 109) «после захода солнца»;

– **Sunnan upgang** (Lchdm. iii. 236, 1–5) «восход солнца».

Все эти примеры указывают на то, что «солнце» воспринималось как существо, находящееся в постоянном движении, активно действующее.

Во-вторых, «солнце» наделяется такими эпитетами, как **ædele sunne** (Ps. Th. 103, 21) «благородное солнце», **swegles gim**, **sunne** (Ph. 209) «драгоценный камень неба – солнце», **goldtorht sunne** (Exon. Th. 351, 11; Sch. 78) «блестящее как золото солнце», **heofones gim**, **wyncondel wera**, **sweglbeorht sunne** (Exon. Th. 174, 33; Guthl. 1187) «драгоценный камень небес, светило, дающее наслаждение, небесно-яркое солнце».

Эти эпитеты являются иллюстрацией огромного почитания и уважения солнца, светила, дающего тепло и свет.

В-третьих, встречаются примеры, в которых показано, что «солнце» оказывает воздействие посредством своего жара и света: **drige on hatre sunnan** (Lchdm. ii. 30, 19) «сухой от жаркого солнца»; **gyslas eafisca on sunnan gemylte** (Lchdm. ii. 30, 1) «жир речной рыбы на солнце растаял».

Отнесение древнеанглийского существительного **sunne** «солнце» к консонантным основам и его лексико-семантическая сочетаемость с другими словами в тексте доказывают одушевленность денотата, обозначаемого данным словом.

Солнце играло важнейшую роль в представлениях древних индоевропейцев. В обрядах европейских народов можно найти много примеров религиозного отношения к солнцу как таковому, не опосредованному образом солнечного бога в человеческом облике. Следы солярного культа отражены в обычаях подниматься на вершины гор и другие возвышенные места для встречи восходящего солнца. В Испании костры разводили на вершинах холмов и гор. Так же поступали и кельтские народы Великобритании. Этот обычай сохранился в Шотландии, в Бельгии, Нидерландах, у финнов и лопарей, немцев и австрийцев, поляков и чехов. По всему албанскому этническому ареалу известны горные вершины, на которые в определенные дни года совершались восхождения с тем, чтобы встретить восход солнца и восславить дневное светило возжиганием больших костров, песнями и приветственными возгласами. Эти обычаи перекликаются со сведениями Геродота и других авторов, сообщавших о церемониях поклонения солнцу, совершавшихся иллирийцами на возвышенных местах. Солярные мифы получили наиболее яркое оформление в обществах, имевших развитый аппарат власти. Солнце было включено в пантеон в качестве главного божества (или одного из главных: чаще всего это были божества солнца и грозы). Земного царя считали солнечным божеством или сыном бога солнца [10, с. 106–112].

Итак, названия «солнца» в древнегерманских языках восходят к и.-е. существительному ***s(a)uHel-/n-** «солнце», принадлежащего к гетероклитическому склонению. В готском как наиболее древнем из германских языков сохраняются остатки этого склонения, что проявляется в существовании параллельных форм для обозначения «солнца» от одного корня, но с разными основообразующими формантами. В древнеанглийском языке обобщена форма, образованная из формы косвенных падежей с согласным основообразующим формантом **-n**. Однако один раз зафиксирована форма **sol**, что говорит о том, что в древнеанглийском на более раннем этапе, вероятно, также как и в готском существовало два слова для обозначения «солнца».

Следует отметить, что наличие двух форм для номинации «солнца» от и.-е. корня ***sāu-**, ***sū-** «светить» характерно, главным образом, для германских языков. В праиндоевропейском языке «солнце» воспринималось как одушевленное явление и поэтому существительное, его обозначающее, относилось к гетероклитическому

склонению, которое являлось показателем одушевленности. В германских диалектах произошло разделение семантики. Существительные, образованные из форм косвенного падежа с суффиксом -п, стали называть активный, одушевленный, персонифицированный в пони-

мании древних предмет, скорее всего, божество, тогда как существительные, развившиеся из форм им.-вин. падежа с суффиксом -l, закрепили за собой представление о солнце как о космическом объекте, источнике света, т.е. как о неодушевленном предмете.

Сокращения

вин. п. — винительный падеж
им. п. — именительный падеж
род. п. — родительный падеж
ж.р. — женский род
м.р. — мужской род
ед. ч. — единственное число
ср. — сравните
алб. — албанский
гот. — готский

др.-англ. — древнеанглийский
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-исл. — древнеисландский
др.-корн. — древнекорнский
др.-сакс. — древнесаксонский
др.-фризск. — древнефризский
и.-е. — индоевропейский
кимр. — кимрский
лат. — латинский

Литература:

1. Сравнительная грамматика германских языков / М.М. Гухман [и др.]. — М.: Наука, 1963. — Т.3. — 455 с.
2. Бенвенист, Э. Индоевропейское именное словообразование / Э. Бенвенист. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955. — 260 с.
3. Fodor, I. The origin of Grammatical Gender / I. Fodor // *Lingua*. — 1959. — Vol. 8. — № 1. — P. 1–40; P. 186–214.
4. Осипова, О.А. Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков / О.А. Осипова. — Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. — 312 с.
5. Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. — Благовещенск: Благовещенский Гуманитарный Колледж им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. — Ч. 1. — 428 с.; Ч.2. — 437–1328 с.
6. Lehmann, W.P. A Gothic Etymological Dictionary / W.P. Lehmann. — Leiden: E.J. Brill, 1986. — 413 p.
7. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. — Bern, 1951–1959. — Lief. 1–17. — 1184 S.
8. Bosworth, J. An Anglo-Saxon Dictionary / J. Bosworth, T.N. Toller. — London: Oxford University Press, 1954. — 1302 p.
9. Соболевская, О.В. Интерпретация синонимических пар существительных, обозначающих явления природы в готском языке / О.В. Соболевская // *Вестн. Том. гос. пед. ун-та*. — 2005. — Вып. 4 (48). — С. 67–68.
10. Иванова, Ю.В. Следы солярного культа / Ю.В. Иванова // *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев*. — М.: Наука, 1983а. — С. 105–115.

Внутренняя и внешняя возможность как два класса модальности возможности

Тайебианпур Ферил, аспирант;
Валипур Алиреза, кандидат филологических наук, доцент
Тегеранский государственный университет (Иран)

В данной статье рассматривается классификация модальности возможности на внутреннюю и внешнюю, определяются значения детерминирующего фактора, внутренней и внешней возможности. Также авторы описывают случаи, когда определение значений внутренней и внешней возможности вызывает трудности.

Ключевые слова: модальность, модальность возможности, внутренняя возможность, внешняя возможность и детерминирующий фактор.

Keywords: modality, possibility modality, subject oriented possibility, neutral possibility and determinative factor.

Являясь, наряду со значениями необходимости и желательности, семантической разновидностью потенциальности [3, с. 3] и отражающая потенциальный

(возможный) характер связи субъекта и предиката в предложении [3, с. 6], «возможность» относится к категории «модальности». Она считается одним из разных мо-

дальних значений, которые могут выражаться разными лексическими и грамматическими средствами в синтаксической структуре предложения.

«Семантика возможности характеризует ситуацию, ирреальную в настоящий момент, но имеющую (и это не подлежит сомнению) предпосылки и условия для того, чтобы стать фактической. Модальность возможности представлена в высказываниях, отражающих не статическое «положение дел», а ситуацию со свернутой, скрытой динамикой: пока еще прямой связи между субъектом и его признаком не существует, но налицо «вызревание» этой связи, готовность к реализации» [3, с. 6].

В области модальности возможности обычно встречаются термины «внутренняя и внешняя возможность». Это бинарное деление модальности возможности встречается как в русском, так и в английском языке. Основой деления модальности возможности на внутреннюю и внешнюю возможность служат существование отношения внутренней характеристики субъекта действия, или внешних факторов к появлению возможности действия.

Перед тем как представить определение о понятиях внутренней и внешней возможности, необходимо объяснить значение другого понятия — «детерминирующего фактора», через которого иногда определяют вышеуказанные понятия. Как И.Р. Федорова отмечает: «Возможность определяет, программирует один из вариантов дальнейшего развития ситуации, в то же время возникновение самой возможности, в свою очередь, определяется наличием другой ситуации, которая содержит указания на обстоятельства и условия, детерминирующие появление и реализацию связи между неким субъектом и неким признаком. Говоря на языке логики, детерминирующая ситуация является основанием для ситуации возможности, то есть между данными ситуациями существуют причинно-следственные отношения. Это вполне закономерно, ведь ситуация возможности и «созревание» условий для ее возникновения — это смежные звенья каузальных цепочек, из которых состоит мир» [3, с. 8]. Согласно этому, можно сказать, что детерминирующий фактор возможности, нам помогает в дифференциации ситуации возможности и в том, что определить именно какое значение эта ситуация отражает: *Ребенку уже три года, он может говорить (способность ребенка говорить по причине его возраста)*. Детерминирующий фактор также служит причиной ситуации возможности, показывает, что в связи с какими условиями возникла ситуация возможности. О важности детерминирующего фактора пишет И.Р. Федорова: «Фактор, детерминирующий связь между субъектом предметной ситуации и его признаком, в силу своей первостепенной важности находит неперемное представление (эксплицитное или имплицитное) в контексте ситуации возможности» [3, с. 8]. Детерминирующий фактор, особенно имеет важную коммуникативную значимость в понимании высказывания: «Если в контексте отсутствует ссылка на обстоятельства и условия, детерминирующие возможность связи между предикатными предметами

ситуации, то модальная оценка теряет свое основание и коммуникативная значимость высказывания (для слушателя) снижается; Ср.: *Он может уйти (разрешено? способен? открыт выход?)*» [3, с. 8].

А.В. Бондарко выделяет обстоятельства, обуславливающие связь субъекта и признака по их характеру: «Обстоятельства, обуславливающие связь субъекта и признака, могут иметь различную природу. Но все их многообразие сводимо к двум типам: данные обстоятельства могут быть связаны со сферой субъекта, его внутренних характеристик (способностей, качеств, умений) или со сферой внешнего мира, внешними обстоятельствами и законами бытия» [1, с. 131–132]. Сферы, на которые указывает А.В. Бондарко, это не что иное, как детерминирующие факторы.

И.Р. Федорова определяет значения внутренней и внешней возможности через детерминирующий фактор: «Детерминирующие факторы (ДФ), природа которых определяется внутренними характеристиками субъекта, задают ситуацию внутренней возможности. При внесубъектном происхождении ДФ речь идет о внешней возможности» [3, с. 9].

Н.А. Метс, также указывает на определение внутренней и внешней возможности, употребляя термины «субъективная возможность» и «внутренняя возможность», а «объективная возможность» и «внешняя возможность» как синонимы [2, с. 85]. В данном описании термин «субъективная возможность» исходит из понятия «субъекта действия», а не «субъекта речи» или «говорящего» как это принято в определении субъективной и объективной модальности, поэтому во избежание смешения этих понятий более целесообразным является употребление только терминов «внутренняя» и «внешняя» возможность.

Классификация модальности возможности на внутреннюю и внешнюю очень способствует анализу самого значения возможности. Это очень важно особенно когда, тогда знание причины ситуации возможности для собеседника имеет большое значение.

Различение внутренней и внешней возможности, когда лексические средства их выражения являются общими, обычно возможно по контексту. Например, глагол «мочь» в следующих примерах: *Он умный человек и может найти выход из такой ситуации (внутренняя возможность)*. *Здесь холодно. Мы можем простудиться (внешняя возможность)*.

Надо добавить, что в английском языке, также выделяют в области динамической модальности субъективно-ориентированную (subject oriented) и нейтральную (neutral) возможность, указывающие на значения внутренней и внешней возможности [5, с. 94].

И.Б. Шатуновский таким образом формулирует значения внутренней и внешней возможности [4, с. 196]: 1) С может Р = «С (субъект действия) таков, что если С выбирает Р, то Р» — «внутренняя возможность», или «способность»: *Он может поднять 100 кг.* 2) С может Р =

«Мир, обстановка вокруг С таковы, что если С выбирает Р, то Р» — «внешняя возможность»: *Он может есть черную икру каждый день*. И.Б. Шатуновский рассматривает как типизированные употребления [4, с. 196] внутренней возможности слова *способен, способность, в состоянии, в силах*, а внешней возможности — слово *возможность*, фиксированное в аналитических предикатах *имеет возможность, есть возможность / нет возможности*.

Несмотря на способы, представленные для различения внутренней и внешней возможности, их различение всегда непросто. Например, иногда в предложениях с пассивными конструкциями при отсутствии контекста и особой интонации, различение внутренней и внешней возможности вызывает трудности. В предложении *Эта статья может опубликоваться в научном журнале* могут выражаться и значения внутренней и внешней возможности. Может выражаться значение внутренней возможности публикации статьи в связи с ее характерной особенностью, ее научной ценностью, т.е. ее внутренней характеристикой, а может выражаться значение внешней возможности в связи с наличием условий внешнего мира. Но обычно в связи со структурой предложения (употребление слова «статья» в положении подлежащего в предложении), при отсутствии контекста и интонации, первичное значение, ко-

торое мыслится это — значение внутренней характеристики «статья», которая приносит ей достоинство для опубликования. Из предложения *эту статью могут опубликовать в научном журнале* также, можно понимать оба вышеуказанных значения, но первичное значение, которое мыслится в связи с важностью логического субъекта в отличие от первого предложения, это — значение наличия условий и обстоятельств публикации для неопределенного субъекта, которое в свою очередь может возникать в связи с характером самого субъекта или — внешними условиями.

В английском языке также отмечается о невозможности всегда различить значения внутренней и внешней возможности [6, с. 73].

И.Р. Федорова отмечает и другие случаи, когда дифференциация значений внутренней и внешней возможности невозможна, так как потенциальность осуществления действия может быть одновременно связана как с причинами внешнего порядка, так и со свойствами самого субъекта: *Я не могу найти работу*.

Несмотря на трудности, иногда возникающие в дифференциации значений внутренней и внешней возможности, данная классификация в связи с ее значительной ролью в выяснении значения предложения и оправдании ситуации возможности, сохраняет свое место в лингвистическом понимании.

Литература:

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Л.: «Наука», 1990. 263 с.
2. Метс Н.А. Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев. — М.: «ИКАР», 2010. 254 с.
3. Федорова И.Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет). — Калининград, 2000. 84 с.
4. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 399 с.
5. Akhlfghi F. Three Modal Verbs in Contemporary Persian. // Grammar. Journal of the Academy of Persian Language and Literature. Tehran, 2008. №3. С. 82–132.
6. Palmer F.R. Modality and the English Modals. — London, 1979.

Омонимия и полисемия английских существительных на основе железнодорожной лексики

Федюнина Людмила Анатольевна, аспирант
Оренбургский государственный университет

В лингвистической литературе нет единства взглядов на явление, называемое омонимией, и на ограничение его от того, что именуется многозначностью, или полисемией. При этом речь идет не только о разном применении термина «омоним», что само по себе представляло бы не такую уж большую беду, а скорее о разном определении

понятия «слово». А также о разном подходе к тому, каковы возможные различия между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) одного и того же слова, т.е. какие различия между такими случаями совместимы и какие, напротив, несовместимы с тождеством слова.

Слово — основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для данного языка.

Многозначность (полисемичность) присуща как словам, так и морфемам (и корневым, и аффиксальным), она присуща также и конструктивным объектам (словосочетаниям, предложениям, текстам). Многозначность характеризует подавляющее большинство слов (и знаменательных, и служебных), в чём легко можно убедиться, открыв толковый словарь любого языка.

Но от многозначности (полисемии) следует отличать омонимию. Омонимичные знаки имеют совпадающие экспоненты (или звуковые, или графические, или и те, и другие). Между семантемами омонимичных слов отсутствует связь, которая могла бы свидетельствовать об отношении семантической мотивированности.

В основном наметились два взгляда на омонимию и многозначность. *Согласно первому*, омонимами признаются только такие одинаково звучащие слова, которые искони были разными по форме и лишь в процессе исторического развития совпали друг с другом в едином звучании вследствие различных фонетических, и в общем случайных, причин.

Все остальные случаи, когда одинаковая материальная, звуковая оболочка «одевает» различное содержание, признаются явлением многозначности, полисемии слова.

Согласно второму взгляду, к омонимам относятся как слова исторически разные, но в силу исторических причин совпавшие, по звучанию, так и те случаи, когда различные значения многозначного слова расходятся настолько, что материальная оболочка, связывавшая их, как бы разрывается, давая жизнь двум (или большему количеству) новым словам.

Целью данной работы является изучение на основе железнодорожной лексики полисемии и омонимии некоторых английских существительных.

В ходе работы ставились следующие **задачи**:

1. проанализировать возникновение полисемии и омонимии в английском языке;
2. сделать обзор полисемии и омонимии на основе английских существительных;

На протяжении многих веков традиционным объектом исследовательского внимания было и остается имя существительное, которое занимает центральное положение в системе частей речи. Оно выступает в качестве первичного языкового материала, необходимого для обозначения предметов окружающего мира. Имя существительное обладает субстанциональным характером и может обозначать как конкретные, так и абстрактные предметы.

Сегодняшнее состояние английской железнодорожной лексики есть продукт длительного исторического развития, процессы которого нивелировались в языках ментально-когнитивным потенциалом их носителей. Полисемантизм слова — прямое свидетельство того, что лексика

языка постоянно находится в динамическом состоянии, отражающем изменения в окружающей действительности.

Можно выделить стадии развития, через которые проходит слово, чтобы окончательно закрепиться в языковой среде:

- а) употребление;
- б) закрепление;
- в) оформление.

С логической точки зрения любое значение полисемантического слова является результатом первичного употребления прямого значения данного слова, то есть между первичным значением и вторичными значениями существует преемственная связь. Слово начинает употребляться в том или ином значении внутри одной или нескольких социальных групп.

Стадия закрепления наступает тогда, когда употребление слова выходит за рамки тех социальных групп, где впервые оно функционировало в данном значении. Значение слова закрепляется в большинстве социальных групп и начинает носить более распространенный характер, в конечном счете, оно становится общеупотребительным.

Стадия оформления состоит в отражении нового значения в лексикографических изданиях. Следует отметить, что данная стадия может отсутствовать. Это свидетельствует о двух моментах: либо значение слова недостаточно закрепилось в языковом сообществе (и нет уверенности, что оно когда-либо закрепится), либо лексикографическое издание несовершенно.

Употребление одного и того же слова в разных значениях является для человека естественной мыслительной операцией. Значения многозначного слова реально присутствуют в сознании. Человеческий мозг обладает способностью хранить достаточно большой информационный материал. При необходимости автоматически происходит реконструкция в сознании того фрагмента действительности, с которым связано одно из значений данного языкового знака, и, наоборот, носитель языка способен воспроизвести языковой знак, с которым сопряжен воспринимаемый фрагмент действительности. Собственно говоря, в этом и заключается психофизическая сторона полисемии слова.

Объективные социально-исторические изменения окружающего мира способствуют появлению многозначности. Лексические единицы развиваются применительно к требованиям той или иной ситуации, однако, при этом сохраняя свою стабильность. Причины изменений значений слов, а, следовательно, и причины возникновения полисемантизма кроются в бесконечном разнообразии элементов эмпирического опыта.

Что касается *омонимии* (омонимы — слова одинаковые по звучанию, но имеющие разное лексическое значение), то в современном языке очень много пар, где глагол и существительное стали омонимами.

Вот некоторые наиболее распространенные:

- pick — лом, долбить;
lap — напуск, накладывать;

jig — зажимное приспособление, закреплять.

Аналогичные пары можно привести и для прилагательных и глаголов:

gail — рельсовый, прокладывать рельсы;

freight — грузовой, грузить.

Но даже беглый взгляд на проблему позволяет сделать вывод о большой теоретической значимости явления омонимии для лингвистической науки, которая заключается в том, что в системе языка, основанного на различиях, появляются элементы, вступающие друг с другом в отношения тождественности вопреки, если так можно сказать, языковой системе — семантическое развитие не поддерживается различием формальным, что ведёт к сбоям в выполнении важнейших языковых функций коммуникации и номинации. Омонимы имеют важное системное значение. Омонимы, особенно при распространённости одноморфемных и односложных слов, способствует развитию музыкального ударения. Именно так типологически допустимо объяснять происхождение музыкального ударения в английском языке; в английском языке фонологическое приспособление заимствованного слова чревато омонимией с уже имеющимся словом. Это обстоятельство приводит к отказу от заимствований в пользу калькирования. Следовательно, структурные особенности языка могут затруднить заимствование и т.о. направить словарь по другому пути развития.

Омонимичные знаки имеют совпадающие экспоненты (или звуковые, или графические, или и те, и другие). Омонимия в общем случае определяется как совпадение по звучанию слов, имеющих разное значение. Кроме того, омонимия возникает иногда вследствие случайного звукового совпадения слов, которые были первоначально различны, но в ходе исторического развития приобрели одинаковую фонетическую форму.

Исследователи английского языка подразделяют омонимы на омонимы, существующие лишь в произношении (омофоны), существующие лишь в написании (омографы) и существующие в произношении и написании одновременно (омонимы в собственном смысле).

Омофоны: (различаются в написании, но произносятся одинаково:) wheel [wi:l] — колесо; will [wil] — вспомогательный глагол будущего времени, который имеет перевод «буду, будем...»; fleet [fli:t] — вагонный состав; flit [flit] — переезжать.

Омографы: (слова с одинаковым графическим экспонентом, но неодинаковым звуковым экспонентом):

— lead [led] «свинец»

— lead [li:d] «вести».

Многозначность (полисемичность) присуща как словам, так и морфемам (и корневым, и аффиксальным), она присуща также и конструктивным объектам (словосочетаниям, предложениям, текстам). Многозначность ха-

рактеризует подавляющее большинство слов (и знаменательных, и служебных), в чём легко можно убедиться, открыв толковый словарь любого языка.

Полисемия опирается на связанность значений слова: все его значения опираются на общее, стержневое значение. Однако не все значения слова сохраняются в равной степени, влияют на его употребление и словообразовательные связи. Это приводит к тому, что многозначное слово распадается на ряд слов, у которых общей является лишь звуковая форма.

Естественное функционирование языка постоянно приводит к сдвигам такого простого соотношения «один к одному» (one for one) и порождает иное соотношение — «один к более, чем одному» (one to more, than to one), одно фонетическое слово в отношении ко многим предметам и значениям, т.е. многозначность слова. Иначе то же явление называется термином полисемия. Чтобы наглядно убедиться в многозначности (полисемии) слов, достаточно наугад раскрыть любой словарь. То, что указано там после каждого фонетического слова под цифрами 1, 2, 3 и т.д., и есть разные значения одного слова.

Возьмём слово **oil**. В числе его значений могут быть указаны:

1. растительное или минеральное масло;
2. нефть;
3. масляные краски.

Или слово **track**. Его значения также многогранны:

1. след, дорожка;
2. фонограмма; звуковая дорожка;
3. легкая атлетика;
4. рельсовый путь, гусеница.

Сложным в данном случае является отграничение нескольких различающихся употреблений слова при одном значении, оттенков значения, от разных самостоятельных значений. Разные способы подачи значений — порядок перечисления значений (какое будет приведено первым, какое последним), описание значений, примеры и т.д. — вскрывают разные стороны в самой объективно существующей в языке системе значений.

На первое место словарной статьи выносятся главные значения. Естественно, что этот способ требует умения отделять главное значение от неглавных.

Таким образом, даже беглый взгляд на проблему позволяет сделать вывод о большой теоретической значимости явления омонимии и полисемии для лингвистической науки, которая заключается в том, что в системе языка, основанного на различиях, появляются элементы, вступающие друг с другом в отношения тождественности вопреки, если так можно сказать, языковой системе — семантическое развитие не поддерживается различием формальным, что ведёт к сбоям в выполнении важнейших языковых функций коммуникации и номинации.

Литература:

1. Аничков И.Е. Труды по языкознанию. — СПб: Наука, 1997. — 209 с.

2. Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П. Многозначность и омонимия. 3-е изд. перераб. и доп. — СПб.: Питер, 1996. — 127 с.
3. Космин А.В., Космин В.В. Англо-русский путевой-строительный словарь. — М.: Маршрут, 2003. — 865 с.
4. Реформатский А.А. Введение в языковедение. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 536 с.
5. Туровский В.В. О соотношении значений многозначного слова.// Семиотика и информатика. — М.: Просвещение, 1994. — 148 с.

Сравнительно-типологический анализ словообразовательных гнезд юридической терминологии в английском и узбекском языках

Халилова Гузал Абдупаттаховна, соискатель, ст.преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Одним из возможных направлений в изучении системности словообразования, которые нами принимаются, является исследование словообразовательного гнезда. Словообразовательное гнездо — это множество однокоренных слов, связанных структурными и семантическими отношениями словообразовательной производности. Лингвистическая литература располагает множеством работ, посвященных проблематике словообразовательного гнезда в английском и других языках. (Л.М. Махнутина, А.Г. Дмитриева, С.К. Мельник, Э.Т. Дерди, Ж. Бабажанова, И.Алимов, З.В. Семерикова). В этих работах рассматривается историческое развитие слов гнезда, изучаются вопросы, касающиеся структурно-семантических отношений производных в гнезде и т.д. Однако, несмотря на наличие целого ряда работ о природе словообразовательных гнезд слов, остается много неразработанных проблем. Не изучены словообразовательные гнезда терминологии, в частности, юридической терминологии в английском и узбекском языках. Описание разных характеристик словообразовательного гнезда слов в одном языке не даёт возможности понять его природу и обнаружить свойства и общие для разных языков закономерности. В связи с этим в данной работе анализируются словообразовательные гнезда юридической терминологии в английском и узбекском языках, это позволяет установить их сходство и различия, и выявить закономерность, которую нельзя определить внутри одного языкового анализа. В настоящее время в процессе обучения учащимися в юридических колледжах уделяется большое внимание к применению словообразовательных гнезд юридической терминологии в английском и узбекском языках. В этих работах в основном рассматривают структурные и семантические аспекты словообразовательного гнезда слов. Распределение основ однокорневых слов по гнездам является одним из принципов классификации лексики. Основы слов различной этимологии, например, слова с английскими корнями, характеризуются спецификой словообразовательных структур; основы разных частей речи имеют свои, свойственные именно

данной части речи, словообразовательные связи. Все эти факторы отражаются и на характеристике словообразовательных гнезд, так как это зависит от того, какова словообразовательная структура входящих в состав гнезда основ, какова словообразовательная потенция этих основ, т.е. являются ли они производящими при образовании других основ с тем же корнем, по каким моделям построены эти однокорневые основы. Можно предположить, что структура гнезд зависит от следующих характеристик его вершины: принадлежность к определенной части речи; принадлежность к определенной этимологической группе речи; принадлежность к определенной семантической группе лексики. Структура словообразовательного гнезда такова, что каждая его последующая ступень является непосредственным продолжением предыдущей.

Основы глагола первой степени производности наиболее активно становятся производящими при образовании имен существительных по моделям *v + er*, *v + ing*. При этом была выявлена следующая зависимость: если от основы глагола можно образовать существительное по модели *v + er* со значением лица; предмета, то чаще всего от этой же основы можно образовать и существительное по модели *v + ing* со значением процесса или результата действия, например: *to detain-detainer, detaining*; *to adhere-adherer, adhering*, что в переводе означает «придерживаться».

Рассмотрим производные юридической терминологии в узбекском языке. Существительное: конун-конунбузар, конунчи, конуншунос, конунийлик, конуният. Глагол: конунлашмок, конунлаштирмак. Прилагательное: конуний. Простая именная основа с разной степенью активности участвует в образовании основ разных частей речи: наиболее часто от нее образуются основы существительного и прилагательного, реже наречие, соответственно, наибольшее распространение среди исследуемых гнезд имеют те гнезда, первая степень в которых представлена сочетанием глагола, существительного и прилагательного. Среди проанализированных гнезд нет ни одного первой степени, которая была бы представлена только наречием или сочетанием глагола и прилагательного. Можем сде-

лать следующие выводы: в английском языке в юридической терминологии простая именная основа с разной степенью активности участвует в образовании основы прилагательного, глагола, существительного и наречий.

Такая же картина наблюдается при анализе юридической терминологии в английском языке. Существительное: crime-crimination-criminality-criminal-criminalist-recrimination-discrimination. Глагол: criminate-discriminate-recriminate. Прилагательное; discriminating-discriminative-recriminatory

Литература:

1. Дмитриева А.Г. Структура словообразовательных гнезд общегерманских существительных в современном английском языке. Автореф. дисс...канд.филол.наук. — М., 1971, с.21.
2. Шишкина А.С. Система отыменных гнезд современного английского языка; Автореф.дисс...филол.наук. — М., 1979. С. 204.

Однако, объём гнезда в изучаемых языках различается. Образование производных глаголов, прилагательных и существительных больше в гнезде английского языка, чем в узбекском языке. Результаты исследования позволяют на основании знания структуры и значения одной из производных основ предположить наличие образованных от той же основы других производных и определить их значения. Знание таких «принудительных» словообразовательных правил может быть полезным в практике изучения английского языка.

Влияние русских поэтов на творчество Фарзоны Худжанди

Хусейни Сухайло

Таджикский национальный университет (г. Душанбе)

В данной статье рассматривается русская поэзия и его влияние на таджикскую литературу. Процесс влияние и место русской поэзии, автор изучает на примере творчества Фарзоны Худжанди, величайшей таджикской поэтессы новатора XX вв.

Ключевые слова: поэзия, литература, русская, романтизм, влияние, творчество.

Influence of Russian Poets on Farzona KHudjandi's Creativity

Soheilo Hosseini

The Tajik national university

In this article Russian poetry and its influence on the Tajik literature is considered. Process influence and a place of Russian poetry, the author studies on an example of creativity of Farzona KHudjandi, the greatest Tajik poetess of the innovator of the 20 centuries.

Keywords: poetry, literature, Russian, romanticism, influence, creativity.

После русской революции 1917 г. округ персидского языка Центральной Азии стала частью республик Советского Союза. Среди различных влияний также округ литературы начало свое развитие на основании влияние русской литературы. С самого начала этой революции обзорная поэзия стало способом изложение надежд, усиление страстей и эмоции народа. В целом содержание стихов русских поэтов состоит из следующего: жизнь рабочего класса, сельские события и опыт, влечение и проявление интерес к прошлому, восстановление строя. Используя слова и фразы наиболее распространенные среди народа, стало основным фактором для взаимосвязей с массой. В XX в. таджикская поэзия при развитии эстетической критерии, а также влияние русской литературы, продолжает свое развитие современная таджикская литература.

Одним из основных трактат таджикской современной литературы — обращающая внимания является то, что поэзия должна служить содержанию. Современные таджикские поэты с целью изображение сущности, начинают сочинять стихи и литературные сочинения. С точки зрения Х. Асозода связи этой теме заключается следующим: «Информация новой поэзии в персоязычной литературы XX в., следовательно, поэзия которое обрела новый смысл, новое содержание, образовалось в XX в., а в персидско-таджикской литературе формировалось позднее, именно 1960 году, данные образцы можно встретить в персидско-таджикской литературе XX годов. Содержание аналогичной поэзии, больше всего содержит революционные события октября 1917 года» (2, 31). На основании переводов на азербайджанский, татарский, уз-

бекский, таджикский язык, русские произведения поэтов и писателей нашёл свой путь в Центральную Азию. Но более глубокое влияние на литературу этого региона при посредстве произведений, послужили личные встречи, письма, теоретические выступления. В связи с этим в размышлениях большинство из современных таджикских литераторов наблюдается влияние и распространение русской литературы. Таджикские поэты и мастера первоначально имели внешнее влияние, с течением времени таджикские литераторы последующие годы приобрели успех в народности своей литературы, также поставили наряду с влиянием. По мере того, что русская литература могла формировать в литературе, политике, философской культуре обширное движение. Эта школа представила народу литературу аристократического круга и слоя. Данный вид литературы заинтересовал поэтов и писателей различных стран. Присутствие Фарзоны Худжанди поэтессы новатора и имеющий свой стиль является достойно, среди основанных и популярных современных мастеров Таджикистана. В данной статье рассматривается влияние русских поэтов на творчество Фарзоны, в частности поэтов романтиков.

Фарзона Худжанди является одной из ярких личностей современной литературы Таджикистана. Своим появлением в литературе XX в. она внесла новый блеск. Фарзона вошла в мир поэзию вначале десятилетие 1980 г. и до сегодняшнего дня опубликовала десятки сборников стихов в Таджикистане, Иране и в других соседних странах. Ее следует признать выдающей представителей просветительского поколения Таджикистана со страной сформированной поэзии. Отличительные общие особенности языка ее поэзия заключается в простоте изложения, ее близости различным диалектом. Фарзона в поэзии с поэтическим взглядом и проницательностью предпочитает, мысленно путешествуя, изобразить внутренний мир и нечто другое. Во всей ее поэзии отмечается романтическое чувство и толкование.

Она в числе трудоёмких поэтов, которая показала свое мастерство на основе различных текстов, также имеющая академическое образование она хорошо знакома с метрикой. Ее творчество является восходящей и наполненной новыми поисками. В своих сочинениях систематически пытается сочинить стихи во всех метрических формах. В целом поэзия Фарзоны состоит из всех видов стихов: газель, маснави, рубаи (четверостишия), дубайти (двустиишия), чорпора, поэзии нимои и белый стих (свободный стих). Вначале поэтесса сочиняла стихи в классической и традиционной форме. Через некоторое время при ознакомлении новой поэзии ее направления заметно перешло на новую форму поэзии и тенденций. Среди перечитанных книг Фарзоны до сегодняшнего дня имеет особую расположенность к русской литературе и русским поэтам. По ее мнению русские поэты в большинстве имеют многие сюжеты, которые запоминаются. Они изображают конкретными и целевыми важными словами: когда русский поэт изображает одного человека, то в его описании больше наблюдается яркости и естественности.

По мнению Фарзоны, ни один из русских поэтов по сравнению с Пушкиным не имел большого влияния. Лучшие стихи Пушкина посвящены любви и природе. Его называют поэтом истины. Особенность поэзии его заключается в духовности, приобретаемой от природы, горных красот, сельской жизни, интерес к религиозным мышлениям. Исследователи уверены в том, что поэзия Пушкина полна силой музыкальности слов, которое влияет на глубину мышлений читателя.

Пример из его стихов:

Если вы хотите быть свободным
Чтобы укрыться в глубокий темный лес
И небеса покрыто белой шелкам,
Будем сидеть, наблюдая за счастливым
Могущественный и спасенный
Подобно пыли ветра, которая равнины сметает.
(11, 54).
(Подстрочный перевод).

В поэзии Фарзоны такой же смысл перечислено в ее сочинении на подобие:

Саду опечалился от философии дождя
Эй, тот, который тянет в русло моих дум от дождя к солнцу
Забери меня к себе
В тот самую кайму зари охваченной фуксией
В далекое озарение.
(11, 65).
(Подстрочный перевод).

Недавно Фарзона по просьбе матери перевела с русского языка на персидский язык стихи Пушкина «Следование Корану», которое помещено в новом разделе своей тетради поэзии «Себарга» («Три лепестка» о листе). Фарзона в этом сборнике переводя поэзию великих поэтов мировой литературы, в особенности русских поэтов романтиков Лермонтова, Есенина повлияло на ее творчество. Особая значимость заключается в способности Фарзоны в переводе величественных и важных творчество поэтов романтиков и восприятия их чувств и благосклонность этой группы поэтов.

Один из русских поэтов, которому Фарзона относилась с особым уважением, известен под именем Сергей Есенин. Его признают как последним деревенским поэтом и одним из основателей школ изображений. Его творчество основано на размышление фольклора. Критики разделили его творчество на три группы: 1 — жизнь рабочего класса; 2 — опыт жизни в сельских районах; 3 — проявления интереса к прошлому и установление порядок напевов. Можно отметить много общего взаимодействие среди размышлений этих двух поэтов, Фарзоны и Есенина. Фарзона признает Есенина как один из величайших русских поэтов. Относительно Есенина она уверена, что: «Когда Есенин рассказывает о своей жизни, атмосфере, он говорит о своем деревянном доме, хотя у нас в Таджикистане или в Иране не

имеем. Тайно пшеницы, ячменное поле, высокие берёзы, сосны. Все эти вещи принадлежат только русскому народу, для нас кажутся чужими. Однако, когда великий поэт изображает их придает им другую сущность. Зажигает в них огонь и новый смысл, боль, горечь и значение. Таким образом, их имущество становится нашей, все становится общим. Больше мы не можем чувствовать отчуждённость между нами и таинственность русского леса». Также очень популярна «Модарнома» («Письма матери») Есенина, которое очень сильно оказало влияние на творчество таджикских поэтов. Он признается одним из поэтов романтиков, имеющий чуткое размышление и в его творчестве целиком и полностью наблюдается доброта. В стихе Есенина «Письмо к матери» относительно писем матери Фарзона замечается соответствие и изящество в их словах:

Ты жива еще моя старая?
Жив и я, привет тебе, привет!
И хоть в твоём деревянном доме войдет
Тот сияние вневписанное вечернею пору
(Подстрочный перевод).

Фарзона:

Останься мать
Останься, эй в твоих руках начало зари и ласки
Останься, эй нежные твои дела создающие ласки
Не собирайся уходить, солнце моей кровли
Останься со мною.
Останься, эй существование созданной зари
продление радости моих писем.
(13, 253).
(Подстрочный перевод).

Среди современных русских поэтесс имена двух из них известны из числа великих в литературе XX века: Анна Ахматова (1889–1966) и Марина Цветаева (1892–1941). Фарзона в своих трудах отдает предпочтения переводу творчества этих двух поэтесс. Ею переведено более 100 стихов этих двух поэтесс. В переводах Фарзона более 49 китъа посвящено теме госпоже Анне Ахматовой. Стих «Бессонница» связанные с Анной. Фарзона многие годы страдает от бессонницы и это она признает, как удобным случаем чтение художественных иранских и мировых книг. Сама признается в своих беседах, о том, что: Я сама очень люблю Анну Ахматову, она является поэтессой моей души». Пример из поэзии Анны:

Ты снова возвратилась как всегда бессонница?
Возвратилась вторично в образе неподвижности
Посмотри нильское протекание в сумерки,
Увидев мрак в окне
Сердце моё разве нашло в дали утешение,
Потому как тобою нашла утешение, эй светлое надежда.
(11, 274).
(Подстрочный перевод).

Фарзона под большим влиянием Анны Ахматовы сочинила стих «Нуш бод бе шароб» («Пейте без вина») последовательно поэзии Ахматовой «Нуш боди дигар» («Другое питье»). Фарзона говорит:

Выпиваем вино
За здоровье цветов
За счастья тополей
За жизни солнце
Также за здоровье дождя.

(11, 126).
(Подстрочный перевод).

Марина Цветаева одна из тех поэтесс, сборник стихов, которое переведено Фарзоной. Марина подобно Фарзоне первое свое стихотворение сочинила в шестилетнем возрасте и поразила всех. Поэзия этих двух поэтесс полна жизни селения, нового размышления, стилевая новаторство, ясность и простота изложения. Значительная особенность в их поэзии заключается различность в стиле и в ритме, разговоре и в содержании, наряду с изложением обычных событий до общепринятых размышлений и идей.

Фарзона в сборнике «Себарга» («Три лепестка») более 52 китъа многие из них который сочинила влиянием творчества Марины. Выбранная тема связано с поэзией Марины. Аналогичные темы: «В пятидесятилетие», «Во имя района», «Анне Ахматовой», «Тебе после столетия», «Есенину», «Первое солнце», «Окно», «Подходящий океан», «Подруга», «Жизнь», «Страна и ... Марина, как и Фарзона больше всего связана с элементом зари и очень часто использует в своих сочинениях. Стих Марины:

Я знаю, что во время звука смеха зари умру,
Какой из двух зарей? Мне это не ясно.
Что во время заката или восхода солнца,
Как хорошо, если два раза умрет мой светильник.
(Подстрочный перевод).

Фарзона:

Эй, полна любви, сияешь ты,
Воспоминания зари покрытие мое
Раса твоих воспоминаний отряхивает столетия
В спальне луны измазанная мною.
(12, 179).
(Подстрочный перевод).

Фарзона в 16 лет ознакомилась с мировыми поэтами и поэтами Ирана. Наполненная очень богатая библиотека матери в ее остроумии разума и поисках; стало основой ее ознакомлений с различными мыслями. Она за краткое время знакомится с русской литературой. Временами переключается по направлению поэзию предков, современную или же африканскую поэзию. Постоянно в поисках новых взглядов. Порой ее осведомление различных размышлений сводится к тому, что опубликовывает новые

сборники, открывая дверцу читателю новое содержание. В книге «Себарга» («Три лепестка») в переводе стихов больше извлекает пользу из трех, при выборе которых используется смысл или значение.

В конце данной статье расскажем о взгляде Фарзоны про русскую поэзию. Она убеждена, что русские поэты наряду с его земными личностями разыскивают небесное свое семейство. По мнению Фарзоны: «Я очень люблю поэзию Анны Ахматовой. Сама Ахматова одобряет по-

эзию Блока. Я тоже люблю поэзию Блока. Есенин, таким образом, сочиняет стихи, что каждый обычный прохожий его деревню может считать своим. Также многое прочла о поэзии Цветаевой, непременно ее поэзия повлияло мне. Однако больше всего влияние Пушкина на меня». (11, 13).

По ее мнению поэзия русских поэтов больше имеет сюжет, который запоминается в памяти. В их поэзии наблюдается меньше абстракта и грёз. Русские поэты говорят, конкретно излагая основную цель.

Литература:

1. Ануша Х. Энциклопедия персидской литературы. — Т. 2, Тегеран: Изд-во «Полиграфия и издание», 1376.
2. Асозода Х. Таджикская литература 20 века. — Душанбе: Маориф, 1999.
3. Бечка И. Персидская литература в Таджикистане. (Перевод Мухаммад Ибодиён и Хиджрон Дуст). — Тегеран: Изд-во «Наука и культура», 1372, 480 с.
4. Вильферд Г. и др. Формирования литературной критики. (Перевод Фарзоны Тохири). — Тегеран: Изд-во «Нилуфар», 1376 ш.
5. Дэвид Д. Диалект литературной критики. (Перевод Гулем Хусейн Юсуфи, Мухаммад Таки Сидкиени). — Тегеран: Изд-во «Наука», 1366 ш.
6. Ибрамз М. Дж. Джефри Голт Херфам — Толковый словарь литературных терминов. (Перевод Саиди Сабзиен). — Тегеран: Изд. — во «Рахнамо», 1366 ш.
7. Кадр, Дж Культура и литературный критик (Перевод Козим Фируз). — Тегеран, «Шодагон», 1380.
8. Масъуд Дж. Обозрение романтизма на Западе. — Тегеран: Издательский центр, 1378.
9. Мирсодики М. Словарь мастерство поэзии. Второе издание. — Тегеран: Изд-во «Мехиноз», 1373. — 372 с.
10. Мусави Гаромруди Сейед Али. От верхушки стеблей, Тегеран, 1384.
11. Фарзона. Себарга. — Худжанд: Интишорот, 2011. — 345 с.
12. Фарзона. Муъри гули мино. — Душанбе: Интишороти Муштир, 2006. — 400.
13. Фурст Л. Романтизм (Перевод Масъуда Джафари). — Тегеран: Изд-во «Центр», 1375.
14. Эмрико. Энциклопедия. (Перевод Махаммед Шахизада Шохони). — Тегеран, 1360 ш.

К вопросу о переводе прецедентных феноменов в публицистическом тексте

Черниченко Светлана Викторовна, магистрант
Воронежский государственный университет

Важной характеристикой развития современного дискурса является развитие его интертекстуальности, то есть увеличение многообразия источников текстов, использующихся в других текстах. В этой связи широкое распространение в современном дискурсе получило использование прецедентных текстов.

Прецедентный текст — это текст, являющийся элементом культурной памяти как отдельной личности так и целого народа. Обращение к такому тексту возобновляется неоднократно в других текстах.

Особенно активно прецедентные тексты используются в публицистическом дискурсе, так как они имеют существенное значение для достижения эффективности текста. Отметим, что одним из главных свойств таких текстов является их авторитетность для круга читателей.

Основным импульсом к началу употребления термина «прецедентность» в лингвистике послужило введение

Ю.Н. Карауловым понятия прецедентного текста. Прецедентными называются тексты — «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 215]. Таким образом, выделим основные характеристики прецедентности: значимость, известность, авторитетность.

Для того чтобы представить прецедент как объект действительности, введем для него понятие «культурный прецедент», а под термином «прецедентный феномен» будем понимать единицу языка, которая отражает тот или иной культурный прецедент. Прецедентный феномен в свою очередь включает в себя понятия: собственно пре-

цедентного текста (например, произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы и т.д.); прецедентного высказывания (цитаты, название произведения, полное воспроизведение текста, представленное одним или несколькими высказываниями); прецедентной ситуации (некие эталонные ситуации с определенными коннотациями); прецедентного имени (имена собственные, связанные либо с прецедентными текстами, либо прецедентными ситуациями).

В соответствии с уровнями сознания индивида В.В. Красных выделяет три вида прецедентных феноменов: социумно-, национально- и универсально-прецедентные феномены [4, с. 50–51].

Вслед за Г.Г. Слышкиным выделим основные функции прецедентных феноменов: номинативная, воздействующая, экспрессивная, опознавательная [6, с. 91–106].

Данное исследование посвящено изучению переводческих решений при передаче прецедентных феноменов с английского языка на русский на материале публицистического текста.

Сравним общие подходы к переводу А. Нойберта и Ю. Найды. А. Нойберт выдвигает критерий прагматической адекватности перевода, условием которой является равенство коммуникативного эффекта оригинала и перевода: реакция реципиента на перевод должна соответствовать реакции реципиента на оригинал. Таким образом, в силу неизбежности культурных различий между текстами оригинала и перевода переводчику необходимо обращаться к некоторым прагматическим адаптациям [5, с. 180–202]. Ю. Найда выступает за минимизацию количества изменений, вносимых в текст с целью обеспечить его понятность читателю перевода. В данном случае ученые выделяют идею использования различного рода примечаний, сносок, культурологических комментариев [8, с. 90–97].

В результате сравнения мы можем сделать вывод, что выделяют два основных пути перевода культурного и национально-специфического аспектов текста: адаптация и пояснение, которые в свою очередь осуществляются с помощью различных переводческих приемов и решений.

Как же определиться с тем или иным переводческим приемом или решением? На материале публицистического произведения З. Сардар и М. Вин Дэвис «Почему люди ненавидят Америку?» мы провели сравнительно-сопоставительный анализ, в ходе которого выделили факторы, обуславливающие выбор переводческих приемов и решений при передаче прецедентных феноменов в ПЯ.

1. В зависимости от характера текста. Исследуемое публицистическое произведение несет политических и национальный характер. Соответственно, в свете данного фактора, основную трудность для переводчика представляют национально-прецедентные феномены сфер «Политика и история» и «Культурные символы». Например, переводчик не может воспользоваться приемом замены, так как в таком случае появляется риск потери национального характера текста. В то же время он не может огра-

ничиться приемами транскрипции и калькирования, так как такая стратегия может привести к осложнению понимания реципиентом текста ПЯ. Таким образом, в соответствии с характером исследуемого текста оптимальным вариантом для переводчика является сочетание адаптации и пояснения. Также Публицистическому стилю характерна лаконичность, что сокращает использование комментариев в тексте перевода. В ходе исследования нами не было обнаружено ни одного случая использования переводчиком комментария при переводе прецедентных феноменов. Оптимальной заменой данному приему послужил прием добавления: *The Atlantic Monthly* — журнал *The Atlantic Monthly*; *Chicago Tribune* — на страницах *Chicago Tribune*; *Insight magazine* — консервативный журнал *Insight* и т.д.

2. В зависимости от значимости прецедентного феномена в контексте. В некоторых случаях нет необходимости вводить прецедентный феномен в перевод, чтобы не перегружать текст избыточным количеством прецедентных феноменов, что затрудняет понимание и восприятие. В следующем примере прецедентный феномен «World Series» не несет в себе значимости для русского читателя:

«This is why America is comfortable with holding «World Series» and ‘World Championships’ in which only Americans participate, as is the case with American football and baseball».

«Именно поэтому в Америке так популярны чемпионаты мира, где участвуют только американцы, как в случае с американским футболом или бейсболом».

3. В зависимости от характера прецедентного феномена с учетом степени его знакомости/ незнакомости, литературной и языковой традицией его употребления в речи. В рамках фактора традиции, можно говорить о заменах реалий в тех случаях, когда прецедентные феномены несут в себе преимущественно экспрессивную функцию. Пример приема замены можно видеть в следующем фрагменте текста: «In an article for *The National Interest* entitled «Who’s Afraid of Mr Big?», the German foreign policy analyst Josef Joffe described America as «both menace and seducer, both monster and model».

«В своей статье для журнала *National interest*, под названием «Кто боится дядю Сэма?» немецкий международный обозреватель Иозеф Иоффе назвал Америку «угрожающей и соблазняющей, чудовищной и образцовой».

Национально-прецедентный феномен, символизирующий «могучую Америку» переводится на русский язык универсально-прецедентным феноменом «дядя Сэм» (Uncle Sam), являющимся символом США как внутри, так и за пределами страны.

4. В зависимости от ИЯ и ПЯ, от их грамматических и словообразовательных особенностей, от культуры речи.

Универсально-прецедентные феномены практически всегда имеют инвариант восприятия в чужих культурах, однако для правильного и удобного их восприятия в тексте ПЯ переводчику необходимо прибегать к грамматическим и лексическим трансформациям.

«One catastrophic effect was when, at the start of the monetarist years of Reagan and Thatcher, the US raised interest rates sky high, precipitating the collapse of Mexico financially and the start of the debt crisis, which has hit poorer countries hard».

«Это имело весьма негативные последствия в годы монетаристского правления Рейгана и Тэтчер, когда Соединенные Штаты чрезмерно подняли процентные ставки, что привело к стремительному финансовому краху в Мексике и началу долгового кризиса, ударившего по самым беднейшим странам, которые с тех пор так и не оправались от долгов».

Универсально-прецедентная ситуация «monetarist years of Reagan and Thatcher» имеет эквивалент в концептуальной базе сознания русского читателя. Однако ее перевод требует грамматической трансформации — «годы монетаристского правления Рейгана и Тэтчер».

5. В зависимости от читателя перевода.

В некоторых случаях трудно определить степень значимости прецедентного феномена широкому кругу читателей для того, чтобы определиться с переводческим решением.

Учитывая уровень исторических и политических фоновых знаний реципиента, автор перевода неоднократно прибегает к приему замены.

«Dr Samuel Johnson famously noted in 1775, on the eve of the American Revolution, that patriotism is the last refuge

of the scoundrel». — «В 1775 году, накануне войны за независимость, Сэмюэл Джонсон писал, что патриотизм — последнее прибежище негодяя».

Понятие «Американская революция» не тождественно понятию «Война за независимость США» — война является частью и завершающим этапом революции. Однако русский читатель не настолько хорошо знаком с историей США, реципиент в данном случае быстрее и эффективнее воспринимает второе понятие «Война за независимость США», которое в свою очередь вызывает соответствующие ассоциации с политическими событиями в британских колониях Северной Америки.

Предлагаемые факторы выбора переводческих стратегий были выделены на материале публицистического произведения политического характера, в котором основной процент прецедентных феноменов составляют ссылки на значимые тексты и авторитетных авторов. Главными функциями аналитических публицистических текстов являются интерпретационная, или идеологическая и воздействующая [1]. Интертекстуальность в политических публицистических текстах обусловлена этими функциями и помогает повысить авторитетность политического слова. Для того чтобы рассмотреть возможность применимости предложенной нами категоризации переводческих приемов в соответствии с выделенными факторами текстам других функциональных стилей языка, требуются дальнейшие исследования.

Литература:

1. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т.Г. Добросклонская. — 2-е изд., стереотипное. — М.: Едиториал, 2005. — 288 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов : электрон. книга. — М.: Изд-во ЛКИ. — 2010. — 264 с. — URL: <http://www.superlinguist.com>.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода : (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных : электрон. книга. — М.: Гнозис. — 2002. — 284 с. — URL: <http://www.scribd.com>.
5. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Отв. ред. В.Н. Комиссаров : сборник статей. — М.: Междунар. отношения, 1978. — 232 с. — С. 180–202.
6. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. — М.: Academia. — 2000. — 139 с.
7. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод) / А.Д. Швейцер : электрон. книга. — М.: Воениздат, 1973. — 280 с. — URL: <http://www.superlinguist.com>.
8. Nida E.A. Linguistics and Ethnology in Translation-Problems / E.A. Nida // Language in Culture and Society: A Reader in Linguistics and Anthropology. — New York : Harper & Row, 1964. — P. 90–97
9. Сардар З. Почему люди ненавидят Америку? / З. Сардар, М.В. Дэвис : пер. с англ. С.Л. Могилевский. — М.: Изд-во Проспект, 2003. — 240 с. — [сайт] — URL: <http://lib.rus.ec/b/153625>.
10. Sardar M. Why do people hate America? / M. Sardar, M. Wyn Davies. e-book. — London: Icon Books Ltd., 2003. — 231 p. — URL: <http://nd-warez.indo/>.

Information Technology in English Language Teaching. Podcasting in Higher Education

Olga I. Shaykina

National Research Tomsk Polytechnic University

Language teaching in general and English language teaching in particular has tremendously changed over the centuries. Language learning and teaching are dynamic, fluid, mutable processes, so there is nothing fixed about them unlike the teaching of other subjects. Language teaching especially throughout the twentieth century underwent numerous changes and innovations. Approximately, every decade a new approach or methodology comes into practice. Many major theories, events, trends and technologies which shaped English language teaching during the past decades suggest methodologies are as much a product of their times as educational systems, and rooted in the ideas of their time. Ideas may come into and go out of fashion. Many new approaches are rediscoveries of old methods neglected but re-illuminated.

English language teaching practitioners around the globe have been practising different trends suitable to their context, needs, availability of resources and practicality. Teachers have had a large amount of methods offered at different times. Obviously, some teachers stick on certain methodologies very sternly. Nonetheless, majority of the English language teachers instead of adhering to prescribed trends, follow different ones at different times applicable to their contexts. Besides, they practise different educational technologies to grow academically and professionally.

Educational technologies, especially computers and computer-related peripherals, have grown tremendously and have permeated all areas of our lives. It is incomprehensible that anyone today would argue that banks, hospitals, or any industry should use less technology. The Internet in particular is becoming an increasingly vital tool in our information society. More people are going online to conduct such day-to-day activities as education, business transactions, personal correspondence, research and information-gathering. Each year, being digitally connected becomes ever more critical to educational advancement.

From the beginning of the computer age, educational researchers and practitioners were sure for technology use to be widespread in schools and universities it needed to be closely tied to education. No doubt, teaching is changing and, in many ways, becoming a more difficult job because of increasingly numerous contradictory expectations, including the following:

- We are living in an age of information overload with the expectation that students will learn high-level skills such as how to access, evaluate, analyze, and synthesize vast quantities of information. At the same time, teachers are evaluated by their ability to have students pass tests that often give no value to these abilities.

- Teachers are expected to teach students to solve complex problems that require knowledge necessary across many subject areas even as they are held accountable for the teaching and learning of isolated skills and information.

- Teachers are expected to meet the needs of all students and move them toward fulfillment of their individual potential even as they are pressured to prepare students for maximum performance on high-stakes assessment tests that are the primary measure of student and school success [5, p.5].

Information technologies in English language teaching can actually assist with some of these expectations and make teachers and their students be more successful. However, as the world becomes more complex year-to-year instead of the generation-to-generation pace of most of the last century, educational needs continue to shift from teaching and learning isolated skills and information within each content area, to teaching skills that enable students to solve complex problems across many areas. Educators must prepare for a technology-rich future and keep up with change by adopting effective strategies that infuse lessons with appropriate technologies. However, this is balanced by a significant observation: the benefit to students of using new technologies is greatly dependent, at least for the moment, on the technological skill of the teacher and the teacher's attitude to the presence of the technology in teaching. The skill and this attitude in turn are largely dependent on the training staff have received in this area [5, p.7].

So the primary factor for enhancing the learning productivity of students is to have teachers who are competent and knowledgeable about appropriate and effective use of information technologies in English language teaching.

One key method linked to the growing interest in English teaching profession is podcasting (or podcasts).

'Podcast' has been declared Word of the Year 2005 by editors of the New Oxford American Dictionary. The word was chosen for its rising phenomenon in 2005 because anyone with a digital recording device and an Internet connection could produce a podcast. Podcasting is web service belonging to the Web 2.0 which has gained popularity with people all over the world the last years. The word «podcasting» is derived from a combination of «iPod»6 and «broadcasting». It refers to the concept in which online audio programs (such as talk shows or hosted music programs) in digital format are downloaded for listening at the user's convenience [7]. Podcasting also refers to the method of distributing multimedia files, such as audio programs or music videos, over the Internet. These podcasts are usually automatically downloaded for playback on mobile devices or personal computers. A podcast can be created with any digital recording device. They

are usually created in the mp3 file format for its compact file size but podcasts presented in other sound formats (e.g. wave, real-audio format) do exist.

When podcasts are downloaded by end users (i.e. students) they become more flexible in the way they are used. Modern rich resources can be used at times and in places defined by the student, and they can be used more than once. The terms 'time shifting' and 'space shifting' are often used to describe the behaviour of podcasters, and podcasting is regarded as a key technology amongst those interested in mobile gadgets [1, p.3].

By addressing the questions such as How often are the podcasts broadcast? What type of podcasts does the teacher use? or What format can they take? on the pedagogical and technical issues and relating them to learning theory the teacher is in a stronger position to assess whether the introduction of podcasts helps achieve the learning outcomes.

There are a variety of **formats** that can be used when producing a podcast. There is the simple *talk/radio monologue*, which requires variety in the pitch and inclination of the speaker. The listener should get the sense that they are being spoken to directly. The *dialogue* format can involve two or more presenters in a discussion which offers the listener variety compared to the single speaker. The *interview* takes the form of questions and answers and offers the opportunity to talk to an expert in the area of study or allow students to question each other on a particular issue. With any of these formats it is helpful to have an outline script to guide the participants, which may avoid large amounts of editing at the end. A good podcast has a clear structure with an introduction outlining the content, the presenters and the aims followed by the main section. The conclusion should highlight the key points and introduce the main aim of the next podcast in the series. If the author decides to produce a series of podcasts it is advisable to keep the structure the same throughout. Make it clear to the listeners when each podcast is created. The length of the podcast depends on the aims and can vary from the full one-hour lecture to the three-minute interview. It must be remembered that the listener has to be engaged and maintaining their interest may influence the duration of the podcast [6, p. 3].

McGarr in her article «A review of podcasting in higher education: its influence on the traditional lecture» discussed the relationship between traditional lectures and podcasting in case of passive receivers of information (i.e., consumer of information) and active creators of knowledge (i.e., producers of information). In addition, McGarr distinguished three strategies for podcasting: substitutional, supplementary, and creative. Teachers can give students audio podcasts and thereby provide substitutes for lectures; however, this approach ensures students are passive receivers of information. In addition, teachers can use supplementary strategies that tend toward either greater passivity (e.g., teacher summarizes lectures or course content) or greater activity (e.g., students explore additional learning materials). Finally, teachers can adopt a creative strategy in which stu-

dents produce and distribute podcasts to classmates and other learners [2, p.171].

Most articles about student learning and affective outcomes focus on author-produced podcasts, but some discuss student-produced podcasts. However, Blaine F. Peden and Benjamin Z. Domask explored that it is hard to find an article evaluating use of podcasts produced by individuals external to a course [2, p.173]. The researchers who study the question of using podcasts seldom identify any desired student learning outcomes; however, they implicitly endeavor to develop the knowledge base for the discipline. The most common use of a podcast is as a direct substitute for a lecture or other source of information such as an article. The methodological question is whether the most appropriate comparison is between the presence and absence of a podcast or between different formats for the presentation of the same information (i.e., reframed material).

Teachers who consider producing their own podcasts, using podcasts by others, or assigning podcasting projects to students should focus on student learning outcomes that they desire to promote. It is recommended to begin with reviewing the student learning outcomes pertinent to disciplinary knowledge, skills, and values. Then, explore numerous instructional resources ranging from articles and books to websites on digital story telling (e.g. englishclub.com or learn-english-today.com). For ideas about creative podcasts produced by teachers in the process of studying we can suggest weekly discussions, review sessions for tests, answering frequently asked questions, and even creating community in online courses. There can also be presented such ideas for student podcasts as summaries of course lectures (for distribution to the class), public service announcements, real world applications, movie reviews. The last step for teachers is to devise and systematically assess instructional use of podcasts in higher education.

Podcasting remains a simple and inexpensive technology available to both teachers and students. One more benefit of podcasts includes the ability to develop social networking and collaborative learning. Students can choose where and when they want to learn and those whose first language is Russian find podcasts particularly useful. Evidently, key skills including communication, time management, problem solving and critical thinking are developed during the process of teaching with podcasts.

However some researchers highlight the dangers of simply using podcasts because they are 'new'. They state that learning is unlikely to be improved by the mere application of a new technology. The others report that students need to know not only *what* they are supposed to do, but *why* they are expected to do it and *how* it will enhance their learning if they are to engage with new mobile technologies. It is thus crucial for practitioners who are preparing to include podcasts in their teaching to ensure that the learning outcome desired is best achieved by the use of a podcast [6, p. 4].

Nevertheless, a teacher can hardly find podcasts as a primary trend in English language teaching. The future of tech-

nologies being involved in the process of teaching is quite uncertain. Pondering on the existing trends and a wave of change, one can make a sensible guess that innovations in educational approaches and methods are moving from simplicity to complexity, from uniformity to diversity, from oneness to pluralism, from customary to embryonic ways of doing things, more towards flexibility, practicality and towards refinement of current practices in order to make a difference.

It is safe to say, there is no single most excellent way of teaching foreign languages. The successful language teacher does not confine himself or herself to only a single method. [3, p.65] A method which is appropriate with one class on one occasion does not necessarily suit to the same class at an-

other time. Likewise, a method which is suitable for one language teacher while teaching a particular language item may not be applicable for other teacher in the same or similar context. There has been a gradual shift from a literature based foreign language to equipping learners with communicative skills for interaction globally.

A large number of researches and conference talks are devoted today to exploring current trends in English language teaching. Nonetheless, English language teachers do not remain reliant on fixed prescribed and imposed practices. Instead, they put into practice a great deal of diverse activities to keep themselves up-to-date and enhance their practices one of which has been dealt above.

References:

1. Andrew Middleton. 100 great ideas for educational podcasting. – Sheffield Hallam University, 2008.
2. Blaine F. Peden, Benjamin Z. Domask. Do podcasts engage and educate college students? – University of Wisconsin-Eau Claire, 2010.
3. Sajjan Kumar Karn. Current trends in ELT around the globe// Journal of NELTA. – 2007. – No. 1 & 2.
4. <http://www.ehow.com/info>.
5. <http://www.ncerl.org/sdrs/areas/issues/methods/technlgy/te600.htm>.
6. Tim Barry. Strategy for Using Podcasts for Teaching and Learning in the Biosciences// <http://www.bioscience.heacademy.ac.uk/ftp/tdf/barrystrategy.pdf>.
7. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/4504256.stm>.

Определение понятий «естественное» и «искусственное» в качестве сопутствующих характеристик процесса номинации

Шакирова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

В отличие от обыденного употребления понятий «естественное» и «искусственное», в научное определение не следует включать такие оттенки естественного, как обычное, привычное, вполне нормальное, и искусственного – притворное, поддельное, лицемерное. Понятие «искусственное» нуждается в более детальном рассмотрении, так как представляет собой единство противоположностей: естественного и социального. Искусственное сознательно создается человеком из объектов естественного. Естественное и искусственное едины по своему происхождению, так как естественное является предпосылкой создания искусственного. В связи с этим и в лингвистике в сфере номинативной деятельности весьма четко обрисовывается проблема разграничения естественного и искусственного наречения – точнее, определение именно искусственного имятворчества как самостоятельной категории вне ее отношения к естественной номинации.

Употребление понятий «естественное» и «искусственное» в теории номинации позволяет рассматривать

номинативную деятельность не только как самостоятельно существующую отрасль наречения каких-либо объектов, сложившуюся естественным путем и не зависящую от деятельности и целеполагания индивида, но и как явление, включающее виды осознанного, преднамеренного воздействия человека на формирование ономастического пространства. Термин «искусственное» требует детального рассмотрения и применительно к процессу номинации. Это связано с противоречивостью и сложностью его толкования, о чем говорилось ранее, закономерно это отразилось и в языковом процессе, в связи с этим существуют некоторые типологические подходы к раскрытию содержания данного явления, противостоящие друг другу. Во-первых, под искусственной номинацией понимается называние, намеренно творимое с сознательным нарушением стандарта [1, с. 130]. Основанием такого подхода является то, что среди искусственно созданных имен собственных в первую очередь обращают на себя внимание те, которые явно отличаются от названий, сложившихся в народной практике в ходе

исторического развития. В ономастике по отношению к искусственным наименованиям предлагались разные характеристики: отмечалась их «произвольность» [8, с. 180], ярко выраженная социально-идеологическая направленность [1, с. 132], манерность, вычурность [6, с. 45], асистемность [3, с. 12]. Искусственная номинация предстает сознательным отступлением от правил, а естественная — следованием привычным, регулярно используемым семантическим либо словообразовательным моделям. Следует отметить, что искусственное наречение не обязательно сопровождается нарушением языковых норм. Поэтому сведение искусственной номинации к сознательному нарушению некоторых деривационных стереотипов отнюдь не проясняет ее отношений с номинацией естественной. Смещение нормы и смена продуктивности у тех или иных словообразовательных моделей, как известно, явление вполне закономерное для процесса стихийной языковой динамики.

К искусственной номинации относят факты намеренного словопроизводства. Искусственное название противопоставляется естественному как намеренное название стихийному обозначению [9, с. 36]. Для разведения описываемых явлений обычно используется сумма показателей; в зависимости от их содержания в рамках общего подхода можно наметить частные исследовательские позиции. Согласно одной из них, критерием различения служит специфика сочетания в номинативной деятельности объективных и субъективных факторов [4, с. 12]. Для естественной номинации соотношение объективных и субъективных факторов «склоняется в целом в сторону объективно существующих и действующих закономерностей», в искусственной номинации «в целом увеличивается роль субъективных факторов» [4, с. 40]. Данный подход выгодно отличается вниманием к психологической стороне номинативного акта и факторному пространству номинации, в то же время естественная и искусственная номинация предстают как максимально широкие ономастические категории, слабо противопоставленные в отношении к языковому и речевому словотворчеству, поскольку признак «наличие или отсутствие ясной целеустановки у называющего субъекта» позволяет подводить под естественную номинацию и коллективную стихийную выработку языкового знака, и акты спонтанного, ситуативного называния, тогда как искусственная номинация оказывается тождественна называнию с той или иной целью.

Согласно другой точке зрения процессы естественной и искусственной номинации тесно связаны с процессами апробации речевых новообразований. Противопоставляя естественную и искусственную номинацию, Н.П. Ульянова делает вывод: «Естественная номинация предполагает отсутствие осознанного плана действий при назывании объекта, стихийность выбора мотивировочного признака, интуитивность подбора словообразовательной модели, неизвестность авторства, незначительную степень новизны, неконтролируемость, отсутствие осоз-

нания конечного результата и его оценки и нерегулярность апробации. Искусственная номинация <...> характеризуется наличием ясной целевой установки, планомерностью в осуществлении действий, направленным выбором мотивировочного признака и способа его выражения, известностью авторства, контролируемостью, осознанием новизны лексической единицы и оценкой конечного результата, а также управляемостью апробации» [9, с. 50].

Несмотря на полноту приведенных выше признаков и характеристик стихийной и преднамеренной номинативной деятельности, пока не представляется возможным задать более четкие границы понятийных категорий естественной и искусственной номинации.

Описание критериев различения естественной и искусственной номинации, как правило, сосредоточивается на трех составляющих: объект, субъект, номинативная единица. Целесообразно рассматривать номинативные единицы в их связи с конкретным контекстом деятельности и фоновыми знаниями участников речевого взаимодействия, так как обозначение остается средством, а не целью речевого высказывания. Необоснованно, на наш взгляд, мало внимания в современной теории номинации уделяется функциональному аспекту номинации, ее адресатной направленности, условиям коммуникации, обстоятельствам, предопределяющим восприятие и понимание, то есть тому, что в дальнейшем мы рассмотрим как прагматический контекст номинативной деятельности.

Для искусственной номинации общие характеристики социального контекста могут быть определены как взаимодействие, общественно ориентированное в институированных сферах деятельности. Естественная же номинация характерна для тех сфер общественной коммуникации, которые частично формализованы устной традицией, обычаями, неинституированной религиозной верой и т.д., а также для неформализованного коллективного и межличностного общения [2, с. 22]. В выборе языкового кода искусственная номинация ориентирована на средства литературного языка и его терминологические системы, а естественная — на фонд общеупотребительных ресурсов и на нелитературные формы существования литературного языка. Далее прагматический контекст может быть структурирован в отношении социальных статусов называющих субъектов. При искусственной номинации автор осознает свое право либо свою обязанность нарекать, давать имена, поскольку существующие социальные конвенции предоставляют ему такие полномочия. Право на наречение может давать, в частности, роль первооткрывателя, изобретателя, автора, владельца, производителя и т.п.

Как отмечает М.В. Голомидова, для естественной номинации в социально-ролевой позиции номинатора важнее иные показатели: личный авторитет в социальной группе, бытийный опыт, возраст, пол, иногда специальные знания, умения, навыки.

Выделяются следующие типизированные ситуации, в которых осуществляется искусственная номинация:

– наречение новорожденного (в том случае, если имя не выбирается из антропонимического списка, а изобретается заново);

– официальное переименование (при создании нового имени);

– официальное присвоение имени искусственно созданному ландшафтному объекту (населенному пункту, городским объектам, строительным сооружениям);

– официальное наречение институтов общественной деятельности, в том числе промышленных, торговых, военных, финансово-экономических, культурных, научно-исследовательских и т.д.;

– присвоение имен творческим коллективам;

– присвоение имен транспортным средствам;

– присвоение имен орденам, медалям, драгоценным камням;

– озаглавливание крупных проектов, программ, кампаний, законодательных, научных, публицистических, художественных текстов, именование произведений искусства, выставок, коллекций [5, с. 34].

Для естественной номинации важна последовательность речевых актов, которые могут быть в разной степени тематизированы относительно называемого предмета. Поэтому назовем лишь некоторые возможные ситуации, в которых возникает первичное обозначение: прозывание; устная характеристика (выражение частного мнения, суждения, оценки); объяснение (как найти, как выглядит, как называется, чем отличается, кому принадлежит, для чего и т.д.); воспоминания.

Искусственная номинация нацелена на создание наименований, которые будут обязательными при офици-

альном употреблении. Учитываются социальный контекст (публичная деятельность, институтированная); статус заведения (государственное или частное); социальная позиция номинатора (лицо, наделенное профессиональными полномочиями); пресуппозиция (знание, представление об уровне обслуживания, ранге заведения, его имидже, социальном профиле клиентов и т.д.); частные номинативные установки (ориентация на эстетические вкусы потребителей, привлечение внимания, рекламирование) [5, с. 40–45]. Расставляя акценты в объяснении естественной и искусственной номинации, необходимо подчеркнуть предписательную силу связанных с ней речевых действий, их адресную направленность широкой аудитории. Именно в тех случаях, когда название адресовано языковому социуму, наиболее четко предстают границы противопоставляемых явлений и подтверждается целесообразность противопоставления естественного и искусственного [5, с. 34].

Не случайно с искусственным названием связывают изобретение терминов и официальное присвоение имени. Искусственное наречение служит пополнению общего лексикона. Искусственная номинация, в отличие от естественной, активнее использует условные мотивировочные признаки, соотношенные со свойствами предмета (объекта) и суммой общих знаний о мире, которыми располагают участники коммуникации. К сожалению, как показал проведенный анализ искусственно созданных лексических единиц, использование таких признаков не всегда удачно. По этим причинам возникают проблемы, связанные с искусственным наречением: проблема адекватного, положительного ассоциирования слов-номинаций, проблема его функционирования в языке и т.д.

Литература:

1. Беленькая В.Д. Современные тенденции в наименовании населенных пунктов (к вопросу о методе синхронии в топонимии) // Топонимия Центральной России. – М., 1974. – Вып. 94. С. 130–137.
2. Дейк Т.А. Ван Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – С. 20–137.
3. Воробьева И.А. К вопросу о лексическом значении имен собственных // Актуальные проблемы лексикологии. – Томск, 1971. – С. 44–95.
4. Голев Н.Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. – Свердловск: УрГУ, 1974. – Вып. 8–9. – С. 88–97.
5. Голомидова М.В. Средства достижения эстетического эффекта при создании псевдонимов // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: УрГПУ, 1998. – С. 47.
6. Горбаневский М.В. В мире имен и названий. – М., 1987. – 206 с.
7. Журавлев А.Ф. Технические возможности языка в области предметной номинации // Способы номинации в С.Р.Я. – М., 1982. – С. 16–19.
8. Мурзаев Э.М. География в названиях / Э.М. Мурзаев, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1982. – 177 с.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1974. – С. 188–220.

К вопросу о переводе языковой игры в заголовках СМИ

Щербакова Наталия Васильевна, бакалавр
Воронежский государственный университет

В настоящее время в рамки понятия «языковая игра» (ЯИ) входит огромное количество явлений, имеющих место в художественной литературе, текстах СМИ и рекламы, а также в разговорной речи. Представление о ЯИ относится к области речевого общения, а сама ЯИ рассматривается как «украшательство» речи, которое «обычно носит характер остроты, балагурства, каламбура, шутки и т.д.» [2, с. 138].

Исследование проведено на материале англоязычных заголовков публикаций интернет-сайта ИноСМИ, содержащего переводы преимущественно аналитических статей, поэтому важным для нас представляется изучение специфики употребления данного приема непосредственно в текстах массовой коммуникации.

Целью использования данного приема в медиатексте является привлечение внимания читателя и оказание эстетического (в частности комического) воздействия путем намеренного нарушения языковой нормы. Данные нарушения представляют собой не ошибки, свидетельствующие о незнании правил языка, а речевой прием, отражающим умения человека неординарно использовать язык, сознательно — с целью комично обыграть значение или форму слова.

К числу приемов ЯИ принято относить такие приемы, как игра слов, каламбур, зевгма, окказионализм, модификация прецедентных феноменов и фразеологизмов, лексический повтор и т.д.

Зевгма — это отношение одного слова одновременно к двум другим в разных смысловых планах, причем комический эффект достигается вследствие недостаточной согласованности членов предложения, например, *Wildfires in Russia devastate forests and pockets*.

Окказионализм — слово, образуемое «по случаю», в конкретных условиях речевой коммуникации и, как правило, противоречащее языковой норме, отклоняющееся от привычных способов образования слов в данном языке. Окказионализм обычно появляется в речи как средство ЯИ, например, *Indianomics, Gazpromia*.

Обратившись к определению из Большой Советской энциклопедии, под каламбуром мы понимаем «стилистический оборот речи или миниатюра определенного автора, основанные на комическом использовании одинакового звучания слов, имеющих разное значение, или сходно звучащих слов или групп слов, либо разных значений одного и того же слова или словосочетания» [1]. Наиболее частотными типами являются лексические (*In Russia, cold is a matter of degree, Chavez Visit to Russia: Infected by VIRUS*) и фразеологические каламбуры (*Leeches: Fresh Blood for Russia's Economy*).

Основными способами создания ЯИ в медиатексте мы считаем многократный повтор языковых единиц или их частей (*Some Bullshit Happening Somewhere; Tough Calls, Good Calls*), модификацию прецедентных текстов (*The Axis Of Anarchy, The Silence of Mr. Medvedev*), а также каламбур (*Sour notes before Russia's big moment on stage, Polishing up the relationship*).

Нередко с целью повышения экспрессивности и усиления прагматического воздействия на адресата автор использует сразу несколько приемов ЯИ. Например, в заголовке *The Specter of Finlandization* используется окказионализм «Finlandization», в то время как заголовок целиком является аллюзией на ставшую впоследствии крылатой первую фразу «Манифеста Коммунистической партии», написанного Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, «The Specter of Communism».

Результаты многочисленных исследований приемов языковой игры дают возможность сделать вывод о том, что лексико-семантические средства и принципы их построения в различных языках аналогичны. Различна только степень продуктивности того или иного приема языковой игры в силу принадлежности языков к разным типам. Так, например, в силу синтаксических особенностей английского и русского языков зевгма получила большее распространение в английском языке. Обратимся к следующему примеру:

Robin Hood Fires His Guns and Top Officials – Робин Гуд бьет навывлет и увольняет больших «шишек»

Автор данной статьи рассказывает о том, что Д.А. Медведев, будучи Президентом РФ, отправил в отставку большое количество чиновников, не справлявшихся с выполнением своих должностных обязанностей. Данный заголовок довольно экспрессивен, так как в нем используется сразу несколько стилистических приемов — антономасия и зевгма. При переводе зевгмы автору не удается сохранить зевгматическую конструкцию, и он использует прием частичной компенсации, привнося элемент разговорной речи — «большая шишка».

К приему частичной компенсации нередко обращаются и при переводе игровых заголовков, построенных на основе лексического повтора: ***Breaking News: Some Bullshit Happening Somewhere – Новость дня: Кругом фигня***. В данном примере частичная компенсация достигается с помощью использования рифмы.

При переводе окказионализмов, наиболее продуктивными являются транскрипция, транслитерация, калькирование, функциональная замена, описательный перевод, опущение.

Статья под названием *Indianomics* – Индианомика освещает современное состояние индийской экономики. Окказионализм *Indianomics*, образованный способом контаминации топонима «India» и нарицательного «economics» переводится с помощью приема калькирование.

100 days: Living in Obamaland – Сто дней в Обамаленде

«Obamaland» – окказионализм, образованный путем сложения имени собственного – фамилии президента США и нарицательного «land». В данном случае переводчик использует прием транскрипции.

При переводе каламбуров на русский язык в равной степени использовались приемы опущения и компенсации.

Например, *Pipelines and pipe dreams* – Трубопроводы и несбыточные мечты

Данная статья повествует об открытии нового трубопровода, экспортирующего восточносибирскую нефть в Китай по довольно высоким ценам, а также стремлении России занять выгодную позицию, которая позволит ей диктовать цены, объемы и связанные с поставками политические условия потребителям на Востоке и на Западе. В данном случае переводчику не удастся восстановить фразеологический каламбур в ПЯ, и, используя прием опущения, он создает стилистически нейтральный заголовок.

Against the grain – Зерно преткновения

При переводе данного фразеологического каламбура был использован прием полной компенсации с изменением типа каламбура. В основе образования данного каламбура лежит фразеологизм *against the grain*, имеющий своим значением *в несвойственной себе манере*,

не по нутру. Но, так как в статье рассказывается о «затянувшемся» запрете России на экспорт зерна, который вызвал очередные разногласия между США и Россией, после ее прочтения становится понятно, что обыгрываемым элементом является слово «grain» в своем прямом значении – «зерно».

Огромное количество англоязычных заголовков являются результатами процесса трансформации прецедентных феноменов: идиом, пословиц, поговорок, крылатых фраз, названий кинофильмов, произведений литературы, исторических феноменов. Трансформацией исходного прецедентного явления в большинстве случаев является замена одного из элементов оригинала на другой, значимый для содержания статьи, причем в измененном виде они легко узнаваемы и в то же время экспрессивны. При переводе используются следующие приемы:

– эквивалентный перевод

All Roads Lead to Istanbul – Все дороги ведут в Стамбул;

Beware PR men bearing dictators' gifts – Бойтесь пиарщиков дары диктаторов приносящих;

– аналоговый перевод

Analysis: Two's a crowd as Russian state banks squeeze rivals – В компании российских банков третий лишний

Таким образом, перевод английских игровых заголовков является очень сложной задачей, так как переводчику необходимо создать максимально экспрессивный, яркий и краткий заголовок и постараться сохранить компонент ЯИ. В процессе перевода газетных заголовков на русский язык используются практически все виды лексической и грамматической трансформации. В переводе должны отражаться связи заголовка с текстом статьи, установленные в языке оригинала.

Литература:

1. Большая Советская энциклопедия: [электронный ресурс]. – URL: <http://bse.sci-lib.com/> (дата обращения 19.02.2011)
2. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
3. [Электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/>

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Вопросы квалификации преступлений связанных с хулиганством

Аманмухаммедова Дуньягозель Тагановна, аспирант
Туркменский государственный университет им. Махтумкули (г. Ашхабад)

Данная научная работа посвящается таким проблемам уголовного права и криминологии, как правильная квалификация некоторых преступлений, связанных с хулиганством. Правильная квалификация преступлений это как правильно поставленный диагноз врача, который очень влияет на результат. Неправильно квалифицированное преступление может привести на незаслуженное наказание, а это, свою очередь, может привести к несправедливости. А справедливость является одним из главных принципов юриста [10, с. 5]. Для этой научной работы исследовались многие уголовные дела из архивов разных судов Туркменистана. Согласно результатом данного исследования, было обнаружено некоторые проблемы квалификации преступлений, связанных с хулиганством. И связи с этим в конце статьи предлагается некоторые дополнения к УК.

Хулиганские побуждения являются самыми часто встречающимися обстоятельствами среди отягчающих обстоятельств, умышленного причинения тяжкого вреда (п. «е» ч.2 ст.107 УКТ; п. «д» ч.2 ст.111 УК РФ) и средней тяжести вреда (п. «е» ч.2 ст.108 УКТ; п. «д» ч.2 ст.112 УК РФ) здоровью. Это преступление совершается на почве явного неуважения к обществу и общепринятым моральным нормам, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение.

Характерными для этого преступления являются не личные, а хулиганские мотивы, т.е. побуждения, которые указывают на явное пренебрежение правилами общежития и элементарными нормами морали. Хулиганские мотивы выражаются в стремлении открыто противопоставить свое поведение общественному порядку, общественным интересам, показать свое пренебрежение к окружающим, продемонстрировать цинизм, жестокость, дерзость, учинить буйство и бесчинство, показать грубую силу, отомстить кому-либо за явно незначительную обиду, справедливо сделанное замечание о недостойном поведении в общественном месте и т.п. Нередко такие пре-

ступления совершаются без повода либо из желания использовать незначительный повод как предлог для умышленного причинения вреда здоровью [5, с. 232]. Часто такое преступление совершается лицом, находящимся в нетрезвом состоянии, без какого-либо видимого повода. Например, приговором суда Байрамалийского этрапа Марыйского велаята был осужден по ст. 107. ч.2 п. «е» УКТ на восемь лет лишения свободы гражданин А., за то что он в нетрезвом состоянии воткнул кухонный нож в брюшную полость своего друга потерпевшему гражданину В. без всякого повода. На следующий день, когда допрашивали гражданина А., он ответил, что, даже не помнит, что вчера произошло, не знает, почему так поступил и до этого очень хорошо относился к потерпевшему и никаких неприязненных отношений между ними не было. Как видно из примера, никакие иные мотивы, кроме стремления излить на ком-нибудь свою пьяную злобу, не руководили гражданином А. Именно этот мотив, реализация которого возможна только путем грубого попирании норм поведения в обществе, дает полное основание говорить, что преступление в данном случае совершено из хулиганских побуждений.

Являясь преступлением против общественной безопасности, ответственность за хулиганство предусмотрена в ст. 279 УКТ (ст.213 УК РФ) и рассмотрим его различные признаки от умышленного причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений.

Хулиганство относится к формальным деяниям, в связи с чем его субъективная сторона характеризуется умыслом в самом общем его виде, т.е. сознанием преступником общественно опасного характера своих действий. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью же из хулиганских побуждений является преступлением материальным, и его субъективная сторона характеризуется умыслом прямым и косвенным, т.е., сознавая общественно опасный характер своих действий, виновный предвидит причинение вреда здоровью потерпевшего как их результат и желает либо сознательно допускает его наступление. Все это важно подчеркнуть, так

как некоторые теоретики и практики, исходя из посылки о том, что хулиганство с косвенным умыслом невозможно, делают ошибочный вывод и о том, что умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений не может быть совершено с косвенным умыслом [3, с. 54].

Между тем если бы даже приведенная посылка была правильной, это не исключало бы косвенного умысла при данном виде преступления, т.к. хулиганство и умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений — преступления очень различные прежде всего по характеру последствий, что определяет и различие их субъективных сторон. Однако как мы заметили выше, дело обстоит проще. Хулиганству, как и всякому формальному преступлению, не присущ ни прямой, ни косвенный умысел, а просто умысел в общей его форме, который означает сознание виновным общественно опасного характера своих действий.

Итак, умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений возможно как с прямым, так и с косвенным умыслом. Если оно совершается с прямым умыслом, то причинение вреда здоровью потерпевшего является целью, на достижение которой направлены действия виновного, а при косвенном умысле такая цель отсутствует.

Нередко умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений совершается в отношении лиц, ранее не знакомых виновному, и обычно в ответ на замечание потерпевшего о недостойном поведении виновного. Примером может служить дело Б., осужденного судом этрапаим. Президента С.А. Ниязова г. Ашгабада по п. «е» ч.2 ст.108 УКТ. Будучи в нетрезвом состоянии Б. стоял у входа магазина и приставал прохожим, одного из них, потерпевшего А. он бил рукой и сломал ему челюсть.

Однако такое преступление может произойти и между знакомыми людьми. Об этом свидетельствует приговор суда Мургапского этрапа Марыйского веляята по делу ГурдовыхБегенча и Ровшена. Они пошли на свадьбу соседей и там пили водку. Затем в нетрезвом состоянии они подошли к прицепу, на котором стояли певцы и стали его шатать. Недовольный их поведением хозяин свадьбы Бердиев — будучи потерпевшим подошел к ним и попросил себя так не вести в общественных местах и тем более, на свадьбе. В ответ они избили его и сломали ему руки. Суд правильно квалифицировал их деяние как умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений, потому что в основе его лежало грубое неуважение к нормам поведения в обществе, пьяная злоба к людям, призывающим к соблюдению этих норм.

Когда деяние квалифицируется как умышленное причинение вреда здоровью из хулиганских побуждений, судьи должны указывать в приговорах, в чем выразились хулиганские побуждения и на чем основана уверенность суда в их наличии. Нередко наличие хулиганских побуждений не аргументируется в приговорах.

Иногда ошибочно квалифицируются другие мотивы как хулиганские побуждения. Например, суд этрапа им. С.А. Ниязова г. Ашгабада рассмотрел дела гражданки Сапаровой, которая сдавала одну комнату своей квартиры одной супружеской паре за 160 манат и они, не заплатив за последний месяц, уехали и забыли там свое одеяло. Спустя некоторое время к Сапаровой приехала мать этой женщины Семендерова (будучи потерпевшая), который вместе со своим мужем снимали у нее комнату, и хотела забрать ими забытое одеяло. Сапарова сказала, что не отдаст одеяло, пока они не заплатят за последний месяц. Услышав это, потерпевшая стала скандалить и начала драться. Сапарова тоже дралась и в результате нанесла здоровью потерпевшей вред средней тяжести. Следственные органы квалифицировали деяние Сапаровой по п.«е»ч.2ст. 108 УКТ, т.е. умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений, но суд правильно переквалифицировал деяние Сапаровой на ч.1 ст.108 УКТ, ссылаясь на то, что между Сапаровой и потерпевшей была имущественная ссора.

Посмотрим еще один пример. Гражданин Атаниязов примерно 22.00 возвращался домой с работы и когда зашел в подъезд своего дома, увидел там, как его соседка Рахманова ссорилась с незнакомым человеком (потерпевшим Иваткиным) из-за того, что Иваткин в нетрезвом состоянии буянил сначала в квартире, где снимала комнату Рахманова, а потом на лестничной площадке. Атаниязов сделал замечание Иваткину, что некрасиво так ввести себя с женщиной и шуметь в подъезде. Но потерпевший ответил ему нецензурными словами и тогда Атаниязов попросил его выйти на улицу для выяснения отношений. Но Иваткин начал драться рукой и Атаниязов тоже бил его головой один раз и он упал с лестницы и сломал кости лба и головы. Азатлыкский суд г. Ашгабада признал Атаниязова виновным по п.«е» ч.2 ст.107 и приговорил его к 6 годам лишения свободы. По-моему мнению, суд не правильно квалифицировал содеянное Атаниязовым. У него не было хулиганских мотивов, он просто заступился за женщину. Поэтому правильно было бы квалифицировать его деяние по ч.1 ст.107 УКТ.

Нередко причиной умышленного причинения вреда здоровью становится неправомерное или аморальное поведение потерпевшего. Например, когда гражданин Меляев дома обедал со своей гражданской женой и ее детьми, пришел старший сын его жены Гурбалыев в обычном для него в нетрезвом состоянии и как обычно стал очередной раз требовать деньги от мамы и скандалить. В ответ ему Меляев призывал его больше не пить и помогать маме вырастить своих младших братьев и сестер. Гурбалыеву это не понравилось и он продолжал скандалить. Тогда Меляеввыставил его за порог и просил не вернуться пока не трезвеет, а он набросился на него кулаками и в ответ ему Меляев ударил его в лицо и поломал ему челюсть. В суде мать потерпевшей Е. Гурбалыева показала, что у нее 7 детей и самым старшим является потерпевший. Он хотя и совершеннолетний, не работает и не помогает вы-

растить своих братьев и сестер, а наоборот, каждый день приходит домой в нетрезвом состоянии и требует денег. Если не дать ему денег, он забирает их вещи, технику... все что можно продать и меняет это на водку. Поэтому не судить строго ее гражданского мужа, что он не виноват, что он помогает ей кормить и одеть детей и просила принудительно лечить потерпевшего от алкоголизма. Но суд Азатлыкскогоэтрапа г. Ашгабада признал виновным гражданина Меляева по п.«е» ч.2 ст.108 УКТ и приговорил его к 3 годам лишения свободы, хотя можно и нужно было его деяние переqualифицировать по ч.1 ст.108 УКТ, так как у него не было хулиганских побуждений, а причиной всего этого было неправомерное поведение потерпевшего и назначить ему уголовное ответственность, не связанную с лишением свободы, учитывая его семейное положение.

Особую сложность на практике представляет отграничение умышленного причинения тяжкой или средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений от умышленного причинения тяжкой или средней тяжести вреда здоровью в драке и ссоре. Правильное решение этого вопроса зависит от внимательного изучения всех обстоятельств дела, и в особенности от тщательного анализа субъективной стороны преступления, следует выяснять, кто явился их инициатором и не был ли конфликт спровоцирован виновным для использования его в качестве повода к причинению вреда здоровью. Так, если зачинщиком и активной стороной в ссоре или драке являлся потерпевший, спровоцировавший столкновение, если поводом к конфликту послужили его неправомерные или аморальные действия, виновный в умышленном причинении вреда здоровью потерпевшего не может отвечать за умышленное причинение тяжкой или средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений.

Практика показывает, что в тех случаях, когда умышленное причинение тяжкой или средней тяжести вреда здоровью в ссоре или драке совершается при отсутствии хулиганских мотивов, как правило, в происшедшем бывают виноваты в той или иной степени обе стороны. Если же ссору или драку спровоцировал виновный своим неправомерным или аморальным поведением, если он являлся активной стороной в этом столкновении и действовал по мотивам явного неуважения к окружающим, содеянное следует квалифицировать по п. «е» ч.2 ст. 107 УКТ или же по п. «е» ч.2 ст. 108 УКТ, т.е. как причинение

тяжкого или средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений.

И так, в ссоре или драке на почве неприязненных отношении тоже может умышленно причиняться вред здоровью. Рассмотрим это на примере. Гражданин Бекмуратов пришел к своей бывшей однокласснице Яниковой поздравить ее с праздником и в этот момент пришел жених ее потерпевший Нурлыев и начали ссориться, а потом и драться из-за нее. В результате Бекмуратов сломал ему челюсть и был приговорен к 3 годам лишения свободы по п.«е» ч.2 ст.108 УКТ судом Азатлыкскогоэтрапа г. Ашгабада. Здесь тоже было бы правильно квалифицировать деяние Бекмуратова по ч.1 ст.108 УКТ.

Приведем пример из практики умышленного причинения вреда здоровью из ревности. Суд Азатлыкскогоэтрапа г. Ашгабада признал виновным гражданина Батырова по п.«е» ч.2 ст.107 УКТ и приговорил его к 6 годам лишения свободы. Он увидел, как его сожительница Ишанкулова вместе сидит с соседом Оразмуратовым на улице на лавочке и из-за ревности прихватил кухонный нож и воткнул его в спину Оразмуратова. На суде он показал, что очень ревновал свою сожительницу. Как видно из примера, у Батырова не было хулиганского побуждения, он просто ревновал и поэтому можно было его деяние квалифицировать по ч.1 ст.107 УКТ.

Учитывая выше сказанные, хочу предложить следующее: когда умышленное причинение тяжкой или средней тяжести вреда здоровью совершается 1) в ссоре или драке на почве неприязненных отношений; 2) из мести; 3) из ревности; 4) на почве имущественной ссоры; 5) из-за неправомерного или аморального поведения потерпевшего; 6) из-за уступки лиц, находящихся в беспомощном состоянии, деяние квалифицировать не так, как из хулиганских побуждений, а по ч.1 ст. 107 УКТ или по ч.1 ст. 108 УКТ как данное преступления без отягчающих и смягчающих обстоятельств. Такая определенность (какое действие квалифицировать как отягчающее обстоятельство, а какие действия не являются таковыми) существует в ст.101 УКТ (ст.105 УК РФ). Теория и практика относят убийство из ревности, мести, в ссоре или драке (при отсутствии хулиганских мотивов), при эвтаназии к убийству без отягчающих и смягчающих обстоятельств и эти должны квалифицироваться ч.1 ст.101 УКТ (ч.1 ст.105 УК РФ) [5, с. 226]. Почему бы такую определенность не вводить и в статьи 107 и 108 УКТ (ст.111 и ст.112 УК РФ)?!

Литература:

1. Аманов Х. Предупреждение тяжких преступлений против жизни и здоровья в Туркменской ССР. Ашгабат, 1986
2. Аниязц М.К. Ответственность за преступления против жизни. Москва, 1964
3. Бородин С.В. Квалификация убийства. Москва, 1964
4. Дубовец П.А. Ответственность за телесные повреждения. Москва, 1964
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Издание 2-е, измененное и дополненное. Под ред. проф. Ю.И.Скуратова и В.М.Лебедева. Москва, НОРМА-ИНФРА-М, 1999
6. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека. Москва, 1999
7. Никифоров А.С. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. Москва, 1959

8. Сарыев Б. Ответственность за преступления против жизни и здоровья. Ашгабат, 1973
9. Уголовный кодекс РФ. Москва, 1997
10. Уголовный кодекс Туркменистана. Ашгабат, 2010

Особенности апелляционного урегулирования налоговых споров

Артемьева Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Российский университет дружбы народов

В статье исследуется понятие доюрисдикционных налоговых процедур, рассматриваются плюсы и минусы апелляционного разрешения налоговых споров. Проводится сравнительная характеристика апелляционного и судебного разрешения споров. Автор приходит к выводу о необходимости сделать досудебный порядок не формальным, а действенным способом преодоления противоречий между участниками налоговых правоотношений, и только тогда обязательность такой стадии решения спора будет оправданной.

Ключевые слова: *Налоговые споры, апелляционное разрешение споров, доюрисдикционные процедуры, налоги.*

Каждое лицо имеет право обжаловать решение органов государственной налоговой службы, если оно ограничивает его права, установленные законами РФ, в административном или в судебном порядке.

Статьи 137 и 138 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) предусматривают право налогоплательщика или налогового агента на обжалование акта налогового органа, действия или бездействие их должностных лиц, если, по мнению налогоплательщика или налогового агента, такие акты, действия (бездействие) нарушают их права, затрагивают их законные интересы, незаконно возлагают какую-либо обязанность.

Акты налоговых органов, действия или бездействие их должностных лиц могут быть обжалованы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу).

Доюрисдикционные процедуры в налоговом регулировании характеризуются некоторыми особенностями. Среди главных можно выделить следующие:

а) они не предусматривают участия в решении спора суда и непосредственное применение санкций сразу после возникновения конфликта;

б) конфликт преодолевается действиями самих участников спора в режиме согласования позиций налогового органа и налогоплательщика и сборов (обязательных платежей);

в) согласованный характер предопределяет многоуровневую и обязательную постепенность уровней решения спора, которая начинается с налогового органа, являющегося непосредственным участником налогового спора, и продолжается вышестоящими органами в иерархии системы органов налоговой службы;

г) апелляционное согласование не означает окончания налогового спора, поскольку после его завершения налогоплательщик может обратиться в суд и обжаловать решение, действия (бездействие) налогового органа, что

будет означать продолжение процедурного урегулирования налогового спора.

В режиме административного апелляционного согласования должны учитываться принципы организационного построения, иерархии налоговых органов, поскольку нужно определить орган высшего уровня относительно каждого из предыдущих звеньев процедуры согласования. При этом подведомственность определяется с учетом обязательной последовательности таких звеньев. Это, однако, не означает, что процедура согласования должна включать все этапы прохождения согласования в соответствии с существующими звеньями организационного построения системы контролирующих органов. Она может закончиться с прохождением одного или двух этапов в случае, если сторона, которая инициирует процедуру административного обжалования или ее продолжение, будет удовлетворена результатами согласования или, напротив, не продолжая эту процедуру, обратится в суд. В этом случае процесс апелляционного согласования переходит в стадию судебной процедуры [3, с. 194].

Административное согласование теоретически может привести как к принятию позиции налогоплательщика налоговым органом, так и к признанию обоснованными требований налогового органа. В этих условиях одна сторона спора может найти достаточные основания для убеждения второй и изменения ее позиции, которая приведет к устранению конфликта. Принципиально отличается ситуация, когда в разрешение конфликта вовлекается третье лицо — суд. В связи с приведенным считаем нецелесообразным акцентировать внимание исключительно на защите прав налогоплательщиков судами. Реализация права на защиту налогоплательщика может быть осуществлена как представлением жалобы в вышестоящий налоговый орган, так и представлением иска в суд. Исходя из этого дифференцируются два разных способа реализации права на защиту: в режиме административного согласования (администра-

тивного обжалования) и в режиме судебного разбирательства (судебного обжалования), для которого, однако, установлена процедура искового производства. Необходимо обратить внимание на то, что оба этих способа часто объединяют в процедуру апелляционного согласования налоговых обязательств, определенных контролирующим органом налогоплательщику. Это вызывает возражение, потому что согласование предусматривает достижение компромисса, использования договоренностей и т.д., чем характеризуется процесс исчерпания конфликта самими участниками. Что же касается судебного производства, то оно свидетельствует о возникновении охранительных правоотношений, которые характеризуются реализацией принуждения со стороны государства, применение которого не зависит от воли сторон спора. Предусмотренная законодательством возможность полного или частичного урегулирования спора на основе взаимных уступок (примирения сторон), однако, не означает активную роль суда в этом процессе. Напротив, суд может не утверждать условие примирения и продлить рассмотрение дела, если эти условия противоречат закону или нарушают чьи-либо права, свободы или интересы. Исходя из наличия общественного интереса в налоговых правоотношениях, значения налогов как источника обеспечения реализации этого интереса, примирение сторонами спора соглашения относительно налогового обязательства всегда будет нарушать этот интерес, а следовательно, вероятность согласования налогового обязательства в процедуре судебного разбирательства спора достаточно проблематична.

Утверждая о независимости судебной процедуры решения налогового спора от доюрисдикционной (отсутствие обязательного досудебного урегулирования спора), нельзя не обратить внимания на обратную зависимость внесудебной процедуры от первой. Судебная процедура рассмотрения налогового спора исключает как начало, так и продолжение административной процедуры решения любого налогового спора. Иначе теряется логика в обращении в суд, факт которого свидетельствует об отсутствии у лица, которое инициирует судебное рассмотрение, намерения решить спор путем согласования своей позиции со второй стороной или убежденности в возможности такого способа решения спора. Это также может породить и определенные противоречия, когда из одной и той же ситуации могут быть вынесены два противоположных по содержанию решения, что нивелирует результаты согласительной процедуры, поскольку принятое в ней решение, в отличие от судебного, не обеспечивается государственным принуждением.

В процедуре административного согласования предметом налогового спора может быть только решение контролирующего органа по вопросам налогообложения, тогда как в судебном порядке налогоплательщиком могут быть обжалованы решение, действие или бездействие контролирующего органа в сфере налогообложения. И, наконец, необходимо нормативно определить последствия обращения налогоплательщика в суд с иском об отмене

решения контролирующего органа по вопросам налогообложения для начатой им ранее процедуры административного согласования, установив, что в таком случае жалоба, поданная в административном порядке, остается без рассмотрения. Сегодня действующим законодательством, в том числе и подзаконными актами, такое последствие не установлено.

На законодательном уровне доюрисдикционная процедура решения налоговых споров урегулирована в обобщенном виде с определением исходных принципов: органа, который принимает решение по результатам рассмотрения жалобы, сроков на представление жалобы и ее рассмотрения, требования относительно содержания решения по результатам рассмотрения жалобы, последствий нарушения сроков рассмотрения жалобы. При этом с требованием относительно того, что решение по результатам рассмотрения жалобы должно быть мотивированным, а также с предоставлением права налогоплательщику сопровождать жалобу документами, расчетами и доказательствами, которые он считает необходимыми предоставить, закрепляется принцип не формального рассмотрения жалобы, а всестороннего и объективного выяснения обстоятельств спорной ситуации. Последующее развитие эти положения нашли в подзаконных нормативных актах, принятых высшими (центральными) органами контролирующими органов в сфере налогообложения.

При этом необходимо отметить, что уровень детализации законодательных положений относительно процедуры административного обжалования в настоящих актах включает, например, права лица, которое подает жалобу: 1) лично изложить аргументы жалобы лицу, которое проверяло жалобу (заявление), и принимать участие в проверке поданной жалобы (заявления); 2) ознакомиться с материалами проверки; 3) подавать дополнительные материалы или настаивать на их запросе органом государственной налоговой службы, который рассматривает жалобу (заявление); 4) присутствовать при рассмотрении жалобы (заявления); 5) пользоваться услугами адвоката или уполномоченного представителя, оформив это полномочие в установленном законом порядке; 6) получить письменный ответ о результатах рассмотрения жалобы (заявления); 7) выражать устное или письменное требование относительно соблюдения тайны рассмотрения жалобы (заявления); 8) требовать возмещения убытков, если они стали результатом неправомερных решений; 9) отзывать или аннулировать поданную жалобу (заявление) в любое время до принятия решения по результатам рассмотрения жалобы (заявления).

В то же время целесообразно унифицировать процедуру решения однотипных налоговых споров в процедуре административного обжалования независимо от вида контролирующего органа, в сфере компетенция которого возник спор. Способом такой унификации может быть принятие единого нормативного акта, регулирующего процедуру апелляционного обжалования налоговых споров.

Доюрисдикционная процедура решения налогового спора предусматривает наличие двух этапов: представление первичной жалобы (первичное административное обжалование) и представление повторной жалобы (повторное административное обжалование). Как уже отмечалось, решение налогового спора не предусматривает обязательного прохождения двух этапов и может завершиться на первом.

Представление первичной жалобы базируется на мнении налогоплательщика, который считает, что орган государственной налоговой службы неправильно определил сумму налогового обязательства. Основанием такой жалобы может быть и позиция плательщика относительно действий налогового органа, который принял любое другое решение, которое противоречит законодательству по вопросам налогообложения (на взгляд плательщика) или выходит за пределы его компетенции, установленной законом. В такой ситуации налогоплательщик имеет право обратиться в орган государственной налоговой службы с жалобой о пересмотре его же решения, которая подается в письменной форме и может сопровождаться документами, расчетами и доказательствами, которые налогоплательщик считает необходимым предоставить.

Обязанность доказательства того, что начисление суммы налогового обязательства, осуществленное органом государственной налоговой службы в соответствии с законодательством, является ошибочным, возлагается на налогоплательщика. Такая конструкция базируется на презумпции виновности налогоплательщика и выходит из конституционных принципов закрепления за ним безусловной императивной обязанности. Исключением являются случаи начисления налогового обязательства непрямыми методами.

Обжалование предусматривает не только наличие жалобы плательщика, но и определенные последовательные этапы ее движения:

- а) составление, оформление и принятие жалобы;
- б) подготовка жалобы к рассмотрению;
- в) рассмотрение жалобы;
- г) вынесение решения по итогам рассмотрения жалобы.

Особенностью первичного административного обжалования как стадии доюрисдикционной процедуры является то, что право окончательного решения в споре принадлежит одному из участников спора — органу, по поводу решения которого и возник спор. В связи с этим закономерно появляется вопрос: насколько оправдана такая стадия в решении конфликта? Практика подобного правового регулирования существует и в других странах (США, Германия, Австрия), когда жалобы плательщиков в первую очередь рассматривают именно те участники налогового спора (должностные лица, налоговые органы), которые приняли обжалуемое решение.

В Австрии финансовая служба может самостоятельно скорректировать свое решение и принять предыдущее ре-

шение по жалобе. В Германии внесудебная защита предусматривает претензию как средство обжалования решения налогового органа и жалобу, которая применяется в случае невозможности использования претензии. Плательщик в течение месяца после возникновения спора может подать претензию в тот орган, акт или действия которого обжалуются. Последний должен его обязательно рассмотреть. В отличие от претензии, жалоба рассматривается исключительно высшим финансовым органом.

Безусловно, в этом случае идет речь о реальной возможности исправить контролирующим органом механическую ошибку, изменить собственную позицию при наличии объективных оснований. Вместе с тем имеются основания для того, чтобы жалоба была оставлена без удовлетворения, поскольку заинтересованным в том, чтобы решение осталось без изменения, является тот орган, который его принял, потому что именно стабильность решений является одним из показателей выполнения им возложенных функций.

Повторное административное обжалование осуществляется при представлении повторной жалобы. В этой ситуации орган государственной налоговой службы посылает налогоплательщику решения о полном или частичном неудовлетворении его жалобы. После этого налогоплательщик имеет право обратиться в течение десяти календарных дней (следующих за днем получения ответа) с повторной жалобой в орган государственной налоговой службы высшего уровня. При повторном полном или частичном неудовлетворении жалобы он имеет право обратиться в орган государственной налоговой службы высшего уровня с соблюдением указанного десятидневного срока для каждого случая обжалования. Двадцатидневный срок отводится для ответа на такую жалобу. Особенностью режима повторного административного обжалования является то, что жалоба (заявление) приостанавливает выполнение плательщиком налогов налоговых обязательств, определенных в налоговом сообщении.

Такое приостановление может длиться со дня представления такой жалобы (заявления) в орган государственной налоговой службы до дня окончания процедуры административного обжалования. В течение указанного срока налоговые требования по налогу, которые обжалуются, не посылаются, а сумма налогового обязательства, которая обжалуется, считается несогласованной. Если в соответствии с законом контролирующий орган самостоятельно определяет налоговое обязательство налогоплательщика по причинам, не связанным с нарушением налогового законодательства, такой налогоплательщик имеет право на административное обжалование решений контролирующего органа в течение тридцати календарных дней со дня получения налогового сообщения или ответа контролирующего органа на жалобу вместо десятидневного срока.

Отдельным этапом в административном обжаловании является подготовка жалобы к рассмотрению. В системе органов государственной налоговой службы жалобы на-

правляются в юридические подразделения, которые имеют обязанность относительно их рассмотрения и подготовки решений. Перед рассмотрением жалобы налоговый орган высшего уровня выясняет все аспекты дела, требует соответствующие объяснения и документы у того налогового органа, который принял обжалуемое решение. При этом на законодательном уровне не определено, кто именно должен предоставлять объяснение и готовить заключение по запросу высшего налогового органа. В любом случае представляется целесообразным, если в подготовке таких объяснений будут принимать участие соответствующие методологические подразделения, должностные лица которых выступают как специалисты, которые готовят соответствующие заключения.

Согласно ст. 139 Налогового кодекса РФ жалоба на акт налогового органа, действия или бездействия его должностного лица предоставляется в высший налоговый орган или высшему должностному лицу этого органа. Это предписание детализируется приказом МПЗ РФ от 17 августа 2001 г. № БГ – 3–14/290 «Об утверждении регламента рассмотрения споров в досудебном порядке». Исходя из этого, жалобы плательщиков дифференцируются на: а) жалобы на акты ненормативного характера, неправомерное действие или бездеятельность налоговых органов (рассматриваются высшим налоговым органом); б) жалобы на действия или бездеятельность должностных лиц налогового органа (рассматриваются высшим должностным лицом этого же или высшего налогового органа); в) жалобы на действия или бездеятельность должностных лиц налогового органа путем издания акта ненормативного характера (рассматриваются высшим налоговым органом). Регламентом рассмотрения споров в досудебном порядке в Российской Федерации определены основания, когда жалоба не подлежит рассмотрению; указан перечень документов, которые необходимо представить вместе с жалобой; определена подведомственность рассмотрения жалоб; установлен порядок рассмотрения жалоб и принятия решений; указаны последствия предоставления жалобы; урегулирован порядок работы комиссии по рассмотрению жалоб плательщиков.

По нашему мнению, участие налогоплательщика на этой стадии в рассмотрении жалобы должно быть обязательным. Такое его участие должно быть обеспечено рядом гарантий: возможностью представлять объяснения, документы, привлекать специалистов, которые могут разъяснять и аргументировать позицию плательщика и не являются должностными лицами контролирующих органов. Как участники налоговых процедур могут привлекаться специалисты специализированных высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов и т.п.

Итогом рассмотрения жалобы (заявления) налогоплательщика может быть принятие одно из следующих решений: 1) оставление решения (налогового сообщения, налогового требования), которое обжалуется, без изме-

нений, а жалобы (заявления) без удовлетворения; 2) отмена в определенной части решения (налогового сообщения, налогового требования), которое обжалуется, и неудовлетворение жалобы (заявления) налогоплательщика в оставшейся части; 3) отмена решения (налогового сообщения, налогового требования), которое обжалуется, и удовлетворение жалобы (заявления) налогоплательщика; 4) принятие решения о налоговом компромиссе; 5) увеличение суммы налогового обязательства (пени и штрафных санкций) или налогового долга; 6) оставление жалобы (заявления) без рассмотрения и ее возвращение.

Среди главных оснований удовлетворения жалоб налогоплательщиков налоговыми органами выделяют ряд обстоятельств: некачественное составление актов проверок, несоблюдение требований относительно их оформления; неиспользование в полном объеме прав лиц, которые осуществляют налоговую проверку; предоставление плательщиками после принятия решения по акту налоговой проверки объяснительных документов; пробелы в нормативном регулировании; профессиональный рост плательщиков налогов.

Решение высшего (центрального) органа контролирующей организации, принятое по рассмотрению жалобы (заявления) налогоплательщика, является окончательным в процедуре апелляционного административного согласования, не подлежит последующему административному обжалованию, но может быть обжаловано в судебном порядке.

Практика применения этой нормы обнаружила проблему относительно юридического значения решения, которое принимается в процедуре апелляционного административного согласования, а именно: всегда ли такое решение является правовым актом индивидуального действия. Так, судебная практика правоприменения, которая сложилась сегодня, исходит из того, что решение, принятое по результатам административного обжалования налогового сообщения-решения (налогового сообщения), не устанавливает юридических обязанностей для плательщика, поскольку в случае оставления налогового сообщения-решения (налогового сообщения) без изменений подтверждает уже определенную обязанность, а в случае уменьшения или увеличения доначисленной суммы налогового обязательства такое решение является основанием для направления истцу нового налогового сообщения-решения (налогового сообщения), с получением которого у плательщика возникает обязанность оплатить налог в установленный законом срок.

Определенную паритетность в соотношении прав и обязанностей плательщика и налогового органа при решении налогового спора в режиме апелляционного административного согласования, по нашему мнению, следует распространить и на итоговые действия при рассмотрении этих споров.

Специфика доюрисдикционных процедур заключается в четком формальном определении порядка и способа действий как налогоплательщиков, так и налоговых органов.

При этом, однако, можно утверждать, что уровень обязательности поведения участников спора является разным, что находит отражение в разных правовых последствиях несоблюдения доюрисдикционной процедуры.

Соблюдение установленной законом процедуры апелляционного административного согласования не только влияет на результат решения спора, но и может быть основанием возникновения спора. Фактически при этом спор возникает по поводу выполнения контролирующим органом компетенции относительно принятия решения по жалобе налогоплательщика, поданной в процедуру адми-

нистративного обжалования. В связи с этим имеет место такое последовательное возникновение и существование взаимообусловленных отношений: налоговые материальные отношения (спор относительно налоговой обязанности), налоговые процессуальные отношения (материальный спор, переведенный в плоскость регулирования поведения его участников налогово-процессуальными нормами), административные правоотношения (реализация компетенции контролирующим органом в сфере налогообложения) и гражданско-процессуальные в случае подачи иска одним из участников спора.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. — М.: Юридическая литература, 1993. — 64 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации: части первая и вторая (по состоянию на 1 октября 2009 г.). — М.: Проспект; КНОРУС, 2009. — 688 с.
3. Осипова Е.С. Налоговый потенциал в системе налоговых и межбюджетных отношений. — Хабаровск: ДВАГС, 2008. — 194 с.
4. Смирных С.Е. Субъективные права налогоплательщиков в теории и на практике. — СПб.: Волтерс Клувер, 2009. — 170 с.
5. Тропская С.С. Правовой статус налогоплательщика — физического лица. — М.: Издательство МГУ, 2009. — 224 с.

Некоторые вопросы поступления на государственную службу в таможенных органах

Иванов Игорь Николаевич, аспирант

Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина

Прежде чем рассматривать вопрос поступления на службу в таможенные органы Российской Федерации, нужно разобраться в понятии таможенной службы. Согласно ФЗ от 21 июля 1997 г. N 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»¹, служба в таможенных органах является особым видом государственной службы граждан Российской Федерации, осуществляющих профессиональную деятельность по реализации функций, прав и обязанностей таможенных органов, входящих в систему правоохранительных органов Российской Федерации.

Гражданам, которых приняли на службу в таможенные органы, присваиваются специальные звания сотрудников таможенных органов.

Порядку поступления на службу в таможенные органы посвящена вторая глава ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации».

В данной главе рассматриваются условия поступления на службу, перечислены ограничения в приеме на службу, запреты и обязанности, связанные с прохождением службы.

Гражданин Российской Федерации обладает правом поступления на государственную таможенную службу, если достигнет возраста 18 лет, и будет способен по своим личным и деловым качествам, а также уровню образования и состояния здоровья обеспечивать выполнение функций, возложенных на таможенные органы.

Квалификационные требования к сотрудникам таможенных органов установлены приказом ФТС России от 4 июня 2009 г. N 1025 «Об утверждении перечней должностей сотрудников старшего начальствующего состава, среднего начальствующего состава и младшего состава таможенных органов Российской Федерации, учреждений, находящихся в ведении ФТС России, и представительств

¹ Федеральный закон от 21 июля 1997 г. N 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации». — Российская газета. — N 146. — 31.07.1997 г.

таможенной службы Российской Федерации за рубежом, соответствующих им специальных званий и общих квалификационных требований»¹.

Нужно обратить внимание на тот факт, что квалификационные требования установленные в приказе включают в себя требования не только к уровню образования, но и к стажу работы по специальности или государственной службы. Из данного предложения следует вывод, что приказ ФТС России закрепляет дополнительные условия поступления на службу в таможенные органы, а это является недопустимым. В связи с этим, условия поступления на службу в таможенные органы нуждаются в обязательных законодательных изменениях.

Квалификационные требования к навыку и умению для будущего сотрудника формально не установлены. В законе содержится лишь общая формулировка «способность по своим деловым качествам обеспечивать выполнение функций, возложенных на таможенные органы».

К числу особенностей условий поступления на должность сотрудника таможенного органа следует отнести учет личных качеств претендента на службу, а также соответствие установленным Правительством РФ требованиям к состоянию здоровья, позволяющим выполнять функции, возложенные на таможенные органы. Данные требования, безусловно, связаны с правоохранительным характером службы в таможенных органах, в том числе наделением сотрудников правом применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие.

Правительство Российской Федерации устанавливает требования к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в таможенные органы, и сотрудников таможенных органов, занимающих соответствующие должности. Перед тем как поступить на службу, на должность сотрудника таможенного органа необходимо пройти медицинское освидетельствование военно-врачебной комиссии и получить заключение о годности к таможенной службе. Порядок прохождения освидетельствования регулируется с помощью приказом ГТК России от 4 июня 2003 г. N 620 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы в таможенных органах Российской Федерации»².

Также гражданину необходимо предъявить при поступлении на службу в таможенные органы:

- 1) личное заявление;
- 2) документ, удостоверяющий личность;
- 3) трудовую книжку;
- 4) документы, подтверждающие профессиональное образование;
- 5) медицинское заключение о состоянии здоровья;
- 6) автобиографию;
- 7) данные о месте рождения, местах работы (учебы) и месте жительства отца (матери), мужа (жены), сына (до-

чери), родного брата (родной сестры) или лица, на воспитании которого он находился (далее — близкие родственники).

Нужно заметить что гражданин, поступающий на государственную службу, обязан предоставить справки о полученных им доходах, об имуществе и об обязательствах имущественного характера; сведения о доходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, об их имуществе и обязательствах имущественного характера.

Нужно обратить внимание, что в соответствии с п. 7 ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции»³ непредставление гражданином при поступлении на государственную или муниципальную службу представителю нанимателя (работодателю) вышеуказанных сведений либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений является основанием для отказа в приеме указанного гражданина на службу в таможенные органы.

Сведения и документы, необходимые гражданину при поступлении в таможенную службу, подлежат проверке.

При установлении в процессе проверки обстоятельства, препятствующего поступлению гражданина на службу в таможенные органы, указанный гражданин в течение одного месяца со дня принятия решения об отказе в приеме на службу в таможенные органы информируется в письменной форме о причине отказа.

Гражданин не может быть принят на государственную таможенную службу и находиться на ней в следующих случаях:

- а) признания его судом недееспособным или ограниченно дееспособным;
- б) наличия у него неснятой или непогашенной судимости, а также лишения его судом права занимать государственные должности государственной службы в течение определенного срока;
- в) наличия у него заболевания, препятствующего выполнению должностных полномочий;
- г) наличия у него близкого родства или свойства с государственным таможенным служащим, если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного другому;
- д) его отказа от прохождения процедуры допуска к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну, если служба будет непосредственно связана с использованием таких сведений;
- е) его отказа от предоставлении в органы Государственной налоговой службы РФ сведений о полученных им доходах и об имуществе, принадлежащем ему на правах частной собственности и являющегося объектом налогообложения.

Здесь нужно обратить внимание, что перечень не является исчерпывающим. К дополнительным ограничениям следует отнести, например, выход их гражданства Рос-

¹ Российская газета. — N 146. — 07. 08. 2009 г.

² Российская газета. — N 154. — 05. 08. 2003 г.

³ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции». — Российская газета. — N 266. — 30.12. 2008 г.

сийской Федерации, осуждение за преступление на основании вступившего в законную силу решения суда.

Далее в законе устанавливаются ограничения, связанные с прохождением службы в таможенных органах. Интересно, что применительно к государственным гражданским служащим Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹ именуется данные ограничения запретами, связанными с гражданской службой.

Сотрудник таможенного органа не вправе:

1) заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности. При этом преподавательская, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации;

2) совмещать службу в таможенных органах с исполнением обязанностей депутата федерального органа законодательной власти, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления;

3) заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц;

4) состоять членом органа управления коммерческой организации, а также членом органа управления, попечительского или наблюдательного совета, иного органа иностранной некоммерческой неправительственной организации либо действующего на территории Российской Федерации ее структурного подразделения, за исключением случаев, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации;

5) быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в таможенных органах;

6) использовать в неслужебных целях средства материально-технического и информационного обеспечения, финансовые средства, другое государственное имущество, а также служебную информацию;

7) получать гонорары за публикации и выступления, связанные с исполнением должностных обязанностей;

8) получать от физических и юридических лиц подарки, денежные вознаграждения, ссуды, услуги, средства на оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения, связанные с исполнением должностных обязанностей;

9) принимать без разрешения Президента Российской Федерации награды, почетные и специальные звания ино-

странных государств, международных и иностранных организаций;

10) выезжать в служебные командировки за пределы Российской Федерации за счет средств физических и юридических лиц, за исключением служебных командировок, осуществляемых в соответствии с международными договорами Российской Федерации или на взаимной основе по договоренности федеральных органов государственной власти с государственными органами иностранных государств, международными организациями;

11) использовать свое служебное положение в интересах политических партий, общественных, в том числе религиозных, объединений для пропаганды отношения к ним; в таможенных органах недопустимо образование структур политических партий, общественных, в том числе религиозных, объединений, за исключением профессиональных союзов.

Сотрудник таможенного органа обязан передавать в доверительное управление на время прохождения службы в таможенных органах находящиеся в его собственности доли (пакеты акций) в уставном капитале коммерческих организаций в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Перечень имущества, которое подлежит передаче в доверительное управление расширяется, так как на сотрудников таможенных органов распространяется п. 6 ст. 11 Федерального закона «О противодействии коррупции», и п. 2 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе». Так, государственный или муниципальный служащий в целях предотвращения конфликта интересов обязан передать в доверительное управление принадлежащие ему ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций).

Передача имущества в доверительное управление регламентируется в гл. 53 Гражданского кодекса РФ².

Также еще одно ограничение связано с прохождением службы в таможенном органе. Это запрет прохождения службы в одном и том же таможенном органе сотрудникам таможенных органов, являющимся близкими родственниками или состоящим между собой в свойстве (братья, сестры, родители и дети супругов), если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому.

Согласно п. 18 Дисциплинарного устава таможенной службы, утв. Указом Президента от 16 ноября 1998 г. N 1396³, несоблюдение ограничений относится к грубым нарушениям служебной дисциплины, являющимся основанием для увольнения сотрудника со службы в таможенных органах.

¹ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». — Российская газета. — N162. — 31.07.2004 г.

² Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ. — Собрание законодательства Российской Федерации. — N 5 ст. 410. — 29.01.1996 г.

³ Российская газета. — N 224. — 25.10.1998 г.

В связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» в Закон «О службе в таможенных органах» в 2008 г. была включена статья об ограничениях, запретах и обязанностях, связанных с прохождением службы в таможенных органах.

В этой статье устанавливается, что на сотрудника таможенного органа распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции», а также ст. 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гра-

жданской службе Российской Федерации», за исключением ограничений, запретов и обязанностей, препятствующих исполнению сотрудником таможенного органа обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Установление таких исключений и определение сотрудников таможенных органов, в отношении которых применяются данные исключения, в каждом отдельном случае осуществляются в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Правовое регулирование административного процесса по привлечению лиц к ответственности за нарушения таможенных правил

Лебедева Маргарита Андреевна, аспирант
Российская таможенная академия (г. Люберцы)

В Российской Федерации за последние годы, начиная с 2001 года (с момента вступления в силу Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 г., далее — КоАП РФ) и по настоящее время, правовое регулирование административного процесса в части привлечения лиц к административной ответственности за совершаемые ими административные правонарушения претерпевает значительные изменения. Непосредственно применение нового КоАП РФ должно было привести к единообразной административной практике правоохранительных органов Российской Федерации по привлечению лиц к административной ответственности, что, увы, не нашло своего подтверждения при проведении анализа реальной деятельности правоохранительных органов и был выявлен целый ряд правовых проблем, требующих незамедлительного решения для эффективного развития административного законодательства и правоприменительной практики. Основным источником указанных выше проблем являются переходные административные процессы, содержание которых состоит в завершении применения всего объема административно-правовых норм, утрачивающих свою силу, и дальнейшее применение системы правовых норм, вступающих в действие в установленном нормативном порядке.

Одним из наглядных примеров непростой реализации данных переходных процессов является деятельность таможенных органов Российской Федерации по привлечению лиц к ответственности за нарушения таможенных правил. Согласно мнению А.Б. Новикова [10], таможенная система России фактически пережила и продолжает реализовывать четыре существенных переходных административных процесса, а именно:

— первый из них связан с переходом от применения норм Таможенного кодекса РФ 1993 г. [7], содержавшего

как составы нарушений таможенных правил, так и административно-процессуальные нормы по привлечению лиц к административной ответственности, к использованию в 2002 году нормативных положений КоАП РФ;

— второй переходный процесс обусловлен введением в действие с 1 января 2004 г. Таможенного кодекса РФ 2003 г. [6], изменившего как содержание составов административных правонарушений в сфере таможенного дела, так и в ряде случаев процессуальный порядок действий таможенных органов при привлечении лиц к ответственности за нарушения таможенных правил;

— третий переходный процесс начался с вступлением в силу с 1 октября 2004 г. новой редакции главы 16 КоАП РФ и ряда процессуальных норм [5] и имеет продолжение в изменениях административно-процессуального законодательства последнего времени, нашедших свое продолжение в четвертом, особенно сложном, переходном процессе, суть которых состоит в изменении регулирования деятельности таможенных органов на основе системы административных регламентов с учетом качественного развития стратегии таможенного контроля и принципов риск-менеджмента.

Как показывает анализ ряда правовых проблем, возникающих в практике деятельности таможенных органов в части привлечения лиц к административной ответственности за нарушения таможенных правил, основными источниками возникновения данных проблем являются пробелы административного законодательства, практическая сложность реализации норм административно-процессуального права и сравнительно частое осуществление переходных процессов правоприменения при изменении как законодательства об административной ответственности, так и отраслевого законодательства, которое включает в себя защищаемые мерами административной ответственности нормы права.

Так, например, при переходе на применение норм КоАП РФ должностные лица таможенных органов при осуществлении своих должностных полномочий столкнулись как с изменением составов административных правонарушений по сравнению с ТК РФ 1993 г., так и с изменением процессуального порядка производства по делам о нарушении таможенных правил. Например, с введением в действие КоАП РФ с 1 июля 2002 года нарушения валютного законодательства квалифицировались уже не по статье 273 ТК РФ 1993 г., а по статье 16.17 и 15.25 КоАП РФ, при этом дела об административных правонарушениях по статье 16.17 КоАП РФ рассматривались таможенными органами, а по статье 15.25 КоАП РФ — органами валютного контроля.

Помимо этого, с момента вступления в силу КоАП РФ Таможенный кодекс Российской Федерации фактически полностью лишается своей деликтной составляющей. Многие нормы раздела X ТК РФ («Нарушения таможенных правил и ответственность за эти нарушения. Производство по делам о нарушениях таможенных правил и их рассмотрение») признаются утратившими силу с 1 июля 2002 года, в первую очередь это касается положений главы 39 ТК РФ («Виды нарушений таможенных правил и ответственность за эти нарушения»).

С принятием КоАП РФ также происходит значительное сокращение самого количества составов, признаваемых видами нарушений таможенных правил с 40 в ТК РФ до 22 в КоАП РФ. Данное сокращение произошло благодаря «укрупнению» отдельных составов нарушений таможенных правил. Для примера, такие виды нарушений, как перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу помимо таможенного контроля (статья 276 ТК РФ), сокрытие от таможенного контроля товаров, перемещаемых через таможенную границу (статья 277 ТК РФ), были объединены в статью 16.1 КоАП РФ («Незаконное перемещение товаров и (или) транспортных средств через таможенную границу Российской Федерации»).

Вступивший в силу с 01.01.2004 г. Таможенный кодекс РФ 2003 г. вызвал изменения в квалификации самих нарушений таможенных правил по статьям главы 16 КоАП РФ и внес дополнение в порядок проверочных действий и порядок производства при возбуждении дел об административных правонарушениях в области таможенного дела. Однако уже после девяти месяцев применения ТК РФ 2003 г. законодатель счел необходимым вновь внести изменения в формулировку составов административных правонарушений в сфере таможенного дела (глава 16 КоАП РФ) и ряда процессуальных норм. В значительной части правовые проблемы административной практики по привлечению лиц к административной ответственности укоренились в особенностях совместного применения КоАП РФ и отраслевых федеральных кодексов, в частности — ТК РФ. Данный факт доказывает, что в целях сохранения единства правовой системы и ее эффективного обновления необходимо обращать внимание в первую

очередь на укрепление внутрисистемных связей и взаимозависимость различных отраслей права.

На данный момент таможенные органы Российской Федерации являются субъектами административной юрисдикции, наравне со многими другими федеральными органами исполнительной власти. В соответствии со ст. ст. 12, 19 Закона о таможенном регулировании [4], одним из основных видов юрисдикционных производств, входящих в компетенцию таможенных органов, является производство по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела и привлечение лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, однако с учетом специфики производства дел по административным правонарушениям в области таможенного дела, отдельные вопросы производства регулируются положениями Закона о таможенном регулировании.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях является основным федеральным законодательным актом, устанавливающим административную ответственность, и занимает особое место в системе законодательства об административных правонарушениях, т.к., во-первых, является единым актом, кодифицирующим законодательство Российской Федерации в данной области; во-вторых, регламентирует общие вопросы административной ответственности; в-третьих, определяет конкретные виды административных проступков и устанавливает виды административных наказаний за совершение данных проступков и, в-четвертых, является единственным сборником материальных и процессуальных норм об административных правонарушениях на территории Российской Федерации.

С момента вступления в силу таможенного кодекса таможенного союза (ТК ТС) и Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» таможенные органы, при решении вопроса по привлечению лиц к административной ответственности за совершение правонарушений в области таможенного дела, руководствуются общими положениями норм КоАП РФ, положения Таможенного кодекса Российской Федерации не применяются.

В настоящее время формирование административного и таможенного законодательства носит характер незавершенности из-за сложности и нестабильности, что, несомненно, приводит к значительным проблемам при привлечении лиц к ответственности за административные правонарушения в области таможенного дела. Первоочередным моментом при привлечении к административной ответственности является правильная правовая оценка противоправного деяния, законная квалификация того или иного правонарушения, не нарушающая конституционных прав физических и юридических лиц, что на практике не всегда выполнимо.

Данная ситуация сложилась из-за того, что таможенное законодательство представляет собой один из обширных блоков российского законодательства, в который входят:

УК РФ; КоАП РФ; ТК РФ; ТК ТС; Закон РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации», Федеральный закон РФ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Закон РФ «О таможенном тарифе» и другие законы, а также подзаконные правовые акты: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, многочисленные нормативные акты ФТС РФ, которые нередко входят в противоречие с другими нормами российского законодательства. Более того, зачастую к правовым основам таможенного дела относится обширный перечень приказов, писем и указаний ФТС России, которые часто отменяются, вместо них издаются новые, требующие определенных временных затрат для их доведения до подконтрольных должностных лиц таможенных органов, что приводит к неоднозначному толкованию норм материального и процессуального права в служебной деятельности.

Нарушения таможенных правил, с одной стороны, причиняют существенный ущерб экономическим и иным интересам государства не только в силу их многочисленности, но и в силу повышенной общественной опасности. Значительная часть нарушений таможенных правил не просто проступки, формально нарушающие требования таможенного законодательства, а деликты, сближающиеся со смежными составами преступлений.

Правильная квалификация нарушения таможенных правил обеспечивает соблюдение законности при привлечении субъекта к ответственности, выражает достоверную социальную и правовую оценку совершенного деяния, гарантируя при этом обеспечение и соблюдение прав и законных интересов физических и юридических лиц, способствует индивидуализации ответственности и справедливости назначаемых наказаний. Неправильная квалификация нарушения таможенных правил может повлечь назначение меры наказания, неадекватной содеянному, необоснованное применение иных ограничительных мер.

Литература:

1. Таможенный кодекс таможенного союза/Под ред. Г.Ю. Касьяновой. — М.: АБАК, 2011. — 256 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: текст с изм. и доп. на 15 сентября 2011 г. — М.: Эксмо, 2011. — 400 с. — (Российское законодательство).
3. Таможенный кодекс Российской Федерации. — М.: Экзамен, 2010. — 232 с.
4. Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ (ред. от 11.07.2011) «О таможенном регулировании в Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 118-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Таможенный кодекс Российской Федерации»//Российская газета. 2004. 25 августа.
6. Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2066.
7. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 31. Ст. 1226.
8. Аврутин Ю.Е. Государство и право. Теория и практика: Учеб. пособие. — М., 2007. — 312 с.
9. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: Учебник для вузов. — 3-е изд., пересмотр. и доп. — М.: Норма, 2007. — 816 с.
10. Новиков А.Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации: Монография. — СПб., 2008. — 504 с.
11. Тимошенко И.В. Административная ответственность за правонарушения в области таможенного дела. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 344 с.
12. Хомяков Л.Л. Административная ответственность за правонарушения в области таможенного дела: учебное пособие / Л.Л. Хомяков, М.Ю. Карпеченков, Е.И. Сидоров. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2009. 132 с.

Роль гражданского права в обеспечении инновационного развития России

Летута Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский государственный университет

В соответствии со Стратегией инновационного развития РФ до 2020 г. российская экономика переводится на инновационный путь [6]. Правовое регулирование инновационных отношений должно способствовать реализации

указанной цели. Вопрос о роли гражданского права в регулировании инновационной деятельности в контексте происходящего реформирования Гражданского кодекса РФ [3] вызывает множество дискуссий в научном сообществе

и является актуальнейшей темой для исследований. Одним из факторов неразвитости инновационной экономики называют, в том числе, несогласованное законодательство, в котором с одной стороны сформулированы меры государственного стимулирования инновационной деятельности, с другой — отсутствуют основные понятия и критерии инновационных отношений. Имеющаяся на сегодняшний момент система правовых актов, призванная обеспечить инновационное развитие, включает нормы законодательства об интеллектуальной собственности, о науке и образовании; нормы инвестиционного, корпоративного, налогового, таможенного и др. законодательства.

Система правовых актов в области инновационной деятельности состоит из:

— федеральных законодательных актов, например, Гражданский кодекс РФ (части 1,2,4), Налоговый кодекс РФ, ФЗ «О рынке ценных бумаг» № 39-ФЗ от 22 апреля 1996 г., ФЗ «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ от 26 декабря 1995 г., ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», ФЗ «Об инвестиционных фондах» № 156-ФЗ от 29 ноября 2001 г., ФЗ от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», ФЗ от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», ФЗ «О передаче прав на единые технологии» от 25.12.2008 г. № 284-ФЗ; ФЗ от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» и др.;

— федеральных подзаконных актов, например, Указ Президента РФ от 24 мая 2011 г. № 673 «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности»; Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020» № 1662-р от 17 ноября 2008 г. и другие;

— нормативных актов субъектов РФ и муниципалитетов (например, закон Оренбургской области «О государственной поддержке инновационной деятельности в Оренбургской области» от 21 октября 2009 г. № 3222). Многообразие правовых актов связано с двухаспектным или двухуровневым составом инновационных отношений, где в качестве внутренних отношений выступают отношения, возникающие в процессе осуществления инновационной деятельности субъектами гражданского права, создания инноваций; а в качестве внешних отношений — отношения, возникающие в процессе государственного регулирования и организации инновационной деятельности. Поскольку под инновационной деятельностью понимаются действия участников гражданско-правовых отношений по созданию инноваций и их последующему введению в экономический оборот, гражданское право, как отрасль, объединяющая институты интеллектуальной собственности, договорного права, корпоративное право и т.д., должно обеспечить комплексный подход к правовому оформлению субъектов, объектов и содержания инновационной деятельности.

Осуществление инновационной деятельности возможно как физическими, так и юридическими лицами в различных организационно-правовых формах (далее — ОПФ), предусмотренных нормами Гражданского кодекса РФ (далее — ГК). Законопроект о внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ (далее проект ГК) предусматривает значительные изменения в области регулирования деятельности юридических лиц, в частности, затрагивающие количественные и качественные характеристики ОПФ юридических лиц (ликвидация обществ с дополнительной ответственностью, устранение деления акционерных обществ на открытые и закрытые и др.). С 1 июля 2012 г. появится новый вид коммерческого юридического лица — хозяйственные партнерства, имеющий оптимальную для инновационной (в том числе венчурной) деятельности структуру управления, распределения прибыли и ответственности [4]. В соответствии с ФЗ «О хозяйственных партнерствах» от 03.12.2011 г. № 380-ФЗ, органы управления партнерства избираются по единогласному решению всех учредителей. При учреждении партнерства заключается соглашение об управлении партнерством, где, кроме прочего, может предусматриваться право партнеров на непропорциональное размеру их долей участие в управлении партнерством, распределении прибыли и покрытии расходов. Важнейшим моментом для стимулирования инновационной деятельности является предусмотренный в указанном законе порядок удовлетворения требований кредиторов, при котором если у партнерства отсутствует имущество или его недостаточно для удовлетворения своих обязательств, взыскание обращается на принадлежащие ему исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. При этом обязательства этого партнерства перед его кредиторами могут быть полностью или частично исполнены от имени партнерства одним, несколькими или всеми его участниками.

Таким образом, ГК, как основополагающий нормативный акт, предусматривает общие положения относительно возможных форм ведения различной экономической деятельности, в том числе и инновационной, но не содержит, да и не может содержать перечень «специальных» субъектов инновационной деятельности. Потребность выделения из субъектов гражданского права субъектов инновационной деятельности объясняется объективными причинами — необходимостью наличия четких критериев, в соответствии с которыми субъекты могли бы претендовать на государственную поддержку. Широкое распространение в экономической литературе и на практике получают такие субъекты как: инжиниринговые фирмы, технопарки, технологические инкубаторы, информационные и инновационные центры, инновационные предприятия, наукограды, венчурные фонды и венчурные фирмы, бизнес-ангелы и т.д. В научных трудах предлагаются различные подходы к определению субъектов инновационной деятельности и необходимости существования отдельного закона, раскрывающего их правовой статус.

В Государственной Думе РФ находится на рассмотрении проект базового в инновационной сфере федерального закона № 495392–5 «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации» (далее – проект закона № 495392–5). В соответствии с проектом закона № 495392–5 (ст.9, 10) право на получение государственной поддержки имеют физические и юридические лица, осуществляющие инновационную деятельность на территории РФ, если они отвечают требованиям, установленным законом и иными правовыми актами РФ, а также субъекты инновационной инфраструктуры, под которыми понимаются физические и юридические лица, оказывающие непосредственное финансовое, материально-техническое, организационное, консультационное, информационное и иное содействие субъектам инновационной деятельности. В проекте закона № 495392–5 предлагаются уточняющие характеристики хозяйственных обществ, созданных научными учреждениями. А также сохраняются требования к высшим учебным заведениям, в соответствии с которыми они могут претендовать на государственную поддержку. Коммерческой организации, претендующей на получение господдержки необходимо сформировать инновационный фонд в размере 6% от уставного капитала. При этом для расчета берется уставный капитал юридического лица по истечении трех лет с момента его регистрации. Соответственно, и государственную поддержку юридическое лицо сможет получить не ранее чем через три года с момента регистрации. Данное положение представляется крайне неудачным, поскольку лишает возможности государственной поддержки только что созданных, но уже имеющих перспективные инновационные разработки организаций. Разработчики проекта закона № 495392–5 попытались сформулировать обобщенное понятие субъектов инновационной деятельности. Данной позиции придерживается и ряд ученых, объясняя свой подход тем, что в законодательстве не должно содержаться ограничений по составу субъектов, непосредственно осуществляющих инновационную деятельность. Так, под субъектами инновационной деятельности, предлагается понимать физических лиц (граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства), индивидуальных предпринимателей, юридических лиц любой организационно-правовой формы, РФ, субъектов РФ, муниципальные образования [11]. Формулируют определение «инновационной организации», под которой понимается организация различных форм собственности, участвующая в инновационной деятельности на различных стадиях, осуществляющая реализацию инноваций, а также использующая инновации в производстве либо реализующая товары, выполняющая работы, услуги с применением инноваций, с учетом того, что доля доходов от использования инноваций должна составлять не менее 50% от суммы всех доходов за предыдущий календарный год [10].

Таким образом, проект закона № 495392–5, как и имеющееся на сегодняшний момент федеральное законодательство и научная доктрина не содержат детальной и, в

тоже время, обобщающей разработки дефиниций инновационного права: венчурный фонд, венчурная фирма, инжиниринговая фирма, технопарк и т.д. Выступая базовым в области инновационного развития в России, указанный закон мог бы служить ориентиром, в частности, в области определения субъектов инновационной деятельности.

Следует отметить, что в России неоднократно предпринимались попытки разработки закона «О венчурной деятельности», в котором прописывался понятийный инструментарий в одной из областей инновационной деятельности – венчурной [1]. Аргументом, выдвигаемым против принятия данного закона, в том числе, выдвигался тезис об отсутствии необходимости существования отдельного закона о венчурной деятельности. Вместе с тем, современное состояние законодательства в сфере инноваций и проекты законов не отражают все существенные аспекты венчурной деятельности.

Под инновационной деятельностью в проекте закона № 495392–5 понимаются действия (деятельность) физического или юридического лица, направленных на создание и (или) практическое применение результатов научной и (или) научно-технической деятельности (инноваций) при производстве товаров, работ и услуг (инновационной продукции) по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники РФ (ст.7, 8 проекта закона № 495392–5). Под инновациями предлагается понимать результаты научной и (или) научной деятельности, используемые при производстве инновационной продукции: программы для ЭВМ и базы данных, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также единые технологии. Под инновационной продукцией – товары, в которых использованы результаты научной и (или) научно-технической деятельности, или товары, работы и услуги, которые произведены или оказаны способом, представляющим собой результат научной и (или) научно-технической деятельности, при условии, что с момента первоначального выпуска таких товаров, производства работ и (или) оказания услуг не истекло трех лет. В проекте закона № 495392–5 отсутствует указание на то, когда будет проводиться проверка соблюдения этого срока – в момент обращения за господдержкой, в период рассмотрения заявки или с момента предоставления поддержки. Данный пробел может вызвать трудности при квалификации продукции в качестве инновационной. Соответственно, это способно снизить вероятность быстрого предоставления господдержки [5]. Также из законопроекта не совсем ясно, как государство будет определять «момент первоначального выпуска» инновационной продукции. В отношении изобретений, на которые имеются оформленные патенты, такой вопрос можно разрешить относительно легко, но в отношении ноу-хау определить первенство выпуска не всегда просто. Кроме того, понятие «первоначальный выпуск» требует уточнения, поскольку из текста не ясно, идет речь о серийном производстве или об изготовлении экспери-

ментального образца. Определения инноваций и инновационной продукции в проекте закона № 495392–5 представляются более точными с юридической точки зрения, нежели существующее в ФЗ «О науке и научно-технической политике» от 23 августа 1996 года № 127 – ФЗ (ред. от 21 июля 2011 г.) определение инноваций – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях. Несмотря на это сформулированный в проекте закона № 495392–5 закрытый перечень инноваций нельзя признать удачным, поскольку потенциально и иные объекты интеллектуальной собственности, перечисленные в ГК РФ, но не указанные в проекте закона № 495392–5, могут использоваться при производстве инновационной продукции.

Содержание инновационных отношений составляют права и обязанности субъектов инновационной деятельности. Поскольку в своем подавляющем большинстве инновационные отношения носят характер обязательственных, возникают на основе гражданско-правовых, трудовых договоров и государственных контрактов, права и обязанности субъектов, содержащиеся в законодательстве, должны обеспечить заинтересованность авторов результатов интеллектуальной деятельности, а также других субъектов инновационных отношений к их продвижению. Это возможно лишь с установлением четких гарантий реализации прав авторов и прав на вознаграждение, в том числе, по «служебным изобретениям». Незаинтересованность авторов результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) в их правовой охране вследствие отсутствия правовых норм, четко определяющих условия, размер, порядок и источники финансирования выплаты вознаграждения авторам, является одной из основных причин недостаточной патентной активности в стране [9]. В проекте ГК можно отметить изменения, которые предполагается внести в часть вторую ГК РФ, в том числе новый параграф, регулирующий государственные контракты на НИОКР. Необходимость данных изменений связана с тем, что на сегодняшний день до конца не урегулированы вопросы управления процессами создания, закрепления прав на РИД и распоряжения ими, не проработан механизм обеспечения баланса интересов заказчиков, исполнителей и авторов РИД, полученных в результате выполнения государственных контрактов. Государственные заказчики не заинтересованы в оформлении исключительных прав на РИД, обеспечивающих их последующее использование без дополнительного финансового обеспечения за счет бюджетных средств, а авторы – разработчики полученных по государственным контрактам РИД – в их выявлении, обеспечении правовой охраны и использовании. Большие надежды в области развития инновационных отношений по вопросам регламентации прав и обязанностей заказчиков и исполнителей возлагаются также на проект закона № 68702–6 «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг». По-

следний призван учесть специфику научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) при проведении государственных закупок, в частности, предлагается определить специальный порядок формирования и уточнения планов закупок в сфере НИОКР, основанный на мониторинге результатов фундаментальных и поисковых НИР и обеспечивающий оперативный вывод прорывных результатов на стадию прикладных НИОКР.

Проект ГК в отношении полезных моделей предусматривает отказ от упрощенной процедуры предоставления им правовой охраны. Отсутствие обязательной процедуры проверки патентоспособности полезной модели в настоящее время влечет рост числа нарушений интересов добросовестных производителей изделий, в которых использованы известные (не новые) разработки, действиями недобросовестных лиц, получающих патенты на полезные модели в отношении таких разработок. Важной гарантией для патентообладателей является введение компенсации за нарушение исключительного права на изобретения и другие объекты патентного права.

Исходя из вышесказанного, становится очевидным что:

1. Инновационные правоотношения – это имущественные и неимущественные отношения между субъектами гражданского права по созданию и продвижению инноваций, инновационной продукции от создателя к потребителю в целях получения прибыли и (или) достижения социального эффекта.

2. Правовое регулирование инновационных отношений находится в плоскости различных отраслей, подотраслей и институтов права, в том числе: гражданского права, налогового, таможенного, корпоративного, трудового, предпринимательского, коммерческого, инвестиционного права. Поскольку ядро инновационных отношений составляют отношения по созданию инноваций и инновационного продукта субъектами гражданского права, оформляемые, как правило, гражданско-правовыми договорами, гражданское право является основополагающей отраслью права, регламентирующей инновационную деятельность.

3. Гражданское право находится на пути реформирования, направленного, в том числе, на развитие системы коммерциализации и внедрения результатов научных исследований и экспериментальных разработок, формирование благоприятной среды в масштабе государства для инновационного развития. Указанные цели реализуются посредством внесения изменений в регламентацию НИОКР, правового статуса и ОПФ юридических лиц, введения новой ОПФ юридического лица, уточнения вопросов охраны прав субъектов интеллектуальной собственности.

4. Несмотря на положительные изменения ГК, инновационное развитие российской экономики невозможно без комплексного подхода к правовой системе в инновационной сфере, включающей сложный конгломерат детально разработанных правовых норм, касающихся различных отраслей, подотраслей, институтов права. Инновационные отношения, как прогрессивно развивающийся институт гражданского права, нуждается не только

в основополагающем регулировании нормами ГК, но и в отдельной системе правовых актов в данной сфере. Последние не должны представлять собой разрозненные, не-взаимосвязанные нормативные акты, как это имеет место на сегодняшний момент. Они должны выстраиваться в единую правовую систему, где высшее место по значению в регулировании после ГК должен занимать базовый акт о

государственной поддержке инновационной деятельности, в котором прописаны, в том числе, виды, правовой статус конкретных субъектов инновационной деятельности. Следующую ступень в данной системе должны занимать законы об отдельных видах инновационной деятельности. В противном случае мы имеем набор несогласованных норм права из различных разрозненных актов.

Литература:

1. В Госдуме обсудили проект закона «О венчурной деятельности». — Режим доступа: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=21508 <02.07.09 г. >
2. Волынкина М.В. Гражданско-правовая форма инновационной деятельности / М.В. Волынкина. — дисс... на соиск. науч. степ. канд. юрид. наук. 12.00.03. — 2007. — Режим доступа: <http://www.famous-scientists.ru/list/682> <30.04.2012 г. >
3. Законопроект о внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Дата первой официальной публикации: 14 сентября 2011 г. Опубликовано на сайте «Российской газеты». — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/09/14/gk-izm-site-dok.html> <30.04.2012 г. >
4. Изменения в законодательстве, вступающие в силу с 1 июля 2012 г. (подготовлено экспертами компании «Гарант»). — Режим доступа: <http://base.garant.ru/997729/> <12.05.2012 г. >
5. Керенский И. Поддержка инноваций будет регулироваться отдельным законом. — Режим доступа: <http://lawfirm.ru/pr/index.php?id=1450> <16.02.2011 г. >
6. Минэкономразвития России. Стратегия инновационного развития РФ до 2020 г. — Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016 <30.04.2012 г. >
7. Проект федерального закона № 495392–5 «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации». — Режим доступа. — Государственная Дума. Официальный сайт// <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=495392-5> <20.05.2012 г. >
8. Проект закона № 68702–6 «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг». — Режим доступа. — <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/> <12.05.2012 г. >
9. Стенограмма парламентский слушаний на тему «Проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета». — Режим доступа: http://council.gov.ru/inf_ps/chronicle/2011/11/item18212.html; <http://rudocs.exdat.com/docs/index-425652.html> <12.05.2012 г. >
10. Тускаев Г.Г. Правовое регулирование инновационной предпринимательской деятельности в Российской Федерации / Г.Г. Тускаев. — дисс... на соиск. науч. степ. канд. юрид. наук. 12.00.03. — М. — 2011. — 190 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-innovatsionnoi-predprinimatelskoi-deyatelnosti-v-rossiiskoi-federatsii>
11. Худокормова, О.И. Правовое регулирование инновационной деятельности в Российской Федерации / О.И. Худокормова. — дисс... на соиск. науч. степ. канд. юрид. наук. 12.00.03. — 2010. — 186 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-innovatsionnoi-deyatelnosti-v-rossiiskoi-federatsii>

Историко-правовой анализ несемейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей

Наруцкая Наталья Владимировна, аспирант
Московская академия экономики и права

На всём протяжении развития общества были дети, лишённые родительского попечения и требующие особого внимания к себе. Современное, социально-ориентированное российское государство пытается разре-

шить проблемы таких детей, принимая множество нормативно-правовых актов, регулирующих порядок устройства детей-сирот как в семье, так и в организации. Эффективное развитие законодательства в указанной области

невозможно без учета исторического опыта, что предопределяет актуальность осуществления историко-правового анализа несемейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Историческое становление института устройства детей, оставшихся без попечения родителей уходит своими корнями в древность. Традиция заботы о слабых и немощных была заложена ещё в период язычества. Общинная, мирская помощь заключалась в передаче ребенка-сироты из дома в дом на кормление или ему назначались «общественные» родители, которые брали его на свой прокорм.

Только после принятия христианства на Руси стала складываться практика общественной помощи детям-сиротам, осуществляемая новыми субъектами помощи: князем, церковью, приходами, монастырями. Сироты находили, как правило, поддержку у церкви через систему приходов, которые, согласно учению церкви, выступали в качестве общинного института по поддержке больных, немощных, инвалидов, сирот. Приходская благотворительность, по утверждению М.В. Фирсова, «переходное звено между монастырской и «гражданской» системами помощи. В отличие от монастырей с их закрытой организационной структурой приходы — открытая система» [7, с. 41].

Те бедствия, которые имели место в истории русского государства (монголо-татарское нашествие, разорение городов, сёл, массовые эпидемии и т.д.), приводили к необходимости оформления не только церковных, но государственных подходов к призрению различных категорий нуждающихся, но такая помощь не была постоянной и чётко организованной.

Определенная система начинает формироваться со времени вступления на трон Петра I, который уделял особое внимание закрытому призрению, т.е. содержанию нуждающихся в различных учреждениях и заведениях благотворительной направленности. Пётр Великий активно осуществлял политику государственной поддержки сирот. В регламенте (уставе) Главного магистрата от 16 января 1721 г. в числе других институтов призрения указывались «сиротские дома» — для убогих и оставшихся без родителей детей, где бы их воспитывали и содержали. Данные дома предполагалось построить в каждой губернии за счет земских отчислений. Благодаря принятию Регламента (устава) 1721 г. можно говорить о законодательном закреплении специализированных учреждений именно для детей-сирот.

При Петре I, функции заботы о детях стали возлагаться не только на церковь, но и на государственные структуры в лице городских магистратов, старост и сотских в селениях.

Дальнейшее развитие система учреждений для сирот получила при правлении Екатерины II. В середине XVIII века более активно стали создаваться специализированные учреждения: воспитательные дома в Москве и Петербурге для подкидышей, незаконнорожденных, «законных детей», оставляемых родителями по бедности. Развивалось законодательство в данной области: 1 ок-

тября 1763 года был утвержден «Генеральный план Императорского Воспитательного, для приносимых детей, дома и госпиталя бедных родительниц в Москве», 31 декабря 1763 г. появляется «Увещание от Святейшего Правительствующего Синода в рассуждении оного же Дома».

На основании Уложения о губерниях от 7 ноября 1775 г. в каждой губернии учреждалось по одному приказу общественного призрения под председательством гражданского губернатора. Приказы общественного призрения включали в себя различные институты поддержки, в том числе и сиротские дома, которые наряду с Воспитательными домами продолжали действовать и в XIX веке.

Сиротские дома длительное время не имели четких принципов организации, только в 1823 г. Министр внутренних дел Кочубей разделил заведения приказов общественного призрения, в том числе сиротские дома, на разряды в зависимости от определенного числа нуждающихся в помощи. Сиротские дома 1 и 2 разрядов были рассчитаны на 20 человек, 3 разряда — на 15, 4 разряда — на 10 детей.

В пореформенный период к концу XIX века сложились две основные формы призрения: приказы общественного призрения и земские учреждения. Земское управление общественным призрением было более прогрессивным: если в 90-е годы XIX века в приказной системе действовали 43 сиротских дома, то в земской системе — 56. Земские учреждения заботились о подкидышах, о незаконнорожденных детях. Стали появляться учреждения для детей «заброшенных и преступных» — земледельческие колонии и ремесленно-исправительные центры. Исходя из чего, мы можем говорить о расширении сети учреждений, которые создавались не только для младенцев, послушных детей, но и для детей, как сегодня уместно было бы сказать, с девиантным поведением.

Постепенно помощь сиротам начинает обретать определенную систему, законодательное закрепление; учреждения для детей-сирот малыми темпами, но развиваются при помощи государства, церкви, частных благотворителей. Последние вносят существенный вклад в оказание помощи нуждающимся, беспомощным детям. Частные благотворители организуют приюты, где дети получали заботу, уход, питание, одежду. Частные благотворители заботились не только о настоящем, но и о будущем своих подопечных, обучая их отдельным ремеслам (шитьё, ткачество, столярное ремесло и т.п.) в приютах трудолюбия. Приобретённые навыки позволяли детям в будущем прокормить себя, обеспечить.

Благодаря помощи церкви, частных благотворителей система учреждений для сирот развивалась, в то время как государство предпринимало незначительные шаги в данном направлении, по справедливому замечанию О.Н. Хохидры, в XIX веке «власти проявляли безучастие в деле призрения сирот и незаконнорожденных и брошенных детей...выработанные законопроекты вязли в бюрократической тине и не были претворены в жизнь» [8, с. 140—141].

Начиная с 1917 года мы можем говорить о повышении роли государства в поддержке детей, оставшихся без родительского попечения, о дальнейшем развитии детских учреждений для таких детей.

В то же время, отдельные ученые придерживаются иной точки зрения, относя к 1917 году первый этап в развитии системы учреждения для сирот. Так, З.И. Воронина отмечает: «Первый этап развития государственных детских учреждений, который условно можно отграничить 1917 г. и 30-ми годами, характеризуется всемерным расширением сети этих учреждений» [2, с. 114]. Данное утверждение, на наш взгляд, не совсем корректно, по тем причинам, что ещё при Петре I была попытка создания государственных учреждений в форме сиротских домов, что позволяет говорить о продолжении развития таких учреждений в XX веке, а не о первом этапе их создания.

В 1917 году новая власть пыталась решать как политические, так и социальные вопросы. После событий октября 1917 года народный комиссариат государственного призрения (НКГП) стал проводить политику упразднения существующих органов помощи. Упразднялись благотворительные учреждения, попечительские организации, а 1 декабря 1917 года был упразднён Совет детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. Вместо упраздненных учреждений был создан отдел призрения несовершеннолетних, на местах создавались различные исполнительные комитеты.

Реформирование в системе управления учреждениями для сирот не приводило к улучшению ситуации на местах: «на ноябрь 1917 года в России значилось всего 583 детских учреждений с 29,5 тыс. детьми, отданными в большей части в ведение людей невежественных, которые смотрели на приют, как на место кормления себя и своих близких за счет детей» [3, с. 56].

В 1918 году образовывается наркомат социального обеспечения (НКСО) взамен НКГП, который определил новую стратегическую линию социальной помощи, исходя из задач построения социалистического государства. В 1918 году «декретом СНК о комиссиях для несовершеннолетних детские приюты и сиротские дома преобразовались в детские дома» [6, с. 683].

По утверждению Е.Г. Куропатской «новое социалистическое законодательство свидетельствует о координации всех усилий государства по оказанию помощи детям, утратившим родительское попечение» [4, с. 22], при этом, государственная политика, направленная на построение социалистического государства, исключала участие церковных институтов в семейных отношениях, в том числе в отношениях по устройству детей, не имеющих родителей, что подтверждается содержанием кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекуном праве 1918 г. и Семейного кодекса 1926 г.

НКСО в 20-е года XX века развивает свою деятельность по социальному обеспечению в различных направлениях, среди которых: работа в детских домах, обеспечение несовершеннолетних, опека и попечительство.

Указанные направления имеют особо важное значение, в связи с наличием устойчивой тенденции роста детской беспризорности, обусловленной множеством причин: последствия первой мировой войны, борьба с кулачеством, голод, массовые репрессии. Всё это влекло за собой увеличение доли тех детей, которые становились сиротами или утрачивали связь с родителями. М.В. Фирсов приводит следующие статистические данные по материалам комиссии по улучшению жизни детей: «...в Москве и Московской губернии зарегистрировано такое количество беспризорных: 1924–1925 гг. — 6790, 1925–1926 гг. — 6984, 1926–1927 гг. — 7332, 1927–1928 гг. — 7477 детей» [7, с. 41].

Вопросы спасения детей, преодоления беспризорности, преступности со стороны несовершеннолетних находились в ведении Совета защиты детей, Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИКе, детской социальной инспекции при отделе Правовой защиты детей Наркомпроса.

Политика советской власти, направленная на ликвидацию детской беспризорности и безнадзорности, явилась одним из факторов, повлекших создание сети детских учреждений интернатного типа. И.А. Банников отмечает, что «советское правительство первоначально направило значительные силы и средства на преодоление беспризорности детей посредством создания сети государственных учреждений, бравших детей, оставшихся без попечения родителей, под свою опеку: приемно-распределительных пунктов, детских домов различного типа, детских городков, колоний и коммун, которых дети получали воспитание, образование и трудовые навыки» [1, с. 20].

Государство поддерживало деятельность детских домов, детских трудовых коммун, при этом предпринимались шаги к устройству детей из детских домов в семьи: 6 февраля 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О передаче воспитанников детских домов в крестьянские семьи», 28 мая 1928 года — «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов и других несовершеннолетних трудящимся в городах и рабочих поселках».

Устройство детей в семьи из государственных воспитательных учреждений несомненно является положительным элементом политики в области государственной социальной защиты детей-сирот. В то же время, политика по отношению к детям не была лишена недостатков: она была направлена не на предупреждение сиротства, а на борьбу с её последствиями. Подтверждением тому служат следующие исследовательские выводы И.А. Ложкиной: «...в стране организовано проводились плановые мероприятия по изъятию беспризорных и безнадзорных детей с улиц городов и сел в детские воспитательные учреждения. Сеть их вплоть до середины 1930-х гг. ежегодно увеличивалась» [5, с. 24]. Увеличение, как правило, осуществлялось за счет создания детских трудовых коммун.

Современные исследователи по-разному относятся к таким учреждениям. Устройство закрытых интернат-

ских учреждений З.И. Воронина вообще определяет как «самый негативный принцип организации подобных учреждений» [2, с. 114], указывая: «дети, воспитывающиеся в этих учреждениях, были лишены социальных контактов с окружающим миром; слова «семья», «папа», «мама» для них были пустым звуком, ничего не значили» [2, с. 114].

На наш взгляд, организация детских трудовых коммун на тот момент являлась необходимым условием хоть частичного решения проблем беспризорников.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. наложила свой отпечаток на работу детских учреждений. Задача государства состояла не только в том, чтобы открывать новые детские дома, а в том, чтобы эвакуировать воспитанников детских домов в безопасные регионы страны. К концу 1941 года были эвакуированы дети из 664 детских домов.

23 января 1942 года издаётся постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», где были предусмотрены меры по созданию новых детских домов, по устройству детей в семьи граждан посредством оформления опеки или патронажа. Появление большого количества осиротевших детей, эвакуированных, потерявших связь с родителями, предопределяло необходимость принятия ряда мер, направленных на устройство детей именно в семьи, в то время как детские дома были переполнены. 8 апреля 1943 г. СНК РСФСР утверждает инструкцию «О патронировании, опеке, и усыновлении детей, оставшихся без родителей», которая разрешала многие вопросы по порядку передачи детей в семьи. Осознавая значимость и приоритет воспитания детей в семьях, все же, в соответствии с предметом нашего исследования, обратимся к устройству детей именно в организации.

В период Великой Отечественной войны стали преобладать интернаты смешанного типа, которые ежедневно принимали детей разного возраста, в то время, как в довоенный период преимущественно создавались дошкольные и школьные интернаты.

Помимо указанных учреждений в тыловых районах страны создавались детские трудовые колонии, детские воспитательные трудовые колонии, которые предназначались для детей от 11 до 16 лет, нарушающих порядок в детском доме или интернате, а также для подростков, совершивших преступления.

Расширение сети учреждений для детей, оставшихся без родителей, а также условия военного времени, требовали выработки единых требований к такого рода учреждениям. В связи с чем, был принят целый комплекс документов: постановление СНК РСФСР от 9 мая 1943 г. «Об улучшении состояния детдомов», постановление СНК СССР от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов», в августе 1944 г. НКП РСФСР утвердил инструкцию «Об охране имущественных прав воспитанников детских домов», в 1944 г. Наркомпрос СССР принял положения «О дошкольном детском доме», «О школьном детском доме», «О детских домах смешанного типа».

В послевоенное время продолжается работа по созданию государственной системы детских учреждений, для детей, оставшихся без родительского попечения. Церковь, отделившаяся от государства, а также частные благотворительные лица, практически не участвуют в деятельности детских домов.

В советское время государство полностью возложило на себя ответственность за содержание и воспитание детей в детских домах. Параллельно этому, всё семейное законодательство было направлено на урегулирование процессов устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи: в ст. 25–26 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье (далее – Основы 1968 г.) устанавливались основы усыновления (удочерения), опеки и попечительства.

1 ноября 1969 года был введен в действие Кодекс о браке и семье РСФСР (далее – КоБС), который, как и прежние Основы, но только более обстоятельно определял в главе 12 порядок усыновления ребенка, а в главе 13 – порядок установления опеки и попечительства.

Ни Основы 1968 года, ни КоБС 1969 года не содержали положения об устройстве детей, оставшихся без родительского попечения, в учреждения. Это, на наш взгляд, является существенным недостатком прежнего законодательства ввиду того, что множество детей, находятся в таких учреждениях и при их устройстве туда, должны учитываться принципиальные основы, характерные именно для семейного права, выражающиеся в интересах ребёнка.

Незначительным шагом в данном направлении можно считать регулирование в семейном праве вопросов выявления детей, оставшихся без родительского попечения. КоБС устанавливал функции органов опеки и попечительства. Как и в ныне действующем законодательстве, КоБС предусматривал обязанность учреждений и лиц, которым станет известно о несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, немедленно сообщать об этом органам опеки и попечительства по фактическому местонахождению детей, подлежащих опеке или попечительству.

В соответствии со ст. 122 КоБС 1969 г. по получении сведений о несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, органы опеки и попечительства обязаны были немедленно произвести обследование и при выявлении факта отсутствия попечения родителей обеспечить временное устройство несовершеннолетних до разрешения вопроса об установлении опеки или попечительства.

Дети, оставшиеся без родительского попечения и не устроенные в семьи, могли направляться в государственные учреждения или общественные организации. По справедливому утверждению И.А. Банникова воспитание ребенка в таких учреждениях рассматривалось «не столько в качестве одной из форм заботы о детях, оставшихся без попечения родителей, сколько в качестве временного и вынужденного устройства ребенка до момента его передачи усыновителю, опекуну или попечителю, либо

как мера, когда невозможно было передать ребенка на воспитание в семью» [1, с. 26]. В соответствии со ст. 127 КоБС 1969 г. детям, воспитание которых осуществлялось полностью детскими учреждениями, опекуны и попечители не назначались. Выполнение обязанностей опекунов и попечителей в отношении этих лиц возлагалось на администрацию учреждения, в котором находился подопечный.

На государственном уровне предпринимались отдельные попытки улучшить положение детей, оставшихся без попечения родителей, разрабатывались меры по созданию новых форм учреждений для таких детей, в связи с чем были приняты соответствующие нормативные акты: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1987 г. № 872 «О мерах по коренному улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Постановление Совета Министров СССР от 17 августа 1988 г. № 1022 «О создании детских домов семейного типа».

Обращает на себя внимание тот факт, что государство среди форм устройства детей на первое место относили их устройство не в семье, а в организации. Так, в Письме Гособразованию СССР от 14 сентября 1989 г. № 93–16–138/08 «О применении Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1987 г. № 872 «О мерах по коренному улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» в высших и средних специальных учебных заведениях» указывалось, что «действующее законодательство предусматривает несколько форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание. Это детские интернатные учреждения всех типов..., а также детские дома семейного типа. Государственной формой устройства таких детей является и передача их на воспитание в семьи трудящихся в порядке опеки (попечительства) и усыновления».

Новый этап в правовом регулировании отдельных форм устройства детей наступил с принятием Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), приоритеты были отданы семейным формам воспитания детей. В ст. 123 СК РФ достаточно четко предусмотрены семейные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей (усыновление, опека, попечительство, приемная семья) и несемейные — устройство в организации для детей-сирот и ли детей, оставшихся без попечения родителей, всех типов (воспитательные, лечебные, социальной защиты населения и другие аналогичные организации).

Естественно, приоритетным следует считать семейные формы устройства детей, что закреплено в ст. 123 СК РФ и поддерживается общественностью и научным миром (см. работы И.А. Банникова, О.Ю. Ильиной, Л.Ю. Михеевой, А.М. Нечаевой, Л.М. Пчелинцевой и т.д.). И.А. Банников вообще определяет устройство детей в воспитательные организации различных типов, как дополнительный, стра-

ховочный механизм, «который реализуется при отсутствии возможности в передаче ребенка на воспитание в семью, что само по себе говорит о вторичности данной методы и нежелательности ее применения» [1, с. 32–33]. «Вторичность» несемейных форм устройства детей не предполагает отказ от них, так как, несмотря на наше желание устроить каждого ребенка в семью, всегда будут дети, в отношении которых такое устройство, по тем или иным причинам, невозможно, а значит всегда будет необходимость в существовании детских домов и интернатных учреждений.

Таким образом, подтверждается необходимость дальнейшего развития, исторически сложившихся, двух форм устройства детей: в семьи (усыновление, приемная семья, опека, попечительство) и в организации (несемейная форма).

Современное правовое регулирование указанных форм находит отражение в нормах СК РФ. Федеральным законом от 24 апреля 2008 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об опеке и попечительстве» раздел VI СК РФ был дополнен главой 22 «Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Таким образом, главами 19–21 СК РФ регулируются семейные формы, а главой 22 СК РФ — несемейные формы устройства детей.

Последовательность норм, регулирующих устройство детей, оставшихся без попечения родителей в ныне действующем СК РФ, ещё раз, подтверждает один из основных принципов современного семейного законодательства — принцип приоритета семейных форм устройства детей (сущность которых определена в главах 19–21 СК РФ) и только при невозможности устройства ребенка в семью (усыновление, опека, попечительство, приемная семья) используются иные несемейные формы устройства детей в организации (гл. 22 СК РФ).

В результате историко-правового анализа устройства детей, оставшихся без попечения родителей можно заключить следующее:

1. Исторически сложились две формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей: семейная и устройство в организации, т.е. несемейная форма.

2. Установлено, что в советской и постсоветской истории развития организаций, занимающихся оказанием помощи детям, оставшимся без родительского попечения, преобладают государственные, что позволяет говорить о патерналистской модели устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в организации.

3. Постепенное, поступательное развитие сети учреждений для сирот сопровождалось принятием соответствующих актов, в связи с чем, представляется возможным выделить следующие этапы в развитии системы учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей:

1 этап (становление) — с конца X — начала XI вв. (христианизация Руси) до конца XVII века (церковные приходы, благотворительные заведения);

2 этап (развитие) — с 1682 г. (вступление на трон Петра I) до 1917 года (сиротские дома, приказы общественного призрения, земские учреждения, земледельческие колонии и ремесленно-исправительные центры для детей «заброшенных и преступных»);

3 этап (формирование целостной государственной системы учреждений) — с 1917 года до 1996 года (детские

трудовые коммуны, детские дома, интернаты и т.д.);

4 этап — с 1996 года по настоящее время. Кардинальный прогрессивный шаг сделан со стороны законодателя в 2008 году, когда впервые за всю историю деятельности учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, именно в Семейный кодекс РФ была включена глава 22 «Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Литература:

1. Банников И.А. Договор о передаче ребенка на воспитание в приемную семью в Российской Федерации: Диссертация ... канд. юрид. наук. М., 2007. — 213 с.
2. Воронина З.И. Правовые формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей: диссертация... канд. юрид. наук: 12.00.03. СПб., 1993. — 234 с.
3. Жилиева С.К. Организационно-правовые основы борьбы Орловской милиции с детской беспризорностью и преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1951 гг.) (историко-правовое исследование): диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Орел, 2004. — 198 с.
4. Куропацкая Е.Г. Опекунство и попечительство как способ защиты прав детей, утративших родительское попечение: диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2011. — 173 с.
5. Ложкина И.А. Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны: на материале детских домов и интернатов Удмуртской АССР: дис. ...канд. исторических наук: 07.00.02. Ижевск, 2010. — 240 с.
6. Педагогическая энциклопедия. В 4-х томах. / Каиров И.А., Петров Ф.Н. [и др.]. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1964. Т. 1.
7. Фирсов М.В. История социальной работы в России: учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2011. — 256 с.
8. Хохидра О.Н. Государственно-правовое регулирование защиты прав и законных интересов детей в дореволюционной России: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2008. — 211 с.

Система информационного обеспечения территориальных органов министерства внутренних дел России: основы формирования и развития

Первухин Александр Сергеевич, соискатель
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Статья раскрывает специфику эволюции организационно-правовых основ информационно-аналитической деятельности органов внутренних дел России. Особое внимание в статье уделяется периодизации формирования системы информационно-справочного обеспечения органов внутренних дел. В статье обсуждаются этапы информатизации территориальных органов внутренних дел на примере Удмуртской республики.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование информационно-аналитической деятельности, информационные технологии в системе МВД, территориальные органы Министерства внутренних дел, учеты, информационный центр, Удмуртская республика.

System of Information Support of Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Formation and Development Bases

Alexander Sergeyevich Pervukhin
Department of Administrative and Financial Law Peoples' Friendship University of Russia

Article opens specifics of evolution of organizational and legal bases of information and analytical activity of law-enforcement bodies of Russia. The special attention in article is given to a periodization of formation of system of

directory providing law-enforcement bodies. In article separate stages of information of territorial law-enforcement bodies on an example of the Udmurt republic are discussed.

Keywords: *administrative and legal regulation of information and analytical activity, information technologies in Ministry of Internal Affairs system, territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs, accounts, information center, the Udmurt republic.*

Исследование специфики формирования современной системы административно-правового регулирования информационно-аналитической деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел обусловило обращение к историческим и организационно-правовым аспектам данной деятельности. В развитии правового регулирования информационного обеспечения органов МВД России выявляется ряд общих тенденций, представляющих определенный интерес для конкретизации механизма административно-правового регулирования исследуемой деятельности.

Сбор и анализ статистической информации начал осуществляться в МВД России с сентября 1803 года. Первый министр внутренних дел В.П.Кочубей личным циркуляром потребовал, чтобы губернаторы сообщали в Министерство данные «для полного и коренного познания о положении каждой губернии в настоящее время, а затем продолжали постоянно уведомлять об изменениях в положении той или другой отрасли управления», но только в 1834 году при Совете Министра было учреждено статистическое отделение, а по губерниям были открыты статистические комитеты, на важность которых указывал граф Кочубей.

4 марта 1858 г. в рамках МВД был создан Центральный статистический комитет, состоящий из двух отделов: Статистического и Земского, под председательством товарищей Министра. В апреле 1863 г. Центральный статистический комитет МВД из коллегиального органа был преобразован в бюро, обрабатывающее статистические сведения; при МВД учрежден Статистический совет, составленный из представителей разных министерств и ведомств.

В конце XIX века в русской сыскной полиции возникают и совершенствуются системы учетов, начинают применяться такие научные методы, как антропометрия, фотография и дактилоскопия. В 1907 году в связи с ростом объемов информации при Департаменте полиции было создано Центральное регистрационное бюро, собирающее информацию с мест. Для наведения справок о судимости, а также для регистрации и опознания личности преступника служили: справки о судимости за два последних десятилетия; карты, составляемые в сыскных отделениях на всех лиц, задерживаемых в течение дня в различных частях города по обвинению в общеуголовных преступлениях и проступках [1]. Причем регистрационные карты содержали максимальный объем информации — от фотографии и отпечатков пальцев, до адресов дальних родственников и любовниц.

Революционные события, имевшие место в октябре 1917 г. изменили все государственные учреждения и всю

систему права. Основой советской правовой системы в эти годы стало революционное правосознание. Тем не менее, несмотря на революционные преобразования, в 1917 году именно на основе структуры дореволюционного Министерства внутренних дел начала формироваться структура центрального аппарата НКВД, в которую был включен Центральный статистический отдел. Основой создания местной милиции стало Постановление НКВД РСФСР от 28.10.1917 «О рабочей милиции» [2], в котором были конкретизированы задачи по созданию и формированию подразделений народной милиции, внедрению новых методов работы. Так, вместо картотечного учета преступлений и лиц их совершивших, отчетов и опросных листов, применявшихся в полиции России, вводились доклады с мест.

23 сентября 1918 года решением Коллегии Народного комиссариата внутренних дел РСФСР утверждено «Положение о статистическом отделе НКВД». В нем предписывалось собирать в НКВД статистические данные по различным направлениям деятельности наркомата и, в том числе, о результатах борьбы с уголовной преступностью. В этом Положении было впервые закреплено, что статистический отдел сосредоточивает у себя разработку всех статистических материалов, находящихся в ведении Комиссариата Внутренних Дел. С этой даты и ведется отсчет времени создания и формирования ныне существующей системы информационного обеспечения органов внутренних дел России.

Следует отметить, что уже 7 октября 1918 г. Управление рабоче-крестьянской милиции реорганизовано в Главное управление милиции (ГУМ), которое становится самостоятельным звеном НКВД, включающее и информационный отдел. Первое же информационное подразделение — дактилоскопическое бюро создается 15 февраля 1919 года в составе Центрального управления уголовного розыска НКВД РСФСР. Вслед за этим вводится единая система регистрации преступлений и отчетность. Важно подчеркнуть, что именно в этот период начинает осознаваться важность информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел. Переломным моментом стал 1922 год, когда на Первом Всероссийском съезде работников милиции утверждается программа организации учетной и статистической работы.

В соответствии с Положением ВЦИК и СНК РСФСР от 24.05.1922 «Об НКВД РСФСР» [3] организационно-административное управление включало в себя статистический отдел, на который было возложено выполнение всех работ по административной статистике по плану и

заданиям народного комиссариата, устанавливаемым по соглашению с Центральным статистическим управлением. В 1923 году Приказом начальника Центрального аналитического управления (ЦАУ) отменяются все ранее действовавшие в этой сфере нормативные акты и устанавливается новая отчетность. НЭП, рост преступности повлекли за собой резкий рост объемов информации, появляются и обостряются проблемы работы с ней, в связи с чем функции управления информационной работой, отраслевых служб НКВД были возложены на научно-статистическое бюро.

31 августа 1923 г. НКВД РСФСР утвердил «Положение о Центральном административном управлении НКВД РСФСР», в котором определяются его структура и задачи. В соответствии с данным Положением в данное управление вошли отделы: административный, милиции, уголовного розыска и секретариат. С упразднением ЦАУ, в 1929 году, создается Административно-организационное управление, в компетенцию которого входят и вопросы организации единой системы информации, которые должен был решать Статистический отдел. Принятие инструкции, регламентирующей всю работу с информацией во всех подразделениях НКВД, становится важным этапом совершенствования информационной деятельности органов внутренних дел.

В последующий период (1930–1939 гг.) данная деятельность была распространена на все управления и самостоятельные отделы НКВД: были созданы регистрационно-учетные аппараты. С марта 1932 г. в состав ГУГБ НКВД СССР вошел Учетно-статистический отдел, функции которого включали осуществление оперативного учета и статистики, ведение архива.

Важно отметить, что к середине 30-х годов были сформированы три направления информационно-справочной работы – статистический, алфавитный и дактилоскопический учеты, которые развивались и совершенствовались самостоятельно. Значимость данных направлений обуславливалась значимостью учетной деятельности в информационном обеспечении органов внутренних дел. В 1961 г. в СССР была введена Инструкция по учетам в органах внутренних дел.

С внедрением в деятельность органов внутренних дел появившейся в стране вычислительной техники, начиная с 1968 года, создаются новые структурные подразделения – вычислительные центры.

Следует подчеркнуть, что единая структура информационной службы, объединившая информационно-статистические отделы органов внутренних дел с вычислительными центрами, появляется лишь в 1971 году, с образованием при МВД СССР Главного научного информационного центра управления информацией (ГНИЦУИ) и созданием информационных центров в МВД и УВД. Приказом МВД СССР от 17 мая 1971 года была утверждена типовая структура информационных центров при МВД-УВД, а также их временные типовые штаты.

Так, в Удмуртской республике Приказом МВД УАССР от 24.08.1973 г. №0101 на базе 1 спецотдела был создан Информационный центр МВД УАССР. В состав Информационного центра в 1978 году входило Оперативно-справочное отделение, канцелярия, а также группа статистики, группа оперативной информации и розыска, контрольно-методическая группа, группа по использованию электронно-вычислительной техники. Следует отметить, что до появления своей вычислительной техники обработка учетно-статистической информации осуществлялась в статистическом управлении Удмуртской республики.

Приказом МВД УАССР от 12.03.1981 года № 034 на основании приказа МВД СССР от 25.02.1981 года № 078 в составе Информационного центра был создан Вычислительный центр, оснащенный универсальным комплексом УВК СМ-4, в структуру которого вошли: группа алгоритмизации и программирования, группа эксплуатации, группа технического обслуживания.

В 1982 году на автоматизированный учет была переведена первая задача – «Статистика». С 1983 года в структуру Информационного центра МВД Удмуртии уже входили: Отделение статистики и контроля за учетно-регистрационной дисциплиной, Оперативно-справочное отделение, Группа оперативной информации и розыска, Вычислительный центр и канцелярия.

Создаваемое в рассматриваемый исторический период программное обеспечение вычислительных центров МВД, в целом, уступало лучшему из существовавшего в стране и тем более в мировой практике, но были и разработки на уровне мировых стандартов. К их числу следует отнести разработанное Академией МВД РФ программное обеспечение автоматизированного рабочего места руководителя следственного подразделения, следователя, систему регионального криминологического прогнозирования «ИСКРА», АРМ эксперта-криминалиста и другие, отличающиеся от мировых стандартов в несколько раз меньшей стоимостью, но не уступавшие им по качеству. Так, например, в автоматизированном банке данных оперативно-розыскного и профилактического назначения «Центр», «Республика» использовалась информационно-поисковая карта (ИПК) АБД, служащая для сбора информации о лицах, совершивших преступление, их связях и о характере совершенного ими преступления.

Приказом МВД УАССР от 30.05.1987 года №032 в составе Информационного центра была организована группа специальных фондов (архив), где был сосредоточен основной массив документов по управленческой деятельности, по личному составу МВД УАССР, оперативный архив и другие документы к количеству 60 тыс. единиц хранения, для размещения которых в 1988 году выделено новое архивохранилище.

24 октября 1985 г. утверждена типовая структура информационных центров МВД, ГУВД УВД, а через два года, 3 декабря 1987 г., была утверждена Программа создания, внедрения и эффективного использования авто-

матризованных систем и средств вычислительной техники в МВД СССР до 2000 года.

В целях совершенствования информационного обеспечения ОВД, устранения недостатков в области компьютеризации, обеспечения концентрации усилий информационных центров на важнейших направлениях работы, а кроме того повышения ответственности за использование автоматизированных систем, был издан Приказ МВД РСФСР №104 от 5 июля 1991 г. «Об утверждении Программы компьютеризации органов внутренних дел Российской Федерации на ближайшую перспективу», в котором отмечался переходный этап компьютеризации органов внутренних дел России от разрозненной, не связанной, устаревшей и программно-несовместимой вычислительной техники, используемой в органах внутренних дел к системе информационного обеспечения МВД России и были определены основные направления создания отраслевой информационно-вычислительной сети, разработки единого унифицированного методического, информационного, организационно-правового и программно-математического обеспечения для перехода к интегрированным базам данных и другим информационным технологиям; предусматривалось выполнение комплекса работ, обеспечивающих межведомственное взаимодействие законодательных, правоприменительных и правоохранительных органов России на основе объединения в информационно-вычислительной сети России локальных и территориальных распределенных ИВС ОВД.

27 сентября 1991 г. приказом МВД СССР объявлено о создании автоматизированной системы управления внутренними войсками МВД СССР.

После распада СССР приказом Министра внутренних дел Российской Федерации было утверждено положение «О Штабе МВД России» его структура и штаты. В его состав вошли три управления — информационно-аналитическое, организационно-плановое и оперативное; были утверждены штаты и положения о Главном информационном центре, а также о Центре радиоэлектронной борьбы; 26 мая 1992 г. служба учета и технического обслуживания персональных электронно-вычислительных машин и оргтехники ПХУ МВД России реорганизована в Центр технического обслуживания персональных электронно-вычислительных машин и оргтехники МВД Российской Федерации. Через месяц, 26 июня 1992 г. был издан приказ МВД России «О мерах по обеспечению единой технической политики в области создания и внедрения информационных систем ОВД и ВВ».

Важно отметить, что в 1992–1993 годах процесс информатизации активно внедрялся во все виды деятельности органов внутренних дел. Так, например, учет водительских удостоверений осуществлялся с использованием автоматизированных систем, была начата информатизация противопожарных аварийно-спасательных служб, формировались и велись централизованные оперативно-справочные, розыскные, криминалистические учеты, эк-

спертно-криминалистические коллекции и картотеки органов внутренних дел Российской Федерации.

Например, в Удмуртской республике с целью реабилитации лиц, подвергнутых репрессиям в административном порядке и оказания помощи органам прокуратуры в реабилитации других категорий граждан приказом МВД УАССР от 16.04.1992 года № 69 в составе Информационного центра было организовано подразделение по реабилитации жертв политических репрессий.

В 1995 году при ГУГАИ МВД России создается межрегиональный отдел информационного обеспечения. В число основных структурных подразделений МВД России было включено Управление информации и общественных связей, а в непосредственном подчинении МВД России находится Главный информационный центр.

В принятом 12 августа 1995 года Федеральном законе № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в статье 10 «Информационное обеспечение и документирование оперативно-розыскной деятельности» зафиксировано, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них, могут создавать и использовать информационные системы, а также заводить дела оперативного учета.

В период 2002–2004 годов МВД России в рамках финансовых средств, выделяемых на основную деятельность, реализовывались мероприятия, направленные на повышение эффективности использования существующих в МВД России информационных ресурсов. 13 июня 2002 г. приказом МВД России № 562 была утверждена «Концепция развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002–2006 годы», в которой были намечены пути решения двух взаимосвязанных задач: повышения эффективности использования существующих в МВД России информационных ресурсов и обеспечения развития ИВС МВД России как системы, интегрирующей информационные ресурсы органов внутренних дел на основе перспективных технологий их обработки.

Реализация положений данной концепции, создание отдельных телекоммуникационных и информационных фрагментов информационно-вычислительной системы органов внутренних дел, способствовали обеспечению перехода к созданию единого информационного пространства МВД России, а в дальнейшем и к формированию единого информационного пространства правоохранительных, контрольно-надзорных и финансовых органов Российской Федерации на основе интеграции их информационных ресурсов в единую информационно-телекоммуникационную среду.

В 2003 году решением совещания при Министерстве внутренних дел Российской Федерации на ГИЦ МВД России были возложены функции по руководству, координации и контролю за процессами внедрения и использования современных информационных технологий в системе МВД России, формированию единой научно-технической политики в органах внутренних дел. Были разработаны проекты создания отдельных телекомму-

никационных и информационных фрагментов информационно-вычислительной системы органов внутренних дел. Они прошли опытную эксплуатацию и были рекомендованы руководством Министерства к внедрению в промышленную эксплуатацию. Так, 19 октября 2004 г на официальном сайте МВД России была открыта электронная общественная приемная.

В 2004 году в целях концентрации усилий на важнейших направлениях работ по совершенствованию информационного обеспечения органов внутренних дел, обеспечению комплексного подхода к их решению разработана Программа «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» на 2005–2008 годы. В соответствии с новыми задачами ГИЦ МВД России в ноябре 2004 года был преобразован в Главный информационно-аналитический центр МВД России.

С 2005 года началась реализация Программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел». В рамках реализации ее подпрограмм «Реконструкция и техническое перевооружение информационных центров МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, УВД на транспорте», «Создание системы межрегиональных автоматизированных банков данных дактилоскопической информации федеральных округов и федеральной АДИС-ГИЦ и развитие АДИС регионального уровня», «Создание автоматизированной информационно-поисковой системы биометрической идентификации личности по изображению лица» в 2005–2006 годах были полностью оснащены типовыми программно-техническими комплексами «ИБД-Регион» восемьдесят два региональных информационных центра, в задачи которых входит обеспечение

автоматизированного формирования и использования оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов; была создана федеральная система автоматизированных дактилоскопических учетов органов внутренних дел АДИС ГИАЦ, объем базы данных, которой превысил тридцать два миллиона дактилокарт, что позволило в идентифицировать каждый шестой след, изъятый с мест нераскрытых преступлений, каждый четвертый непознанный труп, каждое четырнадцатое лицо с искаженными паспортными данными.

В настоящее время Информационный центр МВД по Удмуртской республике представляет многофункциональную информационную службу, обеспечивающую центральный аппарат, органы и подразделения внутренних дел на местах оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, статистической, архивной, научно-технической информацией и реализующую задачи развития системы МВД Российской Федерации в области информатизации, использует в своей повседневной деятельности автоматизированные системы, банки данных и вычислительные сети. В структуру Информационного центра МВД по Удмуртской Республике входят три отдела одно отделение и вычислительный центр, в которых проходят службу семьдесят семь сотрудников.

Развитие системы информационного обеспечения органов внутренних дел в Российской Федерации осуществлялось в рамках административной реформы, проводимой Президентом РФ. Это, на наш взгляд, свидетельствует о важности административно-правового механизма регулирования правоотношений, возникающих в процессе информационно-аналитической деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел на современном этапе.

Литература:

1. Инструкция чинам сыскных отделений. — С.-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1910, с. 8
2. Постановление НКВД РСФСР от 28.10.1917 «О рабочей милиции»// Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. 1 дек. (№1).
3. Положение ВЦИК и СНК РСФСР от 24.05.1922 «Об НКВД РСФСР»// Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 33
4. Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации www.mvd.ru
5. Сайт Министерства внутренних дел по Удмуртской республике www.18.mvd.ru

Законодательная политика государства в сфере формирования гражданского общества в России

Тресков Алексей Павлович, аспирант
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы формирования гражданского общества в России, предлагаются необходимые законодательные преобразования для его эффективного развития и решения актуальных проблем в этой сфере.

Ключевые слова: Гражданское общество, государство, законодательство, политика, право, теория и история государства и права, политология.

The article is concerned with the relevant problems of forming the civil society in Russia. The ways of its solution and the necessary legislation transformations are also suggested.

Keywords: Civil society, state, legislation, policy, law, theory and history of state and law, political science.

Гражданское общество и правовое государство как явления государственно-правового масштаба непосредственно взаимосвязаны между собой, обуславливают друг друга, а проблемы их соотношения, анализ процесса их взаимодействия, становления и развития, сущность, особенности функционирования в различной плоскости прямо зависят от положения каждого из них. Ведь правовое государство — это государство, в котором правовыми средствами реально обеспечены права и свободы человека и гражданина и вся публично-политическая деятельность государства осуществляется в строгом соответствии с правом и законом [1, с. 23].

В данной статье предполагается кратко затронуть лишь несколько основополагающих на наш взгляд проблем построения гражданского общества в России, предложить необходимые законодательные преобразования, актуальные для нашего государства на современном политико-правовом этапе развития, для правильного и последовательного формирования гражданского общества в нашем государстве.

В первую очередь необходимо обратить внимание, что для поддержки формирования гражданского общества в России и самоорганизации общества, со стороны государства конструктивным предложением является закрепление его основополагающих начал в Федеральном законе «О гражданском обществе Российской Федерации». Данный законопроект должен закрепить и механизм влияния самого гражданского общества на государственные органы власти. Считаем, что способствование развитию общественных организаций и других субъектов гражданского общества в целом будет положительно влиять на создание последнего. В связи с этим небезосновательным является вопрос, возможно ли образование такого феномена как гражданское общество императивными мерами? Однозначно ответить на него нельзя, так как единого мнения в юридической литературе на этот счет нет. Так, А. Мучник считает, что «смысл закона в том, чтобы помочь жителям страны вырасти до субъектов конститу-

ционного права... говоря образно, гражданское общество — это нечто вроде корсета, который обнимает тело населения, превращая его в достаточно стройный, активный, последовательный субъект политической игры и конституционного права» [2].

Бесспорен тот факт, что гражданское общество помогает населению защищать права и свободы каждого отдельного человека. Также очевидно, что на сегодняшний день в России без сбоев работают только те нормы Конституции РФ, которые затрагивают интересы власти и властных ведомств. В свою очередь, эти структуры и приводят в действие эти конституционные механизмы [3]. С другой точки зрения, Ю.Пахомов полагает, что с помощью законодательных актов нельзя заставить людей сплотиться. «Это можно сделать лишь с помощью законов, основанных на мотивации. Что же касается гражданского общества, то можно издать хоть гору законодательных актов на эту тему, но ничего реально не изменится. Связано это с тем, что в ходе создания рыночной экономики у нас были затоптаны те слои, которые могли бы стать первичными при формировании гражданского общества, если бы им была обеспечена достойная жизнь. Прежде всего, это интеллигенция, квалифицированные рабочие, работники культуры. Гражданское общество у нас не формируется потому, что не формируется средний класс на основе того, что нам досталось. Все это было деформировано в худшую сторону» [4]. Гражданское общество — это не только общество, которое хорошо и достойно живет. Это еще и общество, где человек чувствует себя полноценным и свободным участником демократии. Гражданское общество необходимо строить, издавая законы, стимулирующие производство, повышая покупательную способность граждан, постепенно создавая и усиливая средний класс [5]. По мнению Н.С. Бондаря, «гражданское общество» — это и не юридическая, не государственно-правовая категория. Государство не может, не в состоянии «учредить», «декретировать», «установить» своими законами желательный для него

образ гражданского общества [6, с. 27–28.]. Вместе с тем, по нашему мнению указанный Федеральный закон будет призван урегулировать общественные отношения лишь в части, не вторгаясь и не ограничивая права и свободы граждан, и способствовать защите субъектов гражданского общества, закрепит механизм и формы воздействия общества на государство, определит меры, упрощающие привлечение государственных органов к реализации интересов общества. Также данный закон будет способствовать соблюдению прав и свобод граждан и всего общества в целом. В случае его принятия более эффективно станут функционировать общепризнанные нормы международного права, таким образом, развитие гражданского общества будет продолжено и на международном уровне. При разработке проекта закона важно уделить внимание законодательному закреплению основополагающих дефиниций для недопущения неопределенности при истолковании положений закона. Так, в первую очередь нужно указать, что гражданское общество — это совокупность систем межличностных общественных отношений, семейных, экономических, культурных, религиозных и иных структур, интересы, потребности и деятельность которых выражаются через его институты, направленные на удовлетворение потребностей каждого, развивающиеся в обществе в рамках закона, существующее наряду с государством, но без его прямого вмешательства.

Не менее важной составляющей является законодательное закрепление следующих определений:

— институты гражданского общества — объединения, сформировавшиеся в форме различных ассоциаций, партий, движений, союзов, фондов, общественных организаций, учреждений, советов, благотворительных организаций, центров, клубов, движений, имеющих целью своей деятельности обеспечение духовного, интеллектуального и социального развития человека, защиту его достоинства, экономических, политических, культурных, моральных и других прав и свобод;

— субъекты гражданского общества — индивиды и их объединения, участвующие в деятельности институтов гражданского общества;

— неправительственная организация (НПО) — добровольное объединение граждан, организованное на местном, государственном или международном уровне, не преследующее коммерческой цели своей деятельности, направленное на решение разнообразных задач, выполняющих различные гуманитарные функции, в том числе, доводящие до сведения государственных органов нужды населения, осуществляющие общественный контроль за деятельностью правоохранительных органов, содействующие активному участию граждан в политической жизни;

— квазинеправительственная организация — фиктивно созданная неправительственная организация, финансируемая правительством, а поэтому подотчетная ему в финансовом отношении, не имеющая целью своей деятельности решение гуманитарных задач, лоббирующая интересы правительства;

— некоммерческая организация (НКО) — организация, создаваемая и действующая в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», не имеющая в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющая полученную прибыль между участниками, создаваемая для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в сферах охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ;

— квазинекоммерческая организация — фиктивно созданная некоммерческая организация, не имеющая целью своей деятельности достижение социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих благ.

Использование гражданами всего массива законодательно предоставленных им прав и свобод является немаловажным условием надлежащего функционирования гражданского общества, формирования самоуправленческих основ, развивающихся внутри государственности. Очевидно, что все политические права и свободы граждан тесно связаны в своем единстве с государственной деятельностью [7, с. 15]. В основном законе государства — Конституции РФ заложен ряд указанных прав и свобод. Так, каждому гарантируется свобода мысли и слова, свобода массовой информации; цензура запрещается; каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов; свобода деятельности общественных объединений гарантируется; право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование; граждане РФ имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей; право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме; равный доступ к государственной службе; право участвовать в отправлении правосудия [8]. Однако, в данном списке прав и свобод отсутствует право на осуществление контроля за деятельностью органов государственной власти, что неоспоримо является важным условием эффективности гражданского общества. В связи с этим необходимо в указанной части внести изменения во вторую главу Конституции РФ, дополнив статью 32 пунктами 6 и 7, изложив их следующей редакцией:

Пункт 6. Граждане России имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения. Это право обеспечивается возможностью избирать и быть избранным во все выборные государственные органы, принимать участие во всенародных обсуждениях и голосованиях, в народном

контроле, в работе государственных органов, общественных организаций и органов общественной самодеятельности, в собраниях трудовых коллективов и по месту жительства.

Пункт 7. Граждане России имеют право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе, направлять в палаты ходатайства с требованием законодательных мероприятий или с изложением общественных нужд. Должностные лица обязаны в установленные сроки рассматривать предложения и заявления граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры. Преследование за критику запрещается. Лица, преследующие за критику, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке.

Права и свободы, заложенные в настоящее время в Конституции РФ, имеют декларативный характер, поэтому на практике им необходимо более отчетливое раскрытие, что и должно получить отражение в действующем законодательстве. Именно заложенные на конституционном уровне нормы, наделяющие правами граждан по управлению делами государства, призваны обеспечить подлинное народовластие в стране.

Кроме предложенных преобразований, необходимо также следующее:

— нормативно-правовые акты, затрагивающие права и свободы граждан, должны иметь только открытый характер;

— неправительственные организации, имеющие целью своей деятельности обеспечение прав человека и гражданина, должны получать всестороннюю поддержку государства;

— общественные организации в свою очередь должны регулярно проводить мониторинг социальных проблем населения с представлением в органы государственной власти информации о потребностях граждан;

— отдельно необходимо создание системы общественного гражданского контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в сфере деятельности силовых структур;

— необходимо проведение комплексного анализа действующего законодательства, затрагивающего права и свободы человека и гражданина на предмет их соответствия Конституционным и международно-правовым нормам.

Следует отметить, что в настоящее время в России не развита система ее неправительственных и негосударственных институтов, что приводит к понижению уровня демократии. Одной из причин данного обстоятельства является чрезмерно низкий уровень гражданской активности. Отсутствие гражданской активности порождает невозможность результативного развития гражданского общества. В частности, например, Федеральным законом от 11.12.2004 N 159-ФЗ [9] были внесены поправки в Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [10], согласно которым, Постановлением законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации оформляется решение о наделении гражданина Российской Федерации полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), то есть народ был лишен права избрания глав субъектов Российской Федерации, кроме того, не принимает участия в обсуждении значимых законодательных актов. Считаем необходимым возратить прямые выборы глав субъектов федерации (в настоящее время данный законопроект уже внесен в Государственную Думу) и мэров городов, закрепив это соответствующим федеральным законом, а также ограничить возможность пребывания на посту президента Российской Федерации, главы субъекта и мэра города до двух сроков, исключив возможность их избрания вновь после перерыва.

Итак, модернизирующееся гражданское общество и правовое государство требуют целенаправленных политико-правовых действий от функционирующей власти, направленных на искоренение фундаментальных проблем их построения, повышения качественного уровня жизни, постоянное развитие, общественный прогресс. Затронутые нами вопросы являются постоянно дискуссионными как в политико-правовой сфере, так и в общественной и хочется надеяться, что предложенные преобразования наряду с существующим планом развития, приведут к совершенной гармонии всех институтов общества и государства.

Литература:

1. Соколов А.Н. Коррупция, гражданское общество и правовое государство // Журнал российского права. 2008. N 8.
2. Зубарь М. Законотворчество вместо самоорганизации? // День. 2001. № 136. 2 августа 2001 года.
3. Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России / под ред. Н.А. Михалевой. М.: Деловой двор, 2008.
4. Зубарь М. Указ. Соч.
5. Грудцына Л.Ю. Указ. Соч.
6. Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М.: Городец, 2004.

7. Струсь К.А. Механизм контроля гражданского общества за государством: пути совершенствования // Политика и общество. 2005. № 3.
8. Конституция Российской Федерации // Российская газета, № 7, 21.01.2009.
9. Федеральный закон от 11.12.2004 № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета, № 277, 15.12.2004.
10. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» «Российская газета», № 206, 19.10.1999.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Популистские альтернативы «Конца истории» Ф. Фукуямы: идеология будущего

Короткова Мария Николаевна, кандидат политических наук, ст. преподаватель
Пермская медицинская академия им. ак. Е.А. Вагнера Минздравсоцразвития России

Фрэнсис Фукуяма — известный американский политолог, социолог, историк [9]. Мировое признание он получил благодаря статье (1989), а потом и книге (1992) с одноименным названием «Конец истории», в которой торжественно провозгласил окончательную и бесповоротную победу либеральной демократии во всем мире [10].

Новая волна религиозных и национальных конфликтов в середине 1990-х годов, с точки зрения общественности, поставила его выводы под сомнение [12]. Дальнейшее участие Фукуямы в «Проекте для нового американского столетия», выступавшего с требованием решительных действий против стран-изгоев, наряду с радикально настроенными консерваторами и республиканцами [11], а также появление таких новых книг, как «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» (1996), «Великий разрыв» (1999), «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции» (2002) и «Сильное государство: Управление и порядок в XXI веке» (2004), в которых были пересмотрены сроки и некоторые положения «конца истории», — являлись попыткой реабилитации концепции. Еще одним испытанием для «конца истории» стала война в Ираке, предпринятая Соединенными Штатами. Новая статья Фукуямы, на наш взгляд, является очередным вариантом ответа на вопрос, что препятствует триумфальному шествию либеральной демократии в мире.

В своей новой статье «Будущее истории» [6], появившейся в начале 2012 года, Фукуяма вновь обращается к теме «конца истории», а именно — к его возможным популистским альтернативам. Анализируя деятельность левых и правых популистских движений Соединенных Штатов Америки и Европы, он приходит к следующим выводам.

Левые популистские движения (такие, как «Захвати Уолл-стрит») являются крайне непопулярными среди населения. Во-первых, потому, что концепции постмодернизма, мультикультурализма и феминизма (которые Фукуяма называет идеологическими преемниками марксизма), по своей сути, не ориентированы на средний класс, следовательно, не пользуются массовой поддержкой в развитых странах. Во-вторых, модель государства

всеобщего благоденствия в последние десятилетия продемонстрировала свою финансовую несостоятельность, тем самым подорвав кредит доверия к левым. Поэтому, считает политолог, у левых нет идей, способных объединить массы и создать идеологию будущего.

Правые популистские движения также вызывают серьезные сомнения в их дееспособности. С точки зрения Фукуямы, они не в состоянии справиться с проблемой возрастающей популярности авторитаризма как режима и последствиями развития глобализационных процессов.

Следует отметить, что большую часть статьи политолог посвящает изложению общеизвестных причин формирования идеологий либерализма и социализма. Например, он говорит о том, что либерализм являлся первой светской идеологией, которая отстаивала права среднего класса (в первую очередь, право собственности) и требовала подчинения государственной власти закону. Поэтому современные общества с устойчивым средним классом тяготеют к идеологии либерализма. В то же время, резкое социальное расслоение влечет за собой увлечение идеологией социализма.

Угроза мировой пролетарской революции исчезла, как только большая часть мира преуспела в создании среднего класса. Сегодня левый радикализм, как политическая сила, сохраняет свой потенциал только в самых бедных регионах Земли: странах Латинской Америки, в Непале и Восточной Индии.

Далее Фукуяма формулирует, на первый взгляд, парадоксальный вывод о том, что средний класс не всегда заинтересован в поддержке либеральной демократии. В таких странах, как Таиланд и Китай, представители среднего класса понимают исходящую угрозу со стороны бедных слоев населения, поэтому сочувствуют авторитарным режимам, которые защищают их интересы перед лицом последних.

Данное обстоятельство позволяет политологу объяснить новую волну авторитаризма, которая следует после третьей волны демократизации, и которая в свое время была описана известным американским политологом С. Хантингтоном [3].

Представляет ли Китай, успешно сочетающий авторитарное правление с частично рыночной экономикой, серьезную альтернативу либеральной демократии? По мнению Фукуямы, нет, потому что: 1) китайская модель обусловлена специфической культурой, не пригодной для транзита в другие страны; 2) китайский авторитаризм плохо сочетается с политикой соблюдением прав и свобод человека, что, в конечном итоге, может привести к возникновению протестного движения в этих странах [6].

Правый популизм также не способен справиться с проблемой уменьшения среднего класса в развитых странах. Эта проблема, с точки зрения политолога, связана с развитием технологий и глобализационных процессов в мире.

В 2001 году Фукуяма получает должность эксперта в Президентском совете по биоэтике. Результатом его деятельности становится книга «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции».

В этой книге политолог впервые задумывается над тем, что наука — не только мощный унификатор в деле продвижения либеральной демократии, но и опасный источник будущих конфликтов. Фукуяма впервые признает, что современные технологии способны изменить человеческую сущность и возобновить ход «постчеловеческой» истории.

Развитие науки также приводит к созданию оружия массового уничтожения: «Террористические акты в США 11 сентября 2001 года снова вызвали к жизни сомнения относительно тезиса о конце истории ... <...> Но на что эти события действительно указывают — это на то, что те наука и технология, которые порождают современный мир, сами по себе являются ключевыми уязвимыми точками нашей цивилизации. Самолеты, небоскребы и биологические лаборатории — все эти символы современности — были превращены в оружие одним прикосновением злонамеренной изобретательности» [1].

Принципиальным отличием статьи «Будущее истории» от книги «Наше постчеловеческое будущее» является утверждение, что дальнейшее развитие технологий и глобализационных процессов способствует уменьшению среднего класса. Развитие технологий приводит к замене высококвалифицированного человеческого труда машинным, то есть к сокращению рабочих мест. В условиях глобализации средний класс развитых стран сталкивается и проигрывает в конкуренции среднему классу развивающихся государств [6].

Следует отметить, что среди рецензентов новой статьи Фукуямы существует редкое единогласие — исследователи, в большинстве своем, солидарны с выводами политолога. Так, Джастин Фокс, редактор «Гарвардского бизнес-ревью» полагает, что за последние тридцать лет в «идеологии бизнеса» были выявлены многочисленные противоречия, которые требуют фундаментальных сдвигов в понимании механизмов рыночной экономики [4].

Мэтт Миллер, совладелец общественного радио «Левые, Правые и Центристы» считает, что не только

«идеология бизнеса», но и программы Демократической и Республиканской партий Соединенных Штатов не имеют ничего общего с реальным развитием событий в мире [8].

Таким образом, в мире существует необходимость формирования новой идеологии, поскольку ни левая, ни правая популистские альтернативы не в силах справиться с вызовами времени. Идеология будущего, сточки зрения Фукуямы, должна будет включать в себя следующие элементы: во-первых, защиту ценностей либеральной демократии (прежде всего, прав и свобод человека, частной собственности); во-вторых, положительное отношение к глобальным рынкам, но только в той степени, в которой они способствуют, а не препятствуют развитию среднего класса в развитых странах [6].

Реальные механизмы решения поставленных перед идеологией будущего задач Фукуяма видит в создании сильного государства [5]. Впервые эта тема возникает в книге «Наше постчеловеческое будущее», где политолог впервые постулирует необходимость контроля развития науки и техники с помощью правительственных учреждений. Тема находит свое продолжение в книгах «Сильное государство: Управление и порядок в XXI веке» (2004) и «Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие» (2005), «The Origin of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution». (2011) и в ряде статей.

Сильное государство означает «...способность сформулировать и осуществить политические курсы и создавать законы; администрировать эффективно и с минимумом волокиты; контролировать мошенничество, коррупцию и взяточничество; поддерживать высокий уровень прозрачности и ответственности (подотчетности) правительственных учреждений; и, что самое важное, реализовывать законы» [2, с. 26].

В странах третьего мира создание сильного государства обусловлено решением вопросов, связанных с бедностью, иммиграцией и терроризмом, обеспечением прав и свобод человека, экономическим развитием [2, с. 13–14]. В западных странах такое государство способно контролировать процессы развития технологий, а также решать проблемы, связанные с защитой либеральной демократии, что для Фукуямы, означает, в первую очередь, защиту среднего класса.

По мнению большинства рецензентов, в том числе Дэвида Игнатиуса, колумниста «Вашингтон Пост», статью политолога может расценивать как крах концепции «конца истории». Распад Советского Союза означал, в первую очередь, новый виток в истории развития человечества, а не триумф либеральной демократии. Хотя, признает Игнатиус, несмотря на явное поражение и очевидные аргументы, Фукуяма, по-прежнему, с оптимизмом смотрит в будущее [7].

И, действительно, несмотря на все обстоятельства, Фукуяма остается верным утверждению, прозвучавшему более 20 лет назад — «конец истории» неизбежен.

Литература:

1. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. URL: <http://alt-future.narod.ru/future/Fnpb/fukunpb.htm#ogl> (дата обращения 25.05.2010).
2. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и порядок в XXI веке. М.: АСТ ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 220 с.
3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
4. Fox J. Is the Next Karl Marx a Management Consultant? // Harvard Business Review. URL: <http://blogs.hbr.org/fox/2012/01/is-the-next-karl-marx-a-manage.html> (дата обращения 23.04.2012).
5. Fukuyama F. Chris Edwards in conversation with. . . Francis Fukuyama / Беседовал С. Edwards [Electronic resource] // Geographical. December 2005. Vol. 77. Issue 12. P. 106–106. EBSCO Publishing, 2005. Режимдоступа: <http://search.epnet.com>. Загл. с экрана. Публичное пользование ограничено.
6. Fukuyama F. The Future of History. Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? // Foreign Affairs. January/February 2012. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/136782/francis-fukuyama/the-future-of-history> (дата обращения 23.04.2012).
7. Ignatius D. The danger in a declining middle class // Washington Post. January 5. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/the-danger-in-a-declining-middle-class/2012/01/03/gIQAgwyPbP_story.html (дата обращения 23.04.2012).
8. Miller M. Iowa and the future of history // Washington Post. January 4. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/iowa-and-the-future-of-history/2012/01/04/gIQAlzYZaP_story.html (дата обращения 23.04.2012).
9. Rhodes F. [Рецензия] / F. Rhodes [Electronic resource] // Middle East. July 2006. Issue 369. P. 64. EBSCO Publishing, 2005. Режимдоступа: <http://search.epnet.com>. Загл. с экрана. Публичное пользование ограничено. Рец. на кн.: America at the Crossroads: Democracy, Power & the Neoconservative Legacy / F. Fukuyama. Yale University Press, 2006. 226 p.
10. Sibley R. After 'History's End,' What Now? [Electronic resource] // Newsmagazine. 1999. August 26. Vol. 26. Issue 29. P. 44. EBSCO Publishing, 2005. Режимдоступа: <http://search.epnet.com>. Загл. с экрана. Публичное пользование ограничено.
11. Statements of principles / F. Fukuyama [и др.] // Project For The New American Century: [сайт]. URL: <http://newamericancentury.org/statementofprinciples.htm> (дата обращения 25.05.2010).
12. Tolson J. Fight to the Finish // U.S. News & World Report. 2001. November 1. Vol. 131. Issue 13. P. 36–40. EBSCO Publishing, 2005. Режим доступа: <http://search.epnet.com>. Загл. с экрана. Публичное пользование ограничено.

Политические процессы в пограничном пространстве Республики Таджикистан

Раджабов Джумахон Ходжаевич, соискатель
Национальный институт бизнеса (г. Москва)

Современный мир и новый миропорядок пронизан диалектическими процессами изменения границ стран, регионов и цивилизаций, которые приобретают прозрачный вид. Это связано с набирающими темпами процессом глобализации, ростом приоритета общечеловеческих ценностей, более тесного международного сотрудничества и появления новейших коммуникационных технологий. С другой стороны, глобализация создает благоприятные условия для роста трансграничной незаконной деятельности, контрабанды товаров, оружия и боеприпасов, миграции людей, активизации деятельности международного терроризма, религиозного экстремизма и наркобизнеса, а также совершения, ранее не виданных, террористических актов.

Указанные проблемы в полной мере присущи Центральной Азии в общем и Таджикистану, в частности. Сегодня, важным фактором, влияющим на политические процессы в регионе является обстановка в пограничном пространстве. Существуют различные пограничные споры между государствами Центральной Азии. Например, пограничные споры между Таджикистаном и Узбекистаном, вызванные неопределенностью границ. Из почти полутора тысяч километров общей границы Таджикистана с Узбекистаном по сей день не демаркированы две трети. На фоне этого узбекская сторона посчитала некоторые участки вдоль границы своей территорией и заминировала их, не предупредив при этом руководство Таджикистана.

Неурегулированность границ в течение многих лет остается одной из причин беспокойной и нестабильной обстановки в Центрально-Азиатском регионе. Многие новые политические процессы по пограничным вопросам в пограничном пространстве Республики Таджикистан были вызваны распадом Советского Союза. Сегодня угроза безопасности в Таджикистане приобрела новое значение и в совокупности включает следующий комплекс проблем.

1. Республика Таджикистан имеет наибольшую протяженность государственной границы — около полутора тысяч километров с государством Афганистан, где на протяжении нескольких десятилетий не утихает гражданское противостояние.

2. Государственные границы Республики Таджикистана с некоторыми Центрально-Азиатскими республиками на сегодняшний день, имеют четко выраженный напряженный характер, что связано с ужесточением правил пограничного пропуска на участках таджикско-узбекской границы; наличием спорных территорий и проблем по рациональному использованию гидро и природных ресурсов на приграничных территориях; наличием коммуникационных проблем на пути конструктивного трансграничного сотрудничества.

3. Результаты мониторинга социальных настроений таджикского общества во многом определяются вопросами, непосредственно имеющими, прямое или косвенное отношение к пограничным проблемам, что связано с трансграничным проникновением на территорию республики наркотических средств и дальнейшим их распространением в другие регионы; формированием на этой почве негативного имиджа таджикских граждан в странах СНГ; неоднозначной военно-политической и социально-экономической ситуацией в соседнем Афганистане.

Следовательно, можно говорить об особенностях политических процессов в пограничном пространстве Республики Таджикистан возникновением и развитием продолжительного противостояния на таджикско-узбекском и таджикско-афганском участках границы. Данный факт подтверждает справедливость научной установки о том, что частота и обостренность пограничных вопросов зависит от различных уровней политического и социально-экономического развития граничащих общественных сред. Сегодня, когда некоторые народы испытывают острый недостаток природных ресурсов и считают, что жизненные пространства распределены «несправедливо», вопросы межгосударственного разграничения приобретают особую остроту. Так, Таджикистан и Кыргызстан являются основными обладателями водных ресурсов, в то время как, углеводородные ресурсы (нефть, газ и т.д.) сконцентрированы в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане. Из этого следует, что существует определенная взаимодополняемость между центрально-азиатскими странами, которая не в полной мере используется в их интересах. Таким образом, неравномерное

распределение водно-энергетических и природных ресурсов активизирует различные политические силы к пересмотру границ, а значит активизации политических процессов в пограничном пространстве.

Итак, различный уровень социально-экономического положения государств региона вызывает пограничные противоречия, которые выливаются в межгосударственные конфликты [1, с. 6].

Активизация политических процессов в пограничном пространстве Республики Таджикистан вызывает необходимость пересмотра подходов формирования системы региональной безопасности, которая основывается на следующем:

— Таджикистану, который ранее не существовал в таком виде ни территориально, ни политически, приходится заново формировать свою идентичность, в том числе в сфере безопасности. В этом плане особенно важно определить национальные интересы, угрозы и вызовы безопасности государства;

— Таджикистан заново создает механизмы национальной безопасности, что требует радикальной реорганизации вооруженных сил и других силовых структур.

Важно отметить, что существует ряд геополитических факторов глобального характера, которые во многом определяют политические процессы в пограничном пространстве Республики Таджикистан и их учет требует приоритетности в политической деятельности государства, которая включает в себя следующие направления:

1. Пограничное пространство Республики Таджикистан является сложной многокомпонентной территориальной структурой организованного геопространства и в этом качестве выступает важнейшим фактором международной безопасности, а также политического, экономического и междивизиационного взаимодействия, чем определяется содержание современных геополитических процессов.

2. Факторами, сдерживающими дезинтеграционные тенденции в таджикском пограничном пространстве и в странах СНГ обеспечивающие ее устойчивость в современных геополитических процессах, являются: унаследованные от СССР культурно-смысловые значения, сохраняющиеся старшими поколениями, а также территориальная структура хозяйства, к настоящему времени не разрушенная окончательно в ходе тотальной приватизации.

На этом фоне необходима последовательность методических операций по изучению организации пограничного пространства государства, включающая выявление:

а) содержания геополитических процессов, оказывающих давление на пограничное пространство государства;

б) принадлежности социально-политических институтов государства к «западному» (европейскому) или «восточному» (неевропейскому) типу;

в) состояния каждого из элементов организации пограничного пространства по перечисленным выше параметрам.

трам (что предполагает рассмотрение соответствующих элементов в исторической ретроспективе);

г) сущности и содержания политических акторов, осуществляющих свою деятельность в пограничном пространстве;

д) организации пограничных пространств стран, сопредельных с изучаемым государством, оцениваемых по определенным методикам.

Кроме того, сегодня в целях обоснования национальных интересов Республики Таджикистан в пограничном пространстве необходима дальнейшая работа в сфере экономической, духовной и пространственной безопасности.

Литература:

1. Махмадов А.Н. Таджикистан: новые аспекты в политике обеспечения безопасности. Душанбе. 2010. с. 6.

Влияние политического фактора на пограничную политику России в регионах Сибири и Дальнего Востока

Ревякина Марина Александровна, аспирант
Национальный институт бизнеса (г. Москва)

В современной геополитической ситуации, сложившейся вокруг России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), на одно из первых мест выдвигается политический фактор. Именно он в большей степени оказывает влияние на региональную пограничную политику нашей страны через характер отношений Российской Федерации с сопредельными государствами и их политику по отношению к нашей стране. Политический фактор проявляется также в создании на приграничных территориях Сибири и Дальнего Востока политических, организационных, правовых и иных условий обеспечения защиты и охраны государственной границы.

Необходимо отметить, что к числу основных вопросов региональной пограничной политики, вытекающих из воздействия политического фактора, можно отнести характер и состояние отношений между Россией и сопредельными странами. Эти отношения нельзя назвать на сегодняшний день исключительно дружественными и добрососедскими. Сказывается общий характер геополитических процессов, происходящих как в азиатской части России, так и близки ее.

С нашей страной соседствует один из наиболее влиятельных субъектов мировой политики и глобальной экономики — Китай.

На китайском направлении за последнее десятилетие российская сторона перешла к системной реализации прагматичной, обусловленной реальными потребностями стратегии. Основные вехи этой эволюции ознаменованы следующими событиями.

Таким образом, пограничная политика Республики Таджикистан, с точки зрения геополитических интересов страны, в современных условиях приобретает чрезвычайно важное государственное значение, а государственная граница в системе национальной безопасности играла и продолжает играть важнейшую роль. Кроме того, стабилизация политических процессов в пограничном пространстве Республики Таджикистан является важным условием политической стабильности государства. Можно утверждать, что пограничные интересы государства — это национальные интересы государства, реализуемые в пограничном пространстве этого государства.

Во-первых, это подписание Договора [2] о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китаем от 16 июля 2001 года. Данный документ отразил общее стремление между странами содействовать становлению многополярного мира, предотвратить распространение ядерного оружия, эффективно противостоять международному терроризму, а также разрушительным мировым финансово-экономическим кризисам.

Китай уже довольно длительное время проводит самостоятельную, неподконтрольную США международную политику. Для России развитие стратегических отношений с Китаем является приоритетным и имеет долгосрочные перспективы. Политические позиции руководства стран по ключевым мировым проблемам совпадают, что не редко идет вразрез с интересами США. На азиатских площадках Россия для Китая — естественный союзник против роста гегемонизма и диктата одной страны. Такая согласованная позиция была четко выражена российской и китайской сторонами в двух совместных декларациях: «О многополярном мире и формировании нового международного порядка» (1997 г.) [3] и «О международном порядке в XXI веке» (2005 г.) [4]. Как известно, в перспективе США планируют на данном направлении создание американской системы ПРО, что, безусловно, сближает интересы Москвы и Пекина в их обоюдном стремлении сохранить сложившийся стратегический баланс в АТР, противостоять политическому и военному давлению США.

Следует согласиться с академиком М. Титаренко, который охарактеризовал сложившийся в политиче-

ском смысле порядок партнерства следующим образом. «По своей исторической роли, — стратегическая связка Россия — Китай выступает как крупнейший фактор решения эпохальной задачи, сердцевиной которой являются мир, безопасность и развитие, а, следовательно, достойное выживание всего рода людского во всем его этническом, культурном и конфессиональном многообразии. И нет никаких сомнений в том, что эта связка, постепенно трансформируется в широчайшее антигегемонистское движение народов и стран, уравнивающие глобалистские силы, которые сохраняют политический менталитет периода «холодной войны» и по-прежнему придерживаются блоковой и силовой линии» [1, с. 254—255].

Во-вторых, это связано с недавним разрешением пограничной проблемы двух стран в широком смысле слова, включая не только процессы демаркации границы, но и налаживание трансграничного сотрудничества, совместную борьбу с трансграничной нелегальной торговлей и последствиями техногенных катастроф.

История формирования российско-китайской границы охватывает период с конца XVII века до XX века. На сегодняшний день граница имеет протяженность 4 209 километров. Основным этапом завершения территориально-пограничных проблем стало соглашение от 16 мая 1991 года о восточном и 3 сентября 1994 года о западном участках границы. В период с 1991 по 1999 гг. — была проведена полная демаркация границы, за исключением двух участков: островов Большой Уссурийский и Тарабаров в районе г. Хабаровска и острова Большой на реке Аргунь в Читинской области.

В целях поддержания стабильности на границе между двумя странами и спокойствия в приграничных районах, решения пограничных вопросов в духе взаимного уважения, дружбы и сотрудничества 27 мая 1994 года между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики заключено Соглашение о режиме российско-китайской государственной границы [5].

В ходе визита Президента Российской Федерации В. Путина в Пекин 14 октября 2004 года было подписано дополнительное соглашение, которое определило линию прохождения границы в районе острова Большой и территории островов Тарабаров и Большой Уссурийский. В 2005 года состоялась ратификация Государственной Думой и Всекитайским собранием народных представителей дополнительного соглашения между Российской Федерацией и КНР. В результате чего ряд территорий (участок острова Большой и два участка острова Тарабаров и Большой Уссурийский) общей площадью 380 кв. км, были переданы китайской стороне.

Данный факт свидетельствует о том, что просматривается достаточно лояльная политика России в отношении с КНР. Руководство страны, проводя добрососедскую политику, пошло на уступки Китаю в решении спорных территориальных вопросов, возможно, упуская при этом

стратегические приоритеты. Также следует учесть, что это может способствовать «разогреву» территориального «аппетита» у китайцев и, соответственно, негативно скажется на обеспечении безопасности российского государства в пограничной сфере.

В-третьих, в евразийском российско-китайском политическом партнерстве большое место и вес занимает Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Эта международная организация была создана в 1996 году в Пекине на основе пограничных соглашений «Об укреплении доверия в военной сфере в пограничных районах» [6] и «О взаимном сокращении вооруженных сил в пограничных районах» [7]. Кроме традиционных направлений безопасности, таких как борьба с терроризмом, национальным сепаратизмом, наркотрафиком, реализуются программы по торгово-экономическому, интеграционному, гуманитарному сотрудничеству.

ШОС притягательна и интересна для многих стран Востока, которые хотят жить в многополярном мире, без американского диктата. Вполне очевидна идея использования ШОС не только как средства борьбы против терроризма, религиозного экстремизма и национального сепаратизма, но и как скрытый ресурс Москвы и Пекина для сдерживания США и их союзников, как на глобальном, так и на региональном уровнях. Если раньше за свою версию многополярности они боролись на уровне деклараций, то для их подтверждения в 2005 году на территории Китая были проведены российско-китайские военные учения, а в 2007 году на территории России проведены войсковые маневры всех участников ШОС. В США все это было воспринято, мягко говоря, с раздражением.

Политическая активность Российской Федерации с Китайской Народной Республикой в XXI веке подкреплена взаимовыгодными условиями. Усиливается зависимость Китая от российских энергетических ресурсов и России от китайских инвестиций и технологий, опыта интеграции в мировое хозяйство, умелого сочетания либеральных и государственных подходов в экономике.

В условиях глобализации национальные границы государств оказываются менее устойчивыми и могут изменяться под воздействием геополитических реалий. Вместе с тем, государственный суверенитет продолжает иметь первостепенное значение. Принципиально важно, что Россия и Китай признают нерушимость границ, защиту целостности территории как один из базовых принципов международных отношений. Единство взглядов отвечает общественным и государственным интересам обеих стран, способствует решению взаимных пограничных проблем. Внешняя политика Китая, как и России, строится, как это постоянно подчеркивается всеми первыми лицами Поднебесной, на основе «независимой политики мира», которая опирается на принципы мирного сосуществования: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; взаимное ненападение и невмешательство во внутренние дела других государств; равенство и взаимная выгода, бесконфликтное сосуществование.

Конструктивное развитие политических отношений в российско-китайском партнерстве, позитивно влияет на социально-экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока, позволяет более интенсивно азиатской части России вступать в интеграционные процессы со странами АТР. В то же время такое положение дел выгодно и китайской стороне, поскольку она заинтересована в природно-ресурсной базе Восточной Сибири и Дальнего Востока. Но при этом руководству страны, как на федеральном, так и на региональном уровне стоит учитывать, что при реализации совместных соглашений, привлечение китайских бизнесменов и рабочей силы, многие из которых уже освоились на российских территориях, имеют недвижимость, бизнес, в будущем может привести к де-факто их «уходу» под контроль Китая.

Китайская сторона мирными, продуманными, медленными шагами идет к реализации своей геостратегической цели создания мирового китайского экономического пространства, так называемого «Большого Китая», включающего все территории, где проживают этнические китайцы. К ним относится и российский Дальний Восток и Восточная Сибирь, что явно идет вразрез, национальным интересам нашей страны.

Таким образом, можно утверждать, что российские отношения с Китаем носят неоднозначный, а по сути двусмысленный характер. Официальные контакты развиваются успешно. Неофициально же Китай инициирует постоянное демографическое, территориальное, торговое давление на Россию, скрытую экспансию.

Одним из мировых политических центров, с которым Россия граничит в АТР, является Япония. Российско-японские отношения во многом определяются проблемами и противоречиями прошлой эпохи. Не ликвидированы принципиальные вопросы на пути их нормализации: территориальные притязания, отсутствие мирного договора по итогам Второй мировой войны. Также остро стоит вопрос разграничения территориального моря в международно-правовом отношении, поскольку государственная граница между Россией и Японией на море не оформлена, что осложняет реализацию пограничной политики нашей страны. При этом, следует отметить, что в качестве основного условия для подписания мирного договора с Россией, японская сторона по-прежнему выдвигает требование о передаче ей четырех островов Курильской гряды. Две страны продолжают поиск решения существующей территориальной проблемы, развивают сотрудничество в различных сферах, включая гуманитарную, что позволяет создать более благоприятную обстановку для решения спорных проблем в будущем. Предпосылки для этого имеются. Как отметил глава МИД Японии С. Маэхара на пресс-конференции в Токио: «Российско-японские отношения чрезвычайно важны, есть задатки для их последующего развития. Если мы решим проблему территорий и после возврата четырех островов заключим мирный договор, то это будет основанием для дальнейшего развития отношений» [8].

Хотя политика России и Японии направлена на улучшение международных отношений, активизацию дальнейшего сотрудничества в различных сферах, надо делать реальные последовательные взаимные шаги навстречу друг другу с учетом взаимных интересов народов двух стран. Но, не смотря на процесс развития двусторонних отношений, страны все еще далеки от заключения мирного договора и решения территориальной проблемы.

Учитывая трудности переживаемые Россией, японская сторона, по-видимому, будет стремиться использовать свои финансовые и экономические возможности, для того чтобы добиться в вопросе о спорных территориях окончательного разрешения в свою пользу. Стремление Японии расширить свои государственные границы за счет «северных территорий», оказать воздействие на проживающее там приграничное население, по-прежнему является камнем преткновения в российско-японских отношениях, отрицательно влияет на обстановку в регионе.

В частности об этом свидетельствует болезненная реакция японской стороны на факт приезда Президента Российской Федерации Д.А. Медведева в ноябре 2010 года на самый большой остров Курильской гряды Кунашир. Японская сторона выразила крайнее недовольство [9], так как убеждена, что эти четыре острова являются частью ее территории. Указанное обстоятельство оказывает определенное влияние на пограничную политику России в данном регионе, которая реализуется с учетом возможных дальнейших провокационных действий со стороны.

Сегодня между Москвой и Токио остается один действительно неразрешимый вопрос. Очевидно, что решение данной проблемы может быть найдено только в процессе действительно активного развития двусторонних отношений, поиска возможных компромиссов на межгосударственном уровне, осуществления контактов между широкими слоями общественности обеих стран. Говоря другими словами ее решение возможно путем интенсивного взаимодействия России и Японии в решении актуальных проблем современности, то есть в условиях партнерства.

Российская сторона нацелена на расширение экономического сотрудничества с Японией. Усиливающийся процесс регионализации, как одно из проявлений глобализации, существенно увеличивает вес именно экономических контактов обеих сторон. Но на взгляд автора, для реализации этого необходима еще и политическая воля. И самое главное, недопущение расширения разногласий по территориальному вопросу в интересах экономического сотрудничества, взаимной выгоды.

Политика России на Корейском полуострове в настоящее время состоит из следующих аспектов: северокорейского вектора; отношений с Южной Кореей; отношений России в рамках различных многосторонних проектов по безопасности, энергетике, транспорту.

Отношения России с КНДР на сегодняшний день носят дружеский характер. Продолжается реализация северо-

корейского проекта по реконструкции железнодорожного участка Хасан — Раджин. В октябре 2011 года по модернизированной 54-километровой железнодорожной ветке с повышенной пропускной способностью, связавшей российскую станцию Хасан с северокорейским морским портом Раджин, прошел первый «демонстрационный поезд».

Этот проект, который Россия и КНДР рассматривают как пилотную часть реконструкции Транскорейской магистрали, предусматривает также строительство в порту Раджин грузового терминала и последующее использование этой инфраструктуры для организации транзитных перевозок с выходом на сеть российских железных дорог.

Еще более значительной может стать договоренность о строительстве газопровода из России в Южную Корею через территорию КНДР. Как сообщала газета «Коммерсантъ» со ссылкой на высокопоставленного российского дипломата, эта инициатива получила политическую поддержку, как в Пхеньяне, так и в Сеуле. Проект газопровода рассчитан, прежде всего, на оживление экономических связей России и Южной Кореи. Здесь речь идет о создании коридора через Северную Корею, который бы позволил России поставлять газ в Южную Корею и транспортировать южнокорейские товары в нашу страну. Следует согласиться с мнением Ричарда Вайца, старшего научного сотрудника Хадсоновского института в Вашингтоне, заключающееся в том, что использование КНДР в качестве транзитной страны для экспорта российских энергоресурсов и товаров в Южную Корею и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона может привести к «усилению российской интеграции в восточной части Азии» и «позволит России стать страной-транзитером южнокорейских товаров в Европу, которые сегодня перевозятся в основном длинным морским путем» [10].

Необходимо отметить, что в разделенной Корее существуют процессы, которые могут привести к неблагоприятным геостратегическим изменениям ситуации на Дальнем Востоке. Поэтому Россия в своей внешнеполитической деятельности должна учитывать этот важный политический фактор и всячески способствовать объединительному процессу Северной и Южной Кореи. Автор считает, наша страна в перспективе может приобрести еще одно дружественное, политически стабильное государство, что будет способствовать поддержанию добрососедских отношений, реализации проектов, имеющих важное политическое и экономическое значение для России. Единая Корея может стать для нашей страны важным геополитическим союзником в зоне АТР.

Помимо России, КНДР, Южной Кореи, участниками по урегулированию проблем безопасности не только на Корейском полуострове, но и в Северо-Восточной Азии (СВА), являются США, Япония и КНР. Всего шесть акторов. Это значит, что в СВА существует подсистема из шести элементов, крайне тесно взаимосвязанных между собой. Степень их взаимосвязи такова, что любое решение по Корейскому вопросу затрагивает каждый элемент этой

системы вплоть до его стратегических интересов. По сути, образовалась «шестерка» стран по решению важного вопроса сохранения мира и стабилизации политической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

США всегда стремились к максимальному контролю и доминированию над другими государствами для обеспечения безоговорочного господства на международной арене. В Азии Вашингтону противостоит Китай, который стал наиболее вероятным кандидатом на роль противовеса США как сверхдержавы. Предвидя подобные претензии на гегемонию со стороны Китая, США уже сегодня предпринимают адекватные меры, по сохранению своего доминирования.

Политика США по отношению к России направлена, на ее сдерживание как потенциального сильного «игрока» на международной арене. Российско-американское сотрудничество на сегодняшний день осуществляется в области космических исследований, договоренностей в области стратегических наступательных вооружений, но особое внимание в сфере отношений — это вопросы национальной безопасности двух держав.

Однако не стоит забывать, что стратегическими задачами США в АТР остаются доминирующее лидерство, установление контроля над ядерным потенциалом России, дезинтеграция российского геополитического пространства, полномасштабное выведение отдельных регионов из-под юрисдикции страны с целью получения доступа к колоссальным природным ресурсам и обширному рынку.

Все это позволяет утверждать, что политический фактор, под влиянием которого формируются угрозы пограничной безопасности, складывается военно-политическая обстановка в АТР, характеризуется высоким динамизмом происходящих в этом районе мира процессов, что в свою очередь оказывает непосредственное влияние на содержание региональной пограничной политики России.

На безопасность России в пограничной сфере существенное влияние оказывает политика сопредельных государств. При этом следует признать, что позиции нашей страны в АТР на сегодняшний день недостаточно сильные в экономическом, военном, политическом плане. Доминирующими игроками остаются США, Китай, Япония, которые проводят последовательную политику по усилению влияния в регионе. Предпочтение отдается методам экономического проникновения: увеличение экспорта и усиление технологической зависимости, приобретение собственности, а также незаконная миграция иностранных граждан и их закрепление на сопредельных территориях через браки, под предлогом работы на длительное время и т.п. Политическая и инвестиционная политика стран АТР избирательно и тщательно спланирована с учетом их интересов. Эти государства, как показала практика, не заинтересованы в развитии и укреплении экономического потенциала России в Сибирском и Дальневосточном регионах, азиатская часть нашей страны их интересует лишь как источник получения дешевого сырья.

Такое положение дел оказывает влияние и предопределяет проблемы в выработке российской внешнеполитической стратегии по отношению к странам АТР, непосредственно

сказывается на характере пограничной деятельности, детерминирует необходимость принятия адекватных мер по противодействию угрозам безопасности.

Литература:

1. Титаренко М.Л. Россия: безопасность через сотрудничество. Восточноазиатский вектор. М., 2003. С. 254–255.
2. <http://www.rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html> (дата обращения: 25.11.2011).
3. <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=6305> (дата обращения: 25.11.2011)
4. <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2005/06/90767/153816.shtml> (дата обращения: 25.11.2011).
5. <http://www.rosgrants.ru/node/947> (дата обращения: 25.11.2011).
6. <http://www.akdi.ru/gd/proekt/056413GD.SHTM> (дата обращения: 26.11.2011).
7. http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_51146.html (дата обращения: 26.11.2011).
8. <http://ria.ru/politics/20110208/331785610.html> (дата обращения: 26.11.2011).
9. См.: В Токио прошла демонстрация за возврат Курильских островов Японии. <http://artemovsk.info/2010/12/01/v-tokio-proshla-demonstraciya-za-vozvrat-kurilskix-ostrovov-yaponii.html> (дата обращения: 14.11.2011); См.: Японский премьер возглавил антироссийский митинг. <http://top.rbc.ru/politics/07/02/2011/539279.shtml> (дата обращения: 14.11.2011).
10. <http://onekorea.ru/2011/12/20/eksperty-u-rossii-net-rychagov-vozdjstviya-na-severnuyu-koreyu> (дата обращения: 26.11.2011).

Проблемы реформирования политической системы КНР: прогнозы и перспективы

Уманец Ольга Николаевна, преподаватель
Томский политехнический университет

Китай в настоящее время — это стремительно развивающееся государство, экономические успехи которого уже на протяжении нескольких десятилетий привлекают к себе внимание всего мирового сообщества.

Описание и анализ модернизационных преобразований, обусловивших столь впечатляющие результаты, были бы неполными без исследования проблем модернизации политической системы, ведь именно этот процесс во многом влияет на современную ситуацию в КНР.

В настоящий момент ведется дискуссия о том, как определить политическую систему Китая. Большинство ученых поддерживают ту точку зрения, что современная КНР — это классическая однопартийная система с монопольным доминированием КПК. Это одна из немногих систем, которая по-прежнему придерживается социалистической идеологии. Основной же вопрос, касающийся политической системы Китая, состоит в том, какой путь выберет китайское руководство в деле политической модернизации, возможна ли она вообще, а если возможна, то, как далеко готовы пойти партийные лидеры в этом направлении.

Главная задача китайского социализма — модернизация при сохранении стабильности в обществе под руководством Коммунистической партии Китая. В этой связи, сутью политической реформы должно стать совершенствование

уже существующих политических институтов при неприятии западных демократических образцов. Указания политических лидеров на особые условия Китая позволили им оправдать многие несовместимые с марксизмом положения, например, признание частной собственности, создание специальных экономических зон и др. Однако возможность дальнейшего реформирования остальных сфер жизни общества, политической, в частности, все еще вызывает множество споров.

Между тем, необходимость политического реформирования признавал еще идеолог китайской модернизации Дэн Сяопин. При этом, говоря о перспективах модернизации политической сферы, не стоит забывать о том, что китайское руководство никогда не подразумевало под политической реформой преобразование по типу западных демократий. Никогда не стоял вопрос о введении в Китае выборов на альтернативной основе, принципа разделения властей, реальной многопартийности. Руководители всегда указывали на особые условия Китая, подразумевая под этим, в том числе, и неприятие западной демократической модели развития.

Как пишут авторы доклада «Перспективы Китая», будущее китайской политической системы может развиваться по нескольким сценариям [4]. Первый из них — это проведение демократизации сверху путем демонтажа ме-

ханизмов, обеспечивающих сохранение доминирующей роли КПК в обществе, а также формирование демократических институтов. Однако такой сценарий представляется авторам маловероятным.

Второй — трансформация коммунистического режима в авторитарный, и, наконец, третий, — свертывание экономических реформ. В силу того, что власти КНР уже весьма далеко зашли в деле экономической модернизации, данный вариант развития событий вряд ли возможен. Помимо представленных точек зрения существует еще масса, которые имеют хождение в самом Китае и на Западе.

На сегодняшний день, несмотря на определенные трудности, связанные с политическим реформированием, Коммунистическую партию Китая никак нельзя упрекнуть в отсутствии известной степени гибкости. Так, в 2001 г. Цзян Цзэминем была выдвинута концепция «трех представительства», которая подразумевала, среди прочего, и расширение социального состава КПК за счет приема в нее представителей предпринимательских кругов. Руководство КНР четко осознавало, что увеличение численности частных предпринимателей неизбежно привело бы к тому, что они стали бы играть весьма значимую роль на политической арене, представлять реальную силу. Однако отсутствие представителей их интересов во властных кругах, привело бы к росту недовольства с их стороны, что, в свою очередь, стало бы угрожать социальной стабильности в обществе, которая, как известно, является в современном Китае основой экономического роста.

Собственно модернизация — это комплексный процесс. Она захватывает все сферы общества — экономику, социальную жизнь, политику, право, культуру. Изменения в этих областях тесно связаны между собой и взаимно подталкивают друг друга. Например, быстрый экономический рост, технический прогресс предполагают соответствующее изменение культурных установок, реформы политических структур, законодательства. И наоборот, если, скажем, хозяйственные сдвиги не сопровождаются политической демократизацией, а введение новых законов противоречит сложившимся представлениям в обществе, то развитие наталкивается на препятствия, модернизация оказывается лишь частичной, неполной.

Поскольку не имеет смысла отрицать тот факт, что собственно модернизация в странах Азии началась гораздо позже, чем в странах европейских, то необходимо принять во внимание особенности этой поздней модернизации. Протекает она в условиях интенсивной глобализации и информатизации всего человеческого сообщества, а, следовательно, испытывает воздействие уже существующих моделей, стимулов и представлений. Это придает ей непривычно широкие масштабы и стремительность, но вместе с тем, порождает новые, неизвестные прежде проблемы. Но всё же нельзя говорить о том, что развитие Востока идёт классическим путём. Можно говорить и том, что сейчас часть развивающегося мира не хочет и не может идти в том направлении, какое ранее считалось едва ли не обязательным для всех.

В конфуцианской культуре почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, права человека и прочие, к тому же, усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию в странах, на которые эта пропаганда направлена.

Несмотря на все перерождения теории модернизации, в результате которых она становилась всё более и более «демократичной», по сути своей полное и беспрепятственное применение она находит лишь в странах Запада. Если говорить о модернизации восточной, то неизбежно столкновение с некоторыми трудностями.

Модернизация с восточной спецификой чревата множеством трудностей, но есть большой выбор путей, достаточно реальных, по которым можно пройти в попытке преодолеть эти трудности. Каждая страна определяет для себя путь реформ самостоятельно, решая, какую из трёх концепций — симбиоз, конфликт или синтез выбрать; отказаться от своих исконных ценностей ради форсированного развития или попытаться соединить эти ценности с концепцией модернизации.

Очевидным фактором остаётся одно — социально-экономические преобразования в Китае не вписываются в рамки ни классического марксизма, ни буржуазных представлений о развитии общества. В Китае в процессе реформ идёт интенсивный поиск своего, национального пути развития. С тех пор как страна в столкновении с Западом со всей остротой ощутила свою слабость, свою отсталость, традиционная идея о построении сильного и богатого государства стала приобретать новое содержание.

С одной стороны, росло понимание того, что без учёбы у Запада, без заимствования его технических достижений, а также политических институтов и идей невозможно преодолеть свою отсталость. С другой стороны, многие идеологи и политические деятели Китая стремились, перенимая западный опыт, сохранить свою национальную самобытность, не утратить те традиции, которые, по их мнению, составляли ту суть, лишившись которой китайцы перестанут быть самостоятельной нацией.

Отличительная черта, которая характеризует китайский народ — приспособляемость при незаурядной способности сохранять свою самобытность. Модернизация Китая не означает растворения китайского культурного типа в мировой цивилизации. В современном Китае наблюдается сплав китайского и западного, дающий жизненным ценностям китайцев новое качество и новый смысл.

Общепринятым считается, что рынок и демократия неразрывно связаны друг с другом, а социализм и рынок — полнейшие противоположности. Между тем, китайский опыт демонстрирует обратное.

Еще один возможный сценарий событий — это реформирование китайской политической системы по образцу Японии и других дальневосточных стран, для которых характерна так называемая «полупартийная система». Уже на настоящий момент в Китае формально существ-

вуют 8 демократических партий. Эти партии, наравне с общественными организациями, представителями различных национальностей и китайцами, проживающими за границей, объединены в Народный политический консультативный совет Китая (НПККСК). Таким образом, действует формула о многопартийном сотрудничестве, а демократические партии КНР считаются участвующими во власти.

Многие исследователи по-прежнему считают, что демократизация общественно-политического строя Китая при существующей монополии КПК на власть совершенно невозможна. Однако в процессе своего развития руководство КНР неоднократно разрушало устоявшиеся стереотипы марксизма, поэтому не исключено, что страна может пойти по пути демократизации. Однако необходимо подчеркнуть, что характер ее будет во многом отличаться от западной модели. Трансформации будут происходить ровно настолько, насколько это позволит руководство КПК.

Уже на протяжении нескольких десятилетий в среде сиологов не утихают споры о том, как называть сложившийся в Китае общественно-политический строй. Наиболее употребительным на сегодняшний день термином служит «социализм с китайской спецификой». Л.И. Кондрашова же считает, что наиболее подходящий вариант — это «рыночный социализм» [2]. Под этим термином автор понимает существующую, фактически рыночную, экономическую систему при следовании социалистической идеологии. При этом отмечается, что внутренняя противоречивость данного термина весьма очевидна, он носит переходный характер и может в дальнейшем перерасти в «нормальный капитализм» со всеми присущими ему характеристиками.

Литература:

1. Бергер Я., Михеев В. Общественный строй Китая: «постсоциалистический капитализм»? // Общество и экономика. — 2005. — № 7–8.
2. Кондрашова Л.И. «Модернизация с китайской спецификой»: проблема экономического измерения // Проблемы Дальнего Востока. — 2002.
3. Михеев В.В. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — №5.
4. Перспективы Китая. Научный доклад ИПМИ. — М.: Права человека, 2003.

Вариант революционной смены политического режима выглядит наименее вероятным из всех описанных выше, хотя и стоит того, чтобы о нем упомянуть. Устойчивые позиции современной КПК и ее руководства, сращение бизнес-элиты и высших партийных чинов, а также неприятие данного исхода подавляющим большинством населения Китая позволяет смело утверждать, что такой сценарий практически невозможен.

Оценивая вероятность того или иного хода развития событий, связанного с политической модернизацией КНР, необходимо помнить о том, что китайские власти обладают довольно ограниченным набором инструментов, с помощью которых они могут действовать. Каким бы ни был итог реформ, главное, чтобы в ходе их не была затронута роль КПК, как руководящего центра страны, как основной движущей силы современного развития Китая.

На съездах КПК 2002 г. и последнем, XVII съезде 2007 г., подчеркивалось, что Китай абсолютно не приемлет стандарты западной демократии и не будет руководствоваться ими в процессе реформ. При этом утверждается, что КПК будет исходить лишь из собственных национальных реалий, основываясь на собственном опыте, и, в то же время, учитывать опыт политической культуры всего человечества.

Современная китайская власть видит своей основной задачей обеспечение стабильности в обществе, что, по мнению руководства, является предпосылкой для реформ и развития.

Очевидно, что процессы, происходящие в Китае, крупнейшем соседнем с Россией государстве, требуют самого пристального внимания и изучения, как в интересах национальной безопасности, так и в плане использования зарубежного опыта.

ИСТОРИЯ

Взаимоотношения молокан-«прыгунов» с царской администрацией в Северном Азербайджане во второй половине XIX века

Агаев Фуад Агабала оглы, младший научный сотрудник
Музей истории Азербайджана НАНА (г. Баку)

История сектантских движений является составной частью истории крестьянских движений в России. Русское религиозное сектантство неотделимо от такого учения, как молоканство. Молокане являются представителями русского старообрядчества в его достаточно радикальном варианте. Как и другие сектантские движения, молоканство разделилось, одним из которых стало «прыгунство» — учение Максима Гавриловича Рудометкина во второй половине XIX века на территории Южного Кавказа, преимущественно Северного Азербайджана.

Молокане не признавали церковной иерархии, т.е. священства, церковного предания и всех внешних атрибутов христианства, особенно иконы. Существенным отличием молоканства от других старообрядцев является отсутствие водного крещения: молокане утверждают, что крестятся Святым духом. Все молокане соблюдают ветхозаветные пищевые запреты, а молокане-прыгуны еще и ветхозаветные праздники. Так, Пасху они отмечают по иудейскому календарю, а наряду с православной Троицей, празднуют Память труб, Судный день и Куши.

Молоканство свое понимание о Боге основывало на Библии. Как тринитарная, так и христологическая доктрина молоканства ближе были православию. Для молокан Библия имела авторитет единственного и боговдохновенного источника веры, и знание Библии служило важнейшим свидетельством религиозного совершенства верующего. Молокане в своих воззрениях исходили из «равенства сынов Божьих», придерживались этики «добрых дел». Молоканство отвергало господствующую церковь и ее идеологию, для молокан эталоном религиозного строя служила христианская церковь до эпохи вселенских соборов, «извративших христианство».

В 30-х гг. были приняты указы по переселению старообрядцев на Кавказ, в том числе и на территорию Северного Азербайджана. По решению кавказской администрации для расселения молоканам и духоборцам были отведены земли в граничащих с Турцией и Персией губерниях: Тифлисской, Эриванской, Елисаветпольской и Шемахинской. Так что образование гражданских поселений

русских сектантов в Закавказье приходится в основном на начало сороковых годов XIX столетия. Первоначальная организация молоканских общин в Поволжье и Закавказье исходила из положения, что истинная церковь и гражданское общество являются тождественными — истинная церковь есть гражданское общежитие «евангельских христиан».

В середине 30-х годов волнения охватили ряд молоканских поселений Самарской, Саратовской, Астраханской и Таврической губерний. Здесь появились «пророки», учившие о приближившейся кончине мира, которую они изображали как возмездие «грешным» и преддверие тысячелетнего «царства Божьего».

Среди них объявились пророки, которые заявляли о конце света. Тамбовский молоканин Лукьян Соколов провозгласил наступление кончины мира в 1836 г. Он призывал переселяться на Кавказ, чтобы там воздвигнуть «Новый Иерусалим» и основать тысячелетнее царство, основанное на принципах социальной справедливости. Похожие идеи проповедовал молоканин из Астраханской губернии Терентий Белогуров, провозгласивший себя пророком Ильей. Как и следовало ожидать таких «пророков» ждали неудачи, но народ по-прежнему верил в мечту о вечном счастье и избавлении от преследований.

Успех таких проповедей среди рядовых молокан может быть правильно понят на фоне общего подъема народного движения против крепостничества в начале 30-х гг. XIX в. В центральных, южных и северных губерниях происходили народные волнения, которым правительственные инстанции дали название «холерных бунтов». Тысячи крестьян двинулись на Кавказ, спасаясь от крепостничества. Епископ Иаков, занимавший саратовскую кафедру в 1832—1847 гг., явился очевидцем этих событий. Он засвидетельствовал, что «...в 1832 году между молоканами повсюду открылось сильное движение. Огромными оboзми потянулись они из разных губерний на Кавказ...как будущие граждане имеющего открыться града господнего Иерусалима молокане шли в Новую землю с торжеством и веселием; нередко под открытым небом или во время са-

мого шествия...они громогласно пели псалмы и разные духовные песни» [2, с. 131].

Эсхатологические идеи, безусловно, застилали глаза участникам движения, уводили их в сторону от главного направления борьбы с крепостничеством. Но как ни расходились пути участников «холерных бунтов», «картофельных бунтов» 30–40-х гг. XIX в. и современных им представителей религиозной формы социального протеста, те и другие были крестьянами, ненавидевшими крепостной строй.

Одним из активных проповедников переселения на Кавказ был крестьянин Лукьян Соколов или Аникей Борисов. По происхождению А. Борисов из Самарской губернии, откуда он был выслан в Таврическую губернию, а потом, во главе с партией молокан, был сослан в Дилижан. При возникновении и распространении секты прыгунов в Закавказье, Соколов был главным вдохновителем, душой пропаганды. Лично Соколов проповедовал прыгунское учение в селении Еленовка, Новобаязетского уезда Эриванской губернии, где он в короткое время обратил в новую секту два семейства: Чеботаревых и Мельниковых, о чем гласило первое (1854 г.) официальное сообщение о появлении секты прыгунов. Гражданское начальство считало Соколова «главным развратителем» в деле распространения секты прыгунов и предполагало принять по отношению к нему репрессивные меры. Именно в 1856 г. его последователи в первый раз официально были названы «прыгунами».

Однако самого сильного размаха достигло учение «прыгунов» достигло во время уроженца Тамбовской губернии Максима Гавриловича Рудометкина, ставшего после переселения жителем села Никитино Александропольского уезда Эриванской губернии. Представляет большой интерес биография Максима Рудометкина. Он в 1842 г. он «за соращение из православия в молоканство» был осужден и сослан в Сибирский линейный батальон № 62, куда прибыл в 1845 г. Там прослужил рядовым до 1848 г. В сентябре того же года бежал и объявился в селении Андреевка Ленкоранского уезда. Из Андреевки в 1852 г. он отправился на заработки в Эриванскую губернию, где, объявив себя пророком, стал проповедовать новое учение [6, с. 188].

Он ввёл в своей общине «хождение в духе», сопровождавшееся песнопениями, в процессе которых молящиеся тряслись и подпрыгивали в одиночку и группами. Поэтому за ними закрепилось название «прыгуны». Это название впоследствии было принято и самими сторонниками этого течения. Сам себя он называл «по духу избранным агнцем, помазанным Господом, начальником сионского престола, вождем нового Израиля, царем духов». Для видимого подтверждения последнего титула Рудометкин даже носил особые эполеты с буквами «Ц» и «Д».

По словам М. Рудометкина царство должно было называться Сионским, и в этом царстве он сам вместе со своими последователями соберётся на Сионской горе, и

будет царствовать вместе с Христом, и будет это ровно тысячу лет. Управление духовной жизни общины осуществлялось через совет старейшин. Рудометкин ввёл среди молокан так называемый «сионский язык», на котором, по его мнению, должны будут разговаривать жители тысячелетнего царства. Рудометкин стал красноречиво доказывать своим сторонникам, что «теперь настало время пришествия Христа Спасителя, а вместе с этим время наступления 1000-летнего царствования, что теперь только этого следует ожидать и этому верить» [1, с. 62].

Проповеди его имели большой успех среди молокан. Так, среди молокан Эриванской губернии второй половины 50-х гг. больше половины стали последователями Рудометкина. В 1858 г. чиновники Эриванской губернии доносили, что новое учение не ограничивается внутренней жизнью молокан-прыгунов, а «распространением своим поселяет пагубные заблуждения в жизни общественной и гражданской. Возвеличивая себя в цари духовные, он ослабляет уважение к подлинным властям; допуская многоженство, учение это разрушает основы семейного быта; обещая скорый конец света, оно внушает равнодушие к труду и успехам хозяйственным». [1, с. 72] Кроме того, как отмечал русский публицист Н. Дингельштедт, губернатор Эриванской губернии опасался, что нерешительность официальных властей в пресечении учения «прыгунов» может поселить в «туземцах (т.е. азербайджанцах и армянах — Ф.А.) убеждение в шаткости наших религиозных убеждений». [1, с. 73] Местные власти, наблюдая за усилением религиозного брожения среди «прыгунов», поспешили донести, «что установившиеся между ними обряды, прежде всего, ведут к совершенному истощению и расстройству физических сил сектантов» [1, с. 63].

В ожидании «чуда» группировавшиеся вокруг Рудометкина последователи поддерживали в своей среде состояние экстаза с помощью культа, отчасти повторявшего культовую практику — одиночное и групповое прыгание вследствие религиозного возбуждения, которое верующие рассматривали как проявление действия «святого духа» в человеке.

В 1853 г. Рудометкин, хотя и был арестован за распространение нового учения, но осужден был за «побег, сокрытие воинского звания, ложное наименование себя крестьянином, составление фальшивых видов и извортливые показания». Решением суда от 16 мая 1855 года Рудометкин был приговорен к 8 годам в арестантские роты и прогнанию сквозь строй через 500 человек два раза. В 1857 г. был заключен в Александропольскую тюрьму, а через год пожизненно сослан в Соловецкий монастырь, а через девять лет переведен в Суздальский монастырь «для перевоспитания» [6, с. 188]. Путь до места заключения продолжался до 1860-го г., более года Рудометкин шел пешком из Тифлиса до Соловков по пересыльному этапу в кандалах и наручниках.

Царское правительство выступило против догматов нового учения и против сторонников Рудометкина нача-

лись репрессии. Самые стойкие из его последователей были заключены в тюрьмы, часть была выслана. В память о беспощадности царских властей молокане-прыгуны назвали селение Никитино «Городом крови».

В заключении Максим Рудометкин тайно написал четырнадцать рукописных «книжек», которые, в дальнейшем, составили вместе с другими избранными писаниями деятелей секты духовных молокан, одну общую книгу под названием «Книга солнца». Максим Рудометкин в посланиях из тюрьмы, обращенных к своим последователям, писал: «Помни всяк начало страшного суда Божия, который вскоре внезапно падет на русского царя, якоже и тогда нечаянно пал на египетского царя Фараона. Вот почему я и смело указываю вам здесь ныне тот злейший фараонов пример — прямо на русского кровьями пьяного царя». Рудометкин предрекал «гибель царю», «его проклятому потомству», которое «совокупно все погорит в небесном огне и сойдет все вместе прямо в горящее озеро, вкупе с дьяволом в вечную муку» [5, с. 451].

Он изобразил в своих сочинениях картину «царства Божьего», расположенного на квадрате земли, за пределами которого оставались «Гоги и Магоги» — лжехристиане, все те, кто не последовал за его проповедью. В центре квадрата — город. Окруженный 12 дворцами и четырьмя башнями высится семиэтажный дворец, построенный из драгоценных камней, увенчанный чистого золота крышей, над которой неугасаемого горит огонь. Рудометкин предупреждал верующих и неверующих, что «пробил одиннадцатый час небесного времени», что уже явились пророки (сам Рудометкин, прежде всего), перед которыми «потрясется вся земля, а кольми паче зломрачная антихристова военная гордая партия, или прямее сказать богомерзкая бесчисленная его армия и равно тому же им подобные все богачи, городские жители купцы и дворяне и также следующие за ними все богоотступные ошуйные простяки миряне» [4, с. 343].

Он предусмотрел и меры наказания для тех, кто воспротивится установленным им порядкам. Меры были достаточно жестки: «А иже кто воспротивится тому союзу нашему, то он погибнет либо изгнанием за границу под мрак вечного заточения, или скоро скончается сам смертью «электрическо» солнца» [4, с. 363].

После ареста Рудометкина молокане-прыгуны выбрали нового лидера. Им стал житель селения Еленовка Ивлий Минников, но он вскоре умирает от холеры. После Минникова возглавляет учение житель селения Константиновка Гаврило Валов. Учение молокан-прыгунов быстро теряет популярность уже в 60-х гг. и как сообщали царские власти, «секта утратила своё соблазняющее действие на умы народа и кончины мира прыгуны ожидать перестали». Уже к началу 70-х гг. идеология последова-

телей Рудометкина претерпела большие изменения. В глазах его ближайших преемников Александр II был не «кровью пьяным», а «благословенным» царем. Дело в том, что в самой общине «прыгунов» началось разделение на зажиточных и бедных общинников. Зажиточная часть была заинтересована в сотрудничестве с самодержавием. При посещении Александром II Тифлиса в 1871 г. ленокоранские прыгуны готовились преподнести императору приветственные стихи:

«О великий наш царь,
Всемиловнейший государь,
Славно-могучий герой,
Государь — Александр Второй!
В России крестьян освободил
И повсеместно не забыл» [2, с. 145].

По данным русских православных миссионеров, количество прыгунов в Закавказье в 1908 г. было следующее: в Тифлисской губернии 91 человек, в Карсской области — 3398, в Эриванской губернии — 1821, в Елизаветпольской губернии — 3286, в Бакинской губернии — 469 [6, с. 197]. В условиях столкновений с самодержавием рядовые участники прыгунства стали задумывать об эмиграции из Российской империи. Среди прыгунов распространялись слухи о якобы предсказанном Рудометкиным «походе в убежище» его последователей на рубеже XIX — XX вв. Прыгуны, проживавшие к этому времени в губерниях Эриванской, Бакинской, Тифлисской, Елизаветпольской, в Карсской области, начиная с 1900 г. слали просителей и направляли письменные прошения в Петербург, добываясь разрешения на выезд за границу. В течение 1901—1911 гг. более 3500 прыгунов эмигрировали в Северную Америку, в штат Калифорнию [2, с. 145].

Русский исследователь А.Ф. Ляйстер, опубликовавший в 1912 г. работу о закавказских прыгунах, основанную на данных непосредственных наблюдений, писал: «...я часто бывал в селениях, сохранивших ещё остатки прыгунства и неоднократно посещал прыгунские молитвенные собрания. Они теперь проходят все без «духа»...и мало чем отличаются от молоканских. В настоящее время прыгунов в Эриванской губернии насчитывается не более 600 душ обоого пола» [3, с. 14, 17—18]. Таким образом, можно констатировать падение активности этого направления молоканства уже в начале XX в.

История молокан-«прыгунов» Северного Азербайджана оставила свой заметный след в истории русского старообрядчества не только своей радикальностью по отношению к царскому правительству, но и, прежде всего отражением и стремлением определенной части крестьянства к построению социально справедливого общества.

Литература:

1. Дингельштедт Н. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., Тип. М.М. Стасюлевича. 1885.

2. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX века — 1917 год). М., Изд. «Наука». 1965.
3. Ляйстер А.Ф. Прыгуны в Закавказье. Эривань. 1912.
4. Рудометкин М.Г. Шестая книжка. «Дух и жизнь. Книга Солнце».
5. Рудометкин М.Г. Девятая книжка. «Дух и жизнь. Книга Солнце».
6. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Труд членов IV Всероссийского Миссионерского Съезда. Тип. Е.И.Фесенко. Одесса. 1911.

Учреждение на Руси праздника перенесения мощей Николая Чудотворца в трудах представителей зарубежной историографии

Семендяев Филипп Иванович, доктор богословия, преподаватель
Армавирский православно-социальный Институт

Как известно, изначально праздник перенесения мощей святителя Николая отмечался только жителями итальянского города Бар — в других странах христианского Востока и Запада он не был принят. Однако праздник перенесения мощей, оставшийся чуждым Византии, был учрежден на Руси; в результате этот прецедент (локальное апулийское событие получило отклик в далекой Московии), стал издавна привлекать внимание исследователей. Судя по всему, уже в XVI в. итальянским историкам было известно, что их праздник особенно почитается на Руси, но каких-либо объяснений этому они предложить не могли и предпочитали лишь констатировать примечательный факт.

Новый виток греко-латинской полемики после Брестской унии (1596 г.) в начале XVII в. привел к заметной активизации исследовательского интереса к данным событиям. Возможно, одним из первых вопрос об учреждении на Руси празднования Перенесения мощей Св. Николая затронул в 1617 г. виленский униатский архимандрит (позже смоленский епископ) Лев Кревза в своей «Обороне унии» [1, стб. 157—312]. Он доказывал, что «Rus pasza» приняла крещение, «kiedy Cerkiew Grecka byla w iednosci z Cerkwia Rzymaska, y choc sie potym Cerkiew Grecka od tey iednosci oderwala, Rus malo o tym wiedziala y owszem czesto patryarchom nie podlegala». Особым свидетельством того Лев считал учреждение Праздника перенесения мощей. Подчеркивалось, что Св. Николай, явившись одному барийскому священнику, сам пожелал покинуть Миры, опасаясь осквернения язычниками, и перенесся под покровительство Римского понтифика. Выводы униатского священнослужителя (о «непорочности веры и костела заходного» и «едности або унии Руской церкви зъ Римскою») вызвали крайнее раздражение у киевского православного иеромонаха Захарии Копыстенского, который в 1626 г. посвятил критике «Обороны унии» целое сочинение — «Палинодию» (*греч. Palinodia*, буквально — отречение, от *palin* — обратно, против и *ode* — песнь, лирическое стихотворение). К сожа-

лению, сочинение Захарии Копыстенского было издано лишь спустя 250 лет, а «Оборона унии» — на следующий год после написания (1618 г.)

Польский историк Ян Алоиз Кулеша, писавший в XVIII в., считал киевского митрополита Георгия еще подвластным Константинополю, но следующих за ним Иоанна II и Ефрема называл зависимыми от папы. Как только Ефрем в 1091 г. вступил на кафедру, считал Я.А. Кулеша, то сразу ввел празднование Перенесения мощей Св. Николая в Бари, а епархию подчинил Риму. Однако и здесь проявилась гибкая униатская двойственность: с одной стороны утверждалось, что Ефрем круто изменил ориентацию Русской Церкви, а с другой доказывалось, что и самой «схизмы» на Руси в XI—XII вв. не было. Церковного раскола не наблюдалось даже с Византией, где Алексей Комнин «w iednosci z Kosciolem Rzymstim zył» вплоть до своей смерти в 1118 г. [1, с. 80; 85—86].

Более достоверные сведения использовал униат Игнатий Кульчинский, чьи работы по истории церкви стали хрестоматийными для русских и зарубежных исследователей XVIII—XIX вв. (*Об ученом монахе известно крайне мало: он родился в окрестностях Гродно в 1707 г., 1727—1735 гг. провел в Риме, где много писал и издавал различных, чаще богословских, трудов, а также усиленно занимался церковной историей* [2, с. 100]). Автор первой подробной работы по истории грекокатоличества — «Идеал русской церкви» — «Specimen Ecclesiae Ruthenicae» [3] полагает: митрополит киевский Ефрем сменил Иоанна III и в 1092 г., после чего следовало учреждение праздника 9 мая.

Изложение И. Кульчинского было использовано Н.К. Фальконием и И. Штильтингом, которые приложили к нему пространные рассуждения о примате римского понтифика на Руси. Позднее тон иностранных историков утратил свою полемичность, но факт первоначального учреждения праздника папой Урбаном II, а вслед за тем митрополитом Ефремом (в 1092 г.) неизменно и многозначительно подчеркивался. Тем не менее, единого мнения о

судьбе Русской Церкви в конце XI в. не сложилось. Киевского митрополита считали то «отколовшимся» от православия в условиях жесткого противостояния христианских центров, то признавали его полную зависимость от примирительной политики Константинополя. Префект ватиканской библиотеки Иосиф Симонио Ассемани предполагал, что в конце XI в. наступило общее замирение церквей, символом которого считал именно Св. Николая, чьи барийские реликвии привлекли иерархов всей Европы в 1098 г. на Вселенский собор, выступивший в роли «воссоединительного». Предположение об участии в этом соборе греческих представителей И.С. Ассемани дополнял намеком на возможное присутствие там и посланников Киева, то есть митрополита Ефрема. Именно период около 1098 г. представлялся историку наиболее удобным для учреждения праздника 9 мая, «не соответствующего эпохе 1092 г.», когда Ефрем лишь вступил в должность.

Таким образом, в западной историографии утвердилась линия рассуждений, основание которой следует приписать И.С. Ассемани, а широкое развитие — П.Ш. Вердье. Последний уже не акцентировал внимание исключительно на участии русского представителя в работе Барийского собора 1098 г., но изыскивал еще более ранние тесные контакты русского и западного духовенства. При этом использовались ставшие позже расхожими аргументы о своеобразии отражения на Руси схизмы Михаила Керулария, о многочисленных родственных связях потомков Ярослава с западными династиями и о ленной присяге Изяслава Ярославича папе Григорию VII. Вердье считал несомненным тот факт, что частица мощей Николая Мирликийского прибыла на Русь вместе с папским посольством митрополита Феодора [4, с. 600–601] (Ефрем, по его мнению, занял киевскую кафедру уже после церемонии перенесения мощей).

Плотность контактов Руси с католическим миром при Всеволоде Ярославиче подчеркивал А. Пальмиери в своей статье о России в «Католической Энциклопедии»: «При Великом Князе Всеволоде Ярославиче (1078–1093 гг.) был учрежден праздник перенесения мощей Св. Николая в Бари, одобренный Урбаном II (1088–1099 гг.), который в 1091 послал этому князю епископа Феодора с мощами».

Не выходя за рамки материалов исследования П.Ш. Вердье, прибавив к ним лишь отсылки на Н.М. Карамзина и В.Г. Васильевского, строил свои рассуждения по данному вопросу русско-американский исследователь И.М. Концевич [5]. Он считал, что при освящении Барийского храма в 1089 г. там присутствовал русский епископ, который и сообщил о знаменательном событии в Киев. Учредил на Руси праздник митрополит Ефрем, к которому папа Урбан направил в 1091 г. делегацию Феодора с частицей мощей Св. Николая. О какой-либо схизме между Киевом и Римом в этот период, по мнению И.М. Концевича, говорить неуместно.

Объединителем этих мнений выступил Г. Подскальски, который отбросил частные фактологические предположения, но признал главное — непосредственную связь с

учреждением праздника Перенесения мощей миссии Феодора [6, с. 214, прим. 580], вокруг которой и следует развивать исследования (*основные затруднения были связаны с неоднозначностью летописной формулировки: «Феодоръ Грекъ митрополичь». С одной стороны, Феодор может быть представлен служащим митрополичьего двора, как это делает митрополит Макарий, с другой — речь может идти о митрополите Феодоре, который был посланником папы. Среди историков так и не сложилось единого мнения об этом*).

Б.М. Клосс разъяснил возникновение уникальных известий Никоновской летописи о сношениях с Римом, но Феодора, следуя линии митрополита Макария, признал только посланником: «Поскольку Никоновская летопись создавалась в канцелярии митрополита, то ее составителю был доступен архив русской митрополии. Отсюда в летопись могли попасть многие уникальные известия, в том числе и относящиеся к древнейшей поре: ...под 6599 г. ...возвращение из Рима митрополичьего посла Феодора Грека» [7, с. 183].

Совершенно ясно, что фальсификацией составители Никоновской летописи не занимались. Увидев в источнике известие о прибытии митрополита Феодора, они и в мыслях не держали, чтобы возвести его на киевскую кафедру — прибыл некий Феодор, митрополичьего сана, который «прииде... от папы», а не возвращался оттуда. Причем Феодор здесь заслоняет все посольство, то есть в любом случае выступает особой весьма титулованной: чаще всего (особенно в столь ранний период) в летописи послы обезличены. Вероятно, летописец не знал, в какой области Феодор был митрополитом, а потому вставил неопределенное «митрополичь». Важно было другое, архиерей привез с собой целое сокровище — «мощей много». Известно, что Ансельм Кентерберийский в 1097 г. пробыл из Англии в Рим инкогнито, а затем вспоминал об этом как об очень опасном предприятии — сторонникам Урбана было практически невозможно проехать через Северную Италию открыто [8, с. 310]. При этом рассматривать Феодора в качестве посла Урбана кажется более уместным, чем в качестве посланника Иоанна II.

В этом отношении показательна работа В. Абрахама [9], в которой он предпринял попытку представить Феодора не в качестве рядового папского посланника, но митрополита, посвященного на киевскую кафедру в Риме. Согласно его предположению, Ефрем, греческий ставленник, не согласился признать легитимность Феодора и самостоятельно присвоил титул митрополита всея Руси, организовав вокруг себя антиримскую партию. Для автора праздник Перенесения мощей был несомненным свидетельством близких контактов Киева с Римом в период понтификата Урбана II.

Подобные конструкции, конечно, имеют значительный историографический интерес, но в качестве полноценной гипотезы рассматриваться вряд ли могут. Смущает сам факт существования в Киеве двух параллельных иерархий. К тому же очевидной представляется близость Ефрема

Переяславского к правящему княжескому дому, из чего можно заключить его бесспорную победу в предполагаемой конфронтации с чужестранцем. В то же время совершенно невозможно заподозрить составителей Никоновской летописи в пролатинских симпатиях, даже при очевидном обилии именно в этом своде свидетельств о русско-римских контактах. Их могла заинтересовать информация о посольстве, а также о прибытии святых реликвий — но лишь как указание на определенную самостоятельность Русской Церкви, а не на иную систему подчинения.

Достоверно известно, что уже вскоре после прибытия в Бари мощи Св. Николая были по кусочкам (несколько пальцев, ногти, волосы) разнесены почти по всей Европе. Без труда можно предположить, что частица этих реликвий могла попасть и на Русь, скорее всего с миссией Феодора в 1091 г. Если это так, то именно этот год и представляется наиболее уверенной нижней границей для периода, в который возможно учреждение на Руси праздника Перенесения мощей.

У большинства современных исследователей подобное ограничение не должно вызвать возражений, поскольку ранее они его определяли как — «вскоре после 1087 г.» [10, с. 136], [11, с. 21], [12, с. 221–222] то есть, вероятно, имелось в виду «вскоре после учреждения этого праздника в Бари». Поскольку Урбан назначил празднование лишь 1 октября 1089 г., следовательно, впервые это мероприятие могли осуществить 9 мая 1090 г., то есть в первое 9 мая после официальной санкции понтифика. Феодор, если он отбыл из Рима после августа 1090 г., мог присутствовать как на синоде в Мельфи в сентябре 1089 г., так и при учреждении праздника Урбаном в Бари в октябре 1089 г., а после первого празднования 9 мая 1090 г. отправиться в путь. С другой стороны, еще И.А. Шляпкин [13, с. 2; 23] отметил, что сообщение Повести о барийских событиях «при киевском князе Всеволоде и черниговском Владимире» говорит о том, что она была составлена в кругу Всеволодовичей, причем в период их общерусского правления (в период непосредственного влияния на Русскую Церковь), то есть либо до 1093 г., либо после 1113 г., а автором был киевлянин или житель Чернигова. Прежде уже

подчеркивалось единое мнение исследователей о появлении Повести на Руси уже в конце XI в. Следовательно, верхней границей периода, в который был учрежден на Руси праздник 9 мая, можно назвать смерть Всеволода Ярославича 13 апреля 1093 г.

По большому счету, выбор ограничивается двумя датами: 9 мая 1091 (6599) г. и 9 мая 1092 (6600) г. Определенно предпочтительнее выглядит вторая. Во-первых, это воскресенье, в то время как 9 мая 1091 г. — пятница. Во-вторых, в качестве определенного намека может быть использована строка из русской Повести о перенесении мощей: «Намъ же о преблажене угодниче Христовъ милостивъ буди сде и в будущемъ веце». В этой общей фразе нет указаний на апокалиптические настроения, характерные для ожидающих наступления нового столетия: это намек на новое Пришествие и Страшный Суд. Однако фраза-штамп выглядела современной и в начале календарного века: «магия цифр» имела для средневекового человека особое значение. К тому же можно предположить, что Феодор прибыл на Русь не в самом начале 6599 (1091) г., в весеннюю распутицу, но летом, когда мог наблюдать пышно обставленные мероприятия по перенесению мощей прп. Феодосия Печерского. Тогда во главе процессии шел главный организатор акции, Ефрем Переяславский, замещавший тогда киевскую кафедру. Организация новых пышных торжеств по поводу учреждения праздника Перенесения мощей определенно показывала мощь Русской Церкви; в таких мероприятиях можно видеть, как стремление укрепить авторитет Церкви среди горожан, так и демонстрацию ее влияния для верховных властителей, киевского князя, греческого патриарха и императора.

Таким образом, в историографическом поле данной проблемы мы наблюдаем длительное преобладание униатского направления в истолковании событий у западных исследователей, длительное время сочетавшееся с полным (до XIX века) отсутствием какого-либо интереса к данному вопросу у отечественных специалистов. В результате, когда в России были предприняты попытки самостоятельных разысканий, им противостояла уже сложившаяся мощная историографическая традиция зарубежных коллег, полемизировать с которыми решался не каждый.

Литература:

1. Памятники полемической литературы в Западной Руси. — СПб.: Типография и хромофотография А. Граншеля, 1878. — Т. 4 (ППЛ. — Кн. 1). — 1448 с.
2. Алексеев Л.В. Игнатий Кульчинский — первый исследователь белорусских древностей // Древности славян и Руси. — Москва: Наука, 1988. — 288 с. — с. 100–104.
3. Kulczynski I. Specimen ecclesiae Ruthenicae. Ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempore in suis capitibus. — Paris, 1733. — 584 p.
4. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. — Т. I: Период первый. Киевский или домонгольский. — М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1901. — 1-я половина тома. — 793 с.
5. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях древней Руси. — 2-е изд-е. — М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. — 229 с.

6. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Пер. А.В. Назаренко / под ред. К.К. Аментьева. — 2-е изд. — СПб.: Византиноведение, 1996. — 572 с.
7. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. — М.: Наука, 1980. — 312 с.
8. Добиаш-Рождественская О.А. Культ Св. Михаила в латинском средневековье. V–XIII века. — Пг.: б/и, 1917. — 386 с.
9. Abraham W. Organizacja kościoła w Polsce do połowy XIII wieku. — Lwów, 1893. — 340 s.
10. Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. — М.: Мартис, 1997. — 223 с.
11. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточно-славянском культе Николая Мирликийского). — М: Изд-во МГУ, 1982. — 245 с.
12. Мурьянов М.Ф. Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвященный Л.В. Черепнину. — М.: Наука, 1972. — С. 216–224.
13. Шляпкин И.А. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам // Памятники древней письменности. — Том X. — СПб.: Тип. и хромофотография А. Траншеля, 1881. — С. 1–23.

Подготовка кадров для сельского хозяйства в период освоения целинных и залежных земель в Иркутской области в 1950–1970-х гг.

Татарникова Марина Романовна, аспирант
Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск)

В 1950–1970-х гг. в СССР проходила реализация грандиозной программы по освоению целинных и залежных земель. Она была утверждена на сентябрьском пленуме ЦК КПСС, после которого в стране был взят долговременный курс на интенсификацию сельского хозяйства. Предусматривались меры по повышению урожайности, освоение и введению новых земель в севооборот, улучшению работы машино-тракторных станций, а также по увеличению количества квалифицированных сельскохозяйственных кадров.

Иркутская область в 1953 г. вошла в число 19-ти краев и областей, которые были отнесены к целинным регионам. В этот период Иркутская область становится крупным промышленным центром общегосударственного значения, где увеличивается городское население и возрастает потребление продуктов питания. Сельское хозяйство должно было полностью удовлетворить потребности населения растущего региона в продуктах. Выполнение намеченных мероприятий по освоению целинных и залежных земель требовались квалифицированные кадры механизаторов, строителей, агрономов, мелиораторов. Сам вопрос о подготовке сельскохозяйственных кадров необходимо было решать в кратчайшие сроки, чего требовала государственная программа, и от правильного её решения зависел успех развития сельского хозяйства. Необходимо было подготовить не только руководящих работников колхозов, совхозов и машино-тракторных станций, но большое количество кадров рабочих профессий. Решение этой проблемы требовало широкого строительства на селе жилых домов, объектов социально-культурного назначения.

Подготовка профессиональных работников в первую очередь зависела от повышения их общего образовательного уровня. О масштабах этой работы можно судить по следующим данным: в 1952 г. в Иркутской области 95% бригадиров полеводческих бригад, 83% заведующих животноводческими фермами, 89% председателей колхозов, 48,6% директоров машино-тракторных станций, 88,7% главных инженеров, 96% заведующими мастерскими были с низшим образованием в 1952 г (1). Однако, несмотря на это положение, вопросами повышения общеобразовательного уровня работников не уделялось должного внимания. Соответственно, что многие председатели колхозов плохо разбирались в вопросах организации колхозного производства, экономики и финансов, имели слабые представления о достижениях науки и передового опыта, не обладали организаторскими способностями. Естественно, в колхозах, где стояли такие руководители, имелись низкие производственные показатели. Следует также отметить, что в 1953 г. из 685 колхозов Иркутской области, 302 являлись нерентабельными хозяйствами (2).

Местными органами власти, районные сельскохозяйственные управления недостаточно уделяли внимания поступлению в сельскохозяйственные техникумы и вузы молодежи с производства, рабочих совхозов и колхозников. Так, к примеру, в 1957 г. в Иркутском сельскохозяйственном институте из 1669 обучающихся студентов только 20 человек являлись колхозниками (3). В 1954 г. данный сельскохозяйственный вуз выпустил 69 специалистов сельского хозяйства, из которых 33 человека получили назначение в Читинскую область, Бурятию, Якутию и Мон-

гольскую Народную Республику. Разумеется, что оставшиеся были направлены на работу в колхозы и совхозы Иркутской области. Потребности такой огромной территории не могли быть удовлетворены в работниках высшей квалификации (4). В 1948 по 1955 гг. заочное отделение Иркутского сельскохозяйственного института окончили только 12 человек (5).

Для резкого увеличения количества сельскохозяйственных специалистов в школах Иркутской области были приняты меры. С 1956 г. начался переход на новые учебные программы: введение уроков труда и практикумов по сельскому хозяйству, машиноведению и электротехнике, организации школьных мастерских (6). Для решения задачи об укреплении связи школ с практикой многие семилетние школы улучшали политехнизацию обучения. Так, в 1956 г. для школ Усть-Ордынского Бурятского национального округа был приобретен автомобиль, два трактора, комбайн, культиватор, плуги, токарный станок, различные инструменты. Улучшение материально-технической базы школ способствовало подготовке будущих кадров сельского хозяйства.

В 1958 г. Министерство высшего образования СССР утвердило новые правила приема в вуз, в которых большое значение придавалось без отрыва от производства. В дальнейшем в вузы получили право зачислять в первую очередь, имеющих не менее чем двухлетний стаж практической работы в промышленном и сельскохозяйственном производстве или в других отраслях народного хозяйства и культуры, положительно проявившие себя на этой работе. Это правило также стало распространяться на демобилизованных из рядов Советской Армии и Военно-Морского Флота. Участники Великой Отечественной Войны, как и прежде, принимались в вузы без конкурса. Для лиц имеющих право для внеконкурсного поступления в вуз, выделяется до 80% мест от плана приема в вуз. Не менее 20% мест предоставлялось для молодежи, окончившие средние специальные учебные заведения и общеобразовательные школы (7).

На тот момент времени Иркутский Обком КПСС в целях повышения подготовки специалистов сельского хозяйства обязал директоров и секретарей парторганизаций высших учебных заведений шире проводить разъяснительную работу среди молодежи колхозов, МТС, совхозов, учреждений культуры о правилах приема в вузы, профильных учебных заведений, оказывать помощь при подготовке к экзаменам. К примеру в 1957 г. партийно-советское руководство области рекомендовало провести первоочередное зачисление в вузы не менее 60 % молодежи, работающей в различных отраслях народного хозяйства и имеющей опыт работы не менее 2-х лет, положительно проявившей себя в труде (8). Отдельно было сделано указание директору сельскохозяйственного института тов. Дроздову обеспечить прием студентов главным

образом за счет сельской молодежи. В реализации этих решений проводилась работа с молодежью: при средних школах для молодежи, работающей на производстве, были организованы подготовительные группы для поступления в вуз; приняты необходимые меры для принятия лучшей части молодежи с производства. Также была проведена разъяснительную работу среди учащихся 10 классов о целесообразности получения производственного опыта в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве.

В связи с тем, что специалистов сельского хозяйства в районах области все равно было недостаточно в соответствии с Постановлением Облисполкома и Иркутского Обкома КПСС «Мерах по дальнейшему улучшению агрономического и зоотехнического обслуживанию колхозов» от 20 августа 1955 г. было принято решение по укреплению экономически слабых колхозов более опытными и квалифицированными кадрами. Выпускники ИСХИ и других средних и среднеспециальных учебных заведений направлялись в районы области для работы в колхозах, совхозах и МТС. Данных специалистов рекомендовали в качестве агрономов и зоотехников, заместителей председателей колхозов, бригадиров производственных бригад и заведующих животноводческими фермами. Также было рекомендовано колхозам устанавливать, по решению общих собраний, ежемесячную оплату труда агрономов и зоотехников колхозов в зависимости от стажа работы и квалификации, примерно в следующих размерах: специалистам сельского хозяйства, работающим в колхозе в качестве агрономов или зоотехников, имеющих высшее образование, от 70 до 90 процентов, со средним образованием — от 60 до 80 процентов трудодней и денежной доплаты, начисляемых председателю колхоза (9). Также выдавать все виды дополнительной оплаты и материальных поощрений, предусмотренных действующими постановлениями партии и правительства для председателей колхозов по той отрасли, за которую они отвечают.

Освоение целинных и залежных земель в Иркутской области способствовало решению кадровой проблемы в сельском хозяйстве, укреплению экономики колхозов и совхозов, увеличению производства продуктов земледелия и животноводства. Все это внесло крупный вклад в экономическое развитие Иркутской области и повышения жизненного уровня трудящихся.

Нынешнюю социально-экономическую обстановку в сельской местности Иркутской области можно определить, как бедственную, жизненный уровень и занятость сельских жителей достигли опасной черты. Жизнеспособность сельского хозяйства напрямую зависит от государственной поддержки, которая пока не просматривается. Ведь только процветающая деревня может стать надежной опорой российского государства и обеспечить продовольственную безопасность страны.

Литература:

1. ГАНИИО, ф. 127, оп. 35, д. 9, с. 91

2. ГАНИИО, ф. 127, оп. 35, д.61, с. 101
3. ГАНИИО, ф. 127, о. 50, д. 66, с. 12–15
4. п. Усть-Орда, газета «Знамя Ленина», 1954 г., №84
5. ГАНИИО, ф. 127, оп. 44, д. 54, с. 8
6. п. Усть-Орда, газета «Знамя Ленина», 1956 г., № 6
7. ГАНИИО, ф. 127, оп. 72, д. 7, с. 75
8. ГАНИИО, ф. 127, о. 50, д. 66, с. 15
9. ГАНИИО, ф. 127, оп. 72, д. 44, с. 178

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Социально-экономическое содержание категории «капитал»

Алексеева Екатерина Павловна, аспирант
МГУ им. Ломоносова

Займствование понятия «капитал» социологией привело к появлению множества теоретических исследований новых видов капитала: символического, культурного, социального, человеческого, политического [2, с. 50–89] и т.п.

Социологический подход дополнил смыслы, которые принято вкладывать в данное понятие в экономической науке, однако их объединяет, по крайней мере, одна главная черта.

Каждый из видов капитала выделяется в качестве такого по признаку способности приносить дополнительную стоимость. Определение капитала как самовозрастающей стоимости верно для любого из вышеперечисленных видов капитала.

Рассмотрим такую категорию, как *человеческий капитал*.

Теория позволяет четко определить сущность, содержание, виды, способы оценки и регулирования человеческого капитала организации. Данный вид капитала активно обсуждается в научной, прикладной и учебной литературе как экономическая категория, ставшая одним из основных общеэкономических понятий, позволяющих объяснить и описать многие экономические процессы через призму человеческих действий и интересов.

Основатели целостной теории о человеческом капитале Т. Шульц и Г. Беккер обращали внимание на инвестиции в человеческий капитал и оценивали их эффективность. Это объясняется тем, что именно инвестиции средств превращают ресурс в капитал.

Таким образом, инвестиции в человеческий капитал ведут к росту производительности труда работника и его доходов. Следовательно, происходит накопление доходов с помощью человеческих способностей, что и превращает их в особую форму капитала.

Т. Шульц дал следующее определение: «Все человеческие способности являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденные способности. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими

вложениями, и называются человеческим капиталом» [12, с. 122–139].

Л. Туроу, обобщивший первые исследования человеческого капитала, в качестве исходного понятия дает следующее определение: «Человеческий капитал людей представляет собой их способность производить предметы и услуги» [20, с. 15]. В данном определении сохранена классическая традиция признания важности роли способностей к труду. Но Л. Туроу выделяет генетически базисную экономическую способность. «Экономическая способность, — пишет он, — представляет собой не просто еще одно производительное вложение, которым обладает индивидуум. Экономическая способность влияет на производительность всех других вложений» [20, с. 48]. Отсюда вытекает важное положение о необходимости единства жизнедеятельности как источника формирования и накопления человеческого капитала: «По существу, — отмечает Л. Туроу, — потребление, производство и инвестирование представляют собой совместные продукты деятельности человека по поддержанию жизни» [20, с. 125].

Аналогии с капитализацией материальных активов позволяли преодолеть недоверие к непривычному понятию «человеческий капитал». И. Бен-Порет писал, что человеческий капитал можно рассматривать как особый «фонд, функции которого — производство трудовых услуг в общепринятых единицах измерения и который в этом своем качестве аналогичен злобой машине как представительнице вещественного капитала» [7, с. 70].

Однако человеческие способности как капитальное благо существенно отличаются от физических свойств машин. «Аналогии между человеческим капиталом и физическим интересны и волнующи, — замечает Л. Туроу, — однако человеческий капитал нельзя анализировать точно так же, как физический капитал» [20, с. 121].

«...Неусовершенствованный труд, — пишет Ф. Махлуп, — нужно отличать от усовершенствованного, ставшего более производительным благодаря вложениям, которые увеличивают физическую и умственную способность человека. Подобные усовершенствования составляют человеческий капитал» [16, с. 419].

Впоследствии западные ученые обсуждали элементы и структуру человеческих способностей, которые возможно выгодно капитализировать, выявляли последовательности и отдачу инвестиций в человеческий капитал.

Теоретические позиции российских ученых характеризуются более четким разграничением содержания, сущности, форм, видов, а также условий формирования, воспроизводства и накопления человеческого капитала. М. Критский, одним из первых осуществивший позитивное исследование категории «человеческий капитал», определил ее как «всеобщую конкретную форму человеческой жизнедеятельности, ассимилирующую предшествующие формы потребительную и производительную, адекватные эпохам присваивающего и производящего хозяйства, и осуществляющуюся как итог исторического движения человеческого общества к его современному состоянию» [11, с. 17].

Признание всеобщности, историчности и конкретности человеческого капитала позволяет ограничить социально-экономические условия и временные рамки существования такого феномена, как человеческий капитал.

В своих дальнейших исследованиях М. Критский конкретизирует социально-экономическое содержание категории «человеческий капитал».

Во-первых, материально-вещественный капитал превращается в одну из форм проявления интеллектуального капитала благодаря роли науки и образования в современном производстве. Во-вторых, монополия на интеллектуальную собственность, на исключительное авторское право является единственно законной и признаваемой обществом монополией.

В-третьих, происходит отказ от понимания собственности только как имущественного отношения и права интеллектуальной собственности распространяются на нематериальные активы.

С. Климов, анализируя интеллектуальные ресурсы организации, определяет человеческий капитал как совокупность человеческих способностей, дающую возможность их носителю получать доход. Это качество роднит человеческий капитал с другими формами капитала, функционирующими в общественном производстве. Данный вид капитала формируется на основе врожденных качеств человека через целенаправленные инвестиции в его развитие [8, с. 21–22].

Социально-экономическую форму человеческого капитала и его качественную определенность характеризуют А. Добрынин и С. Дятлов. «Человеческий капитал, — пишут они, — представляет собой форму проявления производительных сил человека в рыночной экономике..., адекватную форму организации производительных сил человека, включенных в систему социально ориентированной рыночной экономики в качестве ведущего, творческого фактора общественного воспроизводства» [7, с. 6–7].

Результат появления человеческого капитала обозначен в следующей фразе: «Биржевой рынок признал

левередж человеческого знания, то есть отношение стоимости человеческого капитала к ее собственным средствам, вознаграждая ростом рыночной стоимости за сервис и технологии те компании, которые превосходят свою балансовую стоимость во много раз» [12].

Остается только добавить, что наличие человеческого капитала повышает не только заработную плату сотрудника, но и доходы компаний и государства в целом.

Классификация видов человеческого капитала осуществляется по разным основаниям и преследует разные цели, что и отражено в литературе по данной проблематике.

Западные исследователи, как правило, классифицируют человеческий капитал по видам вложенных в него инвестиций. В частности, Т. Шульц указывает, что способности человека «... развиваются посредством определенных видов деятельности, которые имеют атрибуты инвестиций» [19, с. 62]. К подобным видам инвестиционной деятельности Т. Шульц относит укрепление здоровья, растущий запас информации относительно экономики и обучение на рабочем месте. Все эти виды деятельности направлены на формирование определенных групп человеческих способностей, которые могут получать капитальную оценку и трансформироваться в человеческий капитал.

В структуре капитала фирмы особую роль играют признанные активы индивидуального человеческого капитала (патенты, авторские свидетельства, ноу-хау и др.), фирменные нематериальные активы (товарные знаки, марки, коммерческие секреты и др.), социальный, организационный, структурный капитал и бренд-капитал.

К. Маркс говорил о том, что капитал бесплатно присваивает достижения науки так же, как и разделение труда.

Разделение труда как элемент общественной организации производства является примером *социального капитала*, эффект от использования которого присваивается субъектами хозяйствования.

К элементам общественной организации относятся социальные нормы, доверие, так называемые социальные сети — совокупность общественных неформальных объединений, интерперсональные связи (личные, семейные, деловые). Задача таких сетей состоит в создании условий для координации и кооперации труда ради взаимной выгоды.

Социальный капитал характеризуется тем, что каждый экономический субъект каким-либо способом интегрирован в систему социальных отношений. Это капитал общения, сотрудничества, взаимодействия, взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в пространстве межличностных (интерперсональных) экономических отношений. Диалог и открытость позволяют людям учиться друг у друга, а значит, данный процесс можно охарактеризовать как социальное обучение. Практически все наши интеллектуальные преимущества состоят в знании, которое передается обществом и приобретается в процессе социализации, интеграции в систему общественных отно-

шений. Эти знания характеризуют социальную квалификацию.

Термин «социальное обучение» следует понимать как процесс самообучения и саморазвития через установление новых социальных связей, создания новых структур внутри общества, фирмы. Это обеспечивает интеграцию опыта отдельных личностей в общественный опыт.

В западной литературе социальный капитал определяется как «характерные черты социальной жизни — взаимодействие, нормы и доверие, — которые позволяют участникам эффективнее действовать вместе для достижения общих целей» [18, с. 66–72].

Социальный капитал — это способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определенной социальной сети или более широкой социальной структуре... Таким образом, социальный капитал — продукт включенности человека в социальную структуру [3, с. 33–52].

Французский социолог П. Бурдьё определяет социальный капитал как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала.

Говоря о социальном капитале, П. Бурдьё отмечает, что он «состоит из социальных обязательств («связей»), которые при определенных условиях преобразуются в экономический капитал и могут быть обращены в институт в форме причастности индивида к какой-либо социальной группе» [14, с. 12].

Капитал, обозначающий у П. Бурдьё позицию агента в поле, представляет степень власти над полем, уровень в иерархии доминирования и «легитимного принуждения», ограниченный ресурс, способный к росту и конвертации. Таким образом, рыночный актор, обладая высоким уровнем социального капитала, имеет власть над самим рынком и над средой, в которой он существует [4, с. 60–75].

Дж. Тернер определяет социальный капитал как «силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путем создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций» [21, с. 106].

Немного с других позиций рассматривает социальный капитал Ф. Фукуяма, оценивая его как фактор, обеспечивающий достижение эффективности экономической деятельности на уровне общества, а также отдельных этнических и социальных групп. Социальный капитал — это подкрепленная неформальная норма, способствующая сотрудничеству двух или большего числа индивидов.

По мнению И. Дискина, «функционирование глобального социального капитала выступает как одна из существенных характеристик нового этапа развития социально-экономических отношений в мире» [6, с. 18].

Социальный капитал — это знания, которые передаются и развиваются через взаимоотношения между ра-

ботниками, партнерами, поставщиками и покупателями. Он создается благодаря обмену знаниями, что требует существования общей организационной среды, в которой мог бы свободно и непрерывно осуществляться подобный обмен. Такую среду, как отмечает М. Армстронг, с большей вероятностью можно обнаружить в организациях «без границ», где основное внимание уделяется «горизонтальным» процессам, командной работе и целевым группам, что позволяет передавать знания в процессе профессиональной деятельности. Социальный капитал — это человеческий капитал, способный реализовать свой потенциал [1, с. 71].

Дж. Коулман рассматривает рынок как «корпорацию отдельных торговцев, каждый из которых располагает социальным капиталом, величина которого определяется количеством взаимосвязей на рынке» [10, с. 125]. Анализируя ценность социального капитала, он утверждает, что «группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами» [10, с. 126].

Как и Дж. Коулман, А. Коньков свойством всех типов социальных связей, позволяющим рассматривать их в качестве ресурса, считает способность «обеспечивать доступ индивидов к благам» [9, с. 90], то есть различные материальные и нематериальные блага более доступны индивидам, располагающим значительным объемом социального капитала, по сравнению с теми, кто не располагает им или располагает его меньшим объемом.

Дж. Коулман также выделяет такую характеристику социального капитала, как ее замкнутость или открытость, то есть наличие связей между всеми акторами социальной группы. Система, в которой все участники связаны между собой, называется замкнутой; в случае если нет связей между некоторыми участниками группы, то появляется открытая система. Говоря об открытости системы, Дж. Коулман отмечает, что «репутация не может возникать в открытой структуре» [10, с. 131], так как невозможно использовать санкции, вырабатываемые в группе.

Таким образом, все факторы, которые создают возможность возникновения и развития социальных связей и обеспечивают их функционирование, имеют отношение к социальному капиталу. Так, природные ресурсы и технологии, используемые фирмой, могут не изменяться, а ее социальный капитал может расти по мере развития внешних связей и репутационного капитала фирмы.

Несмотря на то, что социальный капитал не может являться частной собственностью отдельной компании, он входит в структуру активов компании и используется каждым предприятием по мере возможности.

Одна из первых попыток введения социального капитала в структуру факторов производства предпринята Дж. Коулманом. Он определяет человеческий капитал как внутренние и внешние связи организации. Можно купить компанию и вместе с ней социальный опыт по ее организации и управлению.

Отчуждаемым видом человеческого капитала можно считать *клиентский капитал*. Деятельность фирмы, обладающей данным видом капитала, становится социально-экономической деятельностью, а саму фирму можно назвать «мета-предприятием», вовлекающим пользователя в «совместное создание и усовершенствование потребительских ценностей, ибо покупатель выступает судьей в последней инстанции всех созданных компанией продуктов и услуг» [13, с. 442–443].

Еще в 1993 году Э. Гроув сформулировал одно из необходимых условий выживания несовершенного конкурента в сильной конкурентной среде.

Ведущие корпорации, а вслед за ними и остальные в условиях несовершенной конкуренции вынуждены производить не просто конкретные товары и услуги, а сложные социальные комплексы типа «материальные продукты и услуги + их потребители + их предпочтения», позволяющие увеличивать спрос по принципу положительно обратной связи, когда рост спроса увеличивает спрос [5, с. 80]. После завоевания определенным продуктом значительной доли рынка у населения появляется мотивация продолжать покупать различные его модификации.

Примером эффективного использования клиентского капитала является, например, то, что операционная система Windows установлена на большинстве компьютеров. Поэтому программисты стараются разрабатывать в первую очередь прикладные программы именно для этой системы, а затем уже для менее распространенной операционной системы OS/2. Поскольку обилие новых прикладных программ повышает привлекательность Windows в глазах потребителей, возникает эффект возрастающей положительной обратной связи, нарушить которую не удастся даже более совершенному продукту, если он вышел на рынок слишком поздно. Вместе с тем эту связь можно усилить, повысив каким-либо способом объем продаж.

Стремление к росту клиентского капитала превращает несовершенную конкуренцию отдельных производителей в инновационно-конкурентное содружество производителей и потребителей, воздействующее на весь комплекс общественных отношений.

Существование категории «клиентский капитал» особенно наглядно проявляется для страховых компаний и других финансовых предприятий, где основой деятельности является портфель договоров с клиентами, определяющий масштабы, структуру и динамику деятельности.

Конкурентная среда, в которой существуют компании в современной экономике, постоянно изменяется под воздействием инноваций. Высокие темпы таких изменений усложняют условия, позволяющие компании добиться успеха. Одним из таких условий является наличие у компании значительного *структурного капитала*, представляющего собой способность компании управлять своей организационной структурой, приспосабливаясь к изменяющейся конъюнктуре рынка и одновременно изменяя ее в выгодном для себя направлении. Структурный

капитал приумножается при увеличении свободы сотрудников компании, являющихся носителями человеческого капитала, и является наиболее ценным в условиях неопределенности и конкурентоспособности среды, в которой действует компания. Эффективный структурный капитал фирмы может возникнуть только там, где «идеи ценятся выше, чем положение по иерархической лестнице» [17, с. 99–135].

Примером фирмы, обладающей большим структурным капиталом, может служить мировой лидер по производству микропроцессоров — компания Intel. Чтобы покрывать свои издержки и увеличивать прибыль, компания должна продавать всё больше и больше процессоров каждой новой серии. Такая ситуация типична для любого несовершенного конкурента. Текущие издержки растут настолько стремительно, что угрожают свести к нулю всю будущую прибыль и превратить корпорацию в бесприбыльную. Чтобы этого не произошло, новая стоимость должна расти быстрее издержек, что ставит существование фирмы в зависимость от быстро меняющихся предпочтений потребителей. Если рынок насыщен и достаточно конкурентен, то чем сильнее эти предпочтения, тем больше инновационная добавленная стоимость, и чем эти предпочтения слабее, тем она меньше. Добавленная стоимость исчезает, когда продукт или услуга теряют свою привлекательность в глазах потребителей.

Еще одной формой отчуждаемого человеческого капитала можно считать *организационный капитал*. Это систематизированная и формализованная компетентность компании плюс системы, усиливающие ее творческую эффективность, а также организационные возможности, направленные на создание продукта и его стоимости.

Организационный капитал включает в себя:

- капитал инновации, к которому относятся защищенные коммерческие права, интеллектуальная собственность и другие нематериальные активы и ценности, обеспечивающие способность компании к обновлению;
- капитал процессов, который может быть представлен, например, системами производства, сбыта, послепродажного сервиса и др., в процессе деятельности которых формируется стоимость продукта.

Организационный капитал составляют знания, которыми владеет организация в целом, а не ее отдельные работники. Его можно описать как внедренные или институционализированные знания, которые можно хранить с помощью информационных технологий в доступных и легко расширяемых базах данных. Организационный капитал может включать в себя определенную информацию, которая записана в базах данных, инструкциях и стандартах по выполнению процедур, или же неписанные знания, которыми можно овладеть, обменяться или, насколько это возможно, кодифицировать их [1, с. 7–72].

Любые процессы или процедуры в организации созданы на основе знаний отдельных людей. Как замечают Т. Дэвенпорт и Л. Прусак, «в теории, эти внедренные

Таблица 1. Структура видов человеческого капитала

Неотчуждаемые виды человеческого капитала (неликвидный капитал)	Отчуждаемые виды человеческого капитала (ликвидный капитал)
Капитал здоровья	Социальный капитал
Культурно-нравственный капитал	Клиентский капитал
Трудовой капитал	Структурный капитал
Интеллектуальный капитал	Организационный капитал
Организационно-предпринимательский капитал	

Источник: составлено автором.

знания независимы от людей, которые их развивают — и, следовательно, они относительно стабильны — отдельный специалист может исчезнуть, но это не уменьшит запаса знаний, внедренных в компании» [15, с. 64]. Поскольку организационный капитал формируют люди и он принадлежит компании, то его можно развивать при помощи управления знаниями.

Укрупненная структура классификации человеческого капитала по уровням и собственности представлена в таблице 1.

Данная классификация видов человеческого капитала дает возможность рассматривать и оценивать челове-

ский капитал как на уровне отдельного сотрудника (индивидуальный человеческий капитал), компании или группы компаний (человеческий капитал компании), так и на уровне государства в целом (национальный человеческий капитал). В настоящей диссертации капитал рассматривается на уровне отдельной организации.

Специалисты считают, что развитие и рост значения нематериальных активов относятся к признакам формирования постиндустриального, или сервисного общества.

Вместе с доминантами экономических отношений менялись конкурентные преимущества и способы их повышения, что показано на рис. 1.

Рис. 1. Развитие конкурентных преимуществ

Источник: составлено автором.

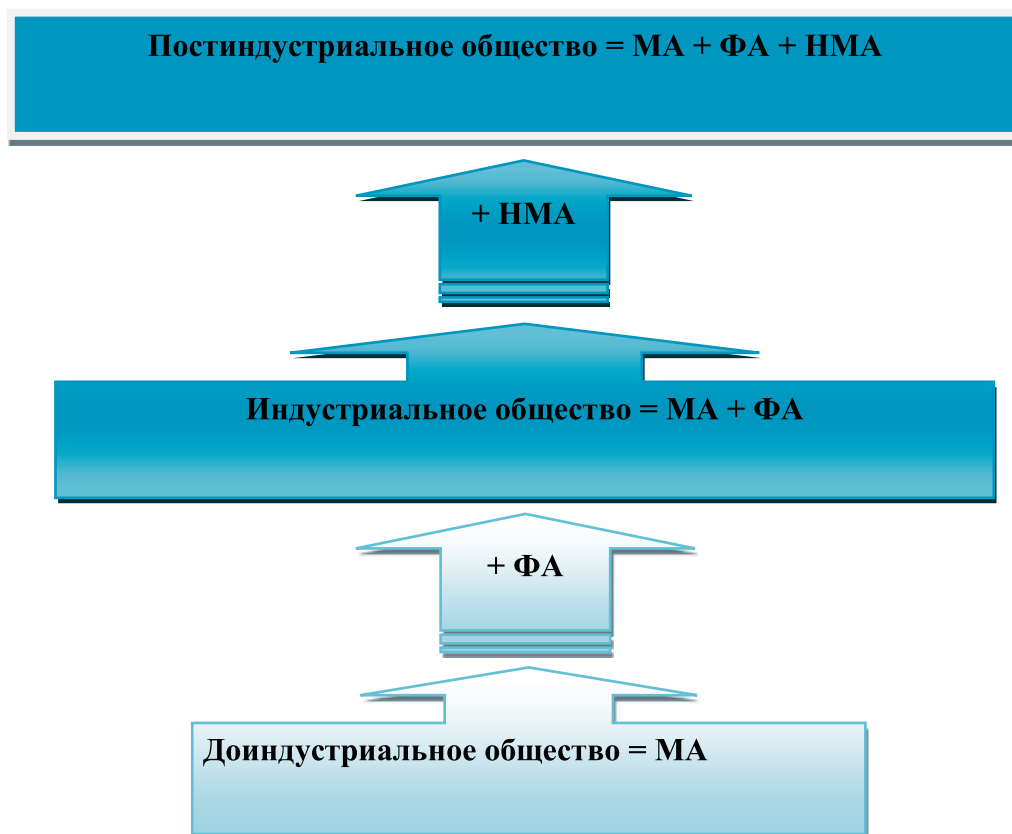

Рис. 2. Доминанты экономических отношений в различных типах обществ

Источник: составлено автором.

В настоящее время происходит переосмысление ценностей, многие компании осознают необходимость формирования нематериальных видов капитала. Если до индустриализации в качестве основной доминанты экономических отношений выступали материальные активы, то в индустриальном обществе они дополнялись финансовыми активами, то есть оборотным капиталом. В постиндустриальной экономике растет значимость нематериальных активов, что показано на рис. 2, где МА —

материальные активы, ФА — финансовые активы, НМА — нематериальные активы компании.

Таким образом, мы видим, что изначально категорию «капитал» рассматривали как ценность, запас товаров, деньги, способные приносить прибыль, а современные экономисты и менеджеры рассматривают капитал как совокупность активов, способных принести компании сверхприбыль, в том числе за счет нематериальных активов, основным из которых является репутационный капитал.

Литература:

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / Пер. с англ. С.К. Мордовина. 8-е изд. СПб.: Питер, 2004.
2. Беккер Г.С. Воздействие инвестиций в человеческий капитал на заработки // Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. ;Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
3. Бурдые П. Физическое и социальное пространство. М.: Социология политики, 1993.
4. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5.
5. Гроув Э. Высокоэффективный менеджмент. М.: Наука, 1996.
6. Дискин И.Е. Социальный капитал в глобальной экономике // Общественные науки и современность. 2003. № 5.
7. Добрынин А.Н., Дятлов С.А. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: Наука, 1999.
8. Климов С.М. Интеллектуальные ресурсы организации. СПб.: ИВЭСЭП «Знание», 2000.
9. Коньков А.Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006.

10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.
11. Критский М.М. Человеческий капитал. Л.: Изд. Ленгоста, 1991.
12. Фиценс Ж. Человеческий капитал: как изменить и увеличить его стоимость. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.iteam.ru/publications/human/section_44/article_3000.
13. Эдвинссон Л., Мелоун М. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // *Новая индустриальная волна на Западе*. М.: Academia, 1999.
14. Bourdieu P. The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for Sociology of Education*. N.Y., 1986.
15. Davenport T., Prusak L. *Working Knowledge: How organizations manage what they know*. Boston, Mass.: Harvard Business School Press.
16. Machlup F. *The Economics of information and Human Capital*. Princeton, 1984.
17. Pilot G. *Building Community in the Workplace // The Community of the Futur*. San Francisco, 1998.
18. Putnam R. *Who killed civic America // Prospect*. March.
19. Schultz T. *Investment in Human Capital – the Role of Education and of Research*. N.Y., 1971.3.
20. Tnurow L. *Investment in Human Capital*. Belmont, 1970.
21. Turner J. *The Formation of Social Capital. Social Capital: A Multifaceted Perspective*. Washington, 2000.

Методика исследования мотивов сохранения беременности (МИМСБ)

Рабовалюк Любовь Николаевна, аспирант

Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток)

Психологическая диагностика мотивов сохранения беременности остается актуальным и перспективным направлением исследования в перинатальной психологии. В статье предложена методика исследования мотивов сохранения беременности.

Ключевые слова: перинатальная психология, методика исследования, мотивы сохранения беременности.

В современной психологии и психотерапии считается, что мотивы сохранения беременности, отношение женщины к своей беременности и к будущему ребенку играет огромное значение для развития последующих взаимоотношений матери и ребёнка [И.В. Добряков, 2010; С.Ю. Мещерикова, 2008; Г.Г. Филипова, 2007; О.В. Магденко, 2005; С.В. Трушкина, 2005; Н.В. Боровикова, С.А. Федоренко, 2000; А.И. Захаров, 1998].

Е.Д. Красильникова (2009) отмечает, что на сегодняшний день, не смотря на всю актуальность данной проблемы, исследование мотивов зачатия и сохранения беременности представлена в литературе не достаточно. Выявление истинных мотивов дает возможность проводить психокоррекционную работу по «переводу» деструктивных мотивов в категорию конструктивных, и позволяет на более сознательном уровне влиять на демографическую ситуацию в стране.

Исследование мотивов зачатия довольно сложно, так как всегда психолог имеет дело не с одним, а с совокупностью мотивов, отмечает С.В. Трушкина, (2005). Ситуация осложняется еще и тем, что часто декларируемые мотивы сохранения беременности не всегда являются истинными мотивами и часто не осознаются. Выявление истинных мотивов очень трудоемкое и сложное дело, осложненное неоднозначностью критериев диагностики, различными типологиями и классификациями (С.С. Балабанов, Б. Наук,

З.Х.-М. Саралиева, 2009; Н.В. Боровикова, С.А. Федоренко, 2000; Н.В. Боровикова, 1998; и др.), требующее квалификации и опыта от специалиста. Проблема изучения мотивов сохранения беременности осложняется и тем, что отсутствует в широком доступе диагностический инструментарий, позволяющий исследовать мотивы сохранения беременности. Решая данную проблему при использовании модифицированной типологии мотивов сохранения беременности С.С. Балабановой, Б. Наук, З.Х.-М. Саралиевой (2009), мы создали методику исследования мотивов сохранения беременности (МИМСБ). В течение нескольких лет (2009–2012) на базе КГБУЗ «Владивостокского клинического родильного дома №2» велась работа по апробации и валидации данной методики (всего исследовано 188 беременных женщин). Параллельно на базе ГОУ ВПО «Владивостокского государственного медицинского университета» Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию велась работа по модификации и адаптации данного опросника на студентах старших (89 студентов) и младших (40 студентов) курсов. В результате чего, созданы модификации «Методики исследования мотивов сохранения беременности» для юношей и девушек, названные: «Методика исследования ценностной ориентации на отцовство» для юношей и «Методика исследования ценностной ориентации на материнство» для девушек.

Структура опросника

Опросник состоит из «паспортной части», где учитываю Федеральный закон РФ № 152-ФЗ от 27 июля 2006 года «О защите персональных данных», исключены данные, касающиеся фамилии, имени и отчества. Вторая, «диагностическая часть» опросника состоит из 78 утверждений, объединенных в 10 блоков, а так же графы для свободного ответа.

Первый блок (5 утверждений) опросника посвящен определению того на сколько желанна беременность, сомневается ли женщина в правильности своего решения или нет. Насколько беременность была неожиданной или же она планировалась заблаговременно. В данном блоке опросника сумма баллов не суммируется, а лишь позволяет разделить беременных женщин на анализируемые группы по запланированности и желанности беременности.

Второй блок (5 утверждений) выявляет субъективное отношение к материальным (финансовым) затруднениям. Этот блок содержит утверждения, касающиеся отсутствию благоприятных жилищных условий для малыша; общую обеспокоенность за будущее малыша. В данном блоке содержатся утверждения, повествующие о том, что дети являются серьезной финансовой нагрузкой; утверждения, касающиеся тревожности по поводу невозможности в будущем дать достойное образование и развитие для малыша. Блок содержит утверждения о том, что будет «тяжело» материально поднять ребенка. Высокие баллы по данному блоку опросника могут свидетельствовать о некотором «напряжении» в эмоциональном плане, связанном с неудовлетворенностью нынешним финансовым положением, о некоторой степени фрустрированности потребности в безопасности.

Третий блок (10 утверждений) отражает истинное стремление быть матерью, как результат психофизиологической готовности женщины к материнству. В этот блок были включены следующие утверждения женщин: «я очень люблю детей»; «мы с супругом любим друг друга и хотим иметь общего ребенка»; «хочу любить ребенка и заботиться о нем»; «хочу ощутить радость материнства»; «дети — это счастье»; «получаю удовольствие, когда наблюдаю за тем, как ребенок растет»; «испытываю радость иметь маленького ребенка»; «особенная любовь, развивается между родителем и ребенком»; «в доме весело, когда есть дети». Высокий балл по данному блоку опросника свидетельствует о конструктивных мотивах сохранения беременности.

Четвертый блок (8 утверждений) выявляет субъективное ощущение ограничение свободы, эгоистические тенденции личности, неготовность жертвовать своим временем и развлечениями ради детей и семьи. Вторая часть блока изучает приоритеты ценности ребенка и семьи или карьеры и учебы. Высокие баллы по данному блоку опросника, могут интерпретироваться, как некоторая неготовность посвятить себя материнству в данный момент. И могут расцениваться, как «группа риска» для дальней-

шего развития материнской сферы и детско-родительских отношений.

Пятый блок опросника (8 утверждений) выявляет озабоченность собственным здоровьем; негативно-обвиняющий стиль переживания беременности; страхи, касающиеся изменения тела; страхи утраты детородной функции; убежденность в том, что после беременности непременно испортятся зубы и выпадут волосы. Высокие баллы опросника могут свидетельствовать как о негативных мыслях, о последствиях беременности для своего здоровья, так и о «социальных установках» по поводу беременности. Каждый блок опросника необходимо уточнять дополнительными вопросами.

Шестой блок опросника (9 утверждений) выявляет высокую степень тревожности к материнству, пессимистический настрой. Блок содержит следующие утверждения: «боюсь, что не смогу достаточно заботиться и уделять внимания своему ребенку»; «ребенок доставляет много проблем»; «детей трудно дисциплинировать и контролировать»; «дети доставляют беспокойство, особенно, когда они больны»; «невозможно проводить много времени с мужем, когда есть дети»; «дети влекут за собой появление новых проблем в браке»; «дети создают проблемы с соседями и обществом». Высокие баллы опросника могут свидетельствовать о низкой мотивации к материнству, о деструктивных мотивах сохранения беременности.

Седьмой блок (10 утверждений) свидетельствует о стремлении беременной женщины соответствовать социальным ожиданиям. Мотивом сохранения беременности, как правило, являются социальные стереотипы и ожидания общества. Эти женщины, как правило, утверждают: «дети способствуют усилению связей с родственниками»; «согласно моей вере, долгом является иметь детей»; «хочу изменить социальный статус»; «хочу быть как все»; «возраст вынуждает», «у всех подруг уже есть дети»; «муж очень хотел ребенка»; «хочу, чтобы не прерывались фамилия, род». Хотя данный блок опросника трудно отнести к деструктивным мотивам сохранения беременности, конструктивными данные мотивы назвать тоже сложно. Так как беременность у этих женщин наступает, потому что «так надо», и «я должна», а не ради любви, ради ребенка.

Восьмой блок (10 утверждений) отражает стремление матери иметь ребенка, который воплотит нереализованные планы, мечты и желания матери. Эти женщины надеются, что их «жизнь будет продолжаться через детей», что «люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте». Они сохраняют беременность для того, чтобы «чувствовать себя кому-то нужной», «чтобы был хотя бы один близкий человек». Эти женщины при помощи детей стараются самореализоваться, утверждая, что «дети повышают чувство ответственности и помогают развиваться». Они часто отмечают: «хочу поделиться с детьми тем, чем владею сама», «благодаря ребенку я смогу найти новых друзей». Данный блок опросника помогает выявить надежды женщины на то, что «дети смогут

помочь в пожилом возрасте» и «ребенок будет помогать по дому», а «рождение второго ребенка улучшит материальное положение семьи».

Девятый блок (6 утверждений) выявляет деструктивные мотивы сохранения беременности, как способа сохранения отношений и удержания супруга в браке. «Дети помогут сблизить меня с мужем»; «родительство улучшает положение и репутацию среди родственников (или коллег)»; «муж не оставит меня с ребенком (не уйдет от меня)»; «беременность поможет сохранить отношения»; «в случае беременности мой партнер женится на мне (мы распишемся)». Высокий бал по данному блоку свидетельствует об отношении к беременности, как к средству манипулирования отношениями.

Десятый блок (7 утверждений) выявляет страхи и компенсации женщины: «считаю, что в семье должно быть больше одного ребенка, потому как никто не застрахован

от несчастного случая»; «хочу заменить родившимся ребенком утраченного близкого человека (умершего, бросившего)»; «теперь, когда есть ребенок, родители вынуждены смириться с браком»; «хочу показать родителям, что стала самостоятельной»; «хочу родить «назло» партнеру (или кому-либо)»; «хочу родить только для себя»; «ребенок начало нового этапа в жизни, все плохое уже позади». Высокие баллы по данному блоку свидетельствуют о том, что данная категория женщин нуждается в психокоррекционных мероприятиях.

Благодарим Вас за то, что Вы согласились анонимно заполнить протокол комплексного психологического обследования беременной женщины, являющийся частью научно-исследовательской работы. Спасибо Вам за участие в этом исследовательском проекте и надеемся, что Вам будет интересно ответить на наши вопросы.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ МОТИВОВ СОХРАНЕНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ (МИМСБ)

Л.Н. Рабовалюк

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Срок текущей беременности (в неделях) _____

1. **Количество полных лет** _____
2. **Образование** (нужное подчеркнуть): Неполное среднее / Среднее / Среднее специальное / Незаконченное высшее / Высшее _____
- Специальность** _____
- Социальная группа** (нужное подчеркнуть): Учащаяся (школы, ПТУ, техникума) / Студентка ВУЗа / Рабочая / Служащая / Предприниматель / Домохозяйка _____
- Другое _____
3. **Семейное положение** (нужное подчеркнуть): Не замужем / Замужем / Гражданский брак / Разведена / Вдова _____
4. Сколько лет в браке _____
5. **Краткий анамнез:**
  - 1) Количество беременностей _____ — из них медикаментозных абортотв _____
медицинских абортотв _____ — самопроизвольных абортотв (выкидышей) _____
Другое _____
  - 2) Количество родов _____ — из них путем «кесарева сечения» _____
  - 3) Количество, год рождения, пол детей _____
6. **Осложнения беременности:**
  - a. Угроза не вынашивания беременности (нужное подчеркнуть): Да / Нет.
Причина _____
  - b. Токсикоз (ранний, поздний) _____
  - c. Наличие показаний родоразрешения путем «Кесарева сечения» _____
  - d. Соответствие размеров плода и таза _____
  - e. Другие осложнения беременности _____
7. Планировали беременность? (нужное подчеркнуть) Планировала чуть позже / Нет не планировала / Да планировала за ранее / Беременность случайная
8. Кто первый узнал от Вас о Вашей беременности? _____
9. Как воспринял эту весть Ваш муж? _____
10. Когда почувствовали первое шевеление ребенка? _____
11. Кто первый узнал от Вас о шевелении ребенка? _____
12. Вы заполняли данную анкету ранее? (нужное подчеркнуть) Да / Нет

Предполагаемая дата естественных родов _____

Плановое Кесарево сечение: Да _____ Дата _____ Нет _____

Инструкция: Внимательно прочитайте суждения предлагаемого опросника, оцените степень согласия (поставьте галочку в нужной графе), затем выберите 3 самые важные на Ваш взгляд причины вашей беременности и обведите эти утверждения.

- 5 – Полностью согласна
- 4 – Скорее согласна
- 3 – Трудно сказать
- 2 – Скорее не согласна
- 1 – Абсолютно не согласна

		5	4	3	2	1	Сумма баллов
I	Я долго не могла забеременеть, и вот наконец-то получилось						Σ=
	Беременность была неожиданной, но очень желанной						
	Сначала я сомневалась, стоит ли сохранять беременность						
	Теперь я сомневаюсь, правильно ли поступила, оставив беременность						
	Я не хочу этого ребенка						
II	Боюсь, что у меня нет соответствующих жилищных условий, в которых ребенок будет чувствовать себя абсолютно комфортно						Σ=
	Я обеспокоена за будущее моего ребенка						
	Дети являются финансовой нагрузкой для всей семьи						
	Боюсь, что не смогу дать ребенку достойное образование и материальное обеспечение						
	Боюсь, мне будет (материально) тяжело «поднять» ребенка						
III	Получаю удовольствие, когда наблюдаю за тем, как ребенок растет						Σ=
	Испытываю радость иметь маленького ребенка						
	Особенная любовь, развивается между родителем и ребенком						
	В доме весело, когда есть дети						
	Беременность «ради ребенка»						
	Я очень люблю детей						
	Мы с супругом любим друг друга и хотим иметь общего ребенка						
	Хочу любить ребенка и заботиться о нем						
	Хочу ощутить радость материнства						
Дети – это счастье							
IV	Дети ограничивают свободу						Σ=
	С детьми теряется контакт с друзьями						
	С ребенком не хватает времени на себя						
	Теперь, когда у меня есть ребенок, придется забыть про все развлечения						
	Имея детей, труднее сохранить работу						
	Работа (карьера или учеба) на данном этапе жизни для меня важнее, чем дети						
	Рано я забеременела, не знаю, как буду учиться дальше						
	Не знаю, как я сейчас буду совмещать заботу о ребенке и работу (учебу)						
V	У меня сложная беременность и плохое здоровье						Σ=
	Я (или мой муж) уже в возрасте и я этим обеспокоена						
	Беременность портит фигуру						
	Беременность делает меня менее привлекательной						
	После рождения детей портятся зубы и выпсыпаются волосы						
	Хочу родить, так как боюсь утратить возможность деторождения в будущем						
	Аборт вреден для здоровья						
Беременность заставляет мой организм стареть							

VI	Боюсь, что не смогу достаточно заботиться и уделять внимания своему ребенку									Σ=
	Ребенок доставляет много проблем									
	Детей трудно дисциплинировать и контролировать									
	Дети доставляют беспокойство особенно, когда они больны									
	Невозможно проводить много времени с мужем, когда есть дети									
	Дети влекут за собой появление новых проблем в браке									
	Дети создают проблемы с соседями и обществом									
	Роль матери не особенно одобряется людьми, с которыми я общаюсь									
	Я не очень люблю детей									
VII	Хочу, чтобы не прерывались фамилия, род									Σ=
	Я беременна, потому что хочу, чтобы первому ребенку (детям) было с кем общаться									
	Дети способствуют усилению связей с родственниками									
	Согласно моей вере долгом является иметь детей									
	Хочу изменить социальный статус									
	Хочу «быть как все»									
	Возраст вынуждает									
	У всех подруг уже есть дети									
	Муж очень хотел ребенка									
VIII	Хочу улучшить демографическую ситуацию в стране									
	Моя жизнь будет продолжаться через моих детей									Σ=
	Дети повышают чувство ответственности и помогают мне развиваться									
	Люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте									
	Дети смогут помочь мне, когда буду пожилой									
	Ребенок будет помогать мне по дому									
	Хочу поделиться с детьми тем, чем владею сама									
	Благодаря моим детям я смогу найти новых друзей									
	Чтобы был хоть один близкий человек									
IX	Чтобы чувствовать себя кому-то нужной									
	Рождение второго ребенка улучшит материальное положение семьи									
	Дети помогут сблизить меня с мужем									Σ=
	Родительство улучшает положение и репутацию среди родственников (или коллег)									
	Муж не оставит меня с ребенком (не уйдет от меня)									
	Беременность поможет сохранить отношения									
X	В этом случае мой партнер женится на мне (мы распишемся)									
	Таким образом, можно укрепить отношения в семье									
	Считаю, что в семье должно быть больше одного ребенка, потому как никто не застрахован от несчастного случая									Σ=
	Хочу заменить родившимся ребенком утраченного близкого человека (умершего, бросившего);									
	Теперь, когда есть ребенок, родители вынуждены смириться с браком									
	Хочу показать родителям, что стала самостоятельной									
	Хочу родить «назло» партнеру (или кому-либо);									
Хочу родить только для себя										
Ребенок начало нового этапа в жизни, все плохое уже позади										
Другое										

Обработка результатов

После выполнения задания необходимо в каждом блоке подсчитать суммарное количество баллов и перенести результаты в таблицу. Необходимо отметить, что сухо следовать интерпретации не стоит, она не дает той полноты картины анализа, который содержится в самих утверждениях. Поэтому исследователю, решившему воспользоваться данной методикой, стоит чаще обращаться к самим ответам испытуемых, уточнять их и качественно интерпретировать.

I	В первом блоке сумма баллов не подсчитывается. Данный блок анализируется по утверждениям. Определяется и уточняется дополнительными вопросами: Настоящая беременность была запланированной или случайной? Беременность желанная или нет? Выясняется общее отношение к беременности, сомнения (если таковые имелись) по поводу сохранения беременности, дальнейшее планирование увеличения семьи.		
Блоки	Диапазон баллов		Количество вопросов в блоке
II	25–19	Высокий уровень субъективной тревожности по поводу материальных (финансовых) затруднений, вызванных появлением (ожиданием рождения) ребенка.	5
	18–12	Средний уровень субъективной тревожности по поводу материальных (финансовых) затруднений, вызванных появлением (ожиданием рождения) ребенка	
	11–5	Низкий уровень субъективной тревожности по поводу материальных (финансовых) затруднений, вызванных появлением (ожиданием рождения) ребенка	
III	50–37	Высокий уровень стремления быть матерью как результат психофизиологической готовности женщины к материнству (Конструктивные мотивы сохранения беременности)	10
	36–23	Средний уровень готовности к материнству и любви к детям	
	22–10	Низкий уровень готовности к материнству	
IV	40–30	Высокий уровень субъективного ощущения ограничение свободы. Эгоистические тенденции, некоторая неготовность жертвовать своим временем и развлечениями ради детей и семьи. Приоритет карьеры и учебы над семейными и материнскими ценностями.	8
	29–19	Средний уровень субъективного ощущения ограничение свободы.	
	18–8	Низкий уровень субъективного ощущения ограничение свободы. Готовность уделять достаточное количество времени семье и детям. Низкий приоритет карьеры и учебы над семейными и материнскими ценностями.	
V	40–30	Относится к неготивно-обвиняющему стилю переживания беременности, в пользу собственного здоровья. Мифы о вреде беременности на организм	8
	29–19	Средний уровень негативного отношения влияния беременности на здоровье	
	18–8	Низкий уровень неготивно-обвиняющего стиля переживания беременности	
VI	45–33	Очень низкая готовность к материнству и высокая степень тревожности, пессимистический настрой	9
	32–21	Существуют некоторые проблемы, касающиеся неготовности к материнству (анализируются, согласно каждого утверждения)	
	20–9	Небольшие проблемы, касающиеся неготовности к материнству (анализируются, согласно каждого утверждения)	
VII	50–37	Беременность как соответствие социальным ожиданиям. Сильная социальная направленность.	10
	36–23	Средний уровень социальной направленность. Мотивы сохранить беременность в целях соответствия социальным ожиданиям.	
	22–10	Стремление к индивидуальности и сохранение беременности не из-за социального одобрения.	
VIII	50–37	Высокое стремление матери иметь существо, которое воплотит нереализованные планы, мечты.	10
	36–23	Средняя степень желания реализоваться в будущем ребенке, воплотить собственные нереализованные планы, мечты.	
	22–10	Ребенок, не средство для реализации себя.	
IX	30–22	Беременность как способ сохранения отношений и удержания супруга в браке.	6
	21–14	Тенденция к сохранению отношений в семье, в том числе по средствам манипулирования беременностью и ребенком.	
	13–6	Низкое стремление к сохранению отношений в семье, по средствам манипулирования беременностью и ребенком.	
X	35–26	Высокий уровень страхов и компенсация их при помощи беременности (Необходима консультация психолога)	7
	25–16	Средний уровень страхов и возможная компенсация их при помощи беременности (Необходима консультация психолога)	
	15–7	Низкий уровень страхов и компенсации их при помощи беременности	

Вместе с методикой исследования мотивов сохранения беременности для установления корреляционных связей, предлагался методический комплекс по исследованию ценностных ориентаций: Тест М. Рокича (методика «Ценностные ориентации»); методика изучения внешних и внутренних ценностей личности (О.И. Мотков, Т.А. Огнева, 2008); Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С.С. Бубнова); экспресс-диагностика социальных ценностей личности (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов, 2002); проективная методика «Я и мой ребёнок» (Г.Г. Филиппова, 2002); «Тест отношений беременной» (Э.Г. Эйдемиллер, И.В. Добряков, И.М. Никольская, 2003); модифицированный восьмицветовой тест Люшера (Собчик). Использовались количественные и качественные методы статистического анализа, вычисление средних, стандартного отклонения, достоверность различий выявлялась с помощью непараметрического критерия Mann Whitney, а для выявления корреляционной связи признаков использовался непараметрический коэффициент корреляции Кендалла. Результаты исследования мотивов сохранения беременности и корреляционные связи блоков опросника с другими шкалами представлены в работах [5, 9], частично в [4, 6, 7, 8]. Мы создали модификации данного опросника для юношей и девушек, еще не имеющих детей, так как понимаем и настоятельно рекомендуем проводить диагностику на стадии планирования семьи, для профи-

лактики деструктивных мотивов сохранения беременности. Паспортная часть модифицированных опросников существенным образом изменена, носит как диагностический, так и информационный характер (о методах и способах планирования семьи). Мы считаем, что выявление истинных мотивов беременности (если девушка уже беременна) и ценностных ориентаций на родительство (юношей и девушек), еще не имеющих детей, поможет при необходимости провести своевременную психологическую коррекцию деструктивных мотивов беременности и гармонизировать отношения в семье ещё до рождения ребёнка.

Психологическая диагностика мотивов сохранения беременности остается актуальным и перспективным направлением исследования в перинатальной психологии. Выяснение истинных причин, мотивов и обстоятельств, побудивших женщину к сохранению данной беременности, помогут объяснить и понять отношения в семье, складывающиеся в связи с беременностью и рождением ребенка; помогут выявить страхи и неудовлетворенные потребности женщины. Остаются перспективным направлением изучение механизмов и факторов, влияющих на перестройку мотивационной системы бушующих родителей, а так же задачи разработки психокоррекционных программ по трансформации мотивов сохранения беременности из категории «деструктивных» и «не осознанных» в категорию «конструктивных» и «осознанных».

Литература:

1. Балабанов С.С., Наук Б., СаралиеваЗ.Х.-М. Типология мотивов иметь или не иметь детей «Социологические исследования», 2009, № 3, с. 129–136.
2. Добряков И.В. Перинатальная психология // Добряков И.В. — СПб: Питер, 2010—272 с.
3. Красильникова, Е.Д. Проблема исследования мотивов зачатия и сохранения беременности / Е.Д. Красильникова // Вестник Тверского государственного университета. — 2009. — N 5 (Педагогика и психология). — С. 145–150.
4. Рабовалюк Л.Н. Взаимосвязь ценностных ориентаций беременных женщин с группами риска ПКГД//Сборник докладов 59-й международной молодежной научно-технической конференции «МОЛОДЕЖЬ-НАУКА-ИННОВАЦИИ», 21–23 марта 2012 г. в 2 Т. — Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2012. — Т. 2. — 262 с. с 219–222. [электронный доступ] <http://www.msun.ru/sci/nirks/conf/conf2011/tom2.pdf>.
5. Рабовалюк Л.Н. Гендерные различия ценности ребенка в структуре ценностных ориентаций студентов старших курсов мед. Университета // «Актуальные проблемы практической психологии», 26–27 апреля 2012 — г. Херсон: Херсонский государственный университет, 2012 г. (в печати)
6. Рабовалюк Л.Н. Особенности ценностных ориентаций повторнородящих женщин //Образование и саморазвитие. г. Казань «Центр инновационных технологий», №2 (30) 2012 г. с. 164–169.
7. Рабовалюк Л.Н. Структура ценностных ориентаций беременных женщин с разными группами типов психологического компонента гестационной доминанты [Текст]/ Л.Н. Рабовалюк// Молодой ученый. — 2012. — №1. Т.2. — с.177. С. 53–56.
8. Рабовалюк Л.Н. Ценностные ориентации беременных женщин с разными типами психологического компонента гестационной доминанты Современные исследования социальных проблем [электронный научный журнал] №1 (09), 2012 URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2012/1/rabovalyuk.pdf>.
9. Рабовалюк Л.Н., Кравцова Н.А. Мотивы сохранения беременности по данным наблюдения клинического психолога // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке 2012, №2 (18) 2012 г. (в печати)

Общая характеристика ценностей человека, их роль и место в структуре личности

Хлебодарова Ольга Борисовна, преподаватель, руководитель
 Центр социально-психологической помощи «Доверие»
 Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

На всех этапах становления и развития философии, психологии, одним из важных объектов исследований являлись ценности личности. Осознание и осмысление теоретического фундамента проблемы ценностей человеческого бытия в современном мире выводится на первый план научного познания.

В исследованиях XX века ценностные ориентации личности представляют собой своеобразный итог большинства передовых идей, различных школ психологии.

Несмотря на глубокое изучение и представленность работ в отечественной и зарубежной психологии, сегодня нет какой-то единой теории, дающей исчерпывающее представление о данной проблеме.

Вопросы о том, что считать ценностью занимали еще философов древности (Аристотель, Диоген Лаэртский, И. Кант и др.). Термин «ценность» активно употребляются представителями общественных наук с 60-х гг. В XIX в., а в первое десятилетие XX в. возникает теория ценности — аксиология, в рамках которой обозначился ряд различных философских школ.

Впервые вопрос о ценностях был поставлен Сократом, сделавшим его центральным пунктом своей философии и сформулированный им в виде вопроса о том, что есть благо. Благо есть реализованная ценность — полезность. Т.е. ценность и польза две стороны одной и той же медали.

В античной и средневековой философии вопрос о ценностях был непосредственно включён в структуру вопроса о бытии: полнота бытия понималась как абсолютная ценность для человека, выражавшая одновременно этические и эстетические идеалы. В концепции Платона Единое или Благо было тождественно Бытию, Добру и Красоте. Такой же онтологической и холистической трактовки относительно природы ценностей придерживается и вся платоническая ветвь философии, вплоть до Гегеля и Кроче [6].

Сложность определения сущности феномена «ценность» связана с его многозначностью, с его особенностями. В литературных источниках насчитывается более ста определений понятия «ценность», где предлагаются к рассмотрению различные подходы и стороны данной проблемы.

Этимология этого понятия происходит от прилагательного «ценный» и существительного «цена», далее от православной формы сѣпа, от которой в числе прочего произошли: древнерусское и старославянское цѣна «покаяние, возмещение, наказание», далее — греч. τίμη «совершаю покаяние», τιμή «оценка, почет, цена» [12].

В словарях русского языка дается ряд определений «ценности»:

Ценность — цена, стоимость, важное значение [14, 873].

Ценность — выраженная в деньгах стоимость чего-нибудь. Важность, значение. То, что имеет высокую стоимость, ценный предмет. Явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-нибудь отношении [22, с. 94].

Ценность (см. сокровище; см. стоимость): Сокровище — драгоценность, ценность. Стоимость — цена, ценность (ценностных знаков или бумаг) достоинство [1, с. 522].

Ценность — значение, представляемое извлечение предметом для удовлетворения той или другой потребности человека или обмена на другие предметы [9, с. 848].

Ценность — важность, значимость чего-либо. Предметы, явления важные для культуры, духовной жизни какого-либо народа, общества. Духовные ценности [20, с. 640].

Ценность — важность, значимость, польза, полезность чего-либо. Внешне ценность выступает как свойство предмета или явления. Однако значимость и полезность присущи им не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а являются субъективными оценками конкретных свойств, которые вовлечены в сферу общественного бытия человека, человек в них заинтересован или испытывает потребность [6].

Понятие «ценности» введено в социологию У.Л. Колбом и связано с именами американских социологов У. Томаса и Ф. Знанецкого. В целом в социологии ценностями считают элементы общественного осознания и культуры, выполняющие по отношению к личности нормативные функции.

В отечественной философии у истоков разработки понятия «ценность» стоял В.П. Тугаринов, делая акцент на способность вещей, явлений, идей выступать средством удовлетворения потребностей и интересов людей, служить общественному прогрессу и всестороннему развитию личности. «Ценности — это предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям... и определенной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также — идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала». Тугаринов В.П. раскрывает понятие «ценностное отношение»: «В подходе людей к окружающим их явлениям природы и общественной жизни следует различать две непрерывно связанные стороны: теоретическую и практическую, изучение явления, как оно существует само по себе и практическое к нему отношение. В первом случае человек ставит перед собой вопрос: что представляет собой данное явление, как его объяснить, каковы его причины и основания. Во втором случае он спрашивает, как отнестись к этому явлению, как его (в конечном счете)

использовать, если оно полезно, или устранить, если оно вредно. Необходимым моментом перехода от теоретического к практическому отношению является ценностное отношение к предмету, отнесение его к ценностям или отказ ему в достоинстве ценности. Данный подход к пониманию ценности является наиболее распространенным.

Близкой к нему является точка зрения ученых, которые делают упор на значимость вещей, явлений, процессов, идей для жизнедеятельности социальных субъектов, их потребностей и интересов. Так В.А. Василенко пишет: «Ценность есть не что иное, как момент значения какого-нибудь явления, вещи, поступка, вообще сущего для жизнедеятельности определенного человека, класса, общества; роль этого сущего в их жизни». По поводу трактовки термина «значимости» большинство ученых считает, что ценности выражают положительную или отрицательную значимость предметов и явлений для жизнедеятельности субъекта (Брожик В., Василенко В.А., Дробницкий О.Г., Каган М.С., Ручка А.А. и др.).

Взяв во внимание субъективность отражения в сознании человека при оценке предметов, О.Г. Дробницкий отмечает: «...люди оценивают предметы как ценности, то есть создают себе представления об их достоинстве».

Ценности рассматриваются и в связи с возможностью реализации сущностных сил человека, нравственного совершенствования, личностного развития. А.И. Шемшурин считает, что ценность — «одно из ключевых нравственно-ориентированных понятий, воплощающих в себе совокупность общечеловеческих значимых нравственных категорий, выступающих в качестве эталонов должного».

Проблема ценностей рассматривается и в педагогической литературе. Вопросы воспитания ценностей обозначены в работах Л.Я. Гозмана, считавшего, что «ценностный аспект становится основой нравственной, экологической, политической и других компонентов культуры личности». Рассматривая пути формирования нравственного облика личности Л.Я. Гозман говорит о том, что право другого человека на собственную уникальность, на физическую и духовную самобытность, на другое мнение и собственные оценки, если это право осознается с детства каждым, становится ценностью, позволяющей развиваться и отдельным людям и обществу в целом.

Особое место в структуре личности каждого конкретного субъекта, в общей психологии, занимают ценности, являясь продуктом жизнедеятельности общества и социальных групп. Так, С.Л. Рубинштейн писал: «Наличие ценности есть выражение не безразличия человека по отношению к миру, возникающего из значимости различных сторон, аспектов мира для человека, для его жизни» [15].

Д.А. Леонтьев констатировал, что выступая автономными по отношению к потребностям (по психологическим законам, формированию и феноменологии) источниками смыслообразования, общественные отношения «подключают» индивидуальную жизнедеятельность к жизнедеятельности социума, «освещает жизненный смысл объектов и явлений действительности под углом зрения устойчивых

интересов развития социального целого, преломленных и осмысленных субъектов в качестве ценностных ориентиров его жизни, формулируются как идеал, модели должного, задающие спектр инвариантных предельных параметров желательных преобразований действительности [10].

Для ряда отечественных авторов характерно отнесение ценности к сфере должного, которое выступает в качестве нормы, цели, идеала, но в реальной жизни. «Суждение ценности» имеет теологический характер, т.е. указывает на состояние, определенное целью. Ценность не то, что есть, а то, что должно быть», считал О.М. Бакурадзе [3]. Близка к названной также позиция И.С. Барского, который отмечает, что «ценности — это главным образом идеалы общественной жизни, а на этой основе и личной деятельности» [18]; В.М. Розин понимает под ценностью самостоятельный по отношению к определенному субъекту инвариант оценочного опыта, объективированной в искусственных формах специфической предметности [19].

Ряд таких авторов, как Г.Я. Головных [7], И.С. Нарский [13], разграничили ценности-цели и ценности средства. Такой подход продуктивен при исследовании иерархии ценностей, определении критериев, но это деление весьма условно, так как одна и та же ценность может быть и целью, и средством, выступать и побудителем и критерием деятельности.

Мы говорим о различных описаниях ценностной ситуации в рамках общей теории ценностей, о углубленном изучении одной из сторон ценностной проблематики, каждый из таких подходов имеет право на свое существование и развитие. И будет ошибочным разделять существующие подходы на верные и неверные.

Значимость того или иного объекта, его сторон существует независимо от сознания человека, но до оценки, до осознания объекта субъект «не знает» о его ценности. Появление же способа, критерия оценки не создает ценность, но обнаруживает ее, то есть критерии оценки выполняют служебную роль и являются продуктом общественного развития.

В целом, процесс трансформации социальных ценностей в личностные осуществляется через момент практической включенности субъекта в социальные отношения, в специфическую «микросреду» — социальную группу, являющуюся «транслятором» ценностей общества» [2]. С одной стороны, она является опосредующим звеном включения субъекта в коллективную деятельность, в процесс усвоения и реализации ценностей конкретного общества, т.е. обеспечивает функции регуляции социального поведения личности в соответствии с ценностями и целями развития общества и функционирования социальных групп [5], Погосян Г.А. [17]. С другой стороны, она открывает для субъекта возможности социального развития (Донцов А.И. [2], Арутюнян Э.А. [2]).

Ценность как свойство предмета или явления присуща ему не от природы, не в силу внутренней структуры объекта, а потому, что он является носителем определенных отношений, будучи вовлеченным в сферу общественного

бытия человека. Однако же, данная предмету или явлению конкретным индивидом, она индивидуальна, а потому оценок одного и того же объекта может быть столько, сколько существует оценивающих субъектов. Реальной основой их разнообразия являются индивидуальные особенности оценивающего субъекта, специфика его потребностей и интересов. В то же время оценка является отражением объективной реальности. На этой основе повторяющиеся оценки создают нормы и принципы какого-либо социокультурного образования (групп, общества в целом), которые представляют собой устойчивые оценки в их воздействии на поведение человека. Они имеют огромный «личностный смысл» для субъекта [11].

Проблема личностных смыслов их образования и взаимодействия между собой является наиболее интересной в психологии, привлекающая внимание авторов самых различных школ и направлений.

Обращаясь к смыслообразующим структурам более высокого иерархического ранга — личностным ценностям, В.В. Столин [21] включает эмоционально-ценностные отношения в план самосознания личности. Смысловые образования существуют не только в осознании, но часто и в неосознаваемой форме, образуют, по выражению Л.С. Выготского, «утаенный» план сознания. Уяснение человеком смысла того или иного отношения к миру не дается ему прямо и автоматически, а требует сложной и специфической внутренней деятельности, оценивания своей жизни, решения особой «задачи на смысл», возникающей только на известной степени развития сознания [11].

Если А.Н. Леонтьев в своей теории использует понятие «личностный смысл» как сходное понятие «установка» Д.Н. Узнадзе [23] или «диспозиция» В.А. Ядова [24], то Л.И. Божович [4] выдвинула положение о том, что системообразующим признаком структуры личности выступает «внутренняя позиция личности», иначе ее направленность, являющаяся главным образом эмоциональным феноменом. Б.Д. Парыгин разработал концепцию умонастроения, объединив в общую категорию сознательные и эмоциональные компоненты целостной направленности личности [16].

В зарубежной психологии существует большое количество работ, посвященных ценностям, где изучается их иерархия.

«Многочисленные дефиниции базовых ценностей складываются в две основные парадигмы. Речь идет либо о достаточно абстрактно выраженных концепциях того, что наиболее желательно, эмоционально привлекательно, способно описать идеальное состояние бытия людей («свобода», «безопасность», «достаток». «смысл жизни»), либо о столь же глубоко эмоционально предпочитаемом модусе поведения или действий («честный», «логичный», «аккуратный»)» [25]. В первую группу отнесены ценности — цели, те ради чего человек живет (терминальные ценности); во вторую, ценности — средства, с помощью чего он живет (инструментальные ценности). Приоритетными являются терминальные ценности, так как они выражают долговременную жизненную перспективу, определяют смысл жизни личности.

Подводя итог общей характеристики ценностей человека и их место в структуре личности мы можем отметить, что ценности — важнейший элемент внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и ограничивающие значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного. Совокупность сложившихся ценностей образует своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности преобладание определенного типа поведения деятельности, выраженную в направленность потребностей и интересов. Исходя из этого, ценности выступают доминирующим фактором, регулирующим и детерминирующим мотивацию личности.

Таким образом, ценности представляют собой особые психологические образования, имеющие иерархическую систему и существующие в структуре личности только в качестве ее элементов. Невозможно представить себе ориентацию личности на ту или иную ценность как некое изолированное образование, не учитывающее ее приоритетность, субъективную важность, относительно других ценностей, то есть не включенное в систему.

Классификация ценностей (традиционная)

За традиционной классификацией ценности разделяют на

— материальные (ценности, которые существуют в форме вещей — одежда, продукты питания, техника, храм, картина)

— духовные — моральные, религиозные, художественные, политические и др.

При этом материальными ценностями (их иногда называют благами) считают экономические, технические и приветственные (состояние здоровья, экологии) ценности, которые удовлетворяют телесное бытие человека, а духовными — религиозные (святость), моральные (добро), эстетичные (прекрасное), правовые (справедливость), философские (истина), политические (благо общества) ценности, которые делают бытие человека

людским, гарантируют ее существования как духовного существа.

Но кроме ценностей, которые удовлетворяют материальные и духовные нужды, выделяют психические и социальные ценности, которые удовлетворяют соответствующие нужды. Так, переживание радости, счастье, душевного комфорта, к которым человек хочет и которые ценит, не принадлежат ни к духовной, ни к материальной сферам. Они являются душевными, а не духовными, ценностями. Социальные нужды также удовлетворяются определенными ценностями — такими, как социальная защищенность, занятость, гражданское общество, государство, церковь, профсоюз, партия и т.п. Их также нельзя однозначно квалифицировать как материальные или духовные ценности.

Литература:

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов. Под ред. Л.А. Чешко. Изд. 4-е, репродуцированное. М., «Русский язык», 1975 г. 600 стр.
2. Арутюнян Э.А. Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности. Ереван, 1979. — с. 32.
3. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990. — 367 с.
4. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 352 с.
5. Буева Л.П. Человек как высшая ценность и главное богатство общества // Человек в системе наук. М., 1989. — С. 493—502.
6. Википедия. Свободная энциклопедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Аксиология>
7. Головных Г.Я. Ценностные ориентации и перестройка общественного сознания // Философские науки 1989. — №6. — С. 85—89.
8. Донцов А.И. О ценностных отношениях личности // Советская педагогика. 1974. — № 5. — С. 67—76.
9. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с. — ил. ISBN 978-5-699-22013-7
10. Краткая философская энциклопедия. М.: Издат. Группа «Прогресс» — «Энциклопедия», 1994. — 576 с.
11. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности. // Вестник моек, унта. Сер. 14. Психология, 1996. — № 4. — с. 35—44.
12. Макс Фасмер Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Worterbuch / перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. — 2-е, стереотипное. — М.: Прогресс, 1986. — Т. 1—4. — 50000 экз. <http://ru.wiktionary.org/wiki/ценность>
13. Нарский И.С. Западно-европейская философия XIX века. М.: 1976. — 527 с.
14. Ожегов С.И. и Шведов Н.Ю. толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова — 4-е изд., дополненное. — М.: «А ТЕМП», 2004. — 944 стр. ISBN 5-9900358-1-0
15. Основы общей психологии / С.Л.Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2003. — 713 с. : ил. — (Серия «Мастера психологии») ISBN 5-314-00016-4
16. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. Проблемы методологии, истории и теории. СПб., ИГУП, 1999. — С. 165, 592.
17. Психологические аспекты смысла жизни и акме. // Вопросы психологии. — 2000. № 4 — С. 136—140.
18. Психология. Словарь./ Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
19. Розин В.М. Психология судьбы: Программирование или творчество // Вопросы психологии. 1992. — №1.
20. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1985—1988. Т.4. С-Я. 1988. 800 с.
21. Столин В.В., Сараева Н.В., Неверова И.А. Эмоционально-ценностное отношение к себе и другому, локус контроля и мотивация. // В кн.: Личность в системе коллективных отношений. М., 1980. — с. 205—226.
22. Толковый словарь русского языка: в 4 т./Сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин и др.; Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Русские словари, 1994, стр. 1214.

23. Узнадзе Д.Н. Теория установки. Под редакцией Ш.А. Надирашвили и В.К. Цаава. — М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 448 с. ISBN 5—89395—023—2
24. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975. — С. 89—106.
25. Ярошевский М.Г., Анцыферова Л.И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М.: Педагогика, 1974. — 304 с.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 6 (41) / 2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М.Н.

Иванова Ю.В.

Лактионов К.С.

Комогорцев М.Г.

Ахметова В.В.

Брезгин В.С.

Котляров А.В.

Яхина А.С.

Ответственный редактор:

Шульга О. А.

Художник:

Шишков Е. А.

Верстка:

Бурьянов П.Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6